

В.И. СТАРЦЕВ

КРАХ
КЕРЕНЩИНЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

В. И. СТАРЦЕВ

КРАХ КЕРЕНЩИНЫ

Под редакцией
О. И. ЗЛАМЕНСКОГО

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1982

В книге характеризуется внутренняя политика буржуазного Временного правительства последних двух месяцев его существования, когда глава правительства А. Ф. Керенский, проводя политику лавирования между пролетариатом и буржуазией, пытался удержать власть в руках крупной буржуазии и помещиков, вести курс на продолжение империалистической войны и подавление революции в России. Разгром корниловщины и большевизация Советов выбили у правительства Керенского последнюю почву из-под ног. Его судьбу окончательно решило победоносное восстание рабочих и солдат в Петрограде 24—25 октября 1917 г.

Издание рассчитано на историков.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга завершает цикл исследований автора, посвященных истории вопроса о власти и его разрешении в период восьми месяцев, отделяющих падение царизма от вооруженного свержения Временного правительства.¹ В данной работе рассказывается о последних двух месяцах того своеобразного периода русской государственной и общественной жизни, который получил у современников название «керенщины» по имени незадачливого премьера российского Временного правительства, пытавшегося утвердить в интересах буржуазии свой режим личной власти на балансировании между силами революции и контрреволюции. В историко-партийной историографии мы обычно называем это время периодом подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. И именно с этой точки зрения он наиболее изучен. Достаточно указать на многие коллективные и индивидуальные труды, посвященные этой теме.² Имеются также значительные исследования по вопросам, связанным с историей июльского политического кризиса и разгрома корниловского мятежа³ либо охватывающим прежде всего область внешней и экономической политики Временного правительства.⁴

¹ К настоящему времени опубликованы: Старцев В. И. 1) Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте—апреле 1917 г. М., 1978; 2) Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980.

² История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967, т. 3, кн. 1; Минц И. И. История Великого Октября. М., 1968, т. 2; Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967, кн. 2; Ерыкалов Е. Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966; Соловьев А. М. 1) В преддверии Октября (подготовка победы вооруженного восстания). М., 1973; 2) На путях к Октябрю. Проблемы мирной и вооруженной борьбы за власть Советов. М., 1977; Грунт А. Я. Москва. 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976; Революционный Петроград, год 1917. Л., 1977, и др.

³ Знаменский О. Н. Июльский кризис 1917 года. Л., 1964; Иванов Н. Я. 1) Корниловщина и ее разгром. Из истории борьбы с контрреволюцией в 1917 г. Л., 1965; 2) Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977.

⁴ Рубинштейн Н. Л. Внешняя политика Временного правительства. М., 1946; Васюков В. С. Внешняя политика Временного прав-

Не ограничиваясь этой общей констатацией, хотелось бы отметить вклад ряда историков в постановку проблемы и разработку отдельных ее частей. Так, академик И. И. Минц во втором томе своего капитального труда «История Великого Октября» посвятил положению в правящем лагере в августе—октябре 1917 г. 14-ю и 15-ю главы.⁵ Для его концепции характерно подчеркивание сходства корниловщины и керенщины. Он утверждает, что «Временное правительство, в составе которого были кадеты, также знало о заговоре Корнилова; некоторые его члены принимали прямое участие в подготовке переворота».⁶ И. И. Минц акцентирует внимание на личном характере расхождений между Керенским и Корниловым, поддерживает мнение некоторых историков о подготовке в сентябре—октябре непосредственно Временным правительством «второго корниловского заговора». Вместе с тем И. И. Минц подчеркивает, что В. И. Ленин этим термином характеризовал собирательно всю полеттику «корниловцев второго призыва».⁷ Все же включение в число этих «корниловцев» и лидеров соглашательских партий нам представляется спорным. Ленин ограничивался здесь кадетами, командными верхами армии, к которым присоединял и лично Керенского.⁸

Подчеркнутые особенности взглядов И. И. Минца на кризис правящих кругов накануне Октябрьского вооруженного восстания в значительной степени базируются на обстоятельной разработке проблем борьбы с буржуазной контрреволюцией в 1917 г., предпринятой ленинградским историком Н. Я. Ивановым. Свою первую монографию по данной проблеме он опубликовал еще в 1965 г. Второе, дополненное, издание этой книги вышло в свет в 1977 г.⁹ В обеих монографиях имеются специальные главы, посвященные краху «второй корниловщины». Внешнеполитический аспект проблемы исследован с большой полнотой в книге А. В. Игнатьева «Внешняя политика Временного правительства».¹⁰ Приводимые им сведения дополняют указания И. И. Минца и Н. Я. Иванова о тесной связи империалистов Антанты с планами удушения революции, разрабатывавшимися последним правительством Керенского.

Весьма близки к взглядам И. И. Минца и Н. Я. Иванова и мысли, высказанные по поводу внутриполитического положения

тельства. М., 1966; Игнатьев А. В. Внешняя политика Временного правительства. М., 1974; Волобуев П. В. 1) Экономическая политика Временного правительства. М., 1962; 2) Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М., 1964.

⁵ Минц И. И. История Великого Октября, т. 2.

⁶ Там же, с. 731.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 406.

⁸ Там же, с. 404.

⁹ См.: Иванов Н. Я. 1) Корниловщина и ее разгром. Из истории борьбы с контрреволюцией в 1917 г. Л., 1965; 2) Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977.

¹⁰ См.: Игнатьев А. В. Указ. соч.

в России и кризиса верхов осенью 1917 г. Е. Ф. Ерыкаловым в его монографии, посвященной Октябрьскому вооруженному восстанию в Петрограде.¹¹

Интенсивно разрабатываются проблемы кризиса верхов накануне Великого Октября коллективными усилиями советских историков на научных симпозиумах и конференциях. Отметим в связи с этим труды, вышедшие по материалам всесоюзной научной сессии, посвященной 45-летию Октябрьского вооруженного восстания, конференции о революционной работе в армии в 1917 г. (февраль 1977 г., Таллин), научного симпозиума, посвященного 60-летию Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде (май 1977 г., Ленинград).¹²

Несмотря на то что в целом советской исторической наукой сделано уже немало для изучения внутренней и внешней политики керенщины (это видно уже из краткого перечисления наиболее значительных работ), сама по себе эта политика еще не была предметом самостоятельного исследования. Поэтому именно в разработке позитивной истории сентября—октября 1917 г., в частности истории положения в правительственном лагере и его внутренней политики, мы видим свою главную задачу. Это заставляет нас ограничиться вышеуказанными краткими историографическими замечаниями.

Методологической основой настоящего исследования являются труды В. И. Ленина, решения VI съезда РСДРП(б), второй и третьей петроградских общегородских конференций большевиков, решения ЦК и ПК большевиков. Книжки, брошюры, статьи и письма В. И. Ленина, написанные в период с 5 июля по 25 октября 1917 г.,¹³ являются в то же время важнейшим источником по изучаемой проблеме. Именно В. И. Ленин, подметив, что после июльских дней Керенский занял место в лагере контрреволюции наряду с реакционным генералитетом, показал суть керенщины как попытки перехода к бонапартизму на русской почве, раскрыл диалектику взаимоотношений русской контрреволюционной буржуазии, Временного правительства и эсеро-меньшевистских соглашательских вождей в сложный для революции период июля и августа 1917 г.¹⁴ В таких ленинских работах, как «Поли-

¹¹ Ерыкалов Е. Ф. Указ соч.

¹² См.: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Матер. Всесоюз. науч. сессии 13—16 ноября 1962 г. в Ленинграде. М., 1964; Революционное движение в русской армии в 1917 году. Сборник статей. М., 1981; Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Сборник статей. М., 1980; Славин Н. Ф. 1) Из истории кризиса верхов накануне Октябрьской революции. — История СССР, 1964, № 6; 2) Сентябрьский кризис и образование Временного Совета республики. — Исторические записки. М., 1957, т. 61; Озобовишии Д. В. Буржуазная диктатура в поисках парламентского прикрытия. — Исторические записки. М., 1974, т. 93.

¹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32—34.

¹⁴ См.: там же, т. 34, с. 1—5, 10—17, 33—69, 73—78, 86—89, 119—121.

тическое положение», «К лозунгам», «О конституционных иллюзиях», «Начало бонапартизма», «Уроки революции», «Слухи о заговоре», «Письмо в связи с изданием „Листка по поводу взятия Риги“», «В Центральный Комитет РСДРП», второе коалиционное правительство Керенского уже называется в качестве главного противника, против которого будет направлена вооруженная борьба российского пролетариата.¹⁵

Чрезвычайно важны и ленинские указания относительно подлинных целей А. Ф. Керенского в его конфликте с верховным главнокомандующим Л. Г. Корниловым: Керенский — корпильцев, рассорившийся с Корниловым случайно. Ленинская характеристика показывает нам, что керенщина — это та же, но лишь более уточненная политика российской империалистической буржуазии, что и корпильщина, преследовавшая те же цели. С момента выступления генерала Корнилова против революции начался третий, самый длительный кризис Временного правительства, закончившийся только 25 сентября созданием третьего, последнего, коалиционного правительства Керенского.

Ленинские работы «О компромиссах», «Проект резолюции о современном политическом моменте», «Один из коренных вопросов революции», «Русская революция и гражданская война. Пугают гражданской войной», «Задачи революции»¹⁶ помогают разобраться в чрезвычайно сложной политической обстановке первой половины сентября 1917 г., когда на время возникла редкая возможность мирного устранения буржуазного Временного правительства от власти и мирного взятия власти в руки Советов. Эта возможность оказалась неиспользованной из-за нового предательства меньшевиков и эсеров, отказавшихся от испытанного в дни корпильщины союза с большевиками в пользу нового союза с буржуазией и восстановления коалиции. В. И. Ленин в своих статьях и письмах, написанных в сентябре, — «Большевики должны взять власть», «Марксизм и восстание», «О героях подлога и об ошибках большевиков», «Из дневника публициста. Ошибки нашей партии», «Письмо председателю областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии И. Т. Смилге»¹⁷ — бичует «героев подлога», меньшевикско-эсеровских соглашателей, как друзей бонапартиста Керенского, разоблачает демагогический трюк соглашателей и Керенского — создание «предпарламента» — и добивается решения ЦК РСДРП(б) о выходе из него, показывает антинародный характер внутренней и внешней политики буржуазной власти. В «Письме членам ЦК», написанном вечером 24 октября 1917 г., содержится характеристика правительства Керенского как «корпильского», готовящего второй корпильский заговор против народа, и настоятельное требование

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 133—139, 144—150, 200—207, 214—238.

¹⁷ Там же, с. 239—268.

большевиков: «...ни в каком случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью».¹⁸

Среди источников, использованных в книге, необходимо назвать документальные материалы самого Временного правительства, хранящиеся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР. В частности, привлечено довольно значительное количество черновых протоколов секретных заседаний Временного правительства, записи совещаний по вопросу о создании третьей коалиции.

Анализ внутренней политики керенщины был бы невозможен без изучения законодательных источников и других официальных материалов, опубликованных в «Вестнике Временного правительства», без привлечения мемуаров буржуазных и мелкобуржуазных деятелей. Широко использована пресса 1917 г., а также отчеты о заседаниях Временного Совета Российской республики («предпарламента»), Государственного и Демократического совещаний.

Автор благодарит официальных рецензентов — докторов исторических наук профессоров Х. М. Астрахана и Г. Л. Соболева — за их ценные замечания, которые были учтены при доработке рукописи и подготовке ее к печати.

Книга начинается непосредственно с событий 26 августа 1917 г., когда тогдашний верховный главнокомандующий русской армией генерал Л. Г. Корнилов закончил приготовления к своему выступлению против революции, намереваясь осуществить план удушения революционного Петрограда и государственный переворот.

Рамки книги не позволяли автору осветить здесь все обстоятельства подготовки корниловского заговора. Поэтому мы отсылаем читателя к имеющейся литературе по этому вопросу.¹⁹ Хотелось бы только напомнить о выдающемся значении разгрома корниловщины в истории революционных событий 1917 г. Как известно, после июльских дней Керенский, ставший главой Вре-

¹⁸ Там же, с. 435—436.

¹⁹ См.: Мартынов Е. И. Корнилов (попытка военного переворота). М., 1927; Иванов П. Я. 1) Корниловщина и ее разгром. Из истории борьбы с контрреволюцией в 1917 г. Л., 1965; 2) Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977; Токарев Ю. С. Разгром корниловского мятежа. — В кн.: Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967, кн. 2, с. 91—170; Капустин М. И. Заговор генералов. (Из истории корниловщины и ее разгрома). М., 1968; Знаменский О. Н. Подавление корниловского мятежа. Революционная мобилизация масс. — В кн.: Революционный Петроград. Год 1917. Л., 1977, с. 248—285; Кузьмина Т. Ф. Революционное движение солдатских масс Центра России накануне Октября. По материалам Московского военного округа. М., 1978.

менного правительства, повел широкое наступление на права революционных рабочих, солдат и крестьян. Однако крупная буржуазия и ее политические приказчики из партии кадетов считали, что это наступление ведется слишком медленно, и сделали ставку на военную диктатуру. В качестве диктатора и был выдвинут Л. Г. Корнилов, назначенный в середине июля Временным правительством верховным главнокомандующим. С ним Керенский с самого начала вступил в скрытый конфликт, увидев, очевидно, в главнокомандующем нового претендента в борьбе за власть. Но интересы буржуазии, которые по-своему защищал и Керенский, требовали от него сохранения единства с Корниловым ради борьбы с революционным движением и большевиками. Сохранению этого единства активно способствовали управляющий Военным министерством правый эсер Б. В. Савинков и комиссар Временного правительства при Ставке М. М. Филопенко. Однако сам Корнилов, подхлестываемый политической поддержкой крупных русских капиталистов и правобуржуазных деятелей, его окружение, состоявшее из людей авантюристического толка, стали интенсивно готовиться к смещению Керенского. Еще в начале августа разрабатывались программные манифесты новой диктаторской власти, снаряжались войска для похода на Петроград. После Государственного совещания начал даже обсуждаться (конечно, тайно) и состав правительства Корнилова. Кадеты были в сущности обойдены: в предполагаемом корниловском правительстве их представительство было крайне ограничено. Расчеты лидера кадетской партии П. Н. Милюкова на упрочение влияния партии кадетов в правительстве после устранения Керенского были сильно преувеличены. Никакой организационной связи, кроме эпизодических бесед с Корниловым и Калединым во время Московского совещания, кадетами установлено не было. Но, разумеется, руководящее ядро кадетской партии во главе с Милюковым полностью поддерживало политические цели Корнилова и его программу удушения революции. Однако Милюков считал, что это наступление может удасться только при союзе умеренного и правого крыла мелкобуржуазных партий, а значит, и Керенского, и правых буржуазных сил. Поэтому он прилагал максимум усилий для примирения Керенского и Корнилова. Но он не учел личного момента: маниакальной привязанности к полученной власти у Керенского и жажды власти у Корнилова и его камарильи. Корниловцы же смертельно напугали Керенского, и тот мог спастись и остаться у власти только ценою отсечения Корнилова от «живых сил страны».

Вспомним, что В. И. Ленин, тщательно взвешивая перспективы развития политических событий, ставя себя на место политического противника, также исходил из идеи полного тождества интересов Корнилова и Каледина, с одной стороны, и Керенского — с другой. Отправляясь от политических уроков польских событий, В. И. Ленин писал: «Власть перешла в решающем ме-

сте на фронте и затем в армии в руки *Калединых*. Это факт. Самые активные из враждебных им войск разоружены. Что Каледины не пользуются властью сразу для установления полной диктатуры, это несколько не опровергает того, что власть у них. Разве царь после декабря 1905 года не имел власти? И разве обстоятельства не заставили его так осторожно пользоваться властью, что он созвал две Думы, прежде чем взять *всю власть*, т. е. прежде чем совершить государственный переворот?

О власти надо судить по делам, а не по словам. Дела правительства с 5-го июля доказывают, что власть у Калединых, которые медленно, но *неуклонно* продвигаются все дальше, получая ежедневно „уступки“ и „уступочки“: сегодня безнаказанность юнкеров, громящих „Правду“, убивающих правдивых, арестующих произвольно, завтра закон о закрытии газет, также закон о распусчении собраний и съездов, о высылке без суда за границу, о тюрьме за оскорбление „дружественных послов“, о каторге за посягательство на правительство, о введении смертной казни на фронте и так далее и *так далее*.

Каледины не дураки. Зачем идти обязательно нахрапом, напролом, рискуя потерпеть неудачу, когда они *ежедневно* получают по частям именно то, что им нужно? А дурачки Скобелевы и Церетели, Черновы и Авксепьевы, Дапы и Либеры кричат: „торжество демократии! победа!“ при каждом шаге Калединых вперед, усматривая „победу“ в том, что Каледины, Корниловы и Керенские не глотают их сразу!!».²⁰

Корнилов же полез нахрапом, а Керенский публично отказался от конкурента, покушавшегося на его личную власть. И этот шаг Корнилова вызвал независимо от его желания и от желания Керенского могучее движение масс, которое свело на нет посленюльское соотношение сил, отбросило от авансцены политической жизни кадетскую партию и вывело вперед большевиков, уверенно реализовавших его в интересах пролетариата и беднейшего крестьянства. Ссора Керенского и Корнилова обнажила флаг Временного правительства с правой стороны, лишила Керенского даже слабой поддержки контрреволюционного офицерства и казачества, внесла дальнейший разброд в армию, окончательно подорвав ее боеспособность и власть командного состава. Падение Корнилова предредило и падение Керенского. Дело было только во времени.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 128.

1. ТРЕТИЙ КРИЗИС ВЛАСТИ 1917 ГОДА

РАЗГРОМ КОРНИЛОВЩИНЫ И РАЗВАЛ ВТОРОЙ КОАЛИЦИИ

Верховный главнокомандующий генерал Л. Г. Корнилов в полной уверенности за свой успех завершал подготовку к отправке III конного корпуса к Петрограду. 26 августа он послал управляющему Военным министерством Б. В. Савишкову условленную телеграмму: «Корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда к вечеру двадцать восьмого августа. Я прошу объявить Петроград на военном положении двадцать девятого августа. Генерал Корнилов».¹ В то же время начальник штаба верховного главнокомандующего генерал-лейтенант А. С. Лукомский по приказанию Корнилова распорядился Кавказскую туземную и 1-ю Донскую дивизии погрузить «завтра, 27 августа» и направить первую в Царское Село, вторую — в Гатчину. Генерал-квартирмейстер Ставки генерал-майор И. П. Романовский отдал приказ об отправке Уссурийской дивизии с утра 27 августа в Красное Село.

А в Петрограде в начале восьмого в Зимний дворец к А. Ф. Керенскому был пропущен только что прибывший В. Н. Львов, в прошлом обер-прокурор Синода в первом Временном правительстве, которого министр-председатель ожидал с нетерпением все эти дни. Львов «тоже с глазу на глаз», как рассказывал об этом Керенский всего через сутки, передавал ему следующие ультимативные требования от имени верховного главнокомандующего генерала Корнилова: «1) передать всю власть, военную и гражданскую, в руки верховного главнокомандующего и 2) отставка всех нынешних министров, не исключая и министра-председателя, и передача временного управления министерствами товарищам министров впредь до образования кабинета верховным главнокомандующим». При этом Львов, как утверждал Керенский, передал ему требования генерала Корнилова изложить эти условия Временному правительству «во вчерашнем же

¹ Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. Документы и материалы. М., 1959, с. 439.

заседании и этой же ночью, на сегодня, с управляющим Военным министерством Савинковым выехать в Ставку».²

Выслушав Львова, Керенский сначала сделал вид, что не поверил ему: или подшутили над Львовым, или шутил сам Львов — как такое можно воспринять всерьез? Предложения Львова расходились с успокоительной информацией только что вернувшегося из Ставки Савинкова. На самом деле Савинкова просто обманули в Могилеве, и Львову стоило большого труда разъяснить Керенскому, что он виделся с Корниловым уже после Савинкова и что это — «последнее слово» главноверха. Как только эта мысль дошла до сознания Керенского, он мгновенно понял, что судьба дает ему в руки прекрасный разоблачительный материал против Корнилова.

Прикинувшись сраженным доводами Львова, Керенский сказал, что он уйдет, так как уже давно собирался на покой. Но как он передаст все это Временному правительству? Ведь ему никто не поверит. И Керенский просит Львова написать на бумаге суть требований генерала Корнилова. «Голова уже работала, — рассказывал сам Керенский в «Деле Корнилова», — ни минуты не было колебаний, как действовать. Я не столько сознавал, сколько чувствовал всю исключительную серьезность положения... Как только он стал писать, исчезли у меня последние сомнения. Все предыдущее — деятельность разных союзов, хлопоты вокруг Московского совещания, печать, донесения о заговорах, поведение отдельных политических деятелей, ультимативная кампания Ставки, посещение князя Г. Е. Львова Аладьиным, недавняя телеграмма Корнилова, поддерживающая железнодорожников в их невероятных требованиях, настаивание на передаче Ставке петербургских войск — все, все осветилось ярким светом, слилось в одну такую цельную картину. Двойная игра сделалась очевидной. Конечно, тогда я бы не мог все доказать по пунктам, но сознавал я все это с поразительной ясностью. Мгновения, пока Львов писал, голова напряженно работала. Нужно было сейчас же установить формальную связь В. Львова с Корниловым, достаточную для того, чтобы Временное правительство этим же вечером могло принять решительные меры. Нужно было сейчас же „закрепить“ самого Львова, т. е. заставить его повторить весь разговор со мной в присутствии третьего лица. Я чувствовал, что нужно действовать так, а не иначе».³

Керенский здесь преувеличивает степень своей интуиции: вся картина сложилась у него уже давно. Сведения о заговоре Корнилова он имел из первых рук с самого начала августа. Одно было неясно: как победить Корнилова, с какой стороны подступиться к нему. Керенский даже начал колебаться после окончания Московского совещания и шел на явные уступки заговор-

² Там же.

³ Керенский А. Ф. Дело Корнилова. М., 1918, с. 106.

пикам. «Озарение» касалось лишь того, что пришла минута действий: сам Корнилов в неосторожности подставил голову и пужно было наиболее точно и расчетливо ударить по этой голове. Едва дождавшись в хождении из угла в угол своего кабинета, когда Львов кончит свою записку, Керенский буквально вырвал ее из рук Львова и положил себе в карман. Львов же, передавая документ, облегченно вздохнул, выразил удовлетворение по поводу того, что теперь все кончится мирно, так как в Ставке придавали большое значение мирной передаче власти из рук Временного правительства. Все же он спросил: «Так Вы поедете в Ставку?». Но Керенский уже сбросил маску, будучи не в силах ее более носить, и сказал: «Конечно, нет. Неужели Вы думаете, что я могу быть министром юстиции у Корнилова?». Львов неожиданно для Керенского обрадовался и сказал, что это правильно, так как Керенского все ненавидят в Ставке и там ему готовится ловушка.

Чтобы документально «закрепить» связь Львова и Корнилова, Керенский пригласил Львова к 8 часам вечера в Дом Военного министерства на Мойке, 67, где находился прямой провод со Ставкой. Но тот к назначенному сроку опоздал: «заболтался» с Ф. А. Головиным (членом ЦК кадетской партии, бывшим председателем II Государственной думы, а в тот момент председателем Художественно-исторической комиссии по приемке ценностей Зимнего дворца) и П. Н. Милюковым, которому рассказал о цели своей миссии сразу же по прибытии в Петроград, еще до посещения Керенского, и которому теперь, естественно, стала известна в подробностях и беседа Львова с министром-председателем. Таким образом, кадеты имели полнейшую информацию как о планах Корнилова, так и о позиции Керенского.⁴

Не дождавшись Львова, Керенский начал разговор по прямому проводу сам, ведя его от имени Львова и прося Корнилова подтвердить, что «Керенский может действовать согласно сведениям, переданным Владимиром Николаевичем». Корнилов несколько расплывчато ответил, что требуется «вполне определенное решение в самый короткий срок».

— Я — Владимир Николаевич, Вас спрашиваю, — настаивает Керенский-«Львов», не удовлетворенный разъяснением, — то определенное решение пужно исполнить, о котором Вы просили известить меня Александра Федоровича только совершенно лично? Без этого подтверждения лично от Вас Александр Федорович колеблется мне вполне доверить.

— Да, подтверждаю то, что я просил Вас передать Александру Федоровичу мою настойчивую просьбу приехать в Могилев.

— Я — Александр Федорович, понимаю Ваш ответ как подтверждение слов, переданных мне Владимиром Николаевичем. Се-

⁴ Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. Корнилов или Ленин? София, 1922, вып. 2, с. 205.

годня это сделать и выехать пельзя. Надеюсь выехать завтра. Нужен ли Савинков?

— Настоятельно прошу, чтобы Борис Викторович прибыл вместе с Вами. Сказанное мною Владимиру Николаевичу в одинаковой степени относится и к Борису Викторовичу. Очень прошу не откладывать Вашего выезда позже завтрашнего дня. Прошу верить, что только сознание ответственности момента заставляет меня так настойчиво просить Вас.

— Приезжать ли только в случае выступлений, о которых идут слухи, или во всяком случае?

— Во всяком случае.

— До свидания, скоро увидимся.

— До свидания.⁵

Теперь у Керенского было подтверждение самого Корнилова относительно того, что передал ему Львов. Правда, сам Корнилов подтверждал только требование приезда Керенского и Савинкова в Ставку, но у Керенского уже было письменное «разъяснение» Львова. Захватив ленту с записью разговора, Керенский в сопровождении В. В. Вырубова уже спускался с лестницы, когда появился Львов. Керенский пригласил того к себе в машину и повез в свой кабинет в Зимнем дворце. В дороге в присутствии Вырубова Керенский стал говорить о своем «решении» поехать в Ставку, а Львов горячо уговаривал его этого не делать.

В кабинете Керенского за ширмой в левом углу комнаты, где находился диван, был заранее спрятан работник Главного управления милиции С. А. Балавинский. Мягко, но настойчиво Керенский попросил Львова еще раз повторить суть предложений Корнилова. Львов подтвердил все написанное им в записке и сказал, что все это исходит непосредственно от главноверха. Тут-то Керенский и объявил Львову, что он арестован, и приказал Балавинскому взять его под стражу. Было это около 10 часов вечера 26 августа 1917 г.⁶

А в это же время этажом ниже, в Малахитовом зале Зимнего дворца, шло рабочее заседание Временного правительства. Керенский вызвал с него заместителя министра-председателя Н. В. Некрасова и коротко рассказал ему о возникшей ситуации, показав записку Львова и ленту своего разговора с Корниловым. Некрасов заключил о наличии серьезного и обдуманного выступления верховного главнокомандующего против Временного правительства, пообещав Керенскому свою полную поддержку. Затем Керенский вызвал с заседания Савинкова и в присутствии Балавинского и Вырубова также показал ему все документы и спросил его мнение. Савинков сказал, что правительство должно попытаться исчерпать конфликт мирным путем и без огласки,

⁵ Революционное движение в России..., с. 443.

⁶ Мартынов Е. И. Корнилов. Попытка военного переворота. Л., 1927, с. 99.

так как иначе последствия будут самые тяжелые. Савинков вызывался немедленно переговорить с Корниловым. Балавинский и Вырубов горячо поддержали такую попытку уладить конфликт. Но Керенский оборвал их, сказав, что налицо не конфликт, а преступление. Нужно не вести переговоры с мятежным генералом, а волей Временного правительства мирно заставить Корнилова подчиниться и вспомнить о своем долге. Все же Савинкову удалось добиться разрешения переговорить с комиссаром Временного правительства при Ставке М. М. Филопенко. Но из разговора с Филопенко выяснилось, что тот ничего о миссии В. Львова не знал. Савинков заверил, что и Керенский, и он сам приедут в Ставку к Корнилову.

Министр-председатель тем временем вызвал высших военных чинов Петроградского военного округа и попросил их мнения о возможных военных мерах в случае подхода корниловских войск к Петрограду. Военные полагали, что отпор корниловским войскам возможен. Только после этого Керенский созвал министров на экстренное заседание, которое продолжалось до 4 часов утра 27 августа.

Пока не обнаружен журнал или черновой протокол этого заседания, единственными источниками сведений о нем являются заявления бывших министров, сделанные сразу же после событий, показания их в Следственной комиссии по делу Корнилова и комментарии Керенского к своим показаниям, относящиеся к апрелю 1918 г. («Дело Корнилова»). Между тем материалы заседания являются крайне важными не столько для определения обстоятельств борьбы с корниловским мятежом, сколько для выяснения судьбы второго коалиционного правительства. Попробуем восстановить его ход.

А. С. Зарудный, министр юстиции, показывал 18 сентября 1917 г., что Керенский начал свой доклад с изложения миссии Львова, явившегося к нему «дня три» тому назад. Львов сделал предложение о преобразовании правительства «в смысле усиления его, Керенского, власти». Тот ответил согласием для того, чтобы обнаружить «соучастников» Львова. Затем Керенский рассказал о том, что состоявшемся втором посещении Львова и предложениях Корнилова. При этом было подчеркнуто, что председателем правительства будет сам Корнилов, Керенский — министром юстиции, а Савинков — военным; внешние же министры «должны немедленно выйти в отставку и сдать управление министерствами своим товарищам». Указывалось и на предстоящее якобы восстание большевиков, и на необходимый в связи с этим приезд Керенского и Савинкова в Ставку. Затем Керенский рассказал о своих переговорах с Корниловым по прямому проводу и зачитал текст этого разговора.

Далее Зарудный продолжал: «Доложив Временному правительству вышеизложенное, А. Ф. Керенский заявил, что он считает возможным бороться с поднятым Корниловым мятежом лишь

при условии предоставления Временным правительством ему единолично всей полноты власти, необходимой для борьбы с контрреволюцией, и что с целью передачи ему всей необходимой власти Временное правительство должно быть несколько преобразовано».⁷ Суть этого «преобразования» состояла в требовании Керенского всем выйти в отставку. Сам Керенский объяснял его позднее тем, что в правительстве уже были разногласия и что сохранить его единство в данной ситуации было бы абсолютно невозможно. «А теперь, — говорил Керенский, — при создавшейся обстановке, едва ли могли быть быстро приняты все нужные меры. Не было сплоченности и солидарности в правительстве. В особенности затрудняла популярность Кокоскина и Чернова. Это были элементы, которые едва ли могли действовать и даже быть вместе в этот час».⁸ При всей близости большинства министров второго коалиционного правительства даже их не могла не смутить похожесть требований генерала Корнилова и требований самого Керенского об отставке министров. И самый решительный из них, государственный контролер Ф. Ф. Кокоскин, бросил Керенскому в лицо обоснованный упрек в диктаторских замашках. «Я первым взял слово, — рассказывал Кокоскин 31 августа, — и заявил, что для меня не представляется возможным оставаться в составе Временного правительства при диктаторском характере власти его председателя. Если такой характер этой власти будет признан в данный момент необходимым, дальнейшее пребывание в составе правительства окажется, безусловно, для меня невозможным, тем более что на опыте последнего месяца я убедился, что, сходясь с министром-председателем в основной цели — спасении родины и свободы, я часто расхожусь с ним в вопросе о средствах для достижения этой цели... После меня заявили о своих отставках и другие министры, последним — В. М. Чернов. Министры из партии к.-д. заявили, что они в данный момент выходят в отставку, не предвещая вопроса о своем будущем участии во Временном правительстве. Министры-социалисты, заявляя о своей отставке, сказали, что предоставляют себя в полное распоряжение министра-председателя».⁹

Но и они не были единодушны. Если кадеты в сущности придали своей отставке характер политической демонстрации, то Зарудный вообще не видел в ней необходимости ни с юридической, ни с политической стороны. «Признавая необходимым предоставление А. Ф. Керенскому чрезвычайных полномочий для борьбы с контрреволюцией, — писал он позднее об этом моменте, — я в то же время не вижу никакой надобности подавать в отставку, которая совершенно не вытекает из факта поднятого Корни-

⁷ Революционное движение в России..., с. 444.

⁸ Керенский А. Ф. Указ. соч., с. 131.

⁹ Русские ведомости (Москва), 1917, 1 сент.

ловым мятежа».¹⁰ Однако и Зарудный не смог остаться на своей позиции: в конце заседания он заявил, что присоединяется к решению своих коллег и сам подает в отставку, хоть и остается при своем мнении.

По рассказу Некрасова, в руках у Керенского оказалось 14 прошений об отставках, частью мотивированных, частью лаконичных. «Принимая наши прошения, — вспоминал Некрасов, — Керенский заявил, что отставок он сейчас принять не может и что временно вопрос должен остаться на весу. Поэтому все министры должны пока остаться при исполнении своих служебных обязанностей. Это было принято членами кабинета без возражения, за исключением Ф. Ф. Кокошкина, который тут же категорически заявил, что отставку свою он считает окончательной».¹¹

Зарудный со своей стороны понимал дело так: раз Керенский унес с собой подписанные отставки, то, несмотря на его заявление о том, что он их не принимает, правительство в целом прекратило свою деятельность как коллегиальный орган, а Керенский получил испрашиваемые чрезвычайные полномочия и полную власть.

Кокошкин отмечал, что с ночи на 27 августа министры-кадеты в заседаниях Временного правительства перестали принимать всякое участие. Но и заседаний этих формально не было. Проходили лишь частные заседания отдельных министров, а все меры борьбы с Корниловым принимались единолично Керенским. Таким образом, опираясь на свидетельства Некрасова, Кокошкина и Зарудного, можно утверждать, что второе коалиционное Временное правительство прекратило свое существование в ночь на 27 августа. Это событие одновременно было и распадом коалиции с представителями партии кадетов, поскольку их лидер Кокошкин заявил о своей окончательной отставке, а министры-кадеты не принимали никакого участия в действиях правительства в последующие дни решительной борьбы с корниловским мятежом.

Обеспечив себе ближайший тыл покорностью министров и прочим союзом с ближайшим помощником Некрасовым, Керенский начал действовать на главном направлении. Ранним утром 27 августа он отправил следующую телеграмму: «Ставка. Генералу Корнилову. Приказываю Вам немедленно сдать должность генералу Лукомскому, которому, впредь до прибытия нового Верховного Главнокомандующего, вступить во временное исполнение обязанностей главноверха. Вам надлежит немедленно прибыть в Петроград».¹² Телеграмма не имела исходящего номера и содержала подпись: «Керенский».

В Ставке она вызвала впечатление разорвавшейся бомбы, так как после вечернего разговора с Керенским по прямому про-

¹⁰ Революционное движение в России..., с. 444.

¹¹ Русское слово (Москва), 1917, 31 авг.

¹² См.: Мартынов Е. И. Указ. соч., с. 101.

воду Корнилов считал, что Керенский прекратил борьбу и весь план разбивается как нельзя более успешно. Когда генералы Лукомский и Романовский прибыли к Корнилову с этой телеграммой в 8 часов 30 минут утра 27 августа, тот был потрясен, но решил не подчиниться и оставаться на своем посту до конца. Лукомский немедленно послал телеграмму с отставкой, в которой убеждал Керенского встать на сторону Корнилова. Лукомский между прочим указывал, что именно Савинков и Львов сделали предложения Корнилову по обеспечению порядка в стране, а не наоборот. Они лишь заставили «генерала Корнилова принять окончательное решение и, идя согласно с Вапим предложением, отдать окончательные распоряжения, отметить которые теперь уже поздно».¹³ Лукомский пугал взрывом в армии и гибелью России, которые последуют за отставкой Корнилова. Телеграмма Лукомского кончалась словами: «Жду срочных указаний» — и была подана из Могилева в час дня 27 августа 1917 г.

Одновременно, вступив на путь сепаратных действий, Лукомский по предложению Корнилова послал телеграмму главнокомандующим фронтами, в которой указывал на странность и противоречивость последней телеграммы Керенского, а также сообщал, что Корнилов должность не сдает, а он не принимает ее впредь до выяснения обстановки. Далее Лукомский пригласил к Корнилову Филоенко и они показали ему телеграмму Керенского. Филоенко высказал мнение, что телеграмма, может быть, не является подлинной, и вызвал к аппарату Савинкова. В ходе состоявшегося между ними разговора Савинков подтвердил подлинность телеграммы об отставке Корнилова, а также передал комиссару приказание Керенского выехать с первым же поездом в Петроград. В то же время, продолжая свою игру, Савинков сказал, что он и Керенский выезжают в Ставку. Филоенко объявил, что неточно переданное Львовым мнение Корнилова породило путаницу, способную породить гражданскую войну. В то же время, вернувшись к Корнилову, Филоенко, разводя руками, должен был подтвердить, что телеграмма подлиная. Просмотрев текст вчерашних переговоров по прямому проводу, Филоенко возмущился легкомыслием Корнилова и коварством Керенского, так как Керенский «не обозначил, что же он спрашивает, а генерал Корнилов не знал, на что, собственно говоря, отвечает».¹⁴

У Корнилова собрались Лукомский, Аладьин и Завойко.¹⁵ Во время обсуждения положения «обидевшиеся» заговорщики об-

¹³ Полный текст телеграммы Лукомского см.: Революционное движение в России..., с. 447—448.

¹⁴ Цит. по: Мартынов Е. И. Указ. соч., с. 103.

¹⁵ А. Ф. Аладьин — бывший член I Государственной думы, один из видных ораторов трудовой группы. С июля 1906 г. до лета 1917 г. проживал в эмиграции в Англии, выдавая там себя за эксперта и специалиста по русским делам, сотрудничал с английскими специальными службами; в России выдавал себя за полуофициального представителя Англии.

винули Керенского в провокации. Филоненко же считал случившееся недоразумением, которое должно быть выяснено. С этой целью он послал телеграмму Временному правительству и Савинкову, в которой пугал их «аварией» в армии, взрывом гражданской войны и неминуемым сепаратным мпром и восстанием самодержавия. «Победителей в этом междоусобии не будет, — вещал в своем обычном драматическом стиле Филоненко, — так как тот, кто бы им оказался завтра, будет рабом немцев. Только в последнюю минуту я настаиваю на необходимости приостановки отставки генерала Корнилова правительством. Необходимо также свидание Министра-председателя и генерала Корнилова. Только если это отсрочит гражданскую войну и гибель России на один день, беды нет. Полная безопасность приезда и отъезда министра гарантируется честным словом генерала Корнилова и Лукомского».¹⁶ Текст этот Филоненко передал Лукомскому, а сам стал готовиться к отъезду в Петроград по вызову Савинкова и Керенского. Но это вызвало протест всех заговорщиков, которые видели в Филоненко как никак представителя Временного правительства и в этот момент уже рассматривали его как заложника. Филоненко, почувствовав опасность, стал ссылаться на свои права «посланника правительства» и говорить о своем долге исполнить прямое указание власти. Тогда Корнилов заявил, что не выпустит Филоненко из Ставки ни на поезде, ни в автомобиле. Это означало его фактическое задержание и арест. Тут же в 14 часов 20 минут Корнилов лично написал телеграмму Савинкову: «Сообщаю, что мною приказано воспрепятствовать отъезду из Ставки штабс-капитана Филоненко, так как его отъезд вызвал бы чрезвычайное осложнение настроения».¹⁷

В Петрограде около часу дня отдельные министры-«социалисты» и те, кто был связан с Керенским личными узами, собрались в Зимнем дворце. День был ясный и тихий. Ни одно известие о корниловском мятеже еще не проникло в печать. Газеты печатали статьи, посвященные полугодовщине Февральской революции. Обыватель попрыгался, с тревогой ожидая «большевистских выступлений». Керенский, преодолев период раздумий, решил держаться до конца и был занят составлением текста извещения о выступлении Корнилова. После часа ему доложили о телеграмме Лукомского с отказом от принятия должности главноверха. Из телеграммы явствовало, что Корнилов и его сподвижники не только не отступили, но, наоборот, принимают новые решительные шаги, а войска, может быть, уже движутся к Петро-

В. С. Завойко — сын адмирала, гайсинский уездный предводитель дворянства, нефтепромышленник, журналист. В апреле 1917 г. в Петрограде познакомился с Корниловым, стал вольноопределяющимся и занял место ординарца Корнилова, сопровождая его в дальнейшем. Составитель и редактор корниловских воззваний и обращений, активный участник мятежа.

¹⁶ Цит. по: Мартынов Е. И. Указ. соч., с. 104.

¹⁷ Там же.

граду. Решив предложить должность верховного главнокомандующего генералу В. Н. Клембовскому, главнокомандующему армиями Северного фронта, Керенский взял с собой телеграмму Лукомского и отправился в Малахитовый зал.

В оглашенном им проекте указывалось, что Корнилов прислал к Керенскому Львова с предложением сдать всю гражданскую и военную власть Корнилову, который и составит новое правительство. Действительность полномочий Львова была подтверждена Корниловым в разговоре по прямому проводу с Керенским. Далее в извещении говорилось: «Усматривая в предъявлении этого требования, обращенного в моем лице к Временному правительству, желание некоторых кругов русского общества воспользоваться тяжелым положением государства для установления в стране государственного порядка, противоречащего завоеваниям революции, Временное правительство признало необходимым для спасения родины, свободы и республиканского строя уполномочить меня принять скорые, решительные меры, дабы в корне пресечь все попытки посягнуть на верховную власть в государстве, на завоеванные революцией права граждан. Все необходимые меры к охране свободы и порядка в стране мною принимаются, и о таковых мерах население своевременно будет поставлено в известность».¹⁸ Затем следовали первые «решительные меры»: Корнилову приказывалось сдать должность верховного главнокомандующего генералу Клембовскому, командующему армиями Северного фронта, «преграждающими пути к Петрограду»; Клембовский должен был принять должность, «оставаясь в Пскове»; Петроград и Петроградский уезд объявлялись на военном положении. Легко было заметить сходство этой меры с требованиями Корнилова (правда, надо отметить, что сравнивать могли лишь после окончания этих событий историки, а не современники, так как требования Корнилова были неизвестны широкой публике, а приказы Керенского становились в этот момент известны всей стране).

Итак, корниловская программа выполнялась Керенским. Сначала последовала отставка всех министров, затем объявление Петрограда на военном положении. Правда, Корнилов собирался бороться с «крайностями революционной анархии», а Керенский клялся в верности свободе и революции.¹⁹ Но тот и другой явно стремились воспользоваться моментом для укрепления своего режима личной власти и диктатуры.

Извещение не подлежало редактированию или изменению со стороны министров, ведь они сами дали Керенскому всю полноту власти. Но Савинков попросил несколько задержать передачу ин-

¹⁸ Революционное движение в России..., с. 445.

¹⁹ Цекрасов в первом же заявлении для печати после ликвидации самой острой фазы корниловского выступления отмечал, что Керенский в разговоре с ним поздно вечером 26 августа заявлял несколько раз: «Я им революцию не отдам» (см.: Русское слово, 1917, 31 авг.).

формации. Он надеялся, что прямые переговоры с Корниловым еще могут заставить его подчиниться приказу об отставке. Другой формы ликвидации конфликта при сохранении Керенского на посту главы правительства быть не могло. Керенский теперь не возражал против таких переговоров, считая, что его позиция безусловно обеспечивает ему политический перевес.

Около 3 часов Савинков в Доме Военного министерства вызвал к аппарату Юза Корнилова. Чувствуя свою причастность к контрреволюционным заговорщикам, Савинков первым делом постарался отмежеваться от них. Прежде всего он отказался от содержавшегося в телеграмме Лукомского утверждения о том, что он, как и Львов, делал Корнилову от имени Керенского политические предложения о конструкции будущей власти. Поэтому Савинков обвинил Лукомского в клевете. Далее следовало отречение по существу: «Едва ли Вы будете отрицать, господин генерал, что требования, предъявляемые Вами через Владимира Львова, и та позиция, которую Вы заняли в этом вопросе, губительны для отечества, ибо, чем бы ни закончилось начатое Вами предприятие, родина наша пострадает безмерно, в действующей армии и в стране прольется кровь тех людей, которые хотят защищать Россию от могущественного врага, фронт обнажится, и победу будет праздновать император Вильгельм».²⁰ Савинков уверял, что согласованная программа мер по введению смертной казни в тылу и милитаризации промышленности и железных дорог уже обсуждалась правительством чуть ли не в тот час, когда Корнилову было «удобно попытаться продиктовать единоличную волю народу русскому». «Все попытки мои, длительные и упорные, — продолжал передавать по аппарату Юза свое явное написанное заранее заявление Савинков, — связать Вас тесной связью с демократией российской, осуществляя именем признанного ее вождя программу, Вами предложенную, не увенчались успехом, смею сказать, не по моей вине, а единственно по Вашей вине». Эти слова, конечно, говорились не для Корнилова, а для Керенского, который несомненно стал бы внимательно изучать весь этот разговор. Старый эсеровский боевик явно дрогнул, видя полный проигрыш своей двойной игры, и теперь спешно заметал следы. Последним пунктом его заявления был протест против ареста Филопенко, причем Савинков называл этот акт вопиющим нарушением доверия, которое он и Филопенко выказывали Корнилову еще с лета, со времени командования им 8-й армией Юго-Западного фронта. Затем Савинков еще раз обращался к Корнилову с «почтительной просьбой» и настойчивым требованием «подчиниться Временному правительству, сдать должность и уехать из Действующей армии».

Корнилов попросил перерыв на полчаса для изучения заявления Савинкова и составления своего ответа. В 4 часа дня раз-

²⁰ Революционное движение в России..., с. 449.

говор возобновился. Ответы Корнилова весьма откровенны и проливают дополнительный свет и на игру Савинкова, и на манеры Керенского относительно переговоров о составе будущего корниловского правительства, а также тех пределов, до которых собирались идти в своей антипародной и антибольшевистской политике оба этих мелкобуржуазных деятеля. В начале ответа Корнилова значилось: «В телеграмме генерала Лукомского подразумевается, что правительство приняло определенные решения относительно большевиков и Советов, так как для осуществления этого решения Вы от имени Временного правительства предложили мне двинуть к Петрограду конный корпус; причем между нами было условлено, что окончание сосредоточения этого корпуса явится по моей телеграмме Вам указанием момента объявления Петрограда на военном положении, что изложенное было заявлено Вами мне в присутствии генералов Лукомского, Романовского и полковника Барановского».²¹ Затем Корнилов напоминал Савинкову, что в их беседах в Ставке он высказывал недовольство промедлением правительства в принятии законодательных мер по его программе. «Я указывал, — говорилось далее в ответе Корнилова, — что, по моему глубокому убеждению, только сильная, твердая власть, не колеблющаяся ни перед какой ответственностью и олицетворяемая диктатурой единоличной или коллективной, в зависимости от дальнейшего хода событий, может спасти страну от гибели. Далее я заявил Вам, что независимо от личных моих взглядов на характер и свойства А. Ф. Керенского и его отношения ко мне я признаю его участие в составе правительства безусловно необходимым. Кроме того, я заявил, что признаю также безусловно необходимым и Ваше участие в составе правительства».

Слова Корнилова серьезно компрометировали Савинкова (а через него и Керенского) в глазах лидеров Советов. Корнилов излагал и суть предложений Львова, который якобы излагал от имени Керенского три варианта комбинаций в правительстве: «Первый вариант — уход А. Ф. Керенского из состава правительства; второй — участие А. Ф. Керенского в составе правительства; и, наконец, третий — с предложением мне принять диктатуру с объявлением таковой нынешним Временным правительством (вспомним настоящего В. Н. Львова о том, что передача власти Корнилову должна произойти «легально», — В. С.)».²² Далее Корнилов указывал, что он Львову сказал о желательности установления диктатуры и объявления всей страны на военном положении, а также настойчиво просил Керенского и Савинкова приехать в Ставку ввиду имевшихся у него «точных сведений о готовящемся в Петрограде выступлении большевиков». После этого Корнилов сообщал уже новые сведения о том, что вечером 26 августа он в беседе с Филопенко высказался за учреждение

²¹ Там же.

²² Там же, с. 450.

коллегиальной диктатуры в виде Совета обороны с участием Филоненко, Савинкова и Керенского. Корнилову все уже представлялось согласованным, а после этого он получил телеграмму о своей отставке. «Я глубоко убежден, — заявлял Корнилов, — что совершенно неожиданное для меня решение правительства принято под давлением Совета рабочих и солдатских депутатов, в составе которого много людей, занявших себя изменой и предательством. Уходить под давлением этих людей со своего поста я считаю равносильным уходу в угоду врагу с поля битвы. Поэтому в полном сознании своей ответственности перед страной, перед историей и перед своей совестью я твердо заявляю, что в грозный час, переживаемый нашей родиной, я со своего поста не уйду».²³ Таким образом, Корнилов ко всем своим мятежным планам против революции и действиям против Временного правительства прибавил неподчинение требованиям законной власти и отказ выполнить военный приказ в военное время.

Савинков в ответ заявил, что он станет спорить с Корниловым, что он против всякой единоличной диктатуры в революционное время, а если бы Керенский объявил себя диктатором, то даже и он нашел бы в нем, Савинкове, врага. По его мнению, Львов сыграл в этом деле плачевную роль и недоразумение, им порожденное, окажется роковым для России. В представлении Савинкова именно Львов сорвал всю его игру, рассорил Корнилова и Керенского.

Савинков передал место у аппарата члену ЦК партии кадетов В. А. Маклакову. Маклаков был одним из тех, кто горячо сочувствовал Корнилову и его делу. Именно он приветствовал Корнилова в момент прибытия его в Москву для участия в Московском совещании 13 августа 1917 г. Нет сомнения, что миссия Маклакова получила одобрение и Милюкова, тоже делавшего ставку на Корнилова. Милюков расстался с В. Н. Львовым около 9 часов вечера 26 августа в полной уверенности, что Керенский сдался на милость вероятного победителя. Но утром следующего дня он узнал от Кокошкина и других кадетских министров все подробности неожиданного поворота событий. Кадетам во имя их собственных интересов необходимо было вмешаться в дело и попытаться уговорить Корнилова пойти на компромисс с Керенским. Иначе им еще в большей степени, чем лично Савинкову, грозило крупное политическое поражение. Вот почему в 7-м часу вечера 27 августа у аппарата Юза оказался и Маклаков.

В кратком заявлении Маклакова сквозила досада на Корнилова за то, что он спутал все карты русской контрреволюционной буржуазии, за то, что слишком быстро и открыто действовал, подставив под удар и многих других. Так, например, вечером 26 августа из Ставки были посланы телеграммы на имя Родзянко, Н. Н. Львова и Милюкова с предложением прибыть 27 ав-

²³ Там же, с. 451.

густа в Ставку и помогать Корнилову спасти Россию! «В передаче Львова, — сказал Маклаков, — Ваше предложение было принято здесь как желание насильственного государственного переворота. Глубоко рад, что это, по-видимому, недоразумение. Вы недостаточно верно осведомлены в политическом настроении. Такая попытка была бы несчастьем России, повела бы к гибели армии, резне офицеров и победе Вильгельма. Необходимо принять все меры, ликвидировать это недоразумение без соблазна и огласки. Вы недостаточно в курсе того, что здесь происходит. Если могу быть полезным, охотно приеду в Ставку».²⁴ Корнилов ответил, что, может быть, он и «недостаточно ясно разбирается в нынешних политических течениях», но видит, что страна и армия неудержимо идут в пропасть, а телеграмма о его отставке еще более обострила положение. Он охотно бы встретился в Ставке с Маклаковым, Савинковым, Керепским, чтобы устранить недоразумение при личных объяснениях, однако полагает, что «при существовании последней телеграммы о моем отозвании почва для благополучного исхода вряд ли благоприятна».²⁵

Таким образом, посреднические переговоры ни к чему не привели. Да и были ли они посредничеством? Савинков больше заботился о том, чтобы снять с себя подозрения в пособничестве Корнилову, хоть и предлагал ему исполнить приказание Временного правительства. Маклаков просто выступил в роли миротворца, осуждая попытку насильственного переворота. Корнилов прямо отказался выполнить распоряжение Керепского о сдаче верховного командования, а в разговоре с Маклаковым заявил, что, пока эта телеграмма не отменена, он ни с кем ни о чем по существу говорить не будет. Переговоры же он согласен был вести только на «своей» территории, в Ставке.

Поэтому вечером 27 августа Керепский со злорадством и внутренним удовлетворением по поводу неудач «посредников» отдал распоряжение начать передавать по радио свое извещение о мятеже генерала Корнилова. Телеграмма получила следующее дополнение: «Настоящая телеграмма подлежит немедленной передаче всем начальствующим лицам, всем комиссарам и всем войсковым и общественным организациям для немедленного оповещения армии и населения».²⁶ Так Керепский первым публично объявил войну Корнилову.

Одновременно с участием Н. В. Некрасова была составлена радиogramма к железнодорожникам. От имени министра-председателя им напоминалось, что судьба России в значительной мере в их руках, что они помогли в свое время свергнуть старую власть. «Вы должны отстоять завоевания революционной России, — говорилось далее в радиogramме, — от темных посяга-

²⁴ Там же.

²⁵ Там же, с. 452.

²⁶ Там же, с. 446.

тельств военной диктатуры. Ни одно приказание, исходящее от генерала Корнилова, не должно быть вами исполнено. Будьте бдительны и осторожны. Творите единственно волю Временного правительства, волю самого народа русского».²⁷ Текст этот Некрасов принес министру путей сообщения кадету П. П. Юрепеву. По тот отказался его передавать и заявил, что он находится в отставке. Тогда Некрасов передал текст А. В. Ливеровскому, товарищу министра путей сообщения, который и способствовал немедленной передаче телеграммы.²⁸ На основании этой телеграммы товарищ министра путей сообщения на театре военных действий генерал-майор В. Н. Кисляков в 21 час 30 минут послал телеграммы о прекращении перевозок корниловских войск в направлении Петрограда от станций Исков и Дно.

Но судьба самого Временного правительства в эти часы была крайне неопределенной. По мере того как разрыв с Корниловым и поддерживавшими его крайне правыми силами становился все острее и необратимее, для Керенского вырисовывалась необходимость опоры на другой лагерь — на соглашательское руководство Советов и прежде всего на ЦИК Советов и Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Уже в ночном заседании правительства с 26 на 27 августа Керенский одновременно с требованием себе диктаторских полномочий выдвинул идею об организации «Директории» (Совета пяти). Но кадеты отказались ее обсуждать и заявили о своем выходе из правительства. Тогда после окончания заседания правительства министры-«социалисты» отправились в ЦИК и там после совещания с его президентом предложили такой состав «Директории»: Керенский, Некрасов, Терещенко, Кишкин, Савинков, Церетели или Скобелев. П. М. Кишкин являлся комиссаром Временного правительства по городу Москве. Он был членом кадетской партии, но, как писали «Известия» 28 августа, «выяснилось, что Кишкин готов войти в состав Директории с тем, чтобы выйти из состава кадетской партии».²⁹ Утром 27 августа положение обсуждало Бюро ЦИК, причем обнаружилось, что «Директория» все еще не создана из-за упорного несогласия кадетов. Затем днем заседали центральные комитеты партий эсеров и меньшевиков. Лишь в 5 часов дня состоялось короткое пленарное заседание ЦИК и ИК Совета крестьянских депутатов. На нем с информационным докладом выступили лидер меньшевиков И. Г. Церетели и министр труда меньшевик М. И. Скобелев. Затем опять был сделан перерыв для работы фракций.

²⁷ Вестник Временного правительства, 1917, 29 авг.

²⁸ Некрасов в заявлении для печати от 30 августа утверждал, что и первая радиogramма Керенского о выступлении Корнилова против Временного правительства, и радиogramма к железнодорожникам были переданы между двумя и четырьмя часами дня, т. е. до начала переговоров Савинкова с Корниловым по прямому проводу. Но это заявление не подтверждается другими источниками (Русское слово, 1917, 31 авг.).

²⁹ Известия, 1917, 28 авг.

Тем временем в Зимнем дворце Керепский по возвращении Савинкова предложил ему возглавить Петроградское генерал-губернаторство, когда столица будет объявлена на военном положении. Тотчас был изготовлен указ правительствующему Сенату о назначении Савинкова военным генерал-губернатором Петрограда и окрестностей с оставлением за ним должностей управляющего Военным и Морским министерством. Помощником Савинкова назначался капитан А. И. Козьмиц, эсер, близкое Керепскому лицо. Он же назначался временно исполняющим обязанности командующего войсками Петроградского военного округа вместо увольняемого генерал-майора Васильковского.³⁰ Главнo-управляющим по гражданской части ставился свояк Керепского полковник Барановский.³¹ Савинков, таким образом, оказывался окруженным доверенными людьми Керепского.

В 12-м часу ночи возобновилось пленарное заседание ЦИК и ИК Совета крестьянских депутатов. Выступали представители фракций, которые оглашали также проекты своих резолюций.³² Обсуждая мятеж генерала Корнилова, меньшевики и эсеры на этом заседании еще не выдвигали каких-то своих предложений по борьбе с ним. Все их мысли были прикованы к укреплению позиции Керепского и помощи ему в разрешении фактического правительственного кризиса. От имени фракции эсеров В. Н. Рихтер предложил послать делегатов к министру-председателю с предложением сохранить нынешний состав Временного правительства, заменив кадетских министров другими по усмотрению Керепского. Эсеры, сказал Рихтер, поддержат любую форму власти Керепского, в том числе и «Директорию». Единственное условие: активная борьба с Корниловым и признание программы 8 июля. С. М. Вайнштейн от имени меньшевиков также выразил доверие Керепскому и вместе с тем высказал идею о том, чтобы и сам ЦИК создал какой-то орган для экстренной борьбы с заговорщиками. Лидер меньшевиков Ф. И. Дан предложил созвать новое Государственное совещание, по без членов государственных дум, перед которым Временное правительство было бы ответственно вплоть до Учредительного собрания. Ю. О. Мартов решительно высказался против «Директории» и поддержал идею созыва нового совещания с преобладанием на нем представителей Советов.

Только большевики выступили против доверия Временному правительству. Что же касается борьбы с корниловцами, то, как сказал Г. Я. Сокольников, большевики уже приняли меры к оповещению масс и избрали свой оперативный орган, который готовы включить в создаваемый ЦИК комитет. После прений большинст-

³⁰ Прибавление к № 142 «Вестника Временного правительства», 1917, 29 авг.

³¹ Известия, 1917, 28 авг.

³² Подробное см.: Токарев Ю. С. Подавление корниловского мятежа. — В кн.: Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967, кн. 2, с. 140—141.

вом голосов было принято предложение фракции эсеров: оставить Временное правительство в прежнем составе, пополнив его взамен ушедших кадетов новыми министрами по усмотрению Керенского. Большевики при голосовании этого предложения воздержались. Затем было принято решение созвать совещание из представителей демократии. А. В. Луначарский от имени большевиков заявил, что партия одобрит созыв такого совещания, если в нем будут преобладать представители революционной демократии. Когда же был поставлен на голосование вопрос о создании Совета пяти, то большинство членов ЦИК и ИК высказались против. Было 2 часа ночи 28 августа. Члены Президиума ЦИК отправились на автомобилях в Зимний дворец, чтобы сообщить Керенскому мнение высших органов Советов. Но Керенского не устроили принятые решения. Он настаивал на создании «Директории»; Президиум же ЦИК, исходя из полученного им мандата, не соглашался. В 4 часа утра 28 августа переговоры были прерваны и делегаты возвратились в Смольный.

После возобновления заседания первым слово получил Луначарский. Он вполне обоснованно разоблачил Керенского как нового диктатора и внес предложение, чтобы власть организовали Советы. После этого в Президиуме началось замешательство: оказывается, Керенский по телефону вызвал в Зимний дворец Церетели и Чернова для новых переговоров. Заседание опять было прервано. Соглашательские лидеры, наконец, уступили Керенскому и обязались добиться одобрения его позиции в ЦИК. Когда в 9-м часу утра возобновилось заседание ЦИК и ИК, Церетели призвал вручить всю полноту власти Керенскому, так как тот обещал, что правительство будет решительно бороться с заговорщиками. Большинство присутствовавших, состоявшее из эсеров и меньшевиков, одобрило следующую резолюцию: «Предоставляя т. Керенскому формирование правительства, центральной задачей которого должна явиться самая решительная борьба с заговором генерала Корнилова, Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполнительный Комитет Совета крестьянских депутатов обещает правительству энергичную поддержку в этой борьбе».³³ Большевики проголосовали против этой резолюции. В то же время ЦИК избрал центр по борьбе с корниловщиной, в который большевики решили вступить наряду с другими партиями.

Той же ночью на 28 августа Керенский припал еще одну делегацию, так сказать, из противоположного лагеря. В 2 часа ночи к нему прибыла делегация Союза казачьих войск. Там были Караулов, Греков и Аникеев. Посланцы Совета Союза казачьих войск зачитали резолюцию, призывающую принять все меры к недопущению гражданской войны, «могущей повлечь за собой гибель всех завоеваний революции и существования государства».

³³ Новая жизнь, 1917, 29 авг.

Если бы правительству не удалось уладить конфликт мирно, Совет предлагал свои услуги через специальную делегацию к Корнилову в составе Аникеева, Караулова и Дутова. Своеобразный характер носило участие полковника Дутова в этой делегации: как он сам позднее признавался Милюкову, именно он, Дутов, и ряд офицеров, посланных специально в Петроград, должны были организовать 28 августа уличное выступление под видом большевиков. Таково было намерение, а теперь Дутов собирался воспользоваться законным предложением, чтобы бежать из Петрограда в Ставку, поскольку убедился в том, что с открытием планов Корнилова офицеры запыли горькую в «Вилла-Рода» и гостинице «Астория». Нужных лиц на месте не оказалось, и Дутов счел за благо поскорее удалиться. Керенский разрешил им выехать в Могилев 28 августа.³⁴

А в Могилеве, центре контрреволюционного заговора, шла в это время лихорадочная деятельность. Корнилов получил на свои телеграммы ответы от командующего армиями Юго-Западного фронта генерала А. И. Деникина и командующего армиями Западного фронта генерала П. С. Балуева с выражением солидарности и поддержки. Отказался принять должность верховного главнокомандующего из рук Керенского и командующий армиями Северного фронта генерал Клембовский. Сообщая об этом, Корнилов послал телеграмму генералу А. М. Каледину. «Если Вы поддерживаете меня со своими казаками, то телеграфируйте об этом Временному правительству, и копию мне», — заключил Корнилов.³⁵ Пытаясь парировать распоряжения Временного правительства по железным дорогам, Корнилов приказал, чтобы войска при затруднении передвижения по железной дороге продолжали свой путь на Петроград походным порядком. Начальник Кавказской туземной дивизии генерал-лейтенант Д. П. Багратион телеграфировал Лукомскому в полночь со станции Дно, что погрузка дивизий и отправка эшелонов продолжается, три эшелона уже ушли. Несмотря на телеграмму генерала Кислякова, о которой говорилось выше, отправка эшелонов продолжалась.

В корниловском «мозговом центре» Завойко и Аладьин спешно подновляли давно заготовленные манифесты с учетом новой обстановки. Первый из этих документов представлял собой обращение к населению, где телеграмма Керенского в ее первой части называлась «сплошной ложью», Львов объявлялся посланцем Керенского, а отнюдь не Корнилова. В свидетели призывался Аладьин. Все это называлось «великой провокацией», которая ставит на карту судьбу отчества. Далее следовал составленный заранее текст, в который были сделаны лишь некоторые вставки. «Русские люди, — взывал Корнилов, — великая родина наша умирает! Близок час кончины! Вынужденный выступить

³⁴ Известия, 1917, 28 авг. — Днем 28 августа Керенский отменил свое разрешение, ссылаясь на невозможность переговоров с «взбешенком».

³⁵ Революционное движение в России... с. 447.

открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и одновременно предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье убивает армию и потрясает страну внутри».³⁶ Как видим, Корнилов не нашел иного выхода, как применить затасканный уже в июльские дни жупел германского шпионажа. И применил он его к тому самому Временному правительству, которое выставляло эти обвинения против большевиков. Само же правительство объявлялось действующим не только по указке Советов, но еще и не существовавшего «большевистского большинства».

Далее следовала смесь православного мистицизма и русского национализма. Корнилов призывал верующих устремиться в храмы и молить бога о спасении страны. Он аттестовал себя сыном казака-крестьянина, клялся в своем бескорыстии и в том, что доведет страну до Учредительного собрания, на котором народ «сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни». Корнилов объявлял, что не в силах предать Россию в руки ее исконного врага — «германского племени» — и предпочитает «умереть на поле чести, брани». Воззвание кончалось словами: «Русский народ, в твоих руках жизнь твоей родины».³⁷ Во всем тексте ни разу не упоминались слова о революции, столь общеупотребительные в то время. И это не случайно, ибо это и была контрреволюция в действии. Воззвание Корнилова было передано по радиостанции Ставки трижды, причем первый раз в 5 часов 10 минут утра 28 августа.

Корнилов считал необходимым обнародовать свое обращение и к железнодорожникам. В нем он опротестовывал телеграмму Керенского, заявлял, что решил оставаться главнокомандующим «и вырвать наше отечество из рук предателей большевиков, заседающих в Петрограде». «Я требую безусловного исполнения моих приказаний и распоряжений, — накалился Корнилов, — и предупреждаю: всякое неподчинение буду рассматривать как измену святому делу спасения родины и ее свободы, я буду карать беспощадно». Генерал Кисляков, который несколько часов тому назад передавал воззвание Керенского, теперь перешел на сторону Корнилова и добавил к данному документу от себя следующие слова: «Объявляю настоящую телеграмму к руководству в спокойной уверенности, что железнодорожники исполнят свой долг для спасения родины».³⁸

Если Керенский уволил Васильковского с поста командующего войсками Петроградского военного округа, то генерал Корнилов послал ему телеграмму с требованием подчиниться гене-

³⁶ Там же, с. 446.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, с. 455.

ралу Крымову и исполнять все его приказания во избежание напрасного кровопролития. Клембовскому он приказал прервать связь Пскова с Петроградом и немедленно прибыть в Ставку, а генерала Балужева уещевал прекратить колебания и придерживаться ранее принятого решения. Клембовский в Ставку ехать не спешил, но, как уже говорилось, от должности главковерха отказался и на приказание Керенского воспрепятствовать отправке Корниловских эшелонов ответил: «Перевозятся конные части, не подчиненные мне, а составляющие резерв главковерха. Самая перевозка совершается по его, а не по моему распоряжению».³⁹ Таким образом, Корнилов в ночь на 28 августа и утром 28-го ведет обширное политическое и военное наступление и почти всюду добивается успеха. Только в одном месте его ждала неудача. Полковник А. И. Верховский, командующий войсками Московского военного округа, отказался выполнить его распоряжение о подчинении, мотивируя свой отказ необходимостью избежать «междоусобной войны и кровопролития» на улицах Первострельной.⁴⁰

По распоряжению Керенского газеты должны были выйти в свет в понедельник, обычно выходной для них день. Появившиеся утром 28 августа, они отразили различные оценки событий и перспектив выхода из политического и военного внутреннего кризиса. Единственно последовательную позицию защиты революции занимали большевики. Войдя в Комитет народной борьбы с контрреволюцией, они тем не менее объявили о полной самостоятельности своей политической линии. Именно они разоблачали непоследовательность Керенского, его метания, указывали меньшевикам и эсерам на канцову печать их поведения в июльские дни. Передовая центрального органа большевистской партии газеты «Рабочий» за 28 августа была озаглавлена «Мы требуем». В начале статьи говорилось: «События бегут. После Московского совещания — сдача Риги и требования о репрессиях. После неудавшейся травли солдат на фронте — провокаторские слухи о заговоре большевиков и новые требования о репрессиях. После разоблачения провокаторских слухов — открытое выступление Корнилова, требующего смещения Временного правительства и провозглашения военной диктатуры. Причем партия Миллюкова, партия народной свободы, уходит, как и в июльские дни, из министерства, открыто поддерживая тем самым контрреволюционный заговор Корнилова. В результате — поход корниловских войск на Петроград с целью утверждения военной диктатуры, смещение Корнилова Временным правительством, объявление Керенского о кризисе, уход Кишкипа из партии к.-д., замешанной в заговоре, образование так называемой революционной директории». В статье указывалось на справедливость

³⁹ Там же, с. 457.

⁴⁰ Там же.

обвинений со стороны большевиков в адрес кадетов как вдохновителей буржуазной контрреволюции. Партия отмечала, что в происходящей сейчас борьбе коалиционное правительство и «партия Корнилова» выступают не как борющиеся революция и контрреволюция, а как два метода контрреволюционной политики. В то же время «Рабочий» указывал на «партию Корнилова» как на злейшего врага революции и призывал рабочих и солдат Петрограда принять все меры для решительного отпора бандам Корнилова, если они появятся в революционном Петрограде.

Но рабочие и солдаты будут грудью отстаивать революцию не для того, чтобы одну диктатуру заменить другой, продолжала газета, «не менее чуждой им, но для того, чтобы проложить дорогу для полного торжества русской революции. Не смена одних „правящих“ групп другими и не игра в диктатуру нужна теперь, а полная ликвидация буржуазной контрреволюции и решительные меры в интересах большинства народов России». Затем следовало перечисление десяти важнейших требований в области внутренней политики, рабочего вопроса, демократизации армии, декретирования демократической республики и пр. Единственным путем для осуществления этих требований партия объявляла разрыв с капиталистами, полную ликвидацию буржуазной контрреволюции и переход власти в стране в руки революционных рабочих, крестьян и солдат.

Другая редакционная статья того же экстренного выпуска газеты, озаглавленная «На борьбу с контрреволюцией!», показывала, что требования революционных масс неприемлемы не только для Корнилова, но и для Временного правительства, защищающего интересы буржуазии и держащего в тюрьмах вождей рабочего класса. Партии меньшевиков и эсеров «вместо того, чтобы обратиться в часы смертельной опасности к революционным рабочим и солдатам, лакейски ставят штемпель на новой „комбинации министров“, на новой попытке одурачить народные массы, оставить их с пустыми руками, сохранить за буржуазией распоряжение властью». Газета вновь призывала рабочих и солдат бороться с контрреволюцией, с войсками Корнилова, борясь в то же время за создание «революционной власти, способной немедленно отменить все помещичьи права на землю, готовой немедленно разорвать тайные договоры и предложить справедливые демократические условия общего мира всем народам».

«Новая жизнь» критиковала правый фланг «революционной демократии», усвоивший ненависть буржуазии к большевизму. Она призывала меньшевиков и эсеров создать «диктатуру демократии», понимая под этим в сущности преобразования все того же Временного правительства. Самого Керенского меньшевик-интернационалисты, группировавшиеся вокруг «Новой жизни», убеждали «очистить свою политику от всяких колебаний и свой кабинет от всех элементов, не способных воплощать в себе идею

диктатуры демократии». ⁴¹ «Рабочая газета» от 28 августа призывала массы к поддержке ЦИК и Временного правительства «в их усилиях справиться с изменой родине и революции». Меньшевики снимали с себя всякую ответственность за контрреволюционное выступление Корнилова и возлагали ее на кадетов и деятелей частного совещания членов Государственной думы.

В тот же день «Дело парода» напечатало передовую статью «Корниловщина», где кадеты обвинялись в поддержке корниловцев, а рабочие и солдаты призывались поддерживать Временное правительство.

Лишь кадетская пресса держалась особняком и проявляла лояльность к Корнилову. Экстренный выпуск «Речи» от 28 августа называл случившееся недоразумением. Милюков писал в передовой, основываясь на сведениях о переговорах Савинкова и Маклакова: «Если утром говорили о „мятеже“, то вечером — более правильно, кажется, заговорили о „недоразумении“». Газета изображала Корнилова пламенным патриотом и отводила от него упреки в подготовке переворота. По мнению кадетов, Корнилов готовился к легальной преемственности власти в организации нового правительства и хотел спасти Петроград от ужасов «большевистского бунта».

В описываемый день — 28 августа — шансы Керенского удержаться у власти и сохранить за собой место главы правительства и фактического главы государства были особенно невелики, почти на нуле. Еще в ранние утренние часы в Зимнем дворце, когда Керенский попеременно вел переговоры то с делегацией президиума ЦИК, то с делегацией Совета казачьих войск, в Зимний дворец прибыл генерал М. В. Алексеев. Еще 26 августа он выехал в Смоленск, но был возвращен с дороги по телеграмме Керенского и вернулся на экстренном поезде. Вырубов встретил его и немедленно проводил к Керенскому. Министр-председатель предложил Алексееву пост верховного главнокомандующего (хотя в этот момент еще не имел официального отказа от этой должности от генерала Клембовского). Но старый генерал попросил сначала ознакомить его со всеми документами по делу Корнилова. Изучив их, он сказал, что, по его мнению, смена командующего пагубно отразится в этот момент на состоянии армии, «малоустойчивой и непрочной».

Он решительно отказался от назначения на должность верховного главнокомандующего, предложив выяснить все недоразумения с генералом Корниловым, после чего оставить его на занимаемом им посту. Но Керенский ответил, что никаких соглашений с Корниловым быть больше не может. Пытался склонить Керенского в сторону переговоров с Корниловым и министр иностранных дел Терещенко. В 4 часа утра в Зимний дворец пришел Савинков. Состоялся общий разговор Алексеева, Керенского,

⁴¹ Новая жпзль, 1917, 28 авг.

Терещенко и Савинкова, в ходе которого, по свидетельству Савинкова, было признано, что ультиматум Львова есть недоразумение. Они просили Керенского взять назад обращение к населению и телеграмму к железнодорожникам. Послали за Некрасовым, но тот сказал, что прошло уже свыше 2 часов, как эти телеграммы ушли в аппаратную. Тогда Керенский прошел в комнату журналистов в Зимнем дворце и попросил не печатать в газетах, которые должны были появиться через несколько часов в понедельник, его обращение к населению и армии. Но выяснилось, что уже поздно. Со словами «очень жаль» Керенский ушел.⁴²

В утренние часы 28 августа в штаб Петроградского военного округа, в Министерство путей сообщения, Военное министерство и кабинет министра-председателя стекались неутешительные сведения о весьма быстром продвижении частей Корнилова к Петрограду. «В кругах Временного правительства положение признается критическим, — фиксировал корреспондент «Русского слова» (29 августа), — министры не скрывают, что наступление генерала Корнилова может быть ликвидировано только силой оружия». После утреннего совещания министров-«социалистов» Некрасов заявил журналистам: «Положение крайне серьезно. Возможность предполагаемого соглашения отпала. Мы, Временное правительство, с генералом Корниловым находимся сейчас в положении воюющих сторон. Вопрос о власти будет решен штыками». В 12 часов 30 минут пришло сообщение, что передовые силы Корнилова находятся вблизи Луги. «Кровопролитие неизбежно», — взволнованно заявил журналистам Некрасов. В последующие часы стало известно о том, что авангард корниловских войск дошел до станции Семрино в 44 верстах от Петрограда, где и застрял из-за разрушения рабочими железнодорожного пути. Тревожные вести росли с каждой минутой.

Первое состояние охватило многих приближенных Керенского. Вырубов вошел в Комендантский подъезд Зимнего дворца и позвонил в квартиру Головина, где жил и Кокошкин и где, ловя все слухи и вести, находился Милоков. Вырубов горячо просил Милокова встретиться с Керенским и предложить ему посреднические услуги для переговоров с Корниловым. Момент усугублялся тем, что совсем недавно Ф. Ф. Кокошкин, А. В. Карташев, П. П. Юренев и С. Ф. Ольденбург заявили Керенскому об окончательном выходе из состава Временного правительства. На вопрос журналистов о том, возможно ли, чтобы кадеты вновь вошли в состав формируемой власти, Кокошкин ответил: «Мы, министры-кадеты, решили уйти в отставку, не предоставляя себя в распоряжение А. Ф. Керенского. Коалиционное правительство, по нашему мнению, сейчас существовать не может».⁴³

⁴² См.: Милоков П. Н. Указ. соч., с. 232—233.

⁴³ Известия, 1917, 29 авг.

Видя в этом факте удобный момент для решающего давления на Керенского, Милюков согласился встретиться с министром-председателем. К встрече решено было привлечь и генерала Алексеева, все еще находившегося в Зимнем дворце. Керенский принял их в своем кабинете на третьем этаже, выходящем окнами в сквер Зимнего дворца. Милюков начал разговор с сообщения о том, что еще 26 августа получил (от Львова!) приглашение приехать в Ставку к генералу Корнилову. Он может этим воспользоваться и поехать в Ставку, если Керенский согласится на такое посредничество.

Но Керенский резко ответил, что Корнилов рассматривается им сейчас (дело было уже после получения Керенским телеграммы Корнилова, где тот все Временное правительство называл германскими агентами) только как мятежник, с которым не может быть никаких разговоров. Долг же общественных деятелей, в том числе и кадетов, публично осудить Корнилова, как они осудили июльские события и большевиков. Кадеты должны были бы уже, взвесив, на чьей стороне сила, встать на ту или иную сторону. Милюков ответил, что сейчас не время для взаимных попреков, а что касается силы, то, по его мнению, здесь следовало бы призадуматься правительству: сила явно на стороне Корнилова. Поэтому не стоит слишком придирааться к нарушению закона. В отличие от июльских событий, говорил Милюков, корниловское выступление «имеет целью спасти Россию от окончательного распада». Поэтому Милюков не может осуждать Корнилова.

Керенский, по словам Милюкова, ответил: «Я не могу лично вести переговоры с Корниловым, но если какая-нибудь группа общественных деятелей считает, что она имеет за собою силу, в таком случае я готов уступить этим лицам власть, и пусть уже тогда они ведут переговоры с Корниловым».⁴⁴ Видя в этом обычный коварный прием Керенского, Милюков сказал, что он не этот выход имеет в виду. Но Керенский и далее, все более увлекаясь, еще раз вернулся к мысли о своей отставке. Свидание на этом и закончилось.

Милюков, вернувшись в квартиру Головина, все же сказал, что вроде бы Керенский всерьез возмечтал о своей отставке. Кем же заменить его? Выбор пал на генерала Алексеева, так как с ним, конечно, Корнилов бороться не будет. Это предложение было передано Керенскому, но он возразил, что Алексеев не примет предложения, так как во время его разговора с Милюковым все время молчал. Так как Керенский со своей стороны сам не отказался от кандидатуры генерала Алексеева, то Милюков решил поймать его на слове. Он тотчас (а было уже 6 часов вечера 28 августа) взял автомобиль и поехал к генералу Алексееву, остановившемуся в особом вагоне на Царскосельском вок-

⁴⁴ Милюков П. Н. Указ. соч., с. 251.

зале. И на предложение Миллюкова возглавить Временное правительство генерал Алексеев ответил согласием! Более того, они вдвоем тут же набросали план улаживания конфликта с Корниловым. Ликуя в душе, Миллюков вернулся в Зимний дворец, в квартиру Головина.

Кокоскипа не было. Несмотря на все отставки, он был приглашен на заседание бывших министров в полном составе. В нем принял участие и только что прибывший из Москвы Кишкин. Миллюков сумел переслать ему записку, в которой излагались результаты встречи лидера кадетской партии с генералом Алексеевым. Кишкин показал записку Кокоскину. И с этого момента кадеты усиленно стали вводить в эту игру генерала Алексеева. Несомненно, он устраивал и Керенского, но, конечно, не в качестве премьера. Ведь Керенский, разорвав с Корниловым, совсем не собирался рвать с кадетами. Алексеев же был той промежуточной фигурой, которая обеспечивала способ сосуществования с кадетами. Сведения о вечернем совещании бывших министров 28 августа имеются в интервью Кокоскипа, помещенном в «Русских ведомостях» 1 сентября 1917 г. «Во время этого совещания, — говорил Кокоскин, — были получены особенно тревожные сведения относительно продвижения корниловских войск. В связи с этим были высказаны различные предположения о том, как надлежало бы построить в таких обстоятельствах правительственную власть. С. Н. Прокоповичем была высказана мысль о создании „Директории“. Была далее высказана тут — и встречена сочувствием и правой, и левой части кабинета — мысль о включении в состав „Директории“ генерала Алексеева. С этого момента имя генерала Алексеева называлось уже при всякого рода комбинациях реорганизации власти и он намечался на различные посты. Ф. Ф. Кокоскиным была высказана мысль о том, чтобы в настоящих тягостных условиях генерал Алексеев был поставлен во главе правительства. Один из министров-«социалистов» высказал мнение, что, может быть, надлежит вступить в переговоры с генералом Корниловым для предупреждения гражданской войны. Были голоса и за целесообразность того, чтобы А. Ф. Керенский в таких условиях сложил с себя власть. Один из министров признавал положение безвыходным, так как через несколько часов корниловские войска, вероятно, уже будут в Петрограде».

Сдать власть предлагал сам Керенский, прямо сославшись на разговор с Миллюковым. Но, как нам представляется, и это было неискренним с его стороны. Он ожидал, что его будут упрашивать, но в сущности упрашивающих и не оказалось. Министр юстиции Зарудный высказался в пользу ухода Керенского и осудил его за резкости против Корнилова. Он также предложил и переговоры с Корниловым. Безвыходным положение находил Некрасов, еще два дня назад обещавший Керенскому полную поддержку. Другой ближайший союзник Керенского в Вре-

менном правительстве — Терещенко, по воспоминаниям самого премьера, говорил: «Это дело надо ликвидировать так, чтобы обоих за штат отправить — и Керенского, и Корнилова, удовлетворив обе стороны взаимным жертвоприношением».⁴⁵ Как говорил Кокошкин Милюкову, если бы состоялось голосование, то большинство министров проголосовали бы за отставку Керенского и назначение главой правительства генерала Алексева.⁴⁶ Но голосовать бывшие министры не могли, и Керенский прекратил это совещание, принявшее опасное для него направление.

Собрав бумаги, Керенский пошел к себе через анфиладу комнат, занятых Временным правительством. В угловой комнате, бывшем кабинете императрицы Александры Федоровны, а теперь кабинете заместителя министра-председателя, он пошел Некрасова. Тот с мрачным видом лежал на диване. Керенский спросил у него, что же надо предпринять. Некрасов ответил, что присоединяется к тем, кто советовал Керенскому уйти сейчас в отставку. Керенский был поражен: он никак не ожидал этого от своего соратника и по Временному правительству, и по «Верховному Совету народов России» в дореволюционные годы. Он расценил это как отступничество, и судьба Некрасова была решена. Как только кризис миновал, Некрасов был отправлен в Финляндию в качестве генерал-губернатора и исключен из членов Временного правительства. Милюков, еще не зная в начале 20-х годов всех деталей связей между бывшим его заместителем по кадетской партии и Керенским, писал злобно в своей «Истории второй русской революции»: «Этот момент был концом дружбы и министерской карьеры члена „триумvirата“. Керенский колебался недолго. В соседней комнате его ждала депутация от Совета рабочих и солдатских депутатов, и здесь по крайней мере он мог быть уверен, что ему не посоветуют ни вступить в переговоры с генералом Корниловым, ни уступить свое место для этой цели генералу Алексеву. Еще раз вкус к власти взял верх над требованиями, повелительно диктовавшимися интересами России».⁴⁷

Поздно вечером 28 августа в Министерство иностранных дел к М. И. Терещенко прибыл старейшина послов союзников сэр Джордж Бьюкенен и, передав письменное заявление от их имени, предложил «добрые услуги» по организации переговоров между Временным правительством и Корниловым. Но Керенский отклонил и эту попытку, хотя Терещенко отнесся к ней весьма благожелательно.

Что делалось в те же часы в Ставке? Корнилов все еще продолжал свое политическое и военное наступление, хотя темп

⁴⁵ Керенский А. Ф. Указ. соч., с. 152.

⁴⁶ Милюков П. Н. Указ. соч., с. 254.

⁴⁷ Там же. — Сам Керенский писал позднее: «...был один такой час, когда и Некрасова я не видел около себя!» (Керенский А. Ф. Указ. соч., с. 153).

его к концу дня 28 августа несколько замедлился. Корнилов получил еще одну телеграмму-заверение о поддержке от командующего войсками Румынского фронта генерала Щербачева. Аналогичные телеграммы от Балужева, Деникина, Клембовского и Щербачева были отпечатаны вместе на огромном плакате и расклеивались в Могилеве и окрестностях. Из всех видных старших начальников армии Керенского поддержали Верховский да командующий Кавказским фронтом генерал Пржевальский. Корнилов считал, что в данной обстановке ими было можно пренебречь и что общий военный и политический итог положения в армии — в его пользу. Было выпущено новое обращение к народу, полное напыщенных слов о долге, любви к родине, о том, что он «предпочитает смерть устранению от должности Верховного». Корнилов еще раз заявлял о своем неподчинении приказу Временного правительства об отставке, аргументируя свое решение поддержкой командующих фронтами. Корнилов стремился снять с себя и обвинения в контрреволюции, по-своему переадресуя их Временному правительству, говоря о том, что оно само своей слабостью и неумением управлять создает условия для воплощения этой контрреволюции. Исправляя явно контрреволюционный стиль своих первых воззваний, Корнилов здесь объявлял себя защитником свобод, опять-таки оговаривая, что пока «будущее это в слабых, безвольных руках, надменный враг, посредством подкула и предательства распоряжающийся у нас в стране как у себя дома, несет гибель не только свободе, но и существованию народа русского».

То самое правительство, которое Корнилов уже объявил изменническим, приглашалось в Ставку, ему обеспечивалась безопасность под честное корниловское слово. «Совместно со мной, — высокопарно призывал генерал Корнилов, — выработайте и образуйте такой состав Правительства Народной обороны, который, обеспечивая победу, вел бы народ русский к великому будущему, достойному Могучего Свободного Народа».⁴⁸ Затем появилось особое воззвание к казакам, которые призывались помочь Корнилову. Напоминая казакам известную резолюцию от 6 августа о несменяемости генерала Корнилова, он теперь писал: «Я не подчиняюсь распоряжениям Временного правительства и ради спасения Свободной России иду против него и против тех безответственных советников его, которые продают Родину. Поддержите же, казаки, честь и славу беспримерно доблестного казачества, и этим вы спасете Родину и свободу, завоеванную революцией. Слушайте же и исполняйте мои приказания. Идите за мной».⁴⁹ Это было первое и единственное упоминание о революции в воззваниях Корнилова.

Своеобразным обращением к армии являлся и приказ верховного главнокомандующего № 897. Он содержал изложение всех

⁴⁸ Мартынов Е. И. Указ соч., с. 117.

⁴⁹ Там же, с. 117—118.

стадий конфликта между Керенским и Корниловым и явно обнаруживал длительную заблаговременную подготовку мятежа. В конце приказа Корнилов вновь приглашал Временное правительство пожаловать в Ставку.

Однако дальнейшие политические успехи требовали подкрепления успехами военными. Между тем движение корниловских войск замедлялось. Телеграфная и железнодорожная сети страны оставались под контролем правительства. Воззвания Корнилова конфисковывались, а воззвания Временного правительства передавались. Московский военный округ играл роль пробки, затруднявшей сообщение между южными районами страны и Ставкой, в частности, он лежал на пути донских казаков генерала Каледина, от которого Корнилов предполагал получить военную поддержку. По материалам переговоров между генералами Гагариным и Багратионом, находившимися в Дно, и генералом Романовским в Ставке положение корниловских войск к вечеру 28 августа выглядело следующим образом. К Луге прибыли передовые эшелоны казаков-донцов, но железнодорожная администрация не пропускала их дальше. Головной эшелон Туземной дивизии дошел до станции Вырица, за которой железнодорожный путь был разобран. Генерал Багратион заверял, что, если путь восстановить не удастся, после подхода остальных эшелонов дивизия пойдет походным порядком. Все же он просил прислать на станцию Дно из Ставки железнодорожный батальон. Романовский отвечал, что такого батальона в Ставке нет. Он утверждал, что его и не нужно — от Вырицы до Царского Села всего 34 версты. Дойдете и так! Сам Романовский передал, что по сведениям, полученным от генерала Крымова, он должен быть уже в Гатчине. Именно с Крымовым он рекомендовал держать связь командованию Туземной дивизии, указав, что связь со Ставкой может быть только по телеграфу или через специальных офицеров.

Генерал Крымов на самом деле еще не был в Гатчине и предполагал достичь ее только к 31 августа, находясь даже в 16 часов 29 августа еще в Луге.

Тем временем революционные организации в Петрограде сумели наладить оборону и выслать навстречу корниловским войскам свои воинские подразделения и тысячи агитаторов. Большевики провели 28 августа сотни собраний на заводах, фабриках и в воинских частях. Рабочие и солдаты принимали на собраниях резолюции, в которых заявляли о своей готовности разгромить контрреволюцию, требовали от Временного правительства освобождения арестованных в июльские дни, вооружения рабочих, демократических преобразований. В Комитете народной борьбы с контрреволюцией были приняты важные решения по проведению революционной мобилизации частей петроградского гарнизона. Районные Советы Петрограда и Междурайонное совещание районных Советов принимали меры по организации отрядов рабочей милиции.

Отдельные меры вынуждены были принять и правительственные органы. Керенский обнародовал приказ по войскам петроградского гарнизона, в котором обвинял Корнилова в вероломстве, снятии войск с фронта и отправке их под Петроград, в развязывании братоубийственной войны. За подписью Керенского и министра внутренних дел Авксентьева была послана телеграмма губернским и областным комиссарам, где также говорилось о приближении момента братоубийственной борьбы, а поступок генерала Корнилова прямо назывался изменой. Там же указывалось, что Корнилов предпринял свой мятеж, «опираясь на реакционные силы страны».⁵⁰ Савинков уже в качестве военного генерал-губернатора Петрограда издал обращение к населению. В нем он призывал жителей столицы к спокойствию. «Со всяким, посягающим на завоевания революции, — заявлялось в этом документе, — кто бы он ни был, будет поступлено как с изменником. Пусть население Петрограда знает, что припеты все меры для защиты родины и свободы».⁵¹ Навстречу корниловским войскам днем 28 августа были отправлены некоторые воинские части петроградского гарнизона, выставившие сторожевое охранение перед Петроградом, Красным Селом и Царским Селом.⁵² По сообщениям печати, впоследствии не подтвердившимся, но сильно пугавшим членов Временного правительства, правительственные войска вошли в соприкосновение с корниловскими у станции Аятроншино (первая станция за Павловском). Но на самом деле войска Корнилова не дошли даже до предыдущей станции — Кабралово. Отдельные эшелоны оказались запертыми на станциях Семрино, Сусанино, Вырица и южнее. По Балтийской дороге корниловские войска не смогли добраться до Гатчины, а по Варшавской не продвинулись дальше Луги. Выход по соединительной ветке на Тосно, на Николаевскую железную дорогу, оказался разобранным, а в Тосно был послан отряд революционных войск.

Задержка продвижения корниловских войск обнаружилась в ночь на 29 августа и утром 29-го. В Петрограде же эта ночь прошла под знаком распространения самых запических сведений среди мелкобуржуазной части населения. Зимний дворец, где в своем кабинете провел эту ночь Керенский, опустел. Исчезла очередь людей, добивавшихся приема у министра-председателя в любое время суток; исчезли и приближенные, составившие около Керенского уже своеобразную свиту. «Была одна такая ночь, — вспоминал он впоследствии, — когда я почти в единственном числе прогуливался здесь. Не потому, что не

⁵⁰ Прибавление к № 142 «Вестника Временного правительства», 1917, 29 авг.

⁵¹ Там же.

⁵² Подробнее о ходе революционной мобилизации масс и военных действиях против корниловских войск см.: Токарев Ю. С. Указ. соч., с. 149—166.

хотел ни с кем вместе действовать. Просто создалась такая атмосфера кругом, что полагали более благоразумным быть подальше от гиблых мест. . . Я никогда не забуду мучительно долгие часы понедельника и особенно ночи на вторник». ⁵³

Но железнодорожники и войска петроградского гарнизона отважно выполнили свой долг перед революцией. С рвением выполняли приказы штаба о выходе на позиции сводные отряды гвардии Волынского, Егерского, Гренадерского, Московского, Измайловского, Преображенского, Кексгольмского, Павловского, Петроградского, Литовского и Финляндского полков, 2-го пулеметного полка, 2, 3 и 4-го гвардейских стрелковых полков, 171, 176 и 180-го пехотных полков. Они расположились примерно в 10 км от южной окраины города, на линии между Финским заливом и Невой. Формировался отряд для овладения станцией Дно. Высланные отряды рабочих сооружали проволочные заграждения, рыли траншеи и канавы. По предложению большевиков Комитет народной борьбы с контрреволюцией принял постановление о вооружении части петроградских рабочих.

В Кременце, в Ставке Юго-Западного фронта, был арестован по постановлению войсковых комитетов командующий войсками фронта генерал А. И. Деникин со всем своим штабом. В итоге Керенский несколько воспрял духом после своей «одиноким ночи». 29 августа была опубликована его радиogramма «Всем, всем, всем. . .», в которой говорилось, что «мятежная попытка генерала Корнилова и собравшейся вокруг него кучки авантюристов остается совершенно обособленной от всей действующей армии и флота». В радиogramме подчеркивалась солидарность командующих, правительственных комиссаров и войсковых комитетов. Сообщалось, что на стороне Временного правительства и Балтийский флот, что Деникин и командующий Особой армией Эрдели задержаны и что «лишь небольшие отряды войск, двинутые генералом Корниловым к Петрограду путем обмана, остаются в заблуждении, но дальнейшее движение этих эшелонов остановлено, связь между ними прекращается. От отдельных частей этих войск в Петроград прибыли делегации с просьбой дать им приказание об аресте изменивших Временному правительству командиров». ⁵⁴

Одновременно Керенский решил проявить твердость и в отношении самого Корнилова и его приспешников. 29 августа были опубликованы и указы Временного правительства правительствующему Сенату об отчислении от должности с преданием суду за мятеж генералов Корнилова, Деникина, Лукомского, Маркова (начальника штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта Деникина) и Кислякова. Клембовский, Балувев и Щер-

⁵³ Керенский А. Ф. Указ. соч., с. 146—147.

⁵⁴ Прибавление к № 142 «Вестника Временного правительства», 1917, 29 авг.

бачев пока еще оставались на своих постах: Временное правительство как бы давало им еще возможность «исправиться». В тот же день Савинков издал обязательное постаповление о запрещении публикации и передачи всех воззваний Корнилова, призывов к действиям против Временного правительства и распространении сеющих панику слухов. Вскоре в Петроград на Мойку, 67 поступили телеграммы от командующих Западным и Румынским фронтами Балугева и Щербачева с выражением верности Временному правительству. Они были оставлены на своих местах. А поскольку Клембовский не послал такую телеграмму, он был заменен на посту главнокомандующего армиями Северного фронта генералом М. Д. Бонч-Бруевичем.

Со своей стороны Корнилов издал в Могилеве приказ № 900, в котором еще раз подробно освещал историю своих взаимоотношений с Временным правительством и называл миссию В. Н. Львова «исторической провокацией». Для поднятия духа могилевского гарнизона он устроил парад 29 августа. Речь Корнилова была восторженно встречена только текинцами и ударниками корниловского «батальона смерти». Георгиевцы, среди которых уже началось разложение, молчали.⁵⁵

Всюду: и в Туземной дивизии, и в отряде Крымова, и в войсках, двигавшихся по Балтийской дороге, — начались с утра 29 августа митинги и собрания. Сотни агитаторов из Петрограда, включая специальную делегацию Мусульманского военного комитета, прибыли в передовые части корниловских войск и начали разъяснять солдатам контрреволюционные замыслы их командиров. В итоге уже 29 августа Туземная дивизия потеряла всякую боеспособность. Отряд Крымова, сосредоточившийся под Лугой, еще представлял некоторую силу, поэтому Крымов отдал 29 августа в 2 часа дня приказ, предполагавший выступление походным порядком на Гатчину в ночь на 30 августа. В общеполитическом приказе по III кавалерийскому корпусу Крымов привел как копию приказа Керенского, отрешающего Корнилова от должности, так и телеграмму Корнилова, объявляющего Керенского германским шпионом. Но в дальнейших параграфах этого приказа Крымов «переходил на сторону» Корнилова и передавал своим солдатам целые слухи о «бунтах» в Петрограде. Ликвидацию этих бунтов и объявлял Крымов задачей своих войск, специально оговаривая, что они не будут использоваться для изменения существующего строя.⁵⁶ Дипломатия Крымова была вызвана желанием предупредить действия агитаторов. Тем не менее корпус практически никуда не выступил, а кавалеристы и казаки вошли в сношения с комитетами Лужского гарнизона. Они выражали желание арестовать и самого Кры-

⁵⁵ См.: Мартынов Е. И. Указ. соч., с. 127.

⁵⁶ Рабочий путь, 5 сент.

мова, если будут получены распоряжения от Временного правительства.

Таким образом, к вечеру 29 августа обозначилась полная перемена военной и политической обстановки. Временное правительство получило определенное преимущество и вернуло себе инициативу, утраченную накануне. Корнилов же растерял почти всех своих сторонников из высших воинских начальников, а его войска начали разлагаться. Официальное предание Корнилова и его сподвижников суду за мятеж, применение к нему слова «изменник» в правительственных документах создало и моральный перевес на стороне правительства. Вывод воинских частей из Петрограда навстречу корниловским войскам давал дополнительную гарантию безопасности для Керенского.

Вместе с тем 29 августа уже отчетливо выявилось, что наряду с правительством борьбу с корниловским заговором ведет ЦИК Советов и особенно решительно — партия большевиков. Более того, эти силы выступали гораздо энергичнее и последовательнее, чем правительственные агенты. Если правительственные войска так и не встретились с корниловскими эшелонами, то агитаторы, посланные Советами, политическими партиями и общественными организациями, добрались до корниловских войск и энергичной разъяснительной работой добились отказа солдат от повиновения своим командирам и осуждения корниловской авантюры. В самом городе реальную власть все больше забирал в свои руки Комитет народной борьбы с контрреволюцией при ЦИК, который начал предпринимать самостоятельные действия по борьбе со скрытыми и явными корниловцами. Деятели ЦИК в интересах сохранения единого фронта вынуждены были пойти на некоторые уступки большевикам, в частности, разрешили вооружение рабочих, хотя и пытались поставить его под свой контроль. Все это создавало для Временного правительства опасность слева, однако вплоть до окончательной ликвидации корниловского мятежа оно еще не могло повести нового наступления на большевиков и Советы.

Но такие попытки уже намечались. Савинков показывал на следствии по делу Корнилова: «Одновременно мною принимались меры к тому, чтобы Петроград не оказался в руках большевиков. Так, я отдал распоряжение об отправке обратно в Кронштадт 2000 прибывших самочинно в Петроград кронштадтских матросов, за исключением одной роты. Кроме того, я предполагал приступить к арестам большевиков, чего не успел исполнить ввиду моей отставки».⁵⁷ Большевики это прекрасно понимали. Например, во втором, экстренном, выпуске газеты «Рабочий», вышедшем вечером 28 августа 1917 г., была помещена передовая статья «Заговор продолжается», разоблачавшая не только Корнилова, но и Временное правительство, и соглашателей. «Вре-

⁵⁷ Мартынов Е. И. Указ. соч., с. 133.

менное правительство, — говорилось там, — вместо того чтобы встретить врагов по-вражески, предпочитает совещаться с генералом Алексеевым, еще и еще переговаривает с Корниловым, еще и еще уговаривает заговорщиков, открыто предающих Россию». Но настоящие хозяева страны — рабочие и солдаты — мобилизуют свои силы, «рабочие предпочитают говорить с врагами по-вражески».

В передовой статье «Рабочего» от 29 августа указывалось: «Борьба против Корнилова может вестись только силами революционных рабочих и солдат. Временное правительство боится, что эта борьба пойдет дальше, чем ему бы хотелось, что, победив в этой борьбе, рабочие и солдаты поставят свои требования — мира, свободы и земли». В конце статьи рабочие и солдаты призывались в согласии с большевистскими организациями вырабатывать и проводить неотложные меры отпора, добиваться полного разрыва с буржуазией, «полного перехода дела защиты Петрограда в руки солдат, рабочих и всей городской бедноты».

30 августа «Рабочий» опубликовал на первой полосе воззвание «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда», подписанное ЦК, ЦК, Военной организацией РСДРП(б), Центральным Советом фабзавкомов и большевистской фракцией Петроградского Совета. В нем, в частности, говорилось: «Временное правительство распалось при первом же движении корниловской контрреволюции. Это правительство, которому часть демократии неоднократно выражала свое доверие, которому она вручала всю полноту власти, — это правительство оказалось не в состоянии исполнить свою первую и основную задачу: задавить в корне генеральско-буржуазную контрреволюцию. Попытки соглашения с буржуазией ослабили демократию, разожгли аппетиты буржуазии, дали ей смелость решиться на открытое восстание против революции, против народа». Воззвание видело спасение революции только в революционной энергии масс. Вместе с тем в нем выдвигался лозунг создания новой власти, которая возьмет на себя проведение в жизнь требований «пролетарской и солдатско-крестьянской массы». Рабочие и солдаты призывались дать отпор Корнилову во имя интересов революции, «во имя власти пролетариата и крестьянства в освобожденной России и во всем мире». В другой статье этого же номера газеты — «Торг идет» — разоблачалась слабость, нерешительность Временного правительства. Рабочие, солдаты и матросы готовятся грудью защитить революционную столицу, а в это время в Зимнем дворце лихорадочно идут «переговоры с кадетами, переговоры с Алексеевым, переговоры с открытыми политическими союзниками Корнилова, с злейшими врагами революции», среди которых Алексеев назывался «Корнилов номер второй».

Этой же теме был посвящен в «Рабочем» за 30 августа и краткий обзор печати под заголовком «Кадетские защитники генерала Корнилова». Он касался передовой «Речи» от 29 авгу-

ста, где делалась попытка защитить Корнилова, объяснив его позицию «благородством» его помыслов. «Пойдет ли правительство Керенского на примирение с открытыми предателями революции и парода? — задавал вопрос «Рабочий». — На наших глазах это правительство пытается заключить подобное соглашение, идет торг через Милюкова и Алексеева. Долг пролетариата и революционных солдат — сорвать эту преступную попытку. Как власть должна отнестись к восставшим генералам? „Речь“ советует не применять того же отношения, „которое власть проявила к большевикам“, ибо „есть разница между сторонниками Ленина и сторонниками Корнилова: это разница между анархией и государственностью“». Нетрудно заметить в этих софизмах повторение аргументов, с которыми Милюков выступал в защиту Корнилова на встрече с Керенским днем 28 августа. В этом же номере «Рабочего» была помещена и статья «Чего не делать». Соглашаясь с тем, что в сегодняшнем положении Петрограда имеется много сходства с положением Парижа в 1871 г. перед Парижской коммуной, автор статьи (она была не подписана) пугал пролетариат тем, что его попытка восстания и взятия власти так же, как и в 1871 г., «кончится поражением», и делал предостерегающий вывод: «Вот почему в наших рядах, быть может, возможны споры по вопросу о том, что делать в настоящий момент, но уже совершенно невозможны споры о том, чего не делать. Наша партия должна употребить все усилия для того, чтобы рабочие и солдаты не сделали того, что в данный момент было бы выгодно, так жемательно для буржуазии». Тезис этот был подхвачен меньшевистской «Рабочей газетой», и В. И. Ленин полемизировал с этим в статье «О компромиссах».⁵⁸ Еще раз В. И. Ленин назвал эти рассуждения и статью ошибочными после того, как он прочел открытое заявление Зиновьева о том, что тот был автором «Чего не делать».⁵⁹

30 августа 1917 г. В. И. Ленин в Гельсингфорсе написал письмо в Центральный Комитет РСДРП, в котором дал свою оценку политическому кризису в связи с корниловским мятежом: «Восстание Корнилова, — писал Ленин, — есть крайне неожиданный (в такой момент и в такой форме неожиданный) и прямо-таки невероятно крутой поворот событий».⁶⁰ Ленин требовал изменений в тактике. Большевики не должны были скатываться до оборончества, до блока с эсерами, до поддержки Временного правительства. «Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, как и войска Керенского, — указывал Ленин, — но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость». И тут же на вопрос: «В чем же изменение нашей тактики после восстания Корнилова?» — отвечал: «Ни на йоту не ослабляя вражды к нему (Керенскому, — В. С.), не беря назад ни слова, сказан-

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 137—138.

⁵⁹ Там же, с. 254.

⁶⁰ Там же, с. 119.

ного против него, не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо *учесть* момент, сейчас свергать Керенского мы не станем, мы *иначе* теперь подойдем к задаче борьбы с ним, именно: разъяснить народу (борющемся против Корнилова) *слабость* и *шатания* Керенского. Это делалось и раньше. Но теперь это стало *главным*: в этом видоизменение». ⁶¹ В. И. Ленин предлагал сделать главным в агитации предъявления «частичных требований» к Керенскому, причем предъявлять их не столько собственно к правительству, сколько к народу, увлеченному ходом борьбы с Корниловым. «Увлекать их дальше, — пояснял В. И. Ленин, — поощрять их избивать генералов и офицеров, высказывавшихся за Корнилова, настаивать, чтобы они требовали тотчас передачи земли крестьянам, наводить *и* *х* на мысль о необходимости ареста Родзянки и Милюкова, разгона Государственной думы, закрытия „Речи“ и др. буржуазных газет, следствия над ними. „Левых“ эсеров особенно надо толкать в эту сторону.

Неверно было бы думать, что мы *далее* отошли от задачи завоевания власти пролетариатом. Нет. Мы чрезвычайно приблизились к ней, но *не* прямо, а со стороны. И агитировать надо *сию минуту* не столько прямо против Керенского, сколько *косвенно*, против него же, но косвенно, именно: требуя активной и активнейшей, истинно революционной войны с Корниловым. Развитие этой войны одно только может *нас* привести к власти и *говорить* в агитации об этом поменьше надо (твердо памятуя, что завтра же события могут нас поставить у власти и тогда мы ее не выпустим)». ⁶² Уже после окончания этого письма, но еще до его отправки В. И. Ленину доставили привезенные из Петрограда шесть номеров газеты «Рабочий». Прочитав их, он тут же сделал приписку к своему письму: «... должен сказать, что совладение у нас получилось полное. Приветствую ото всей души превосходные передовицы, обзор печати и статьи В. М—на и Вол—го». Таким образом, выявившаяся неудача Корнилова немедленно повела к усилению влияния большевистской партии, что почувствовало как правительство, так и сами большевики, со всей энергией поведшие массы на борьбу с контрреволюционными заговорщиками.

30 августа поражение Корнилова, прежде всего военное, но в значительной мере и политическое, стало очевидным для большинства политиков в Петрограде. Усиливается всевозможная политическая активность. Все большую энергию проявляет Керенский, стараясь не упустить развитие событий из-под своего контроля. При этом он сохраняет двойственное направление своей бонапартистской политики: не порывать с правыми элементами и в то же время удовлетворять эсеров-меньшевистских лидеров

⁶¹ Там же, с. 120.

⁶² Там же, с. 120—121.

ЦИК. Выполняя ультимативные требования своей собственной эсеровской партии, Керенский отстраняет Савинкова от поста военного губернатора Петрограда. Это несомненно отвечало и его собственному желанию. Слишком много странностей открылось в отношениях Савинкова и Корнилова, и эти странности заставляли обоснованно подозревать управляющего Военным министерством в нелояльности к министру-председателю. Но на его место был назначен инженер П. И. Пальчинский, личность одиозная в глазах революционной демократии, но вполне приемлемая для контрреволюционной буржуазии.

Еще большей уступкой тем самым реакционным слоям, о которых говорилось в радиограмме Керенского от 29 августа, было назначение генерала Алексеева на высокий военный пост. Он становился начальником штаба верховного главнокомандующего (эту должность генерал занимал и при Николае II с августа 1915 г. по март 1917-го). Но кто же становится главкомом? Сам Керенский! «Революционной демократии» надлежало бить в победные барабаны: ее «верховный вождь» становился и главой армии. Генерал Алексеев в час дня 30 августа вызвал к прямому проводу генерала Корнилова и до 3 часов имел с ним длительную беседу. Алексеев обрисовал Корнилову суровую картину развала армии, к которому привело его выступление: все командующие сбиты с толку, Юго-Западный фронт лишился всех старших чинов своего штаба и снабжения, то же и на Северном фронте, управление которого в «слабых руках». «В Выборге на почве безначалия солдатский бунт». Далее сообщалось о нахождении трех дивизий III кавалерийского корпуса: Уссурийская дивизия остановилась в районе Ямбурга, 1-я Донская и Туземная — в районе Луги и Вырицы. Затем Алексеев рассказал о решениях Временного правительства назначить верховным главнокомандующим Керенского, а его самого — начальником штаба. Далее Алексеев излагал условия, на которых он согласился принять свою должность. Их содержание показывает обоснованность той характеристики, которую давали ему большевики, — «Корнилов номер второй». Алексеев потребовал преемственности и безболезненности перехода к новому управлению. «Преемственность нужна в мыслях по управлению войсками, — разъяснял начальник штаба, — чтобы не ломать уже сделанного, вести дело обороны по началам, Вами принятым. Безболезненность нужна для того, чтобы в корне распатанный организм армии не испытал лишнего толчка, последствия которого могут быть роковыми. Высказанные сегодня мною условия⁶³ по оздоровлению армии ис-

⁶³ Условия Алексеева были письменно изложены им и содержали: разрешение Корнилову сноситься с Крымовым, направление в Петроград одной дивизии III корпуса на случай «беспорядков», разрешение для Союза казачьих войск вести агитацию среди казаков, недопущение прибытия в Ставку революционных войск, прекращение арестов офицеров и генералов.

ходят из начал, Вами заявленных, и, кроме того, к ним присоединяются условия, вызываемые расстройством состава наших старших командующих; нужно призвать из бывших прежних начальников тех, кто может дать сильную волю, знание и умение». ⁶⁴

В случае согласия Корнилова Алексеев обещал сразу же выехать в Ставку. Он хотел бы приехать туда вначале, не занимая еще официального поста, но Временное правительство торопится с опубликованием новых назначений, так как считает, что только они помогут сдержать солдат, особенно в тылу и в Финляндии. В ответ Корнилов первым делом зачитал длинную телеграмму, заготовленную Лукомским. По существу пять пунктов телеграммы являлись новым ультиматумом Корнилова, все еще не желавшего признавать свое поражение. «Если будет объявлено России, — начал Корнилов, — что создается сильное правительство, которое поведет страну по пути спасения и порядка, и на его решения не будут влиять различные безответственные организации, то он немедленно примет со своей стороны все меры к тому, чтобы успокоить те круги, кои шли за ним». ⁶⁵ Специально оговаривалось далее, что никаких контрреволюционных замыслов ни Корнилов, ни другие не ищут и не питают. Затем Корнилов требовал приостановить предание суду Деникина, считал вообще недопустимыми аресты генералов и офицеров. Корнилов считал безусловно необходимым приезд в Ставку генерала Алексеева, который «с одной стороны, мог бы принять на себя руководство по оперативной части, а с другой — явился бы лицом, могущим всесторонне осветить обстановку». Корнилов требовал, чтобы Временное правительство прекратило рассылку приказов и телеграмм, порочащих его, «еще не сдавшего верховное командование». Он обещал впредь не выпускать новых воззваний. К этой телеграмме Корнилов добавил, что просит дать на нее ответ в кратчайший срок по существу, так как от этого «будет зависеть дальнейший ход событий».

Алексеев ответил, что приехать сможет 1 или 2 сентября, телеграмму же немедленно покажет Временному правительству. Корнилов требовал более быстрого приезда Алексеева и слагал с себя всякую ответственность за дальнейшие события. Тот обещал приехать быстрее, но просил Корнилова продолжать оперативное управление войсками на фронте. Корнилов соглашался, но требовал взамен прекращения запрета на его приказы относительно стратегических перевозок войск. Действительное понимание Корниловым событий и его планы видны из отправленного им 30 августа письма Крымову. Посылая ему копии своих приказов и воззваний по поводу «своего конфликта с Временным правительством», он сообщал, что послал двух человек к Каледину «с просьбой надавить». Ответ от Каледина он собирался

⁶⁴ Революционное движение в России..., с. 467, 631.

⁶⁵ Там же, с. 467.

получить 4 сентября. Сообщая о решении правительства отрешить от должности и предать суду самого его, Лукомского и Деникина, Корнилов отмечал, что вместе с тем получил приказание от генерала Алексеева руководить операциями до его приезда. «Получился эпизод, — с мрачным юмором писал Корнилов, — единственный в мировой истории: главнокомандующий, обвиненный в измене и предательстве родине и преданный за это суду, получил приказание продолжать командование армиями, так как назначить другого нельзя». ⁶⁶ Корнилов тут же требовал от Крымова представить ему подробные сведения о его войсках, о связи, имеющейся у него «с организациями, на которые мы рассчитывали, и на дальнейшие планы, на возможность крепкого пажима средствами, имеющимися в вашем распоряжении. Ориентируйте меня в обстановке и тогда получите от меня дальнейшие указания. Если же обстановка позволяет, действуйте самостоятельно в духе данной мною Вам инструкции».

Итак, Корнилов, хоть на словах и не оспаривал приказа о своем отстранении, хотел усилить «пажим» и «надавливание» на Временное правительство. Он не считал еще свое дело полностью проигранным. Корнилов и представить себе не мог, в каком состоянии находились войска III корпуса. Что же касается Крымова, то в полдень 30 августа два посланца Временного правительства — полковник Самарин и капитан Данилевич — разыскали его в деревне Заозерье под Лугой и передали ему приказ Керенского немедленно явиться к нему с докладом. Безопасность Крымова гарантировалась честным словом Керенского. Опасаясь ареста и расправы со стороны собственных войск, генерал Крымов решил выполнить приказ Керенского и поехал вместе с посланными в Петроград. А командир Туземной дивизии князь Багратион в час дня 30 августа в деревне Чолово отдал приказ своей дивизии сосредоточиться в Вырице и «никаких выступлений против войск Временного правительства ни в коем случае не предпринимать». ⁶⁷

В Петрограде общая политическая обстановка постепенно накалялась: недовольство Керенским, резко отрицательное отношение к кадетской партии охватывало не только низы «революционной демократии», но и руководящие круги партий эсеров и меньшевиков. Так, газета «Дело народа» писала 30 августа: «Мы с чувством искреннего изумления прочли в газетах известие о том, что России — измученной, мятущейся в тоске по сколько-нибудь нормальной жизни — собираются подарить директорию в составе: Керенский, Некрасов, Терещенко, Кипкиев, Алексеев. Почему именно директория? Чем оправдывается проектированный кем-то, быть может, пресною фантазией газетных репортеров состав ее? Или замена Авксентьева, Чернова и Скобелева

⁶⁶ Там же, с. 469.

⁶⁷ Там же, с. 470.

Кишкиным и Алексеевым есть та всеисцеляющая панацея, которую надеются залечить раны русской революции и умиротворить сердца революционной демократии? Нет! Довольно экспериментов! И особенно, если они опаснее предыдущих».

«Известия» в передовой номера от 30 августа «Неудача заговора» отмечали, что заговор генерала Корнилова гибнет в результате твердости революционного правительства и сплоченности революционной демократии. Они резко осуждали кадетов, печатали материал, разоблачающий их косвенное участие в мятеже. Даже умеренное «Народное слово» в статье «Грозный симптом» своего экстренного вечернего выпуска от 30 августа требовало оздоровить политическую атмосферу и устранить от участия в правительстве скомпрометированные элементы. «Новая жизнь» же прямо высказывалась за установление власти демократии. «Создание демократической власти, — говорилось в передовой номера от 30 августа, — мы никогда не считали абсолютным благом и всеспасающим целительным средством. Напротив, мы считаем, что перед ней стоят совершенно исключительные трудности. Но кто же, кроме безнадежно заплутавшихся комбинаторов, сможет отрицать сейчас, что политика „соглашательства“ с контрреволюционной буржуазией потерпела окончательный крах и не сулит ничего, кроме гибели революции? Трудности огромны, и препятствия, которые придется преодолеть демократической власти, не имеют числа. Но все же лучше иметь всю контрреволюцию в качестве врага открытого, чем иметь ее же под видом сотрудника, соратника и опекаемого детища».

В этих условиях кадеты решили срочно перестроиться. На заседании Временного правительства 30 августа кадеты заявили, что они согласны войти в состав будущего правительства Керенского, если в него будут приглашены на военные посты представители армии, в том числе генерал Алексеев, и если правительство пополнится представителями торгово-промышленного класса. Третьим условием являлось недопущение «нарушения единства армии» при ликвидации выступления Корнилова. Керенский, который уже назначил генерала Алексева фактическим главнокомандующим и утвердил его условия (а вечером были отданы и соответствующие распоряжения о действительности и законности приказаний Корнилова по оперативному руководству войсками вплоть до приезда Алексева), не видел препятствий со своей стороны для выполнения кадетских требований. Но он должен был в сложившихся условиях заручиться и согласием со стороны ЦИК. Вечером 30 августа на заседании ЦИК Скобелев, Аксентьев и Церетели, хоть и высказывались за возобновление коалиции, но выступали против вхождения в правительство кадетов. Керенский все же надеялся уломать вождей ЦИК и продолжал прямые переговоры как с кадетами, так и с торгово-промышленниками. Теперь, после назначения его верховным главнокомандующим, Керенский не мог больше занимать еще и посты

военного и морского министров. Поэтому он решил назначить на эти посты военных специалистов, как того и требовали кадеты. Кандидатами же стали полковник А. И. Верховский, показавший свою преданность Керенскому и вождям ЦИК в дни Государственного совещания и в период борьбы с корниловщиной, и адмирал Д. Н. Вердеревский, снятый с должности командующего Балтийским флотом и преданный даже суду после июльских дней за разрешение отправить в Петроград делегацию Центробалта. Обе фигуры, таким образом, должны были удовлетворить и руководство меньшевиков и эсеров. Генерал Алексеев в качестве фактического руководителя армии, два военных в правительстве — все это вполне устраивало кадетов. В передовой «Речи» от 31 августа с удовлетворением отмечалось, что часть кадетов остается в правительстве, которое, несмотря на нажим слева, будет формироваться лишь по личному усмотрению Керенского.

Для характеристики настроений во Временном правительстве, особенно самого Керенского и стоявшего все время близко к нему Терещенко, приведем содержание телеграммы министра иностранных дел послан в Париже, Лондоне и Риме, составленной, вероятно, вечером 30 августа и отправленной 31-го. Терещенко писал, что «во всем этом деле», т. е. в выступлении Корнилова, значительную роль сыграло взаимное непонимание и недоразумение, вызванное участием различных неудачных и темных посредников между Ставкой и правительством, «причем особенная вина принадлежит среде, окружавшей Корнилова». Далее говорилось, что новая власть уже образована, Керенский остается министром-председателем и назначается верховным главнокомандующим, что «необходимо для успокоения демократических элементов и солдат». Фактическим командующим будет генерал Алексеев. Состав правительства «будет соответствовать минуте»: в него войдут Верховский, Вердеревский. Окончательно ушли Чернов, некоторые кадеты и Некрасов, войдет кадет Кишкин и некоторые представители промышленников. Относительно себя самого Терещенко писал сначала: «Вероятно, войду в новое министерство», а затем надписал карандашом, зачеркнув предыдущее: «Вопрос о моем возвращении в министерство еще не решен». Крайне откровенно писал Терещенко и о программе новой власти: предотвратить столкновения и беспорядок в армии, которые могут возникнуть из недоверия к командному составу, объявление Петрограда и Москвы на военном положении. Следующей задачей объявлялась борьба с большевизмом, резкое усиление влияния которого констатировалось. «Правительство же пойдет твердо по пути продолжения во что бы то ни стало войны, — заканчивал министр, — и будет вести с новой энергией работу по обновлению и оздоровлению армии».⁶⁸

⁶⁸ Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Канцелярия, 1917, д. 152, ч. 1, л. 26.

Однако 31 августа положение в Петрограде еще более обострилось и решение Керенского быстро сформировать новый кабинет с участием кадетов встретило сильное препятствие со стороны руководителей ЦИК. Утром в очередном номере «Известий» печаталась передовая статья под кратким названием «Выводы». Там говорилось, что только правительство, последовательное в своей революционной программе, способно внушить необходимое доверие демократическим массам. А последние события показали, что только массы способны сохранить завоевания революции и защитить страну от внешнего врага. Меньшевики на заседании своего Центрального комитета 31 августа экстренно обсудили вопрос о власти и приняли решение демонстративно отказаться от участия во Временном правительстве, если там будут участвовать кадеты.⁶⁹ Обсуждали этот вопрос и эсеры.

Они не успели прийти к определенным выводам ко времени открытия дневного заседания ЦИК и ИК Совета крестьянских депутатов, и по их просьбе заседание было отложено до 6 часов вечера. Вопрос о власти обсудил и Центральный Комитет большевистской партии. Он принял известную резолюцию-декларацию, положения которой становятся особенно понятными и актуальными в свете вышеизложенного рассказа о политике и маневрах Керенского в дни 28—30 августа. Принятый документ представлял собой проект резолюции ЦИК. В нем говорилось: «Перед лицом контрреволюционного мятежа генерала Корнилова, подготовленного и поддержанного партиями и группами, представители которых входили в состав Временного правительства (во главе с партией к.-д.), ЦИК считает долгом провозгласить, что отныне должны быть решительно прекращены всякие колебания в деле организации власти. От власти должны быть отстранены не только представители к.-д. партий, открыто замешанной в мятеже, и представители ценовых элементов вообще, но должна быть в корне изменена и вся та политика соглашательства и безответственности, которая создала самую возможность превратить верховное командование и аппарат государственной власти в очаг и орудие заговора против революции.

Нетерпимы далее ни исключительные полномочия Временного правительства, ни его безответственность. Единственный выход — в создании из представителей революционного пролетариата и крестьянства власти, в основу деятельности которой должно быть положено следующее...».⁷⁰

⁶⁹ См.: Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л. Кн. 2, с. 174.

⁷⁰ Далее следовали пункты программы большевиков, впервые выдвинутые на заседании ЦИК в ночь на 28 августа и повторенные в нескольких номерах «Рабочего». Среди них декретирование демократической республики, отмена частной собственности на землю, объявление тайных договоров недействительными, введение рабочего контроля и др. Полный текст этих мер см.: Рабочий, 1917, 1 сент., а также: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958, с. 37—38.

Между тем в 12-м часу дня в Зимний дворец прибыл командир III конного корпуса генерал Крымов. С ним был и еще один участник заговора генерал М. К. Дитерихс, назначенный Корниловым начальником штаба Особой Петроградской армии генерала Крымова.⁷¹ Со стороны Керенского в качестве свидетеля присутствовал помощник военного министра генерал Якубович. Крымов начал свои объяснения с задач, которые были на него возложены. Он скрыл свои контрреволюционные приказы от 25 и 28 августа 1917 г. и в доказательство «преданности революции» привел свой приказ от 29 августа, «дипломатично» составленный из телеграмм Корнилова и Керенского. Текст приказа он передал тут же Керенскому. «До получения приказа Керенский слушал совершенно спокойно, — показывал впоследствии Дитерихс, — но, прочтя приказ, пришел в сильно возбужденное состояние и обратился к Крымову со словами: „Вы, генерал, очень умны, я давно слышал, что Вы умный. Этот приказ Вами так скомбинирован, что он не может служить Вам оправданием. Все Ваше движение было подготовлено заранее и еще в . . . месяце Вы были в Петрограде для подготовки задуманных действий“ (какой месяц назвал — я не помню)».⁷²

Согласно дальнейшим показаниям Дитерихса, Крымов отрицал, что был в Петрограде в том месяце, который упомянул Керенский. И, дескать, Керенский с этим согласился. Но он обвинял Крымова в том, что тот позволил себе напечатать приказ Корнилова, где Керенский называется агентом германского генерального штаба. Крымов отрицал наличие у него контрреволюционных замыслов, говорил, что всю жизнь он стоял на страже порядка. «Клянусь Вам, что и Вам и был бы помощником в деле порядка», — будто бы воскликнул Крымов. Около 2 часов в кабинет вошел главный военно-морской прокурор Шабловский, которого Керенский назначил председателем только что созданной комиссии по расследованию корниловского мятежа. Прокурор передал Крымову приказание явиться в 3 часа дня в Военно-судное морское управление.

Сегодня совершенно ясно, что Крымов лгал и оправдывался в разговоре с Керенским, что существовали неопровержимые доказательства его движения к Петрограду для разгона Советов, установления военно-полицейского режима осадного положения. На него потому и уповал Корнилов, что он, не задумываясь, пере-

⁷¹ Е. И. Мартынов без ссылки на источник так рассказывает об этой встрече: «Произошло бурное объяснение, о коем впоследствии ходили всевозможные слухи; рассказывалось даже, будто горячий Крымов нанес „главе правительства“ оскорбление действием» (Мартынов Е. И. Указ. соч., с. 150).

⁷² Мартынов Е. И. Указ. соч., с. 150. — А. М. Крымов приезжал в Петроград в конце марта 1917 г. Об этом имеются свидетельства П. А. Половцова. Крымов тогда обвинял военных начальников в Петрограде, что они тут все «мямли». Через Половцова об этом приезде мог знать и Керенский (см.: Половцов П. А. Дни затмения. Париж, 6/г., с. 39).

вешал бы весь Совет рабочих депутатов. На что рассчитывал Крымов, отрицая то, что несомненно вскрылось бы через несколько часов? Может быть, уже тогда, в кабинете Керенского, он решил покончить с собой? Скорее всего именно так.

Керенский писал, что Крымову, вероятно, было невыносимо сознание того, что он «уклонился от истины» и не сказал откровенно о своей действительной роли. «Я встал, — рассказывал Керенский о своих действиях после прочтения приказа Крымова, — и медленно стал подходить к нему. Он тоже встал. Он увидел, что на меня приказ произвел особенное впечатление. Он подошел сюда, к этому столу. Я приблизился к нему вплотную и тихо сказал: „Да, я вижу, генерал, Вы действительно очень умный человек. Благодарю Вас“». ⁷³ Когда разговор закончился, Керенский не подал руки Крымову. Выйдя из Зимнего дворца, Крымов отправился на Захарьевскую улицу (ныне ул. Каляева), где он остановился в квартире своего знакомого, сотника Журавского. В том же доме помещался и кабинет военного министра. Первым делом он написал письмо, которое передал своему адъютанту, и приказал ему немедленно отправиться в Могилев и передать письмо Корнилову в собственные руки. Затем, сказав хозяину, что хочет отдохнуть, Крымов уединился в соседней комнате и в 3 часа дня застрелился. ⁷⁴ Весть о самоубийстве генерала Крымова быстро облетела весь город и была воспринята как лучшее доказательство контрреволюционной направленности корниловского восстания и свидетельство его полного провала.

Одновременно с этим в Петрограде передавали листок с кандидатами в новое правительство, которое с часу на час собирался объявить Керенский. В нем значились: А. Ф. Керенский — министр-председатель и верховный главнокомандующий, генерал А. И. Верховский (он только что получил это звание за верность правительству в корниловские дни) — военный министр, адмирал Д. Н. Вердеревский — морской министр, Н. М. Кишкин — министр внутренних дел, Н. Д. Авксентьев — министр земледелия, А. В. Карташев — министр исповеданий, А. В. Ливеровский — министр путей сообщения, М. В. Бернацкий — министр финансов, М. И. Терещенко — министр иностранных дел и заместитель министра-председателя. Кроме того, в списке назывались С. Н. Проккопович — министр продовольствия, И. Н. Ефремов — министр государственного презрения, А. В. Бурыйкин — государственный контролер, П. Н. Малянтович — министр юстиции, А. И. Коно-

⁷³ П. Н. Милюков сопровождает эти слова таким комментарием: «Кто знает Керенского и его интонации в подобных случаях, с подчеркиванием каждого слова, с задыхающимися остановками, с желанием быть ядовито саркастическим, тот не усомнится в подлинности этих выражений» (Милюков в П. Н. Указ. соч., с. 267).

⁷⁴ Получив письмо Крымова, Корнилов немедленно разорвал его и сказал Лукомскому, что там ничего особенного нет, но оно свидетельствует, что Крымов застрелился сам (см.: Мартынов Е. И. Указ. соч., с. 151).

валов — министр торговли и промышленности. Обращало на себя внимание отсутствие Н. В. Некрасова в этом списке, но, как мы знаем, его судьба была решена в тот поздний вечер 28 августа, когда он посоветовал Керенскому уйти в отставку. Вместо него в правительство призывался другой тайный друг Керенского по «Верховному Совету народов России» — А. И. Коновалов. Должность же заместителя премьера вручалась пока еще надежному, как казалось Керенскому, М. И. Терещенко.

Бурыйкин, намечавшийся еще во второе коалиционное правительство, символизировал торгово-промышленный класс. Кадеты были представлены Карташевым и Кишкиным, который, как оказалось, и не думал выходить из партии народной свободы. К тому же поговаривали, что Коновалов, который после развала партии прогрессистов числился беспартийным капиталистом, собирался прийти в кадетскую партию. Именно эти три фамилии делали неприемлемым для «революционной демократии» весь этот список, хотя в нем и числился Авксентьев. По всей вероятности, именно циркуляция данного списка подтолкнула и ЦК партии эсеров склониться к тому, чтобы протестовать против вхождения в одно правительство с кадетами. Но эти решения были еще неизвестны большинству членов ЦИК и ИК Совета крестьянских депутатов, которые собрались в 6 часов вечера на свое заседание в Смольном институте.

От имени большевистской фракции Л. Б. Каменев огласил резолюцию-декларацию ЦК РСДРП(б), принятую днем. Он отметил новую роль Советов, проявившуюся в борьбе с корниловским мятежом. Но необходимо помнить, продолжал он, что на плечах Советов опять будет лежать ответственность за все, если они доверятся другому Корнилову. Вместе с тем Каменев пошел на сближение с левым крылом меньшевиков и новожизненцами, требовавшими создания «власти демократии». «Вопрос не о технике создания власти, — говорил он, — а о ее платформе, которая объединила бы на этот раз все действительно живые силы страны». От меньшевиков-объединенцев выступил Ю. М. Стеклов, резко осудивший политику соглашения с буржуазией и присоединившийся к резолюции большевиков. Меньшевик-интернационалист Латынский возражал против восстановления коалиции и предлагал создать «власть демократии». Правый эсер Архангельский призывал «оттолкнуться от кадетов» и в то же время высказывался за сохранение принципа коалиции с буржуазией на основе программы 8 июля 1917 г. После речей фракционных ораторов и оглашения проектов резолюций заседание ЦИК было прервано до 2-х часов следующего дня.

Тем временем в Актовом зале Смольного шло заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. На нем в качестве представителя Комитета народной борьбы с контрреволюцией выступил меньшевик Б. О. Богданов. Он перечислил все основные мероприятия этого Комитета, в том числе обыск на

квартире А. И. Гучкова, в Комитете польских войск, аресты в гостинице «Астория» и пр. Эти меры показывали, что в дни борьбы с корниловщиной Советы, в частности ЦИК, фактически вернули себе часть реальной власти, утраченной в июльские дни. Процесс этот затронул Москву, Киев, многие другие города, где также с решающим участием местных Советов создавались чрезвычайные органы борьбы с контрреволюцией, активно действовавшие независимо, а иногда и вопреки решениям правительственных органов. Богданов, ярый враг большевиков, вынужден был доложить, что Комитет народной борьбы с контрреволюцией настаивал и настаивает на освобождении большевиков, арестованных в июльские дни. Оратор подчеркивал значение единства революционного фронта демократии, которая «несмотря на разногласия, встала сплошной стеной против заговорщиков». Даже Церетели превратился в защитника единого фронта демократии и чуть ли не в адвоката большевиков, хотя продолжал защищать идею коалиционной конструкции власти, правда, без участия кадетов. Он пытался утверждать, что раз демократия и народ встали на путь защиты коалиционного Временного правительства, то, значит, они одобрили и самую идею коалиции с буржуазией.

Около 12 часов ночи завершились фракционные заседания в ЦИК. Представители эсеров и меньшевиков отправились в Зимний дворец, чтобы сообщить Керенскому о решении не быть представленными в правительстве, если в его состав войдут кадеты. Министр-председатель не ожидал такого упорства со стороны своих соглашательских партнеров. Однако пойти против мнения ведущих фракций ЦИК Советов в этой обстановке он не посмел. Переговоры с кадетами были им тотчас прерваны, а вся комбинация, казавшаяся приемлемой для обеих сторон, рассыпалась в прах. Правительственный кризис вновь обострился.

Неожиданность ждала и меньшевиков с эсерами. В те же часы общее собрание Совета приступило к обсуждению резолюций, внесенных фракциями по текущему моменту. Их было две: известная уже читателю резолюция-декларация ЦК РСДРП(б) «О власти» от 31 августа и резолюция фракции эсеров. Она тоже была весьма радикальной. Резолюция эсеров предлагала ЦИК сконструировать собственное правительство, в которое ни в коем случае не должны были входить кадеты. В ней говорилось о необходимости создания «Временного революционного парламента», перед которым вплоть до Учредительного собрания должно было быть ответственно Временное правительство. Ряд общедемократических требований (в частности, роспуск Государственной думы и Государственного совета) в обеих резолюциях совпадали. И тем не менее эсеровская резолюция уже не соответствовала настроению депутатов Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Революция стремительно шла вперед, оставив позади меньшевиков и эсеров. В 5 часов утра 1 сентября общее собрание большинством голосов (279 против 115 при 51 воздержавшемся)

впервые за всю историю Совета приняло большевистскую политическую резолюцию. Хотя эсеровская фракция тотчас же опротестовала принятую резолюцию, сославшись на то, что члены солдатской секции почти полностью отсутствуют на заседании, и было ясно, что предстоит еще серьезная борьба за окончательное овладение Советом, принятие резолюции большевиков на общем собрании 31 августа—1 сентября означало гигантскую победу большевиков, яркое свидетельство усиления их авторитета в массах.

Утро 1 сентября 1917 г. застало борющиеся стороны в следующем положении. Кадеты еще не знали, что меньшевики и эсеры заявили о своем принципиальном отказе от соучастия с ними в одном правительстве. Они узнали об этом из газет. Точно так же и из того же источника об этом узнали большевики. И для кадетов, и для эсеров с меньшевиками ошеломляющим ударом явилось принятие Петроградским Советом большевистской резолюции, о чем также в первую очередь объявили 1 сентября газеты большевиков. Для Керенского же все эти новости стали тройным ударом. Чтобы удержаться в этой обстановке, Керенскому нужно было предпринять нечто особенное, небывалое. Но цель здесь была бы одна — умиловить в первую очередь соглашательских лидеров и пожертвовать (хотя бы на время) кадетами и реакционным лагерем. В ночь на 1 сентября Керенский сдает в Бюро печати целую серию новых приказов об арестах корниловцев, в том числе и только что подписанных. Выдан «революционной демократии» второй по величине предводитель контрреволюции — атаман Каледин: в «Вестнике Временного правительства» от 1 сентября публиковался помеченный 31 августа указ правительствующему Сенату об отчислении от должности генерала от кавалерии Каледина с преданием суду за мятеж. Увольнялся с преданием суду за мятеж генерал Эльснер, начальник снабжения армий Юго-Западного фронта. Печатался указ от 30 августа об освобождении от всех должностей Савинкова и в то же время на другой полосе помещалось постановление Временного правительства о предоставлении петроградскому военному генерал-губернатору чрезвычайных полномочий по печати, т. е. права закрытия газет, датированное 29 августа. 30 августа был помечен указ о назначении А. И. Верховского военным министром с производством его в генерал-майоры. Вместе с тем вместо капитана Козмина командующим войсками Петроградского генерал-губернаторства назначался числящийся по гвардейской пехоте и находящийся в распоряжении военного министра генерал-лейтенант Теплов. Это была фигура, обязанная подчиниться Керенскому не за страх, а за совесть, в полной мере свой человек. Керенский держал его при своей свите уже давно. Еще 16 июля Теплов сопровождал его в Ставку на совещание с командующими. Суть была в том, что Теплов, еще будучи полковником Преображенского полка, был принят в 1908 г. в масонскую ложу и должен

были повиноваться генеральному секретарю «Верховного Совета народов России», т. е. Керенскому.

Одновременно «Вестник» печатал два трескучих приказа Керенского: один армии и флоту по случаю назначения его верховным главнокомандующим, а второй — казакам. В обоих документах была применена революционная фразеология. Но приказ казакам напоминал об их «подвигах» 3—5 июля в Петрограде, а общий приказ поразил современников тем, что в нем впервые за время революции восстанавливалась обычная армейская иерархия: генералы и адмиралы упоминались впереди офицеров, а офицеры — впереди солдат.

Но все это были мелочи. Керенский решил преподнести лидерам ЦИК главный приз: добиться немедленного ареста генерала Корнилова в Могилеве 1 сентября 1917 г. Разумеется, в скорейшем аресте Корнилова был заинтересован и сам Керенский. Он не мог чувствовать себя в полной безопасности, пока бывший главверх был на свободе. Воображение рисовало попытки бегства Корнилова, организации сопротивления, нового похода на Петроград. К тому же посредничество Алексеева, промедление с арестом Корнилова, предоставление ему права отдачи оперативных распоряжений — все это до крайности нервировало массы. В прифронтовой полосе началось стихийное формирование отрядов с целью пробиться в Ставку и арестовать Корнилова самим. Один из таких отрядов формировался в Орше под командованием подполковника Короткова. Узнав об этом, Керенский вынужден был разрешить формирование отряда и движение его в Могилев, чтобы не «оказаться уже окончательным предателем и контрреволюционером». Правда, в специальной телеграмме он оговорил, что действовать отряд может только по соглашению с генералом Алексеевым.⁷⁵

Алексеев сумел выехать из Петрограда только вечером 31 августа. В Витебске он узнал о формировании отрядов для похода в Ставку. Озабоченный стремлением не допустить возможных столкновений, генерал Алексеев вынужден был остановиться. Но подполковник Коротков предъявил ему телеграмму Керенского. С большим трудом Алексееву удалось добиться от него обещания, что без разрешения начальника штаба коротковский отряд не вступит в черту Могилева. В 3 часа дня 1 сентября генерал Алексеев прибыл в Могилев и был встречен Корниловым. Тотчас он был вызван к аппарату и получил сообщение от нового военного министра генерала Верховского, который все еще находился в Москве. «Сегодня выезжаю в Ставку с крупным вооруженным отрядом, — заявлял Верховский, — для того чтобы покончить то издевательство над здравым смыслом, которое до сих пор имеет место. Корнилов, Лукомский, Романовский, Плющик-Плющевский, Процин и Сахаров должны быть немедленно арестованы и

⁷⁵ Керенский А. Ф. Указ. соч., с. 175.

препровождеды — это является целью моей поездки, которую считаю совершенно необходимой. Вызвал Вас к аппарату, надеясь услышать, что аресты уже произведены».⁷⁶

Почти в то же время Алексеева вызвали к другому аппарату. Там был уже Керенский. Принятое сообщение гласило: «Если через 2 часа не будет выполнено приказание об аресте Корнилова и Лукомского, правительство будет считать генерала Алексеева пленником Корнилова и примет все меры для очистки Могилева от контрреволюционных элементов». Срок ультиматума истек в 7 часов 10 минут вечера, но генерал Алексеев все еще вел переговоры с Корниловым, не приступая к его аресту. Керенский не мог потерпеть, чтобы его приказания не выполнялись, и снова телеграфировал в Могилев, приказав начальнику своего кабинета Барановскому передать: «Главковерх требует, чтобы генерал Корнилов и его соучастники были арестованы немедленно, ибо дальнейшее промедление грозит неисчислимыми бедствиями. Демократия взволнована свыше меры, и все грозит разразиться взрывом, последствия которого трудно предвидеть. Этот взрыв в форме выступления Советов и большевиков ожидается не только в Петрограде, но и в Москве и в других городах. В Омске арестован командующий войсками и власть перешла к Советам. Обстановка такова, что медлить больше нельзя. Или промедление и гибель всего дела спасения родины, или немедленные и решительные действия и аресты указанных Вам лиц. Тогда возможна еще борьба. Выбора нет. А. Ф. Керенский ожидает, что государственная разум подсказет генералу Алексееву решение и он примет его немедленно: арестуйте Корнилова и его соучастников. Я жду у аппарата вполне определенного ответа, единственно возможного, что лица, участвующие в восстании, будут арестованы... Для Вас должны быть понятны те политические движения, которые возникли и возникают на почве обвинения власти в бездействии и попустительстве. Нельзя дальше так разговаривать. Надо решиться и действовать».⁷⁷ Вскоре последовал, наконец, ответ Алексеева: «Около 10 часов вечера генерал Корнилов и т. д. арестованы».⁷⁸ В 11 часов вечера в Могилев прибыли Шабловский и члены Чрезвычайной комиссии.

Страх Керенского по поводу того, что он может быть завтра, а то и сегодня, сейчас свергнут Советами и большевиками, кото-

⁷⁶ Миллюков П. Н. Указ. соч., с. 284.

⁷⁷ Эта телеграмма в нашей литературе цитируется очень неполно. Н. Я. Иванов, автор двух книг о разгроме корниловщины, интерпретирует ее значение как желание «устранить Корнилова, чтобы спасти корниловщину» (см.: Иванов Н. Я. 1) Корниловщина и ее разгром. Л., 1965, с. 208; 2) Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977, с. 212). Такая цель, конечно, имелась в виду, но главным, на наш взгляд, было желание Керенского самому удержаться у власти, выстоять в неожиданной схватке с Советами, противостоять большевикам. Арест Корнилова помог бы вывести правительство из состояния кризиса.

⁷⁸ Миллюков П. Н. Указ. соч., с. 286.

рые уже захватили Петроградский Совет, теперь прошел, и об аресте Корнилова было немедленно дано знать в Смольный институт, где с 9 часов 45 минут уже шло пленарное заседание ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и ИК Всероссийского Совета крестьянских депутатов. К его началу политическая борьба в Петрограде достигла высокого накала. Большевики умело использовали в своей агитационной работе в массах факт перехода Петроградского Совета на их сторону. Состоялись десятки митингов и собраний, где рабочие и солдаты присоединялись к принятой Советом резолюции большевиков. Еще в утреннем выпуске «Рабочего» большевики напечатали полный текст этой резолюции. Статьи этого номера обличали сговор Керенского с реакцией, показывали, что именем Керенского буржуазия прикрывает фактическое воцарение в армии Алексеева, которого «Речь» называла вождем армии. Готовится новая военная диктатура!

«Корнилов победил» — так называлась другая статья, посвященная возможной сделке Алексеева и Корнилова, возвращению кадетов в проектируемое Временное правительство. Комментируя публикуемый список новой коалиции, «Рабочий» писал в то утро: «Таким образом, все осталось по-старому. Мелкая буржуазия и ее вожди настоящей комбинацией — соглашательством с самыми ярыми врагами рабочего класса и крестьянства, как Коновалов и Бурьшкин (ба, знакомые все лица!), снова предали революцию».

Вечером 1 сентября вышел экстренный выпуск «Рабочего». Он наносил сразу несколько ударов врагам рабочего класса. На распространившиеся слухи о новом «большевистском выступлении» газета отвечала призывом: «Товарищи, не поддавайтесь провокации! Затаим нашу ненависть против наших врагов. Жизнь за нас. Мы победим — мы победим тем скорее и вернее, чем больше хладнокровия мы сохраним теперь». Сообщение о переходе Петроградского Совета на большевистские позиции «Рабочий» давал под заголовком: «Исторический поворот». Газета быстро реагировала и на обострение кризиса власти. Печаталась информация «Развал Временного правительства», где говорилось: «Коалиция мелкобуржуазных партий, эсеров, меньшевиков и крупной буржуазии, кадетов, распалась. Побуждаемые движением низов, первыми отказались от участия с кадетами эсеры. Меньшевики пытались еще найти равнодействующую и составить новое соглашение. Но все их попытки оказались тщетными, и соглашение не состоялось. Тогда и меньшевики решили отозвать из Временного правительства своих представителей». В другом сообщении этого же экстренного выпуска, в заметке «Эсеры о власти», говорилось о посещении Керенского делегацией эсеро-кадетского ЦК в составе Гоца и Зензинова с заявлением о невхождении их в одно правительство с кадетами. В этом сообщении впервые за много дней Гоц и Зензинов назывались «т.т.» — товарищами.

«Ввиду этого, — делала вывод газета, — правительственный кризис вновь обострился».

Даже официальные «Известия» 1 сентября в статье «Где опасность?» видели ее в нерешительности в борьбе с контрреволюцией и в нарушении единства революционных сил. В статье «На что они рассчитывают?» «Известия» заявляли, что кадетам не место во Временном правительстве. Днем 1 сентября Керенский встречался с эсеро-меньшевистскими вождями ЦИК, но эти встречи не дали никаких результатов. Вечернее заседание ЦИК открывалось речью Скобелева. Сообщив о своей отставке из Временного правительства, меньшевистский лидер сказал, что теперь он развязал себе руки и будет проводить свою идею — требование коалиции с ценовыми элементами — в ЦИК. Богданов предлагал созвать «демократический съезд» и установить на нем диктатуру демократии. На его позицию несомненно повлияла деятельность в Комитете народной борьбы с контрреволюцией, в ходе которой он вошел во вкус «диктатуры». Д. Б. Рязанов от имени большевиков призывал ЦИК и ИК образовать ответственное перед ними до Учредительного собрания правительство. В выступлении лидера партии эсеров Чернова проводилась мысль о том, что если коалиция с кадетами отвергнута, то соглашение с определенными кругами буржуазии еще возможно. «Никого не удивит, — говорил он, — что партия с.-р. заявила вчера тов. Керенскому, наметившему кабинет с кадетами, что такой список для партии неприемлем и что ни одного представителя партия правительству не даст». С места раздался возглас: «А Керенского?». Чернов в запальчивости крикнул: «И Керенского не даст». «А он сам?» — последовал вопрос. «Это вы спрашивайте не у меня», — уж без прежней уверенности ответил Чернов.

Меньшевик М. И. Либер резко выступил против лозунга большевиков о создании власти из представителей пролетариата и беднейшего крестьянства. Пугая «неоплаченными счетами революции», он предостерегал членов ЦИК от взятия власти: «Кадеты сброшены с колесницы, но бойтесь, как бы нам не очутиться на ней одним».⁷⁹ Вскоре лидеры эсеровской и меньшевистских фракций вновь посетили Зимний дворец и сообщили Керенскому, что выступают против коалиции с кадетами, но не возражают против привлечения «цензовиков». Керенский на это отвечал, что представители деловой буржуазии вряд ли пойдут в правительство без кадетов. По обыкновению он сказал, что подумает о своей собственной отставке. Лидеры ЦИК бросились уговаривать его. Вероятно, здесь вновь возникла мысль о «Директории», но эсеро-меньшевистские вожди были связаны предшествующими своими резолюциями, где «Директория» (правда, с участием кадетов) осуждалась. Керенский медлил. Как мы знаем, он все еще не имел известия из Могилева, которое бы позволило ему быть бо-

⁷⁹ Известия, 1917, 2 сент.

лее решительным по отношению к правому лагерю. Делегация ЦИК уехала пока ни с чем.

Когда же пришел ответ от Алексева, Керенский, чувствуя себя победителем, решил проявить инициативу и настойчивость в первом шаге к разрешению кризиса власти. Он объявил о создании «Директории». Власть брал Совет пяти с ним во главе. В него входили: министр иностранных дел М. И. Терещенко, беспартийный; А. М. Никитин, меньшевик, получивший пост министра внутренних дел; А. И. Верховский, военный министр, и Д. Н. Вердеревский, морской министр. Оба военных тоже были беспартийными. Таким образом, в «Директории» не было кадетов и был лишь один «цензовик», традиционная лояльность которого к Керенскому и эсеро-меньшевистским вождям была известна.

При принятии этого решения присутствовал Авксентьев, бывший министр внутренних дел во втором коалиционном правительстве, эсер, председатель ИК Совета крестьянских депутатов. Он же и отправился в Смольный, чтобы сообщить об этой весте. Взойдя на трибуну, он сказал членам ЦИК, что правительство само положило конец кризису и «сорганизовалось в уменьшенном размере». Он призывал оказать «Директории» полную поддержку. За ним опять выступил Скобелев, который также призывал поддержать Керенского, Совет пяти и отложить окончательное решение вопроса о власти до Демократического совещания. Был объявлен перерыв для фракционных заседаний. Заседание ЦИК и ИК возобновилось в половине 5-го утра. Выступивший первым Мартов выразил удовлетворение тем, что в составе «Директории» нет кадетов. Расчет Керенского, таким образом, оправдывался. Большевики же выступили против создания Совета пяти и предлагали ЦИК и ИК немедленно создать новое правительство на данном заседании. Церетели успокаивал собравшихся тем, что если на Демократическом совещании «кроме нас, не окажется ни одной живой силы в стране, то мы возьмем власть в свои руки».

При голосовании большинство отвергло резолюцию большевиков «О власти» и проект меньшевиков-интернационалистов. За основу была взята резолюция меньшевиков и эсеров. В ней, как сообщали «Известия» от 3 сентября, говорилось о необходимости «сильной революционной власти, созданной демократией», которая должна быть свободна от всяких компромиссов с контрреволюционными цензовыми элементами, и о созыве ЦИК «съезда организованной демократии» для решения вопроса о власти, способной довести страну до Учредительного собрания. До этого съезда ЦИК предлагал правительству сохранить его теперешний состав, а демократия призывалась оказать ему поддержку.

Так окончилась первая, самая острая стадия третьего кризиса власти 1917 г., вызванного мятежом генерала Корнилова и его разгромом. Керенский удержался у власти, сохранил за собой

место премьера и даже добавил к нему звание верховного главнокомандующего. Он избавился от конкурента в борьбе за верховную власть в стране. Однако в этой борьбе он вынужден был опереться на Советы, что привело к мощному массовому подъему в защиту революции. Подлинными руководителями этого подъема проявили себя по всей стране большевики. Особенно усилилось их влияние в столице, где они сумели завоевать на свою сторону Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Борьба Керенского с Корниловым не носила общеполитического характера борьбы с буржуазной контрреволюцией. Наоборот, в планах и методах Керенского и Корнилова было много общего. Керенский допускал посредничество кадетов в улаживании конфликта, он не собирался устранять кадетов, замешанных в пособничестве мятежу, от участия в коалиции. Компромиссом с кадетами было и назначение Алексеева. Вместе с тем Керенский вынужден был уступить и эсеро-меньшевистскому руководству ЦИК. Он уволил Савинкова, настоял на аресте Корнилова, не посмел создать коалицию с кадетами вопреки воле важнейших фракций ЦИК.

Большевики, настаивая на немедленном создании власти из представителей рабочего класса и беднейшего крестьянства, предлагали ЦИК самому организовать власть. Однако лидеры ЦИК отказались это сделать и призвали массы одобрить создание «Директории», оказать Керенскому поддержку. Но это решение носило временный, промежуточный характер. Предстоящее Демократическое совещание должно было создать власть, способную довести страну до Учредительного собрания.

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

Добившись поддержки со стороны ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и ИК Совета крестьянских депутатов, А. Ф. Керенский тут же стал делать вид, что в поддержке этой ни он, ни Временное правительство нисколько не нуждаются, не нуждались и по-прежнему абсолютно независимы от Советов в своей деятельности. В то время как ЦИК постановил, что нынешнее Временное правительство будет существовать только до созыва Демократического совещания (назначенного на 12 сентября) и это совещание создаст власть, которая доведет страну до Учредительного собрания, само Временное правительство в своем первом же документе высказалось по этому поводу иначе. После извещения о том, что всю полноту власти Временное правительство передало пяти лицам во главе с министром-председателем, говорилось следующее: «Убежденное в том, что только сосредоточение всех живых сил страны может вывести родину из того тяжелого положения, в котором она находится, Временное правительство будет стремиться к расширению своего состава пу-

тем привлечения в свои ряды всех тех элементов, кто вечные и общие интересы Родины ставит выше временных и частных интересов отдельных партий или классов. Временное правительство не сомневается в том, что эта задача будет им исполнена в течение ближайших дней».¹

Если учесть, что публикация этого документа последовала 3 сентября, то нельзя не видеть в нем определенного вызова ЦИК, поскольку все «живые силы» страны, естественно, включали и кадетов, коалиция с которыми была единодушно осуждена «революционной демократией» в корниловские дни. Декларация Совета пяти была проникнута тем же духом бонапартистского лавирования, которым отличались и другие заявления правительства Керенского. Она громогласно объявляла о подавлении мятежа генерала Корнилова. В то же время она говорила о «великой смуте», внесенной в армию, и «великой опасности», угрожающей «родине и свободе». Делая жест налево, провозглашая немедленно Россию республикой, Временное правительство одновременно вводило и ограничение республиканских порядков, которым несомненно являлось сосредоточение диктаторской власти в руках «Директории». Это было давней мечтой руководящей группы во Временном правительстве. Еще в конце июня об этих планах говорили и Н. В. Некрасов, и М. И. Терещенко, и И. Г. Церетели во время совместной поездки в Киев. Затем идея учреждения «Директории» всплывала после июльских дней и перед образованием второй коалиции. С 27 августа она обсуждалась во Временном правительстве и в ЦИК. И хотя ЦИК неизменно высказывался против ее создания, Керенский настоял на своем.

Итак, своей главной задачей Временное правительство объявляло «восстановление государственного порядка и боеспособности армии». Первый же приказ Керенского как главнокомандующего, скрепленный подписью генерала Алексеева, показывал, в каком направлении он собирался бороться со смутой. Керенский приказывал прекратить «политическую борьбу в войсках» и обратить все усилия на увеличение боевой мощи армий, всем войсковым организациям и комиссарам «стать в строгие рамки деловой работы, лишенной политической нетерпимости и подозрительности, ограничиваясь сферой деятельности, совершенно чуждой вмешательству в строевую и оперативную работу начальствующих лиц», восстановить беспрепятственную перевозку войск по приказам командного состава, прекратить «арестование начальников», так как право на это принадлежит прокурорскому надзору и специально созданной Чрезвычайной следственной комиссии, прекратить смещение и устранение от командных должностей начальствующих лиц, так как это входит в компетенцию соответствующих органов государственной власти, а не организаций, «немедленно прекратить самовольное формирование отрядов

¹ Вестник Временного правительства, 1917, 3 сент.

под предлогом борьбы с контрреволюционными выступлениями), немедленно снять контроль войсковых организаций с телеграфных аппаратов.² Все это было направлено на то, чтобы положить конец революционной инициативе масс, не допустить дальнейшего расширения борьбы с контрреволюцией.

Керенский призывал на помощь весь свой авторитет и все свое красноречие. «Армия, — говорилось в его приказе, — вызвавшая в эти тяжелые, смутные дни доверие Временному правительству и мне как Министру-председателю, ответственному за судьбы родины, великим разумом своим должна понять, что спасение страны только в правильной организации, поддержании полного порядка, дисциплины и в единении всех между собой. К этому я, облеченный доверием армии, зову всех. Пусть совесть каждого проснется и подскажет каждому его великий долг перед родиной в этот грозный час, когда решается ее судьба. Как верховный главнокомандующий, я требую от всех начальствующих лиц, комиссаров и войсковых организаций неуклонного проведения всего изложенного в жизнь и предвещаю, что уклонение или неисполнение указанных моих приказаний будет в корне подавлено со всей силой и виновные понесут суровые наказания».³ Если мы внимательно изучим содержание этого приказа, то отчетливо увидим его антисолдатскую и «антикомитетскую» направленность, увидим, что в нем по сути дела воплощались многие пожелания высших воинских начальников, высказывавшиеся еще с мая 1917 г., а особенно со времени совещания в Ставке 16 июля и со времени подготовки докладов Корнилова и выступлений генералов на Государственном совещании. Все это и давало основания большевикам утверждать, что, хотя Корнилов арестован, корниловщина продолжается и Керенский на деле пытается ее восстановить.

Страх перед революцией и особенно перед большевиками проявлялся и в мероприятиях правительства в самом Петрограде. Хотя Савинков был смещен и не успел приступить к задуманным им арестам большевиков, его политику продолжил новый временно исполняющий обязанности петроградского военного генерал-губернатора П. И. Пальчинский. Уже в вечернем экстренном выпуске «Рабочего» от 1 сентября сообщалось о полученном распоряжении Пальчинского закрыть центральный орган большевистской партии. 2 сентября «Рабочий», а также газета меньшевиков-интернационалистов «Новая жизнь» были закрыты. Тем самым правительство демонстрировало свою преемственность с августовской прокорниловской и антибольшевистской политикой, когда были закрыты большевистские «Рабочий и солдат», а затем и «Пролетарий». Но на сей раз антидемократический акт прави-

² Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. Документы и материалы. М., 1959, с. 470.

³ Там же, с. 470—471.

тельства Керенского вызвал даже недовольство со стороны меньшевиков и эсеров, поскольку он подрывал авторитет ЦИК Советов, которому хотелось бы «вернуть» большевиков в общий фронт «революционной демократии».

«Независимость» Керенского проявлялась и в многочисленных перетасовках и перемещениях в правительственных сферах, от которых были полностью устранены деятели ЦИК. Тут все большее значение приобретали не заслуги того или иного деятеля, не роль его в общественных группах или партиях, а личное благорасположение к нему министра-председателя. Получили повышение и были произведены в генерал-майоры полковники Барановский и Самарин. Для Барановского был изобретен новый пост — начальника военного кабинета министра-председателя (до этого он занимал пост начальника кабинета военного министра, но теперь пост военного министра был занят А. И. Верховским!). Самарин, помощник Барановского, сумевший привезти Крымова в Петроград, был назначен командующим войсками Иркутского военного округа.⁴

Были подписаны, наконец, отставки ряда министров. Чернов получил отставку с 28 августа, Кокошкин, Юренев, Ольденбург и Пешехонов с 31 августа, Скобелев и Авксентьев — со 2 сентября 1917 г., а Зарудный — с 3-го. Получил отставку и Некрасов, причем с двух своих постов еще 31 августа, в течение трех дней находясь за штатом правительства. Лишь через эти три дня был уволен финляндский генерал-губернатор Стахович, чей авторитет в Финляндии был сильно подорван разгоном сейма, и на его место, в почетную ссылку в Гельсингфорс, был послан Некрасов. Вчистую был уволен «согласно прощению» и пресловутый Филоненко, который ранее носил пышный титул комиссара Временного правительства при верховном главнокомандующем всеми вооруженными силами государства Российского. Зато Вырубов, обладатель другого, еще более длинного титула, — уполномоченный Временного правительства по реформированию военных управлений и слиянию общественных организаций на фронте на правах помощника военного министра и председатель Особого комитета по объединению деятельности общественных организаций на фронте — был возвышен и стал помощником начальника штаба верховного главнокомандующего по гражданской части. Керенский не только распорядился наличным штатом министров и своих сотрудников, но и стал назначать новых. Напомним, что «Директория» только передавала всю полноту власти пяти министрам, делать же работу за других министров они не собирались. Часть бывших товарищей министров была сделана управляющими министерствами — П. А. Вихляев по Министерству земледелия, А. В. Ливеровский — по Министерству путей сообщения и пр. Но вот 4 сентября доктор медицины профессор

⁴ Вестник Временного правительства, 1917, 14 сент.

С. С. Салазкин был назначен даже не управляющим, а прямо — министром народного просвещения. Несколько позже профессор Петроградского политехнического института Н. П. Саввин стал заместителем председателя Главного экономического совета, а министр торговли и промышленности С. Н. Прокопович (не ушедший в отставку!) стал и министром продовольствия. Член «Директории» А. М. Никитин также совмещал два поста: министра почт и телеграфов и министра внутренних дел (после отставки Н. Д. Авксентьева). М. И. Терещенко с 4 сентября получил право замещать министра-председателя в момент его отсутствия.

3 сентября состоялось первое политическое заседание Временного правительства после ликвидации корниловского мятежа. На нем присутствовали министры, управляющие министерствами и товарищи министров, в числе которых были Керенский, Терещенко, Карташев (кадет, министр исповеданий, тоже пока не был отставлен), Ливеровский, Демьянов, Никитин, Прокопович, Салазкин, Вихляев, Зельгейм, Салтыков, Бернацкий (министр финансов, также оставшийся в правительстве), Верховский и Вердеревский.⁵ Первым выступил Керенский с докладом об общеполитическом положении. Краткая протокольная запись его доклада выглядит так: «Корнилов. Ликвидируется, следствие идет энергично. В полках арестовываются офицеры — меры приняты. Каледин. Подготовка была, раскол уже есть. Ефремов посылает телеграмму, недоверие к Совету казачьих войск. Большевики — отпали, и кронштадтцы отбывают. Сейчас тревоги нет. Агитация в войсках, чтобы вызвать недоверие к командному составу. На фронте. О высадке ничего нет, время неподходящее. У Двинска накопление германских сил, равно и в Румынии; скорее — второе — там хлеб и погода. Австрия, Болгария и Турция сильно требуют».⁶

Затем Керенский сообщил — и эта информация затем была передана в печать,⁷ что 2 сентября его посетила делегация Финляндского сената, которая благодарила Временное правительство за предоставленную возможность по расширению прав самоуправления страной. Сенаторы заявили, что отныне «финляндцы пойдут рука об руку с русским народом»⁸ по пути их политической и экономической жизни».⁹

⁵ ЦГАОР СССР, ф. 6, оп. 1, д. 20, л. 3.

⁶ Там же. — В построении доклада обращает на себя внимание, что упоминание о большевиках следует сразу за Корниловым и Калединим. (В те дни злонамеренно распространялись слухи о якобы готовящемся выступлении большевиков; ЦК РСДРП(б) и все другие большевистские организации в Петрограде их опровергали). Кронштадтцы — это все те же две тысячи кронштадтских матросов, которые прибыли самостоятельно в Петроград для борьбы с контрреволюцией.

⁷ См.: Вестник Временного правительства, 1917, 5 сентября.

⁸ В протоколе написано: «Идти нога в ногу с Россией».

⁹ Вестник Временного правительства, 1917, 5 сент.

Есть в протоколе и такая запись: «Непреренно надо дать им (финнам, — В. С.) хлеб». И еще: «Формирование правительства не связано с съездом 12 сентября».¹⁰ Таким образом, даже в своем кругу Керенский не допускал и мысли о каком-то определяющем значении Демократического совещания и его решений для себя и правительства. Обсуждался вопрос и о действиях революционных отрядов на узловых станциях железных дорог. Временное правительство постановило запретить их формирование и деятельность. На вторник, 5 сентября, назначалось следующее правительственное заседание.

Однако уже 4 сентября Временному правительству пришлось принимать ряд важных мер, которые прошли через «Директорию» и не оставили следа в протоколах кабинета. Возмущение деятельностью Пальчинского как военного генерал-губернатора, и в частности закрытие им газет «Рабочий» и «Новая жизнь», было так велико, что было решено немедленно упразднить этот пост, а само закрытие объявить отмененным. Одновременно восстанавливался пост командующего Петроградским военным округом. На него был назначен подполковник Г. П. Полковников (из делегации корниловского III конного корпуса, которая приезжала с выражением покорности Временному правительству) «с одновременным производством его в полковники».¹¹ Думается, что благодаря этому шутовскому сочетанию, а не военным подвигам или политической лояльности заслужил Полковников свою высокую и ответственнейшую должность. Уверенный в своем историческом предназначении министр-председатель вскоре — всего через полтора месяца — жестоко поплатился за эти шутки: полковник Полковников оказался довольно беспомощным на посту командующего округом и не смог даже толком организовать защиту правительства и Зимнего дворца.

4 сентября Керенский выпустил за своей подписью постановление против самочинных комитетов борьбы с контрреволюцией, созданных по образцу Комитета народной борьбы с контрреволюцией при ЦИК местными Советами. В начале приказа выражалась от имени правительства лицемерная благодарность этим организациям: «В минувшие дни мятежа генерала Корнилова в целях борьбы с ним в городах, деревнях, на железнодорожных станциях как в тылу, так и в районе действующей армии по почину самих же граждан образовались особые комитеты спасения и охраны революции, ставшие вместе с верными делу свободы правительственными органами центрами власти на местах. Эти комитеты сумели защитить и укрепить завоевания революции от посягательств мятежников, оказав весьма существенную помощь правительственной власти для мирного и бескровного разрешения тяжелого кризиса».¹² Теперь, продолжая Керенский, мятежники

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 6, оп. 1, д. 20, л. 3.

¹¹ Вестник Временного правительства, 1917, 6 сент.

¹² Революционное движение в России... с. 471.

сдались, арестованы и преданы суду, правительственные органы власти «вышли из кризиса окрепшими», теперь цели достигнуты. «Свидетельствуя от имени всей нации» о заслугах этих комитетов, постановление требовало вернуться к обычному порядку действий компетентных государственных органов. «Самочинных же действий, — заключало постановление, — в дальнейшем допускаемо быть не должно, и Временное правительство будет с ними бороться как с действиями самоуправными и вредными республике». Итак, признавая наличие известного двоевластия, возродившегося в дни борьбы с корниловщиной, Керенский употреблял все силы, чтобы подавить его, вернуть Советы к той роли безгласного придатка власти, которую они исполняли после июльских дней.

Как и предполагалось, следующее деловое заседание Временного правительства состоялось 5 сентября и прошло под председательством Терещенко. Главное внимание оно уделило положению на железных дорогах. Ливеровский доложил о том, что среди железнодорожников зреет недовольство незначительностью сделанных ранее прибавок к жалованию. Все они уже съедены дороговизной. Викжель возглавляет борьбу железнодорожников за улучшение своего положения. Доклады представителей министерств рисовали общую картину развала в Средней Азии, на Дальнем Востоке и в Поволжье. Большие запасы продовольствия в Западной Сибири, на Северном Кавказе парализованы отсутствием должного порядка на транспорте и плохой его пропускной способностью. «Картина безвыходная», — так резюмировал обсуждение одного из вопросов помощник военного министра генерал Якубович.¹³ Затем были утверждены предположения по ряду министерств.

Керенский не присутствовал на этом заседании. Вместе с военным министром в этот день он был уже в Ставке. Поэтому и лидеры ЦИК, прочтя с раздражением в «Вестнике Временного правительства» постановление о ликвидации самочинных комитетов, не могли немедленно выразить Керенскому свой протест. Как показывает содержание эсеро-меньшевистских газет и деятельность руководства ЦИК, после 2 сентября и официального одобрения «Директории» отношения между ЦИК и Временным правительством, а точнее Керенским, оставались натянутыми и подозрительными. Оснований для этого в деятельности правительства имелось достаточно.

Так, эсеровское «Дело народа» в передовой от 2 сентября указывало, что в корниловские дни правительство колебалось, опиралось только на штабы. Спасение революции и страны — «только в организованных силах и самодеятельности революционной демократии». Эсеры призывали ЦИК к самокритике, к необходи-

¹³ ЦГАОР СССР, ф. 6, оп. 1, д. 20, л. 4—4 об.; Вестник Временного правительства, 1917, 6 сент.

мости поднять престиж верховного его органа, поколебленный июльскими днями. «Это будет осуществлено, — писала газета, — если ЦИК Советов поведет решительную политику, которая бы учитывала настроения вчерашнего меньшинства. Для этого Советам необходимо пересмотреть линию поведения и признать те ошибки, которые они совершили и на которые отчасти указывала крайняя левая. Урок корниловщины должен быть учтен, недопустим дальнейший раскол в массе единой демократии». И так, грозя правительству, эсеры в то же время извинялись и перед большевиками. Они готовы были принять их обратно, в ряды «революционной демократии». В обмен они требовали немногого: отказаться от создания революционной власти. «Еще не наступил момент, когда власть должна перейти в руки революционной демократии», поучали они большевиков, полагая, что до Учредительного собрания нецелесообразно организовывать какие-либо выступления.

3 сентября, приветствуя объявление России республикой, «Дело народа» посвятило несколько своих комментариев новому правительству. В передовой «Совет пяти» газета писала, что «Директория» — переходная мера, необходимая для того, чтобы избежать гражданской войны. Эсеры предупреждали Керенского, что «попытка решить вопрос о власти вопреки и помимо органов революционной демократии, Советов рабочих и солдатских депутатов — обречена на неудачу». Необходимо организовать власть в контакте с Демократическим совещанием. «Никаких репрессий налево!» — заявляла газета, намекая на закрытие «Рабочего» и «Новой жизни». «Остатком коалиции» называло «Дело народа» и Совет пяти.

В другой статье этого же номера, названной «Орган демократического контроля», указывалось, что «единственный выход из политического тупика — это созыв совещания демократических организаций, это их использование как органа демократического контроля над властью. Ибо нынешний „Совет пяти“ есть переходная мера, а не выход. Понять это и пойти навстречу органу демократического контроля — вот тот единственный „совет“, который мы можем дать „Совету пяти“». Но, как мы знаем, Керенский именно в этот день на заседании Временного правительства сказал, что формирование правительства не связано со «съездом 12 сентября».

Меньшевистская «Рабочая газета» в передовой от 2 сентября констатировала кризис власти. «Революционная демократия, — заявляла газета, — категорически настаивает на удалении из коалиционного правительства представителей, скомпрометировавших себя причастностью или солидарностью с корниловским заговором». Вместе с тем меньшевики выступали и против «безвластия». Единственный выход они видели в созыве демократического съезда, ратовали за единый «революционный фронт», призываемый воздерживаться от каких бы то ни было выступлений

(имелись-то в виду в первую очередь большевики) вне руководства ЦИК. В передовой от 3 сентября «Рабочая газета» называла «Директорию» «переходным этапом», «переходной ступенью к организации демократической власти, не исключаяющей коалиции с теми цензовыми элементами, которые способны вместе с демократией бороться за утверждение республиканского строя и защиту страны». Меншевики призывали рабочий класс России к «выдержке» в ожидании «авторитетных решений» Демократического совещания.

«Известия» 2 сентября выступали за «твердую демократическую власть». Отсюда делался вывод о необходимости быстрейшего проведения съезда *всей демократии*. В статье «Уроки корниловского бунта» орган ЦИК констатировал, что отпор контрреволюции дала *демократия*, следовательно, необходимо сохранение *всех демократических организаций* и в армии, и в тылу. В передовой «Хорошее предзнаменование» «Известия» в следующем номере приветствовали создание и состав «Директории». Так как в ее составе нет кадетов, продолжала газета, то *демократия* должна быть довольна временным разрешением кризиса власти.¹⁴

Только «Народное слово» давало освещение кризису в более благоприятном для правительства тоне. Указывая, что Советы, и в частности Петроградский Совет, требуют, чтобы кадеты не входили в правительство, С. Дмитриевский в статье «Новый кризис» подчеркивал, что торгово-промышленники без кадетов в правительство идти не хотят, что грозное положение усугубляется принятием большевистской резолюции в Петроградском Совете и стихийном применении на практике в провинции лозунга «Вся власть Советам!». Единственно возможное правительство, по мнению Дмитриевского, — это правительство коалиции, национального единения и революционной самообороны.¹⁵ Создание Совета пяти эта газета комментировала и в своей передовой от 5 сентября. Она находила власть «Директории» неустойчивой и считала, что Демократическое совещание не справится со своей задачей, так как не будет большинства ни для демократии социалистической, ни для демократии буржуазной.

Итак, в мелкобуржуазном лагере наиболее радикальную позицию по отношению к «Директории» заняли эсеры, что не в последнюю очередь объяснялось усиливающимся личным антагонизмом между Керенским и Черновым. Меншевики были настроены более примирительно, что было еще более заметно на примере официальных «Известий». И только народные социалисты отстаивали принципы коалиции открыто, требуя допустить к ней и кадетов. Общим для мелкобуржуазной демократии было ожидание решения вопроса о власти на Демократическом совещании, признание исключительной роли *революционной демокра-*

¹⁴ Известия, 1917, 3 сент.

¹⁵ Народное слово, 1917, 2 сент.

тии в разгроме корниловщины и необходимости всемерного укрепления демократических организаций.

4 сентября состоялось заседание Бюро ЦИК, посвященное созыву Демократического совещания. В выступлениях лидеров партий уже проявился некоторый разнобой, хотя общим оставалось убеждение в том, что именно на совещании так или иначе будет организована новая власть. Меньшевик Богданов, выступая первым, высказался против коалиции с кадетами. Он внес предложение о том, чтобы Демократическое совещание функционировало и после создания новой власти. Меньшевик Чикондзе возразил ему, что нельзя закрывать дверь для участия во власти цеповиков. Против этого выступил Мартов, развивший идею создания *демократической власти*, способной на решение творческих задач. Суханов, высказываясь против участия кадетов в правительстве, предупредил, что во избежание конфликтов надо пригласить на совещание Керенского. Дап сообщил, что перед властью должны стоять две задачи: оборона страны и борьба с контрреволюцией. «По существу, — продолжал он, — вопрос будет разрешен партиями на самом совещании, пока же ЦИК обязан как таковой представить доклад на тему о программе, тактике и формах будущей государственной власти и контроля над ней». Либер предупреждал, что созывается совещание демократических групп, а не партий, поэтому среди земцев и представителей городов могут оказаться и кадеты. Цель совещания, по его мнению, состояла в создании власти, авторитетной для большинства. Камнев от имени большевиков выступал в весьма примирительном тоне, всячески подчеркивая то общее, что есть у всех социалистических партий в этот момент: разрыв с кадетами, создание новой власти, ответственность этой власти. Церетели мотивировал созыв совещания необходимостью создать новый центр политической жизни демократии. «Теперь мы в состоянии сделать выбор, — говорил он, — мы можем рискнуть в случае выбора на Советскую власть. И часть буржуазии придет теперь на помощь, чтобы не быть отброшенной по ту сторону революции». Задача совещания — организация власти, так как прежняя коалиция себя изжила. Теперь *демократия* берет на себя ответственность и зовет к работе всех, кто хочет работать. «Если власть будет против, то, — заявил Церетели, — можно будет указать на это и власти, отстранив и ее».¹⁶

Появление до Демократического совещания приказа Керенского о самостоятельных комитетах подлило масла в огонь и обострило отношения между лидерами меньшевиков и эсеров и правительством Керенского. Немедленно 5 сентября было созвано заседание Комитета народной борьбы с контрреволюцией, что уже само по себе являлось демонстрацией неподчинения приказу Керен-

¹⁶ Дело народа, 1917, 5 сент.

ского. В принятой резолюции комитет выразил уверенность, что все местные комитеты «ввиду продолжающегося тревожного состояния будут работать с тою же энергией и выдержкой».¹⁷ 6 сентября «Известия» напечатали статью «Слухи и факты», где в резкой форме напоминали правительству о его слабости и колебаниях в корниловские дни и о том, что именно демократия дала в это время опору «запатававшейся и растерявшейся власти». Статья прямо осуждала приказ о ликвидации самочинных комитетов. 7 сентября в защиту комитетов выступила «Рабочая газета». «Дело народа» также напоминало, что Временное правительство было спасено революционной демократией, и предостерегало его от всяких попыток расширить свой состав «вопреки и помимо Советов», «без тесного единения с Демократическим сообщением».

Выше мы видели, что и в действиях правительства, и в речах лидеров партий меньшевиков и эсеров сквозила тревога по поводу действий и намерений большевиков, которые падалились в этот момент в сложном периоде осознания необходимости определенных изменений в тактике, вызванных мятежом Корнилова и политическими последствиями его разгрома. Процесс этот проходил быстро и занял всего две-три недели, но сопровождался рядом поворотов, смелой оценок, ответственными политическими инициативами.¹⁸ Не ставя своей задачей в данной работе обстоятельно изложить этот процесс, остановимся лишь на главных его моментах и итоге.

Поздно вечером 4 сентября 1917 г. в Гельсингфорсе после ознакомления с важнейшими политическими новостями петроградских утренних газет за это число В. И. Ленин написал статью «О компромиссах». Основываясь на информации о решении меньшевиков и эсеров не идти в одно правительство с кадетами, В. И. Ленин делает им от имени партии большевиков следующее предложение о политическом компромиссе: «Компромисс состоял бы в том, что большевики, не претендуя на участие в правительстве (невозможно для интернационалиста без фактического осуществления условий диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства), отказались бы от выставления немедленно требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование. Условием,

¹⁷ Известия, 1917, 6 сент.

¹⁸ В изложении этих вопросов в советской исторической литературе высказаны различные точки зрения (см.: Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967, кн. 2; Милиц И. И. История Великого Октября. М., 1968, т. 2; Ерыкалов Е. Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966; Иванов Н. Я. Корниловщина и ее разгром. Л., 1965; Соколин А. М. В преддверии Октября. М., 1973; Революционный Петроград. Год 1917. Л., 1977, гл. VII; Семеновкова Л. И. Большевики Петрограда и Москвы в авангарде борьбы за власть Советов. Сентябрь—октябрь 1917 г. М., 1980.

само собою разумеющимся и не новым для эсеров и меньшевиков, была бы полная свобода агитации и созыва Учредительного собрания без новых оттяжек или даже в более короткий срок.

Меньшевики и эсеры, как правительственный блок, согласились бы (предполагая компромисс осуществленным) составить правительство целиком и исключительно ответственное перед Советами, при передаче в руки Советов всей власти и на местах. В этом бы состояло „новое“ условие. Никаких других условий большевики, я думаю, не поставили бы, полагаясь на то, что действительно полная свобода агитации и немедленное осуществление пового демократизма в составлении Советов (перевыборы их) и в функционировании их сами собою обеспечили бы мирное движение революции вперед, *мирное изживание* партийной борьбы внутри Советов.

Может быть это *уже* невозможно? Может быть. Но если есть даже один шанс из ста, то попытка осуществления такой возможности все-таки стоила бы того, чтобы осуществить ее.¹⁹

Свою статью В. И. Ленину не удалось отправить 2 и 3 сентября в редакцию центрального органа большевистской партии в Петрограде. В эти дни он познакомился с материалами петроградских газет за 2-е и 3-е числа сентября, в частности с отчетами о заседаниях ЦИК, где было принято решение одобрить создание «Директории». Это склонило В. И. Ленина к выводу, что предложение компромисса, пожалуй, уже запоздало. «Пожалуй, те несколько дней, в течение которых мирное развитие было *еще* возможно, — пишет Ленин в приписке к статье «О компромиссах», — *тоже* прошли. Да, но всему видно, что они уже прошли. Керенский уйдет, так или иначе, и из партии эсеров и от эсеров и укрепитя при помощи буржуа без эсеров, благодаря их бездействию... Да, но всему видно, что дни, когда случайно стала возможной дорога мирного развития, *уже* миновали. Остается послать эти заметки в редакцию с просьбой озаглавить их: „Запоздалые мысли“... Иногда, может быть, и с запоздалыми мыслями ознакомиться небезытересно».²⁰

На следующий день, составляя «Проект резолюции о современном политическом моменте» для предполагавшегося пленума ЦК РСДРП(б), В. И. Ленин формулирует этот вывод более категорически: «Советы, которые терпят и поддерживают эту слабую, колеблющуюся, беспринципную политику Керенского, Советы, которые упустили еще один момент мирно взять всю власть в момент ликвидации восстания Корнилова, эти Советы становятся виновными не только в соглашательстве, но уже в преступном соглашательстве».²¹ Проходит еще один день, Ленин получает газеты за 5 и 6 сентября (4-го был понедельник, и газеты

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 135

²⁰ Там же, с. 138—139.

²¹ Там же, с. 147—148.

не выходили). Он узнает об осуждении ЦИК Советов политики Керенского, в частности по отношению к армии и самочинным комитетам. Он узнает и о том, что они хотят создать новую власть на Демократическом совещании. С другой стороны, он узнает о решении, принятом ЦК РСДРП(б) 3 сентября, об участии в Демократическом совещании.²² Все это побудило В. И. Ленина еще раз вернуться к своему предложению о компромиссе, признать возможность мирного развития еще не истерпанной до конца. Он изложил это в новых статьях, написанных 6—9 сентября 1917 г.: «Задачи революции», «Один из коренных вопросов революции», «Русская революция и гражданская война».²³

А в Петрограде 6 сентября большевистский «Рабочий путь» напечатал статью В. И. Ленина «О компромиссах» вместе с припиской, признающей, что, пожалуй, это предложение — образовать правительство — запоздало. Но все же — пусть в такой форме, — но оно было сделано. И сделано в очень удачный момент, когда колебания в стане меньшевиков и эсеров были наибольшими, а их конфликт с Керенским достиг большой остроты. В Петрограде же среди руководителей большевистской партии имелись некоторые разногласия относительно ближайших тактических задач. Каменев, официальный представитель партии в ЦИК, делал слишком большие авансы соглашателям, предлагая им составить власть, ответственную перед ЦИК Советов, и не выдвигая при этом никаких условий со стороны большевиков. ЦО партии занимал более осторожную позицию. Официально лозунг «Вся власть Советам!» еще не выставлялся вновь. Приняв решение участвовать в Демократическом совещании, большевики, как свидетельствует материал газеты «Рабочий путь», продолжали разоблачать его как попытку соглашателей вновь привести к власти цензовые элементы. Так, в передовой «Семь дней» «Рабочего пути» от 5 сентября говорилось, что совещание созывается для осуществления «искомого союза с цензовыми элементами», а его созыв не означает начала новой политики. В статье делалось предположение, что в оставшиеся до совещания семь дней правительство Керенского сделает попытку сорвать его или отсрочить, говорилось, что все это лишь маневры и что Керенский играет с Советами как кошка с мышью. Обвиняя ЦИК в неспособности к борьбе, газета писала: «Вторая революция началась, и движение ее вперед неуклонно. Советское большинство не становится на почву этой революции. Оно будет сметено, как сметена его формула коалиции».

²² См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958, с. 41—42.

²³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 200—207, 214—238. — О датировке этих статей см.: Старцев В. И. О некоторых работах В. И. Ленина первой половины сентября. — В кн.: В. И. Ленин в Октябре и в первые годы Советской власти. Л., 1970, с. 28—38; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1973, т. 4, с. 342—344.

Помещая статью В. И. Ленина «О компромиссах», редакция центрального органа большевистской партии напечатала в том же номере и другие статьи, в которых давалась несколько иная оценка перспектив революции. В статье И. В. Сталина «О разрыве с кадетами», с одной стороны, констатировался факт оживления Советов и изменения их роли, отмечалось положительное значение отказа меньшевиков и эсеров от коалиции с кадетами. С другой стороны, указывалось, что формальный отказ от коалиции с кадетами не означает еще отказа от кадетской, т. е. проводимой в интересах буржуазии, политики. «Могут ли пойти меньшевики и эсеры на такой коренной разрыв с кадетами? Нет, не могут. Ибо тогда они перестали бы быть оборонцами, т. е. сторонниками войны на фронте и классового мира в тылу».²⁴ Если совещание не кончится фарсом, то оно может привести к созданию некадетского социал-оборонческого правительства, которое на деле будет проводить кадетскую политику. В другой статье этого же номера «Четыре если» (автором ее был Г. Е. Зиновьев) высказывалось все еще отрицательное отношение к Советам. Ставя вопрос, способны ли Советы повести борьбу за власть, автор так отвечал на него: «Все, что мы знаем о прошлой деятельности Советов, говорит нам: нет, не способны, нет, не захотят». В тот же день состав редакции «Рабочего пути» был несколько изменен, а 7 сентября в передовой «То, что есть» был замечен поворот к признанию большей важности Советов в политической обстановке дня. «Мы считаем, — говорилось там, — что необходимо сказать то, что есть. Налицо есть прямой конфликт Совета пяти — органа буржуазной диктатуры — с Советами рабочих и солдатских депутатов. Как далеко зайдет этот конфликт? Этого мы не знаем. Но неудержимо растущий организованный напор масс с каждым днем обостряет его. Совет пяти — за коалицию с кадетами, ЦИК — против». А так как перевес сил несомненно на стороне революционных классов, то «борьба может быть сравнительно безболезненно решена в их пользу».²⁵ Процесс уточнения тактических задач продолжался в большевистских организациях Петрограда и в последующие дни, действуя в направлении возвращения к старому лозунгу «Вся власть Советам!» и призна-

²⁴ Рабочий путь, 1917, 6 септ.

²⁵ Интересно, что накануне, т. е. 6 сентября, В. И. Ленин почти теми же словами писал в послесловии к брошюре «Уроки революции»: «... в конце августа восстание Корнилова создало новый поворот революции, показав наглядно всему народу, что кадеты в союзе с контрреволюционными генералами стремятся разогнать Советы и восстановить монархию. Насколько силен этот новый поворот революции, удастся ли ему положить конец губительной политике соглашательства с буржуазией, — покажет недалекое будущее...» (т. 34, с. 69). И то же В. И. Ленин писал в начале статьи «Задачи революции»: «Нельзя знать, смогут ли теперь Советы пойти дальше вождей эсеров и меньшевиков, обеспечивая этим мирное развитие революции, или они опять будут топтаться на месте, делая этим пролетарское восстание неизбежным» (т. 34, с. 230).

ния еще не исчерпанной возможности мирного развития революции.

Теперь скажем еще два слова о кадетях, получивших жестокий удар в итоге разгрома корниловского заговора, но не сложивших политического оружия. Передовая «Речи» от 3 сентября упрекала Керенского за то, что он недостаточно упорно боролся с ЦИК. Вместе с тем она рассматривала создание «Директории», в составе которой «нет оспариваемых лиц», как временную отсрочку вхождения кадетов в кабинет. «Речь» хвалила министров-«социалистов» за то, что они не допустили принятия ЦИК большевистской резолюции «О власти» в ночь на 2 сентября. Центральный орган кадетской партии возражал против решения вопроса о власти Демократическим совещанием. «Если власть будет создана совещанием, в котором примут участие только те общественные группы, которые присоединились к резолюции Чхеидзе на Московском совещании, — заявляла «Речь», — то это и будет тот захват власти, на котором до сих пор настаивали большевики». В обзоре печати «Речь» проводила смотр своим союзникам: за коалицию стояли только плехановское «Единство», правозероверская «Воля народа» и «Народное слово». Все остальные органы печати «революционной демократии» выступали против коалиции с кадетами. Вывод делался в следующем номере за 5 сентября: «Революционная демократия беспомощно бьется в тисках большевизма!».

Кадеты писали, что меньшевики и эсеры «идут в ленинскую Каноссу», присоединяясь к требованию освобождения арестованных по делу 3—5 июля. Эсеров и меньшевиков газета называла «полуленинцами», так как те выступали против коалиции только с кадетами, а не вообще с буржуазией, как большевики. Но «центовики» не хотят идти в коалицию без кадетов. Поэтому «полуленинцы», по мнению кадетов, опаснее и вреднее ленинцев, а «революционная демократия сознательно ведет Россию в тупик». 6 сентября, комментируя решения расширенного пленума партии эсеров, проходившего под руководством Чернова, «Речь» писала: «Торжество большевизма вырисовывается гораздо более серьезным и угрожающим, нежели можно было предполагать». Кадеты кричали, что петроградцам угрожают новые «июльские дни!» В передовой «Речи» от 7 сентября говорилось, что «кучка людей, вчера еще друг друга обзывавших предателями и изменниками, готовит нам ужасы гражданской войны». Но единственная ставка кадетов была на то, что «революционная демократия» снова разойдется на враждебные группировки. «В среде самих руководителей совещание усугубило раскол, — злорадствовала «Речь» в передовой от 8 сентября, — у эсеров два непримиримых течения, у эсдеков — четыре. Правые крылья эсеров и эсдеков вообще против совещания. Что же, кроме позорного провала, эта затея может принести?». Совещание, по мнению газеты, неизбежно выльется в говорильню.

А верховный главнокомандующий и министр-председатель Керенский в те же дни «паводил порядок» в Ставке. Вечером 5 сентября он провел (в вагоне) совещание, на котором с докладом о чистке Ставки и об оперативном положении армии выступили прокурор Шабловский, председатель комиссии по делу Корнилова, и начальник штаба верховного главнокомандующего Алексеев. Решено было полностью очистить Ставку от контрреволюционных элементов и привлечь к ее комплектованию «свежие силы». Предполагалось произвести перемены и в высшем командном составе. Для этого в Ставку были вызваны генералы Духонин и Черемисов. Тогда же вечером после этих решений генерал Алексеев подал Керенскому прошение об отставке. Мотивов указано не было, но все было ясно и так. «Как бы то ни было, — писал Керенский позднее, — задачу, возложенную на него по ликвидации Ставки, генерал Алексеев выполнил. Длительное сотрудничество для нас обоих было невозможно. Алексеев подал в отставку. Я без возражений ее принял».²⁶

Алексеев был уволен с «рескриптом» Керенского (первый случай такого рода!), в котором признавались большие заслуги бывшего начальника штаба. «В грозный для армии час, — говорилось в этом документе, помеченном 9 сентября, — когда благодаря открытому отказу от повиновения бывшего верховного главнокомандующего, генерала Корнилова, армия русская подверглась великим испытаниям, генерал Алексеев самоотверженно принял на себя должность начальника штаба верховного главнокомандующего и своим мудрым вмешательством быстро и бескровно восстановил порядок и деловую работу в самом жизненном центре армии, в Ставке верховного главнокомандующего. Ныне, исполнив эту исключительную по своей важности задачу, генерал Алексеев обратился ко мне с просьбой об освобождении его от должности начальника штаба верховного главнокомандующего».²⁷ Уступая этой просьбе, Керенский «просил» Временное правительство ее удовлетворить и назначить его в распоряжение правительства, чтобы «его знания могли быть использованы и впредь».

7 сентября Керенский и Верховский прибыли в Петроград, и в тот же день новый военный министр на заседаниях как правительства, так и бюро ЦИК сделал доклады о своих принципах переустройства армии и поднятия ее боеспособности. Одновременно он опубликовал тезисы этого доклада в «Известиях», а уже 8 сентября выступил на заседании солдатской секции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Первым на трибуну Актового зала Смольного поднялся полковник Полковников. «Моя программа несложна, — заявил он. — Нам пужно выиграть войну и заставить противника подчиниться нашей воле. Для

²⁶ Керенский А. Ф. Дело Корнилова. М., 1918, с. 178.

²⁷ Вестник Временного правительства, 1917, 13 сент.

этого необходима сильная и боеспособная армия. Нельзя медлить. Дорог каждый день». ²⁸ Это была знакомая песня с припевом: «Война до победного конца!». Полковников сетовал на тяжелое положение офицерства, в которое оно попало в результате выступления генерала Корнилова. Он призывал офицеров и солдат подать друг другу руки для усиления боевой мощи армии, для согласования действий солдат и офицеров и даже крикнул «ура!» в честь «молодой армии».

«Ура» прокричали, но на Полковникова солдаты смотрели косо. Все знали, что его взяли на новую должность с места командира 1-го Амурского казачьего полка III корпуса генерала Крымова, что в «революционерах» он ходит без году неделю, а вот контрреволюционером был со стажем. Подлинные настроения солдат вскрыло обсуждение на секции вопроса о расформировании революционных полков за участие в июльской демонстрации. Представители полков жаловались на плохие условия, в которые были поставлены выведенные из Петрограда воинские части, на травлю их со стороны командного состава. Они настаивали на возвращении этих полков в Петроград в интересах защиты революции.

При напряженном внимании всего зала на трибуне появился новый военный министр и новый генерал-майор Верховский. Простая гимнастерка, два георгиевских креста, длинное лошадиное лицо с большим носом, усы, пенсне, и всего 31 год за плечами. Он начал свою речь перед солдатами с того, что напомнил о своих заслугах в отражении корниловского заговора, о приведении им в боевую готовность Московского военного округа. Он напомнил, что в Московском округе еще до корниловщины ему удалось добиться того, что солдаты и офицеры доверяли друг другу. Все это было так, но в послужном списке молодого министра значились также подавление солдатских волнений в Нижнем Новгороде и Твери, аресты ряда большевиков. Еще не так давно сам Верховский во всеуслышание объявлял себя корниловцем. Теперь и он полностью перестроился. «Офицерство сейчас ворчит и негодует, — признавал Верховский, — ворчит потому, что видит, сколько еще беспорядка в армии. И это святое негодование. Лучшая часть офицерства болеет душой из-за этого. И помните, товарищи, для того чтобы у вас была действительно „земля и воля“, а не слова и мечты о земле и воле, нам нужна прежде всего мощная армия. (Аплодисменты). Достижение этой задачи может быть достигнуто путем обновления командного состава. До сего времени в армии держались люди ради их знаний. Пример тому генерал Алексеев, этот выдающийся знающий и честный человек, но он человек иных взглядов и он уйдет, а вместе с ним уйдут все, кто так или иначе примыкал к корниловскому восстанию. Но в армии есть люди, которые разделяют мою веру

²⁸ Голос солдата, 1917, 9 сент.

в сердце русского солдата, которые знают, что сердце это переполнено любви к родине. Керенский наметил целый ряд лиц офицерского состава, технически подготовленных, которые пойдут вместе с демократией».²⁹

Затем Верховский сказал, что сильное войско он создаст путем проведения здоровых начал через войсковые организации. «Не пулеметами и нагайками мы создадим революционное войско, — восклицал он, — а путем внушения широким солдатским массам идей права, справедливости и строгой дисциплины». Он обещал сократить армию и уменьшить число тыловых частей. Рассказывая о фактах анархии и произвола в Твери, Верховский заявил, что солдаты прикрывались там именем большевизма, но это разгильдяйство было похоже на большевизм, «как свинья на апельсин». «Это ничего не имеет общего с большевизмом, — продолжал он, — это насилие, произвол, а там, где будет вноситься произвол кем бы то ни было, там встречу я его во главе вооруженной силы огнем и мечом; по справедливости закона будут защищены от всяких анархических покушений, откуда бы они ни исходили, права человека, законность и правда...».

В ответах на записки солдат обнаружились слабые стороны в позиции военного министра. На прямой вопрос о том, как он относится к введению смертной казни на фронте, что чрезвычайно волновало солдат, Верховский не дал ответа, ссылаясь на то, что он еще «мальчик» во Временном правительстве. Когда его спросили, каково его мнение о выборном начале в армии, то он сказал, что против него. Верховский разъяснил, что он специально изучал опыт армии Великой Французской революции, всегда терпевшей поражения при выборном начале. Это был честный ответ, но он не учитывал неистребимую тягу солдат к выборному началу. Зато ответ на вопрос, как поступят с Корниловым, сорвал аплодисменты: «Только два слова — по закону». В целом заседание солдатской секции Петроградского Совета показало, что в лице военного министра большевики получили умного врага, идеи которого заключались в попытке использовать в интересах буржуазии те приемы и организации, которые были созданы революцией и солдатской массой. Другой вопрос — до каких пределов пойти в этой игре? — мог разрешить Верховскому министр-председатель. Пределы этой политики видны из извещения «От Временного правительства армии и флоту», подписанного Керенским, Верховским и Вердеревским и датированного 9 сентября 1917 г.

В первой фразе этого извещения декларировалось создание боеспособной и сильной духом армии как основы для защиты республики от всяких покушений. «Мятеж Корнилова, — говорилось далее, — вызвал снова взрыв недоверия со стороны солдат и матросов к командному составу, подорвав этим спайку в вой-

²⁹ Там же.

сках — основу боеспособности. Временное правительство заявляет, что верность республике большинства офицерского состава является несомненной и только небольшая часть командного состава армии оказалась не на высоте доверия, оказанного ему Временным правительством, а потому все те, кто ведет проповедь дальнейшего углубления недоверия ко всему командному составу, разрушают пану боевую мощь и являются преступниками против республики, как подрывающие ту незыблемую основу, которая одна может теперь спасти Россию».³⁰ Как видим, здесь акценты были уже расставлены по-другому, чем в докладе Верховского на солдатской секции. И там и здесь брались под защиту офицеры. Но Верховский делал упор на разъяснительную работу среди солдат, говоря о репрессиях против незначительной части. Здесь же устрашение, обвинение выдвигалось на первый план. Верховский чуть ли не защищал «идейный» большевизм, призывая отличать от него любой акт неповиновения или анархии. Трактовка же извещения позволяла каждого объявить «большевиком, врагом» и т. д.

Затем правительство заявляло: 1) о смене всех начальников, которые, «по его мнению, не способны повести армию к отражению врага, к дружной работе по укреплению республиканского строя в России»; 2) о замещении всего руководящего состава в Ставке, «поскольку он замешан в мятеже генерала Корнилова», новыми офицерами; 3) о выводе из Ставки войск, припимавших участие в мятеже, и замене их другими; 4) о предании суду всех, чья преступная воля выявлялась во время мятежа. Эти четыре пункта должны были создать впечатление последовательной и беспощадной борьбы с Корниловым и корниловщиной и выбить почву из-под ног большевистских агитаторов, указывавших не без основания на то, что правительство Керенского защищает корниловцев, а самому Корнилову создало санаторный режим. Правительство показывало, что после увольнения Алексеева оно наконец-то развернулось и сурово карает мятежников.

Затем правительство требовало от армии и флота возвращения к нормальной жизни «на основах взаимодействия командного состава и узаконенных выборных солдатских и матросских комитетов при условии полной свободы начальников в сфере деятельности оперативной и по обучению войск и флота». Правительство требовало передать законным властям всех арестованных во время последних событий и тщательного расследования с участием солдатских организаций «случаев возмутительных убийств лиц командного состава». Последний пункт извещения грозил расправой участникам солдатских самосудов. Здесь, как видим, правительство также определенно становилось на сторону офицеров, командного состава и прикрывало его от ярости солдатской и матросской массы. В заключение оно пугало народ новой корни-

³⁰ Вестник Временного правительства, 1917, 10 сент.

ловщиной, новым «честолюбцем», который может явиться в подходящий момент и разбить недостаточно спаянные и единые войска.

Кадеты и представители правых кругов увидели в этом приказе полный разрыв с августовской политикой Корпилова и Савинкова, Деникина и Каледица и самого Керенского, который, по их мнению, попал в плен к большевикам. Но на самом деле этот приказ был попыткой поставить плотину на пути дальнейшего развития солдатского демократического и антивоенного движения. Действительная борьба с корниловцами была куда мягче, чем грозные слова извещения. Вот перечень главных перемещений в командном составе, произведенных после ликвидации корниловского мятежа и отставки Алексева. Геперал Клембовский был смещен с поста главнокомандующего Северным фронтом и назначен членом Военного совета. На его место пришел генерал от инфантерии Черемисов. Командующий 1-й армией генерал-лейтенант Ванновский увольнялся от занимаемой должности с зачислением в резерв штаба Петроградского военного округа. Командующим 1-й армией становился командир 6-го армейского корпуса генерал-лейтенант фон Нотбек. Командующий 5-й армией генерал от инфантерии Данилов переводился в резерв чинов при штабе ПВО. Место командующего занял командир 43-го армейского корпуса генерал-лейтенант Болдырев. Таким образом, были смещены командующий Северным фронтом и два из трех командующих его армиями.

Командующий 7-й армией генерал-лейтенант Селивачев увольнялся с зачислением в резерв чинов при штабе Киевского военного округа. Командующий 11-й армией генерал от инфантерии Эрдели тоже увольнялся с зачислением в резерв. Новым командующим 11-й армией становился командир 23-го армейского корпуса генерал-лейтенант Промтов, а командующим Особой армией — генерал от инфантерии Стельницкий. В 9-ю армию вместо получившего Северный фронт Черемисова был назначен бывший его начальник штаба генерал-майор Келчевский с производством за отличие по службе в генерал-лейтенанты. Так были смещены командиры четырех армий Юго-Западного фронта из пяти.

Наконец, командующий 10-й армией Западного фронта генерал-лейтенант Ломновский был уволен от должности с зачислением в резерв чинов при штабе Киевского военного округа, а его место занял генерал-лейтенант Али-Ага Шихлиевский, инспектор артиллерии Западного фронта. Новым командующим Юго-Западным фронтом становился командир 46-го армейского корпуса генерал-лейтенант Володченко. А уволенный корниловец генерал-майор Дитерихс, бывший начальник штаба у Крымова в его Отдельной Петроградской армии, был вновь вызван из резерва чинов при штабе ПВО и определен на свою прежнюю должность генерал-квартирмейстера при верховном главнокомандующем. Новым начальником штаба верховного главнокомандующего стал бывший начальник штаба главнокомандующего армиями Запад-

ного фронта генерал-лейтенант Духонин. Появилось несколько новых лиц и в Военном министерстве. Это поручики Шер и Данилевич, которых Верховский привез с собой из Москвы как специалистов по политической работе в войсках и которые встретили Октябрьское вооруженное восстание в рядах защитников Временного правительства.

Таким образом, с учетом преданных суду и смещенных корниловцев увольнения от должности едва затронули тридцать высших офицеров. Пример же Дитерихса показывал, что из любого резерва возвращение в действующую армию не заказано. Власть и влияние генералов «иных взглядов» были подорваны при вмешательстве Керенского не столь значительно.

В момент возвращения Керенского и Верховского из Ставки «революционная демократия» уже была полна внутренних споров и раздоров по поводу приближающегося Демократического совещания. Сильнейшее поражение получили меньшевики и эсеры в Петроградском Совете. Еще 6 сентября эсеро-меньшевистский президиум Совета вышел в отставку и заявил, что вновь займет свое место только в том случае, если Петроградский Совет окажет доверие их прежней политике. Большевики со своей стороны выесли предложение дополнить старый состав президиума в числе семи эсеров и меньшевиков семью новыми членами из большевиков. 9 сентября состоялось заседание Совета, посвященное этому вопросу. Несмотря на весь свой прежний авторитет, соглашательские вожди не сумели собрать большинства. 519 человек проголосовали за большевистское предложение, 414 голосовали против, а 67 воздержались. С этого момента Петроградский Совет, первый Совет страны, перешел под руководство большевистской партии.

Пришло известие и о том, что в Москве еще 5 сентября объединенное собрание Совета рабочих депутатов и Совета солдатских депутатов приняло ту же резолюцию большевиков, которую принял и Петроградский Совет в ночь на 1 сентября.

Таким образом, большевики победили в Советах обеих столиц, что резко изменило положение внутри революционной демократии в их пользу. Эсеро-меньшевистское руководство ЦИК потеряло свои ближайшие тылы.

Все это вызвало злобу в рядах соглашательских партий. Вместо наставительных обращений к большевикам крепить единство революционного фронта эсеро-меньшевистские газеты обрушили теперь на большевиков ушаты грязи. Ленинское предложение о компромиссе было с порога отвергнуто меньшевиками и эсерами в газетах, вышедших еще накануне открытия Демократического совещания. Одновременно наблюдался пересмотр и отношения к коалиции: она представлялась более привычной и желательной, чем опасный союз с большевиками. Так, 7 сентября газета «Дело народа», помещая отчет о заседаниях фракций ЦИК, писала, что у эсеров выявилось два течения, нашедших

выражение в речах Авксентьева и Чернова. Авксентьев, в частности, заявил, что «организация власти возможна лишь при условии соблюдения широкой коалиции и не на основе расплывчатой программы 8 июля, а на тщательно продуманной программе», где будет сказано, что можно, а что нельзя. Чернов же требовал решительной чистки командных верхов армии и Ставки. Вместе с тем он высказался против организации власти Советами. «Формула „Вся власть Советам!“, — сказал Чернов, — является формулой без содержания». По его мнению, Демократическое совещание должно выработать программу, которой соответствовала бы и власть, т. е. те лица и группы населения, что честно согласятся придерживаться намеченной программы и желательны быть у власти. Оратор определенно был против кадетов, скомпрометировавших себя выступлением Корнилова. Он требовал установления контроля за правительством со стороны организованной демократии. В конце заседания ЦИК большинством голосов принял резолюцию, где, как сообщало в том же отчете «Дело народа», Демократическому совещанию предлагалось «приступить к организации такой власти, которая бы явилась непосредственно волею широких слоев народа, опиралась на него и была перед ним ответственна; организовать форму ответственности власти перед органами демократии и установить форму взаимоотношений между ними и правительством». Передовая эсеровского центрального органа от 8 сентября предупреждала против опасности единоличной власти со стороны Керенского, которому два лагеря, самоустраившись, передали всю власть. Необходимо создать власть, говорилось в статье, ответственную перед демократией, перед специально образованным ею органом, создание которого «вовсе не исключало бы возможности коалиции с революционной буржуазией».

«Многие, может быть, укажут нам, — пыталась предупредить газета возражения большевиков, — что нам незачем так далеко ходить, что роль проектируемого нами органа мог бы с успехом сыграть Совет рабочих и солдатских депутатов. Не нам, конечно, пренебрегать роль и значение Советов, этих оплотов революции. Но в настоящий момент всякий согласится, что Советы — не вся трудовая демократия. Помимо профсоюзов, кооперативов и т. п. организаций, к настоящей минуте далеко уже подвинулось вперед образование новых представительных органов демократии — органов городского и земского самоуправления». Придавая большое значение Демократическому совещанию, эсеры предлагали отсрочить на неделю дату его открытия.

Принципиальное значение имела передовая статья газеты «Дело народа» от 9 сентября под названием «Советы и демократия». Она сетовала на буржуазию, обвинявшую Советы в подготовке «захвата власти», в потворстве большевикам, в «уступке по всей линии их политическим лозунгам», чему, как считала газета, вторят и органы «независимой социалистической мысли»,

крича об «опасном уклоне» советской линии, о явном переходе на сторону большевизма. А с другой стороны, писала, распаяясь, газета эсеров, «лидеры большевизма уже делят шкуру неубитого медведя. Ленин услужливо уступает власть мелкобуржуазным эсерам и меньшевикам, оставляя для себя неприступную позицию разоблачения мещанской сущности будущих властителей государства».

Причины «совпадения», как казалось эсерам, лозунгов буржуазии и большевиков они видели в массовом подъеме народа против корниловщины, в провале коалиции с кадетами. Подъем революционного настроения в народных массах, по их мнению, породил в большевистских кругах надежду на торжество старого большевистского лозунга «Вся власть Советам!». Буржуазия-де, крича о большевистской опасности, хочет «патравить Временное правительство на Советы», расширить и углубить разрыв между ними. «Мы уверены, — заключало «Дело народа», — что рабочий класс на такую провокацию не пойдет. Отвергая переход власти к Советам, политическую изоляцию пролетариата как самую грозную опасность завоеваниям революции, он будет и впредь, как был в течение всей революции, передовым авангардом демократической армии, от которой он не должен, не смеет отрываться и уходить так далеко вперед, чтобы оказаться в одиночестве и подвергнуться риску быть разбитым наголову».

Прочитанная выше статья была прямым ответом на статью В. И. Ленина «О компромиссах», опубликованную в «Рабочем пути» от 6 сентября, причем ответом отрицательным, полным злобных нападок на большевиков и рабочий класс. Столь же антибольшевистской была и редакционная статья того же номера под тенденциозным названием «Банкротство большевизма». Напечатанная 9 сентября, в день, когда большевики одержали новую убедительную победу в Петроградском Совете, эта статья обернулась бумерангом против самих же эсеров. Констатируя ползевание пролетарских масс, эсеры видели «коварство» в ленинском предложении компромисса, попытку мирного осуществления «вооруженных домогательств июльского меньшинства». Газета весьма неточно и пристрастно излагала ленинскую статью, говоря о желании большевиков взвалить на эсеров и меньшевиков всю черновую работу, а себе оставить роль контролеров. Это-де и свидетельствовало о «банкротстве» большевизма: «Советское правительство погибло бы под тяжестью противоречий между классовым характером его программы и необходимостью осуществлять внеклассовую политику». Эсеры адресовали большевикам лицемерные упреки в уклонении от ответственности и тут же заявляли: «Мы не хотим заставить большевиков войти в правительство на радость контрреволюции, мы знаем, что это был бы лучший способ раз и навсегда ликвидировать и самый большевизм, чего не могут отрицать и сами большевики». Статья кончалась утверждением, что все вопросы может разрешить только Демократический

кратическое совещание и что демократия не пойдет тем путем, на который ее толкают большевики. Обе эти статьи не оставляли сомнений в том, что ленинское предложение компромисса эсерами категорически отвергнуто.

В следующем номере от 10 сентября «Дело народа» еще более решительно отмежевывалось от большевиков и высказывалось в пользу коалиции, вне которой, по мнению эсеров, в настоящих условиях «невозможно никакое построение власти». Газета призывала в качестве такой коалиционной программы взять программу 14 августа.

В тот же день «Рабочая газета» комментировала резолюцию меньшевистского ЦК по поводу политического момента: «ЦК признает необходимость образования коалиционного правительства». Это также был ответ на статью «О компромиссах», а чтобы не оставалось сомнений в позиции ЦК, газета поясняла: «Этим самым он отделяет себя от большевиков, которые, не считаясь с характером настоящей революции и с условиями, в которых она протекает, провозглашают лозунг захвата власти пролетариатом и беднейшим крестьянством». Этот лозунг объявлялся ведущим к изоляции пролетариата. Только программа 14 августа может стать основой для новой честной коалиции. Вместе с тем резолюция меньшевиков предусматривала, что в случае отказа «цепзювиков» вступить в правительство революционная демократия должна взять на себя формирование правительства, которое будет ответственно перед органом, выделенным Демократическим совещанием.

Что же касается большевиков, то они испытывали влияние противоречивых факторов. С одной стороны, победа их в Советах Петрограда и Москвы вызвала законное желание пересмотреть решение VI съезда партии в отношении лозунга «Вся власть Советам!», тем более что такой пример подал и В. И. Ленин в своей статье «О компромиссах», напечатанной 6 сентября. С другой стороны, меньшевики и эсеры все еще главенствовали в большинстве провинциальных Советов и, самое главное, в ЦИК. Как следовало поступить с учетом этого? Утверждения В. И. Ленина о возможности еще мирного развития революции подтверждались явным конфликтом между Керенским и Советами,³¹ заявлениями лидеров ЦИК о том, что именно на Демократическом совещании будет создана новая власть. За эти предложения особенно ухватились Камешев, Троцкий, к которым вскоре присоединился и Зиновьев. Они стали усиленно толкать Центральный Комитет РСДРП(б), ЦК, ЦО партии, а также членов фракции Демократического совещания в сторону продолжения

³¹ О продолжении этого конфликта свидетельствовали и передовая «Дела народа» от 9 сентября, и помещенное 10 сентября в той же газете опровержение, в котором острая критика «товарища Керенского» на страницах эсеровского органа оправдывалась тем, что он член их партии.

поисков компромисса с меньшевиками и эсерами на самом Демократическом совещании, несмотря на то что в цитированных выше высказываниях соглашательской прессы был уже ярко выражен отказ от такого компромисса. Эти тенденции проявились в резолюции Петроградского Совета о Демократическом совещании от 11 сентября, в материалах газеты «Рабочий путь» за 10—14 сентября 1917 г.

Совсем по-другому реагировал на этот отказ В. И. Ленин. Ознакомившись к 12—13 сентября с материалами эсеро-меньшевицкой прессы накануне совещания, он сделал решающие выводы о коренном изменении политической обстановки в стране и новых задачах большевистской партии. Победа большевиков в Советах Петрограда и Москвы, отказ меньшевиков и эсеров от компромисса с большевиками, неизбежное бессилие Демократического совещания перед лицом Керенского — вот главные посыпки для новых выводов В. И. Ленина.

«Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, — пишет В. И. Ленин в письме Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП(б) «Большевики должны взять власть», — большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удерживать ее. Ибо, предлагая тотчас демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавливая демократические учреждения и свободы, помятые и разбитые Керенским, большевики составят такое правительство, какого *никто* не свергнет.

Большинство народа *за* нас. Это доказал длинный и трудный путь от 6 мая до 31 августа и до 12 сентября: большинство в столичных Советах есть *плод* развития народа *в нашу сторону*. Колебания эсеров и меньшевиков, усиление интернационалистов среди них доказывают то же самое.

Демократическое совещание *не* представляет большинства революционного народа, а *лишь соглашательские мелкобуржуазные верхи*.³² Во втором письме Центральному Комитету РСДРП(б) «Марксизм и восстание» Ленин напоминал: «Величайшей ошибкой было бы думать, что наше предложение компромисса *еще* не отвергнуто, что Демократическое совещание *еще* может принять его. Компромисс предлагался *от партии к партиям*; иначе он не мог предлагаться. *Партии* отвергли его. Демократическое совещание есть только *совещание*, ничего более».³³ 15 сентября 1917 г., на второй день работы Демократического совещания, ленинские письма обсуждались ЦК РСДРП(б).³⁴ Однако выводы эти пока-

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 239.

³³ Там же, с. 244.

³⁴ См.: Протоколы ЦК РСДРП(б)..., с. 55.

зались настолько смелыми, что большинство Центрального Комитета не сразу присоединилось к ним. Понадобилось свыше трех недель, прежде чем на заседании ЦК РСДРП(б) 10 октября была принята ленинская резолюция об организации восстания в ближайшие дни.

Поэтому советы В. И. Ленина о немедленной перестройке деятельности большевистской фракции, с тем чтобы учесть время для быстрой организации восстания и свержения Керенского, не были сразу же приняты к действию, и руководители большевистской фракции на Демократическом совещании (Каменев, Троцкий) все еще ожидали, что компромисс может быть принят именно там. Керенский получил отсрочку, хотя смертный приговор керенщине был уже вынесен в лепинских письмах о восстании. Большевики приняли на себя роль «парламентской оппозиции» на Демократическом совещании, что, как указывал В. И. Ленин, было ошибкой. Более того, они приняли решение участвовать и в выделенном этим совещанием Демократическом совете, впоследствии переименованном в «предпарламент». Лишь после острейшей критики со стороны В. И. Ленина ЦК РСДРП(б), несмотря на отчаянное сопротивление Каменева, принял 5 октября постановление о выходе из «предпарламента».

Такой предстает политическая ситуация сентября—октября 1917 г. в целом перед глазами историка. Но, конечно, не так воспринималась она современниками и непосредственными участниками тогдашней политической борьбы. Каждая сторона надеялась переиграть своих противников: меньшевики и эсеры — проучить Керенского, восстановить коалицию, по возможности без кадетов; кадеты — вернуться к власти, припугнуть Керенского и соглашателей; Керенский — организовать власть независимо от ЦИК, восстановить коалицию с кадетами. Наконец, каждый из них стремился не допустить торжества большевиков, не пустить к власти их.

И как бы ни были захвачены своекорыстными партийными интересами лидеры мелкобуржуазного и буржуазного лагеря, внимательные наблюдатели даже из их рядов видели приближение чего-то невиданного, грозного, перед которым совещание, поиски выхода, попытки восстановить коалицию выглядели не более чем мышьиной возней. Раскроем, например, 33-й номер популярнейшего иллюстрированного еженедельника тех дней «Нива». Он вышел 19 сентября, но подготовлен заранее, еще до открытия Демократического совещания. На его страницах рядом с фотокопией предсмертной записки Крымова, групповой фотографией мусульманской делегации, ездившей к корниловским войскам и снятой на фоне Петроградской соборной мечети, рядом с портретами членов Совета пяти и его заявлением мы найдем политическое обозрение профессора К. Соколова, явного кадета по тону его статей. «На Демократическом совещании, — писал Соколов, — будут бороться три течения. Левое, большевистское,

будет отстаивать свои привычные лозунги: „Вся власть Советам!“, „Никаких компромиссов с буржуазией“. Правое будет защищать сохранение существующей с 5 мая буржуазно-социалистической коалиции. Центральное будет искать компромисса в виде образования социалистического в своем подавляющем большинстве правительства, но с привлечением в его состав нескольких буржуазных „фигурантов“. Судя по всем данным, шансы на успех имеют только два течения: левое и центральное. Но даже если бы, — что совсем невероятно, — победило третье течение, это ничего не изменило бы в главном и основном. Организация власти по указаниям Демократического совещания есть уже фактическое осуществление основного большевистского лозунга. Кого бы ни дало нам в министры Демократическое совещание, у нас с 14 сентября „вся власть“ будет принадлежать Советам. Если советские хозяева России и возьмут себе несколько буржуазных „приказчиков“, на деле от этого ничего не изменится. Мы вступаем в советский период революции. Это факт, который нужно предвидеть и с которым необходимо считаться. Буржуазия вынуждена отойти в сторону и уступить дорогу рвущейся к власти и к деятельности „революционной демократии“. „Революционная демократия“ с полным основанием претендует на большую долю участия в деле подавления мятежа генерала Корнилова. Теперь она берется вылечить Россию от болезни, на почве которой могла развиваться корниловщина. Ей и книги в руки.

Соколов ошибся несколько в итогах совещания, основные лагерь на нем и их тактика были угаданы им в основном правильно. Как же проходило Демократическое совещание и какие мнения в отношении решения вопроса о власти оно выявило? «Итак, новейшее средство спасения России сегодня будет пущено в ход», — иронически писала «Речь» в номере от 14 сентября. Большевистские и эсеровские газеты были полны призывов к проявлению демократией государственной мудрости, к выдержке со стороны рабочего класса и солдат. В передовой большевистского «Рабочего пути» от 14 сентября говорилось о двух возможных исходах совещания: «Либо совещание и в самом деле „возьмет“ власть, несмотря ни на что, — и тогда можно и нужно говорить об организации завоеванной им революционной власти. Либо совещание власти не „возьмет“, на разрыв с Керенским не пойдет, — и тогда разговоры об организации власти неизбежно должны вылиться в пустую болтовню». Но если власть будет взята, ее должны строить советы и комитеты, являющиеся носителями подлинной власти в стране. «Зародыш этой власти — то левое крыло, которое, должно быть, наметится на совещании. Совещанию придется оформить и закончить этот процесс выростания революционной власти либо сдаться на милость Керенскому и сойти со сцены».

Состав совещания отразил искусственность подбора его участников за счет приглашения кооперативов, городских дум и

земств. Там большинство принадлежало представителям соглашательских партий. Из 1198 делегатов 532 были эсерами (из них 71 левый эсер), 305 — меньшевиками (из них 56 интернационалистов), 55 — трудовыми народными социалистами. Большевиков насчитывалось только 134, и 17 были «беспартийными социалистами». Присутствовали даже четыре кадета!³⁵ Совещание открылось в 5 часов 25 минут дня 14 сентября. Открыл его меньшевик П. С. Чхеидзе. Неудачи в решении основных вопросов революции, бесконечные кризисы власти и даже восстание Корнилова он пытался объяснить влиянием как кадетов с их курсом на захват Константинополя, так и большевиков с их идеей социальной революции. Государственная власть оказалась парализованной, и «мы получили коалицию Корнилова и Гинденбурга». «Как быть? Что делать? — продолжал Чхеидзе. — Совещание должно ясно и определенно ответить на эти вопросы. Страна жаждет власти революционной, которая последовательно, без всякого шатания, выполнит ту программу, которая необходима для страны».³⁶ В качестве этой программы Чхеидзе предлагал совещанию пресловутую программу 14 августа, оглашенную им на Государственном совещании в Москве. В своем приветствии председатель ИК Всероссийского Совета крестьянских депутатов правый эсер Н. Д. Авксентьев высказался за сохранение принципа коалиции с буржуазией. После выборов президиума слово получил А. Ф. Керенский, которому значительная часть собрания устроила шумную овацию. Он демагогически заявил, что на этом совещании, где представлена демократия, он позволяет себе забыть о том, что он министр-председатель и верховный главнокомандующий, и рассказал историю подготовки корниловского заговора так, как она была известна Временному правительству. Его попытки выставить себя главным борцом против корниловщины вызвали негодующие возгласы со стороны большевиков, которые указывали, что корниловщина разбита не Керенским, а Советами. Высказавшись в пользу коалиции, Керенский пытался запугать большевиков словами: «Когда кто-либо вздумает покуситься на власть, тот узнает силу революционного правительства».³⁷

После Керенского военный министр А. И. Верховский излагал перед совещанием те же принципы реорганизации и поднятия боеспособности армии, которые он обосновывал на заседании солдатской секции 8 сентября. Правительство пришло на совещание, сговорившись о неприступной позиции по отношению к попыткам «демократии» навязать ему свой состав власти. Керенский на заседании правительства 13 сентября считал необходимой самую решительную и беспощадную борьбу «с анархией, откуда бы она

³⁵ Известия, 1917, 17 сент.

³⁶ Рабочий путь, 15 сент.

³⁷ Там же.

ни исходила: слева или справа». С. Н. Прокопович, сообщая на заседании правительства об итогах кооперативного съезда, избравшего делегатов на Демократическое совещание, подчеркнул, что съезд занял непримиримую позицию по отношению к большевикам «и подлаживающимся к ним политическим группам».³⁸ Наконец, на избрание Петроградским Советом делегатами на совещание В. И. Левина и Г. Е. Зиновьева Керенский ответил распоряжением, что в случае их появления в Александринском театре они должны быть немедленно арестованы. И после этого он распинался на трибуне, что находится в среде «товарищей» и сам для всех здесь только «товарищ».

Лидеры меньшевиков И. Г. Церетели и М. И. Либбер призывали совещание к созданию нового коалиционного правительства. В противоположность им большевики и небольшая группа интернационалистов убеждали встать на путь создания подлинно революционной власти, устранения правительства Керенского. Большинство же делегатов занимало колеблющуюся позицию, выступая против коалиции с кадетами, но не против коалиции с отдельными буржуазными элементами вообще. Такой была и речь лидера эсеров центра В. М. Чернова. Видя колебания большей части членов совещания, правое крыло усилило свой нажим в пользу воссоздания коалиции. 15 сентября, выступая на заседании меньшевистской фракции, Либбер запугивал своих собратьев по партии: «Завтра нам надо будет выбрать: или провозгласить власть Советов, или открыто сказать, что мы стоим за коалицию, стоящую на более широкой базе».³⁹

16 сентября «Рабочий путь» поместил передовую статью под названием «Две линии». Одна из них — это линия «открытой коалиции с партией кадетов. Ее проповедают оборонцы из меньшевиков и эсеров. Ее защищал на совещании присяжный соглашатель Церетели». Вторая линия — линия большевиков и интернационалистов из меньшевиков и эсеров. Эта линия направлена на «коренной разрыв с партией кадетов». «Первая линия, — говорилось далее в статье, — выражает доверие существующему правительству, оставляя в его руках всю полноту власти. Вторая — выражает ему недоверие, ратуя за переход власти в руки прямых представителей рабочих, крестьянских и солдатских Советов». Чернов и его последователи объявлялись людьми, мечтающими о примирении этих линий. Но их позиция «контрабандою протаскивает церетелевский хлам о коалиции с партией кадетов», так как она открывает возможность для Керенского пополнить свое министерство, «исходя из платформы совещания, разными Бурьянкиными и Кишкиными». Эта фальшивая позиция облегчает Керенскому борьбу с Советами и комитетами, давая ему в руки оружие в виде совещательного «предпарламента».

³⁸ Там же.

³⁹ Известия. 1917, 16 сент.

Есть основание предположить, писала газета, что совещание «пойдет по стопам Чернова». Но совещание не есть последняя инстанция: «Обрисованные выше две линии выражают лишь то, что есть в жизни. А в жизни мы имеем не одну, а две власти: власть официальную, Директорию, и власть неофициальную, власть Советов. Борьба между этими двумя властями, пока еще глухая и неосознанная, — вот характерная черта момента».

Таким образом, под влиянием опыта первых двух дней работы Демократического совещания большевики подходили к более открытой критике его меньшевистско-эсеровского большинства, к отказу от поисков компромисса и выдвигению на первый план своего старого лозунга «Вся власть Советам!». Именно так была прямо названа передовая статья следующего номера «Рабочего пути» от 17 сентября. Она кончалась словами: «За Советы или против них! Пусть выбирают гг. соглашатели».

А на сцене Александрьевского театра 16 сентября проходил парад бывших министров-«социалистов». М. И. Скобелев, А. С. Зарудный, А. В. Пешехонов, Н. Д. Авксентьев делились своим «опытом» соглашательства с буржуазией, убеждали делегатов вновь избрать путь коалиции. Им вторил и И. Г. Церетели, вспомнивший, что и он был министром в первом коалиционном правительстве. 17 сентября во время общей дискуссии выяснилось, что большинство выступавших представителей от армейских комитетов, земств, кооперативов, городских дум, казачества высказывались за сохранение принципа коалиции с буржуазией. Некоторые прямо говорили уже о возвращении коалиции с кадетами. Таким образом, совещание действительно пошло «по стопам Чернова».

Пока на Демократическом совещании сменяли друг друга ораторы, Керенский проводил свою линию. Он прибег к испытанному шаптанжу лидеров «революционной демократии», обратившись в Московский совет общественных деятелей с предложением прислать делегацию для переговоров о возможном вхождении представителей Совета в правительство. Один из членов этого Совета, Н. Н. Виноградский, позднее показывал: «Деятельность выбранного первым совещанием Совета, по-видимому, ничем особенным не выявилась; он не имел печатного органа и проявлял себя лишь в смысле влияния на торгово-промышленные группы в Москве во время переговоров их с Керенским о вступлении их представителей в состав третьего коалиционного Временного правительства».⁴⁰

Переговоры велись днем 15 сентября. В них от московских деятелей участвовали Кишкин, Бурыйкин, Коновалов, Малянтович и Третьяков. Все они, кроме Третьякова, уже назывались в качестве кандидатов в правительство Керенского 31 августа, когда демарш меньшевиков и эсеров о невхождении в министер-

⁴⁰ На чужой стороне. Берлин; Прага, 1925, т. IX, с. 93

ство вместе с кадетами сорвал образование этой коалиции. Что же касается Третьякова, то приглашения войти в правительство посылались ему еще в середине июля 1917 г. Московские представители соглашались войти в правительство (они давали свое согласие и раньше), но ставили теперь условием, чтобы в новом кабинете не было бы перевеса социалистов. Временное правительство не возражало. Договорились о том, что москвичам будут даны четыре министерских поста, кадетам был обещан пост министра исповеданий. ЦК кадетской партии официально заявил, что не возражает против вхождения отдельных своих членов в правительство Керенского. Отмечалось, что Коновалов, Кишкин и Смирнов, называвшийся в ряде комбинаций, являются официальными членами кадетской партии, а Бурыйшкин и Третьяков, хоть официально в партии народной свободы и не состояли, но, скажем, в Московскую городскую думу прошли по кадетскому списку.⁴¹

Но эти переговоры Керенского были сорваны из-за резкого протеста партии эсеров. 16 сентября газета эсеров «Дело народа» опубликовала редакционную статью под названием «Пустые слухи и пустые услуги», в которой призывала не придавать значения переговорам, которые Керенский ведет за спиной Демократического совещания.

Керенский для вида отступил, по буквально на день. 18 сентября вышеупомянутый Совет общественных деятелей в Москве поручил С. Н. Третьякову вступить в правительство, а ЦК кадетской партии вынес такое же постановление относительно Н. М. Кишкина и А. И. Коновалова. Казалось, правительство будет вот-вот создано. Вполне вероятно, что на возобновление переговоров повлиял общий тон выступлений на Демократическом совещании 17 сентября, склонявшихся в сторону возобновления коалиции. Большевики же и все «левые» оказались на совещании в меньшинстве.

Оценку политического положения (из правительственного лагеря) в связи с работой Демократического совещания мы находим в циркулярной телеграмме министра иностранных дел Терещенко послан в Лондоне, Париже, Токио и Вашингтоне и посланнику в Стокгольме от 17 сентября 1917 г. Не скрывая своего удовлетворения, Терещенко писал, что настроение Демократического совещания «скорее умеренное и патриотическое», надежда большевиков «воспользоваться совещанием в своих целях не оправдалась». Под этими целями Терещенко понимал захват власти, поскольку ниже указывалось, что возможность «уличных выступлений» не исключается. Сопоставляя эту правительственную оценку с высказываниями В. И. Ленина тех дней и поведением руководителей большевистской фракции на совещании Каменева и Троцкого, мы видим, насколько прав был Владимир Ильич,

⁴¹ Дело народа, 1917, 16 сент.

призывая большевиков отдать совещанию лишь одну сотую своих сил.

В своей телеграмме министр иностранных дел далее указывал, что совещание обсуждает две формы коалиции: с кадетами или с буржуазией без кадетов. О форме существовавшей в тот момент власти он выразился так: «Пока заседает Совет пяти и на деловых заседаниях отдельные министры», вышедшие ранее в отставку. Терещенко, отбросивший к этому времени свое демагогическое заигрывание с Советами, еще раз пытался преуменьшить значение корниловского мятежа, вища за который, дескать, падает главным образом на «безответственные элементы, составившие неудачный заговор, в который были вовлечены некоторые генералы».⁴² Вместе с тем Терещенко еще не решался отмежеваться от Керенского и подчеркнул в своей телеграмме, что, выступая на совещании 16 сентября, «Керенский имел большой личный успех».

18 сентября, когда даже на собрании представителей советской курии Демократического совещания был поставлен большевиками вопрос о необходимости провозглашения власти Советов, за это предложение проголосовали только 95 человек, а 116 представителей местных Советов высказались против.

На вечернем заседании 18 сентября большевики огласили свой главный документ, декларацию, разоблачавшую подтасованный характер совещания и его неспособность решить вопрос о власти. В декларации, в частности, говорилось, что после корниловщины «клич, поднятый в самом начале революции нашей партией: „Вся власть Советам — в центре и на местах“ — стал голосом всей революционной страны».⁴³ В конце декларации указывалось, что только те решения совещания могут найти путь к осуществлению, которые встретят «признание со стороны Всероссийского съезда рабочих, крестьянских и солдатских депутатов». Безотлагательный созыв такого съезда провозглашался важнейшей задачей момента. Большевики организовали кампанию давления на Демократическое совещание. Поздно вечером 18 сентября у Александрийского театра собрались 150 представителей заводов и полков с резолюциями, требовавших, чтобы их пропустили в зал. Но президиум пропустил только делегацию из трех человек. Тем самым руководство совещания продемонстрировало свою враждебность к подлинному голосу петроградских рабочих и солдат. Вместе с тем и сама эта кампания не дала тех результатов, на которые надеялись руководители большевистской фракции совещания.

19 сентября на голосование совещания выносился вопрос о судьбе коалиции с буржуазией. По правилам, предложенным президиумом, голосование должно было проходить в следующем

⁴² АВПР, ф. Канцелярия, 1917, д. 152, ч. 1, л. 19—20.

⁴³ Протоколы ЦК РСДРП(б)..., с. 50.

порядке: сначала решался вопрос о коалиции с цензовыми элементами в принципе, затем обсуждались две поправки: 1) об устранении от коалиции тех элементов из кадетов, которые замешаны в корниловском мятеже; 2) об устранении от коалиции всей кадетской партии. После этого должна была приниматься резолюция в целом. Результаты голосования были такими. Сначала совещание незначительным большинством голосов (766 «за» и 688 «против») приняло резолюцию о допустимости коалиции с цензовыми элементами в принципе. Затем были приняты обе поправки, т. е. совещание высказалось за устранение от коалиции всей кадетской партии. Когда же резолюция с этими поправками была поставлена на голосование, то против нее проголосовали 813 человек, за — только 183 и 80 воздержались.⁴⁴ Против резолюции голосовали и 688 ее противников (в принципе), и сторонники коалиции с кадетами, поскольку одни цензовые элементы без кадетов были им не нужны. Совещание, таким образом, зашло в полный тупик и продемонстрировало всей стране свои колебания.

В тот момент в Зимнем дворце шло заседание Временного правительства. Несмотря на весь гонор Керенского, министры с тревогой ждали итогов голосования по вопросу о коалиции. После первого голосования с заседания вызвали Терещенко и передали ему результаты. Тот объявил их, и все весьма обрадовались. Но вот около 12 часов ночи товарищ министра внутренних дел Салтыков сообщил об итогах голосования резолюции в целом. Они произвели ошеломляющее впечатление. В беседе с журналистами министры подчеркивали отсутствие единства среди демократии и заявили, что теперь они будут считаться только с мнением политических партий.⁴⁵ Тем не менее переговоры с кадетами о вхождении их в правительство были прерваны.

Но в Александринском театре после столь же ошеломляющего впечатления от результатов голосования было решено все-таки не разъезжаться и, используя итоги голосования как показатель настроения делегатов, попытаться договориться на собраниях фракций и групп. 20 сентября на заседании президиума совещания, пополненного представителями фракций и групп, 60 голосов против 50 было подано за создание «однородной социалистической власти». Вслед за этим было принято решение о выделении из состава делегатов совещания Демократического совета. Узнав об этом, Керенский, как обычно, припугнул соглашательских лидеров своей отставкой. Он сказал членам президиума (все это происходило в его присутствии), что в случае образования однородного кабинета он «не стал бы чинить препятствий», однако участия в таком кабинете он принять бы не смог.⁴⁶

⁴⁴ Известия, 1917, 20 сент.

⁴⁵ Дело народа, 1917, 20 сент.

⁴⁶ Там же, 24 сент.

В 11 часов вечера 20 сентября собралось последнее пленарное заседание Демократического совещания. По предложению президиума большинством (829 против 106 и при 69 воздержавшихся) была принята резолюция, выдвигающая в качестве программы будущей власти программу 14 августа и объявляющая о выделении из состава совещания Демократического совета.⁴⁷

Утром 21 сентября делегаты президиума и лидеры соглашательских партий Н. Д. Авксентьев, А. Р. Гоц, И. Г. Церетели и Н. С. Чхеидзе прибыли в Зимний дворец для переговоров с А. Ф. Керенским. После своего позорного провала на Демократическом совещании им ничего другого не оставалось, как сдаться на милость Керенскому. На встрече с министром-председателем правые лидеры совещания отказались от всяких претензий на инициативу в создании власти и признали это право за самим Временным правительством. Затем обсуждался вопрос о «предпарламенте». Керенский пошел здесь на некоторые уступки: он согласился с планом создания такого органа и даже не возражал против фактической ответственности Временного правительства перед «предпарламентом». Сразу же состоялось заседание Временного правительства, на котором было решено ускорить образование правительства в составе, намеченном ранее. Московские общественные деятели спешно вызывались в Петроград. На следующий день было намечено провести встречу членов Временного правительства, представителей Демократического совещания, московских деятелей и ЦК партии кадетов для организации нового коалиционного правительства с участием кадетов.

Так всего за двадцать дней соглашательские вожжи обожали полный круг: от демонстративного отказа от участия в правительстве вместе с кадетами, от громких слов о создании революционной власти на Демократическом совещании до навязывания совещанию новой коалиции, до униженного возвращения с поклоном как к Керенскому, так и к Милюкову. Керенский мог быть доволен. Он выстоял, он проявил твердость. Третий, самый длительный кризис власти 1917 г. подходил к своему концу.

ПРОГРАММА ПОСЛЕДНЕГО ПРАВИТЕЛЬСТВА КЕРЕНСКОГО

22 сентября в 4 часа 30 минут дня в Зимнем дворце открылось совещание по организации власти, в котором приняли участие министры Временного правительства Керенского, представители президиума Демократического совещания, московские общественные деятели и некоторые члены ЦК партии кадетов. Ин-

⁴⁷ Официально совещание закончило свою работу 22 сентября, а перед его закрытием большевики и левые эсеры зачитывали свои декларации против соглашателей.

тересен и персональный состав участников совещания: А. Ф. Керенский, М. И. Терещенко, А. М. Никитин, С. Н. Прокопович, А. И. Верховский, Д. И. Вердеревский, И. Н. Ефремов, С. С. Салазкин, М. В. Бернацкий, А. А. Демьянов, К. А. Гвоздев, Н. С. Чхеидзе, И. Г. Церетели, А. Р. Гоц, Г. И. Шрейдер, А. М. Беркенгейм, Н. Д. Авксентьев, В. В. Руднев, Душечкин, А. И. Коповалов, С. Н. Третьяков, С. А. Смирнов, Н. М. Кишкин, П. Н. Малянтович, В. Д. Набоков, М. С. Аджемов, А. В. Карташев.

Открывая совещание, Керенский заявил, что, хотя решения Демократического совещания имеют большое моральное значение, для Временного правительства они не являются обязательными, что оно по-прежнему высказывается за необходимость коалиции, что программа правительства — это национальное единство и независимость страны. Право пополнения состава правительства принадлежит только самому правительству. Оно не допустит никакой узурпации своих прав. Керенский с удовлетворением отметил, что на данном совещании присутствуют только сторонники коалиции и что только «блок буржуазных и демократических элементов может спасти страну».¹

Набоков предложил, чтобы вначале высказались представители Демократического совещания. В ответ Церетели призвал кадетскую партию согласиться на коалицию цензовых элементов и демократии. Он сообщил о том, что Демократическое совещание выделяет Демократический совет, который должен осуществлять контроль за Временным правительством путем постановки там вопросов представителям власти, а также подымать и вопрос о доверии правительству. С возражениями Церетели выступили Терещенко, Аджемов, Третьяков и Кишкин. Они не признавали права контроля над правительством ни за Демократическим советом, ни даже за самим Демократическим совещанием и призывали соглашателей «отсечь большевизм слева», подобно тому как они отсекали «большевизм справа», т. е. Корнилова.

Руднев защищал Демократическое совещание и пояснял, что у Демократического совета будет только право запросов к министрам, но если правительство разойдется с большинством Совета, ему «надо уйти». Авксентьев публично отрекся от большевиков, заявляя, что у присутствующих нет никаких «точек соприкосновения с большевизмом». В качестве программы будущей коалиции он выдвинул программу 14 августа. Беркенгейм пытался припугнуть представителей буржуазии ростом влияния большевиков на массы. Если соглашение о коалиции не будет достигнуто, то возникнет опасность создания «однородного» социалистического правительства. Малянтович указывал, что коалиция должна быть создана обязательно, иначе правительству Керенского придется уйти в отставку. Вместе с тем он, как и

¹ Дело народа, 1917, 23 сент.

буржуазные деятели, возражал против придания контрольных функций Предпарламенту, как стали тут же называть проектируемый совещательный орган.

Чхеидзе пожаловался, что ему «тошно от слов». Он, провозгласивший на Государственном совещании пресловутую программу 14 августа, тут вдруг заявил, что она, конечно, нужна, но не является «фетишем». Керенский еще раз поставил на место меньшевиков и эсеров, указав, что мнение Демократического совещания, конечно, важно, но это мнение только части населения. Он категорически возражал против придания контрольных функций «предпарламенту» и подчеркнул, что положение о нем издаст само правительство, а не Демократическое совещание. Коновалов, выступая от имени московских общественных деятелей, сказал, что к части программы Чхеидзе они готовы присоединиться. Терещенко высказался на сей раз без обычной осторожности. Он напомнил, что Временное правительство из 197 дней своего существования 56 уже провело в кризисах. Неизвестно, что в этом смысле даст «предпарламент». Программу военного министра Верховского солдаты приветствовали в солдатской секции Петроградского Совета, а на другой день выбрали большевиков в руководство. Затем был объявлен перерыв до 11 часов вечера, после чего торг возобновился с большим ожесточением.

Третьяков напоминал меньшевикам и эсерам, что они в момент разгрома корниловщины не допустили кадетов в состав правительства. На это представители «революционной демократии» тут же ответили, что решение о недопущении кадетов в состав коалиционного правительства «считается аннулированным». Церетели еще добавил, что можно не ссылаться на программу 14 августа, лишь бы меры нового правительства фактически исходили из нее. Набоков обвинял меньшевиков и эсеров в желании «подчинить буржуазию» и возражал против самой идеи создания «предпарламента». Гоц отвечал: «Предпарламент будет лишь бледной тенью ЦИК», он необходим, чтобы предотвратить гражданскую войну. Салазкин пугал соглашателей тем, что, если они не согласятся на требования буржуазии при создании новой коалиции, вновь появится «генерал на белом коне». Аджемов от имени кадетской партии приветствовал отход лидеров меньшевиков и эсеров от программы 14 августа. Если не настаивают на ней, то «дело проще»: можно сойтись на «деловой программе». Но в вопросе о «предпарламенте» правительство свой суверенитет уступить не может. В 2 часа ночи 23 сентября был объявлен перерыв. Затем кадеты предложили резолюцию, в которой в качестве исходной точки для создания «предпарламента» избиралось не Демократическое совещание, а ... Государственное! Должен был бы быть создан Временный Совет Государственного совещания, состав и регламент которого должны были бы определяться Временным правительством. Церетели заявил, что надо посоветоваться по этим вопросам, и сделал очередную уступку:

вполне возможно, чтобы созыв и конструкция «предпарламента» исходили от Временного правительства, а не от Демократического совещания. Решено было собраться днем на новое совещание.

Около часу дня 23 сентября заседание возобновилось. На нем на этот раз не присутствовали члены Временного правительства. Соглашатели вновь уступили представителям буржуазии. Решено было, что в «предпарламенте» министрам будут задавать вопросы, а не запросы, связанные с выражением доверия. Формальная ответственность министров и правительства перед «предпарламентом» была признана невозможной, но меньшевики и эсеры все еще настаивали на ответственности «фактической или моральной».²

24 сентября состоялось третье соединенное заседание, посвященное созданию новой коалиции, на котором вновь присутствовали члены правительства во главе с Керенским. Цеповики опять нажимали на Церетели, добиваясь устранения всякой ответственности Временного правительства перед «предпарламентом». Церетели публично отказался еще раз от всякой формальной ответственности власти. Было согласовано официальное название для «предпарламента» — Временный Совет Российской республики. Как видим, и здесь соглашатели пошли за кадетами, предлагавшими образовать Временный Совет Государственного совещания.

Затем все участники заседания были приглашены в Малахитовый зал Зимнего дворца, где и состоялся заключительный обмен мнениями и было достигнуто окончательное соглашение по составу и программе третьего коалиционного Временного правительства. Сохранились разрозненные и подшитые в разных делах канцелярии Временного правительства фрагменты протоколов заседаний 24 сентября, которые позволяют еще глубже проиллюстрировать глубину предательства народных интересов со стороны как меньшевистско-эсеровских лидеров, так и самого Керенского.³ Приведем из них некоторые выдержки. Первый сохранившийся лист открывается записью выступления представителя московских общественных деятелей Третьякова. «Мы обсуждаем форму власти, — сказал он, — коалиция себя не оправдала. Нужна власть, опирающаяся на реальные силы, и этого я не видел. И пока этой силы не будет, власть будет бессильна. Решениям Демократического совещания я придаю значение, за ним сила. Я согласен с ним считаться, но оказывается, что можно с ним не считаться».⁴ Далее Третьяков высказался по программе нового правительства. Он напоминал соглашателям, что в основе программы 14 августа лежит программа 8 июля, совершенно не-

² Там же, 24 сент.

³ См.: ЦГАОР СССР, ф. 6, оп. 1, д. 21, л. 2—3; д. 14, л. 43; д. 20, л. 1—2.

⁴ Там же, д. 21, л. 2.

приемлемая для буржуазии. Ряд требований программы 14 августа уже не выполнен: введение новых налогов на имущие классы, политика правительства по отношению к армии, неизбежность хлебной монополии (она была подорвана официальным повышением твердых цен на хлеб в конце августа 1917 г.).

Затем выступил Церетели, ссылавшийся на вступительную речь Керенского, текста которой не сохранилось в имеющихся записях. «Мы желаем ответственной власти, — заявил меньшевистский лидер, — я согласен с Керенским по вопросу о программе, и я настаиваю на программе — это важно для населения (Третьяков только что говорил перед Церетели, что программу трудно составить и пусть правительство даст только «лозунги», — В. С.); Гвоздев понял,⁵ а массы еще не постигли. Декларации имеют важное значение. Многое из обещанного не осуществлено, а многое, что сделано, — забыто населением, надо напомнить».⁶ Трудно более откровенно показать демагогический характер политики меньшевиков и эсеров, чем это помогает увидеть здесь речь Церетели. Констатируя, что все рухнет, что авторитет правительства падает в армии и на флоте и что надо укреплять положение власти, Церетели далее продолжал: «Предпарламент — повось, но что-нибудь надо, другого не придумаешь. Нападки на Советы несправедливы — это сила, и ею пренебрегать не следует, как вообще всякой силой. Во всех организациях заметна двойственность, есть анархия и есть здоровые элементы: надо их собрать воедино. Я буду бороться за эту платформу, ибо я вижу иначе гражданскую войну. Однородный кабинет не удержится». Как видим, меньшевики ясно представляли себе «предпарламент» как игрушку для народа, забаву, которая отвлечет его от подлинной борьбы за народные интересы. Как не вспомнить тут Гучкова, который убеждал Николая II вечером 2 марта 1917 г. в Пскове отречься от престола, говоря, что народному воображению нужен «удар хлыста», которым станет отречение в пользу малолетнего Алексея. Теперь Церетели предлагал Керенскому в качестве такого же «удара хлыста» идею «предпарламента» — «новость», лучше которой не придумаешь. Это еще раз вскрывает буржуазную суть политики соглашателей, называвших себя социалистами.

С возражениями Церетели от кадетской партии выступил такой умный и опытный политик, как Набоков. Он вновь утверждал, что программа 14 августа, контрольные функции будущего совещательного органа означают подчинение буржуазии демократии. О «победе демократии» свидетельствует и то, что о программе буржуазии никто не говорит, что предполагаемое совещание с точки зрения избирательного принципа — «это миф»,

⁵ Гвоздев сказал на первом совещании 22 сентября, что «программа не создаст власти» (Дело народа, 1917, 23 сент.).

⁶ ЦГАОР СССР, ф. 6, оп. 1, д. 21, л. 2.

«это не воля народа», поскольку «нарушена азбука выборного закона и народного представительства. Это не парламент, а группа лиц. Им прав давать нельзя, иначе власть правительства уйдет и будет принадлежать ему, а правительство станет исполнительным органом. Временное правительство — это диктатура, ответственная перед страной, и может быть свергнуто только новой революцией. Проще сделать совещательный при правительстве орган. Парламент на шесть недель создавать не стоит, надо обдумать и создать его (совещательный орган, — В. С.), и будет все же несовершенно. Этот парламент только затруднит правительство и демократию. На программе мы не настаиваем. Декларации не читают, они вглубь не проникают. По программе мы согласимся, но парламент — совещательный».⁷

Салазкин признавал невозможным разрыв с демократией, так как иначе «сильную власть» могла дать только корниловщина. Поэтому необходимо было буржуазии идти на уступку соглашателям и создавать «предпарламент». Но Салазкин призывал строго определить его функции, чтобы не получить «второй Совет». По его мнению, коалиция необходима, так как, если ее не будет, социалисты создадут свой однородный кабинет. Но кабинет такой, считал Салазкин, непременно провалится, и тогда опять придет белый генерал. Ему вторил Гоц, видевший в коалиции единственную альтернативу гражданской войне. «Цель созыва Демократического совета — дотянуть страну до Учредительного собрания, — заявлял он откровенно. — Коалиция требуется для демократии, поправки мы готовы сделать, но должны считаться с демократическими массами. Вероятно, программа правительства в шесть недель не будет осуществлена, поэтому она не страшна. Предпарламент юридически необоснован, но крайне необходим. Но он должен быть полновластным, иначе он будет слаб рядом с Исполнительным Комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов». Далее он говорил о праве контроля «предпарламента» и об ответственности перед ним правительства, о том, что «программа 14 августа — это минимум — национальная, а не социалистическая. Большинство демократии нужно в Демократическом совете — иначе не будет доверия». На вопрос, кто что вносит в коалицию, Гоц сам себе ответил: «Мы вносим возможность существования власти, и это тот вклад, который мы вносим. Сейчас рост большевизма, это ослабляет нас».⁸ Речь Гоца — наглядный образец политического цинизма. Бывшие вожди «революционной демократии» открыто делились с буржуазией своими планами надувательства масс.

Красноречивым признаком бессилия Временного правительства Керенского стала речь Малянтовича. «Временное правительство, правильно, — диктатура, — сказал он, — и если бы оно

⁷ Там же, л. 2 об.

⁸ Там же, л. 3.

справлялось, было бы хорошо. Но оно бессильно и довести страну до Учредительного собрания не может, и без помощи Совета солдатских и рабочих депутатов оно часто не справлялось. Сейчас чувствуется его бессилие. Всякая диктатура действует, и не спрашивает, и не советуется. Она ищет реальную опору, должна быть реальная власть. Мы говорим, что надо базу, опору в русском народе. Предлагается Предпарламент, чтобы он был сильнее Совета рабочих и солдатских депутатов. Я мнил его как широкую трибуну для осведомления страны и черпания силы правительством».⁹ После такого размазывания слабости власти Керенский счел необходимым вмешаться в прения и заявил, что вопрос о «предпарламенте» уже решен правительством и остался спорным только вопрос о наделении его правом выносить вотум недоверия правительству. Программа же нового коалиционного правительства будет состоять из конкретных мер и без упоминания о программе 14 августа.

Аджемов призвал участников совещания идти на обоюдные уступки по вопросу о программе правительства. Что же касается функций «предпарламента», то главное, по его мнению, «сохранить суверенную власть Временного правительства». Он выразил опасение, что Предпарламент не будет иметь никакой силы. Московский городской голова эсер Руднев, как до него Церетели и Гоц, также высказался весьма откровенно. «Необходимо учитывать момент стихийного развала, — убеждал он буржуазных участников совещания. — Нельзя оттолкнуть рабочий класс, надо эту программу противопоставить требованиям левых элементов. Во-вторых, необходима коалиция с разумными элементами демократии. Сейчас нет силы, которую можно было бы противопоставить анархии. Расчет на земства, города и кооперацию правителей, но это в будущем, ибо их еще нет. Мы стоим перед дилеммой: или „Вся власть Советам солдатских и рабочих депутатов!“, или коалиция. Ответственность правительства может быть только перед настоящим парламентом, но связь должна быть с Предпарламентом и надо ее найти. Нельзя допустить гражданскую войну и „чем хуже, тем лучше“ говорить нельзя».¹⁰

Клишкин утверждал, что гражданская война «уже есть». Но раз власть позвала участников совещания, пужно идти на взаимные уступки на базе программы Керенского. Августинцев предложил выработать пункты соглашения и программу правительства, чтобы можно было доложить их Демократическому совету. Душечкин подчеркнул: «Главное — борьба с большевизмом». Беркенгейм суммировал: «Все за коалицию, за Предпарламент, остается вопрос об ответственности правительства». Видимо, после этого произошло какое-то обострение обстановки на совещании, потому что в протоколе после отступа фиксируется не-

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, л. 3 об.

ожиданный вопрос Чхендзе: «Согласны ли кадеты войти в правительство без социалистов?», после чего записано разъяснение Керенского: «Солидарность правительства с буржуазией идет с 27 февраля; коалиция из всех разумных и преданных революции сил и партий». ¹¹ Далее Керенский уверял присутствующих, что «правительство сильно и может подавить всякий мятеж». Он заявил, что не согласился на требование социалистов установить ответственность Временного правительства перед «предпарламентом» и принять программу 14 августа, а приемлет совещательный орган для поддержки и сотрудничества, ответы министров на вопросы и запросы, но не ответственность правительства.

После этого был объявлен перерыв, а затем Набоков прочитал написанный им вместе с Аджемовым проект Положения о созыве Временным правительством Временного Совета Российской республики. Церетели от имени группы представителей Демократического совещания заявил, что они обязаны доложить этот документ комитету совещания. По существу же он согласился с Набоковым в том, что закон о созыве «предпарламента» должен быть издан от имени Временного правительства. Делая последнюю уступку, Церетели сказал, что им важна в вопросе об ответственности фактическая сторона дела, а не формальная. «Осведомления, запросы, законодательная инициатива и пр. — на это мы можем согласиться». Он просил правительство конкретизировать свою программу и, в частности, внести в нее обещание роспуска Государственной думы и Государственного совета, гарантию созыва Учредительного собрания в объявленный срок, назначение даты конференции с союзниками при участии представителей демократии и пр. ¹²

Вероятно, после этого заявления был объявлен новый перерыв, во время которого основы восстановления коалиции получили одобрение как от руководства Демократического совещания, так и от ЦК кадетской партии. Затем состоялось уже заседание правительства с оглашением содержания будущего закона о «предпарламенте» и программы правительства. Судя по фамилиям выступавших, на этом заседании в качестве приглашенных присутствовали только Церетели и Набоков.

Вначале оглашались основания устройства «предпарламента», который создавался как государственное правительственное учреждение. Он получал следующие права: обязательные ответы министров на вопросы членов Совета, право разработки законов, получение на заключение от правительства законопроектов. Но право выражать недоверие правительству ему не предоставлялось. ¹³ В программе правительства провозглашались принципы и

¹¹ Там же, д. 14, л. 43.

¹² Там же.

¹³ Там же, д. 20, л. 1.

начала политики, подчеркивалась их преемственность с политикой Временного правительства прежних составов. Во внешней политике провозглашалась активная деятельность, направленная на созыв совместной конференции с союзниками для пересмотра целей войны. Подчеркивалась необходимость продолжения войны вместе с союзниками. Участие представителей демократии в конференции должно было быть санкционировано правительством. В области экономической политики провозглашался курс на создание государственного контроля, составленного из представителей как промышленников, так и рабочих. В отношении продовольственного вопроса подтверждались принципы хлебной монополии и твердых цен, но теоретически обосновывалась возможность колебания цен. Военная программа содержала требование поднятия дисциплины и боеспособности в армии. Но, как отмечено в протоколе, «ее устранили». И действительно, текст опубликованной декларации показывает, что специального раздела по военной политике в ней не имеется, а положения, касающиеся армии, перенесены в преамбулу документа.¹⁴

Национальный вопрос должен был быть разрешен на основах, которые разработает Учредительное собрание. Правительство обещало учредить особый Совет по национальностям. В аграрной области признавалась только необходимость упорядочения земельных отношений,¹⁵ а по налоговому праву усиление обложения физических лиц и обеспечение развития промышленности, т. е. интересов капиталистов.

При обсуждении этих документов Керенский высказал требование, чтобы в декларации было сказано о необходимости утверждения правопорядка и прекращения анархии. Церетели предложил при освещении вопроса о контакте правительства с общественными организациями поставить эти организации на первое место. Правительство должно опираться на организации, «государственно мыслящие и действующие». Керенский еще раз попыток: поддержка порядка, боеспособности армии, поддержка развития промышленности страны и созыва Учредительного собрания, просьба к партиям содействовать созыву Учредительного собрания и борьбе за наведение порядка в стране.¹⁶

Так закончились четырехдневные дебаты между правительством Керенского, кадетами, московскими общественными деятелями и эсеро-меньшевистскими вождями ЦИК и Демократического совещания. Коалиция мелкобуржуазных партий и представителей буржуазии возрождалась как союз двух социальных и классовых сил: крупной и средней российской буржуазии и

¹⁴ См.: Прибавление к № 162 «Вестника Временного правительства», 1917, 27 сент.

¹⁵ В протоколе сказано — «соглашение есть у Набокова» (ЦГАОР СССР, ф. 6, оп. 1, д. 20, л. 4).

¹⁶ Там же, л. 1 об.

мелкой буржуазии. Но в отличие от первой и второй коалиций этот союз возрождался в иной внутривполитической обстановке. После разгрома мятежа генерала Корнилова пачался крутой поворот многомиллионных масс мелкой буржуазии от союза с буржуазией к союзу с революционным пролетариатом, выразителем интересов которого и вождем была большевистская партия. Эсеро-меньшевистские вожди теперь уже не представляли большинство народа. Оставаясь господствующими партиями в ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, во Всероссийском Совете крестьянских депутатов, они потеряли оба столичных Совета, десятки и сотни местных Советов. Вождями этих Советов становились большевики, а также левые эсеры и меньшевики-интернационалисты. Уже на Демократическом совещании соглашатели столкнулись с мощью и организованностью большевистской партии, ведущей за собой почти половину представителей Советов, многих представителей профсоюзов, местных самоуправлений. Большевики и эсеры в сущности не смогли добиться своей главной политической цели на совещании. Большинство высказалось против коалиции с кадетами.

Поэтому поведение соглашательских лидеров совещания на переговорах по воссозданию новой коалиции покрыло их позором. Они предали волю большинства членов совещания и пошли на новый правительственный союз с кадетской партией, заняв себя пособничеством Корнилову. Как ясно следует из приведенных выше неопубликованных протоколов этих совещаний, новый союз заключался мелкобуржуазными лидерами и представителями буржуазии для остановки революции, для борьбы с ней под предлогом борьбы с анархией. Главное — борьба с большевизмом. Вот что теперь объединяло и московских капиталистов, и членов ЦК кадетской партии, и меньшевистско-эсеровских лидеров ЦИК. Керенский, совсем было зашатавшийся после разгрома Корнилова, снова обрел уверенность. Он вновь стал балансировать между двумя силами: умеренными кругами российской буржуазии и меньшевистско-эсеровской верхушкой. Если в марте—апреле он провозглашал себя «заложником демократии», изображал из себя главного вождя революционной демократии в мае—июне, то теперь он демонстративно стоял и над цензурой общественности, и над «революционной демократией». Он отвергал и давление со стороны правых, и давление со стороны демократии, что видно на примере обсуждения вопроса о функциях «предпарламента».

Если в момент разгрома корниловщины Керенский боялся оказаться сам в плену у демократии, единый фронт которой включал тогда и большевиков, то теперь он с удовольствием сколачивал единый антибольшевистский фронт из соглашателей и буржуазии, снова вылезая на поверхность политической жизни как необходимейшее и важнейшее центральное лицо. символ «государственно мыслящей России», от которой отсечены и «боль-

шевики справа», и «большевики слева». Слепленние этой ролью и собственной незаменимостью и в эти дни, и позже мешало ему разглядеть, что Церетели и компания стали уже вчерашними вождями масс, что реальная власть их и сила сокращаются с каждым днем. Что же касается реакционных кругов буржуазии и контрреволюционных слоев офицерства и командных кругов армии, то они не простили Керенскому «предательства» по отношению к Корнилову и его соратникам. Кадеты, соглашаясь для виду на новую коалицию, за спиной Керенского продолжили поиски новых кандидатов в диктаторы, обдумывали пути нового заговора и установления прямой военной диктатуры.

Таким образом, сколоченная Керенским при поддержке соглашателей новая коалиция с самого момента своего рожденья была обречена на быстрый крах. Она оставляла за границами своей социальной базы наиболее мобильную и сильную в социальном отношении левую часть «революционной демократии» и постепенно усиливавшийся правый контрреволюционный лагерь. Красные и белые — вот два полюса, все быстрее притягивавшие к себе людей. Между ними, как между молотом и наковальней, обречена была погибнуть и коалиция, и сам карикатурный режим личной власти, который с такой любовью и энергией создавал А. Ф. Керенский.

Перед тем как показать это на примере позиции главнейших политических партий и организаций страны, остановимся еще на составе последнего коалиционного правительства и официальном тексте его декларации. Известие о формировании нового правительства в «Вестнике Временного правительства» было оформлено нарочито скромно под рубрикой «Петроград. Административные известия». Министр иностранных дел и заместитель министра-председателя М. И. Терещенко освобождался по его заявлению от второй из своих должностей. На это место ставился А. И. Коновалов с одновременным назначением министром торговли и промышленности. Управляющий Министерством финансов М. В. Бернацкий становился министром финансов, товарищ министра труда К. А. Гвоздев — министром труда, управляющий Министерством путей сообщения А. В. Ливеровский — министром путей сообщения, присяжный поверенный округа Московской судебной палаты П. П. Малянтович — министром юстиции, а комиссар Временного правительства по городу Москве Н. М. Кипчик — министром государственного приращия. Председатель Московского областного военно-промышленного комитета С. А. Смирнов назначался государственным контролером, а председатель Московского биржевого комитета С. Н. Третьяков — членом Временного правительства и председателем Экономического совета при правительстве. Последнее назначение: Н. П. Саввин, заместитель председателя Главного экономического комитета при Временном правительстве, становился товарищем министра торговли и промышленности с возложением на него управ-

ления этим министерством при общем руководстве министра А. И. Коновалова.

Одновременно сообщалось, что бывший министр государственного призрения во втором коалиционном правительстве И. П. Ефремов назначается чрезвычайным посланником и полномочным министром при Швейцарском союзе.¹⁷

Военный и морской министры, министр внутренних дел и почт и телеграфов остались старыми. Как помнит читатель, они входили и в состав «Директории». В третьем коалиционном правительстве в итоге министры-«социалисты» пмели большинство по сравнению с представителями буржуазии: их было 10 против 6 — пропорция, обратная первому коалиционному правительству. Но, несмотря на кажущуюся передвижку власти в сторону вождей мелкой буржуазии, ключевые посты в правительстве по-прежнему принадлежали буржуазным министрам. Откровенным проводником интересов российской буржуазии стал к этому времени и Керевский, хотя и продолжал состоять членом эсеровской партии.

Декларация последнего коалиционного правительства также носила форму простого объявления «От Временного правительства». Тем не менее значение ее подчеркивалось тем, что она была опубликована официально в специальном прибавлении к «Вестнику Временного правительства» 27 сентября 1917 г. Она состояла из преамбулы, пяти разделов по основным направлениям политики и заключения. Декларация начиналась с констатации угрозы анархии. «В жизни палцей Родины, — говорилось там, — вновь внесена глубокая смута. Несмотря на быстрое подавление выступления генерала Корнилова, вызванные им потрясения угрожают самому существованию Российской республики. Волны анархии проносятся по стране, крепнет патиск врага внешнего, поднимают голову контрреволюционные элементы в надежде, что затянувшийся кризис власти в связи с охватившей всю страну усталостью поможет им убить свободу русского народа».

Далее правительство напоминало о своей ответственности перед страной, о своем долге довести народ до Учредительного собрания. Обещалось, что созыв этого собрания не может быть отсрочен ни на один день. Подтверждая, что окончательное решение всех вопросов общественной жизни принадлежит Учредительному собранию, «ныне пополненное в своем составе» Временное правительство обещало продолжить работу над некоторыми неотложными мероприятиями. Среди них на первом месте упоминалась «действительная внешняя политика», направленная на достижение мира без применения насилия с чьей-либо стороны. Заявлялось, что в ближайшие дни правительство примет участие в конференции с союзниками. В делегацию России войдет и «лицо, облеченное доверием общественных организаций». Стре-

¹⁷ Вестник Временного правительства. 1917, 26 сент.

мясь к миру, говорилось далее в декларации, «Временное правительство, однако, все свои силы положит на защиту общесоюзного долга, на оборону страны, на решительный отпор всяким попыткам отторжения национальной территории и навязывания России чужой воли, на изгнание неприятельских войск из пределов родной страны».

Затем излагались меры по поднятию воинской дисциплины и боеспособности армии, не менее остро звучащие в сентябре, чем в августе, в корниловские времена. Провозглашался принцип подбора командования по своему соответствию современному уровню ведения войны и преданности республиканскому строю, тесное сотрудничество командования с демократическими организациями армии и флота. Было обещано скорое издание особого закона о правах и обязанностях армейских и флотских организаций. В качестве одного из путей поднятия боеспособности армии называлось сокращение непомерно разросшихся тыловых организаций, увольнение солдат старших возрастов, которые принесут больше пользы в народном хозяйстве.

Далее следовали конкретные меры в области организации народного хозяйства, земельных отношений, в финансовой области, местного управления и по национальному вопросу. Мы их уже характеризовали частично выше, при рассказе об их обсуждении на заседании правительства. Подробное перечисление их здесь вряд ли целесообразно, тем более что даже Временное правительство после их изложения заявляло, что в краткий срок, оставшийся до Учредительного собрания, оно вряд ли успеет все это выполнить. В действительности же ему оставалось жить и того меньше.

Практическое значение имела заключительная часть декларации, в которой сообщалось о скором создании «предпарламента». «Для того чтобы обеспечить революционной власти тесное соприкосновение с организованными общественными силами и тем самым придать ей необходимую устойчивость, — говорилось в документе, — Временное правительство в ближайшие дни разработает и опубликует положение о Временном Совете республики, который должен действовать до Учредительного собрания. Совет этот, в котором будут представлены все слои населения, причем в него будут введены в избранные на Демократическом совещании делегаты, будет наделен правом обращать вопросы к правительству и получать на них ответы в определенный срок, разрабатывать законодательные предложения и обсуждать все те вопросы, которые будут передаваться на его рассмотрение Временным правительством или возникать по его собственной инициативе». Правительство обязывалось учитывать мнение Совета до Учредительного собрания. Такова была окончательная форма моральной ответственности Временного правительства перед «предпарламентом», которую оно на себя приняло. Демagogически утверждая, что именно эта программа отражает чаяния

парода, Временное правительство призывало всех граждан страны сплотиться вокруг него для «защиты Родины от врага внешнего, восстановления законности и порядка и доведения страны до полномочного Учредительного собрания». Декларация была датирована 25 сентября 1917 г. и подписана одним министром-председателем А. Ф. Керенским.

Заключив беспринципный блок с буржуазией на базе создания «предпарламента» и куцей программы неотложных мер, которые скрывали их общий антибольшевистский союз для охранения буржуазно-демократических институтов, соглашатели торопились теперь объявить о своем доверии и поддержке третьему коалиционному правительству. 26 сентября «Дело народа» опубликовало постановление ЦК партии эсеров, одобряющее создание новой коалиции. В нем говорилось, что, хотя намеченная основа соглашения представляет некоторые отступления от программы 14 августа и принципа ответственности правительства перед «предпарламентом», тем не менее при данных политических и хозяйственных условиях и международном положении страны ЦК признает их приемлемыми для партии социалистов-революционеров.

Аналогичное решение было принято в ЦК партии меньшевиков. Он одобрил вступление Гвоздева в состав третьего коалиционного правительства.

Только большевистская партия решительно осудила создание нового правительства. В передовой центральной органа партии газеты «Рабочий путь» от 26 сентября под названием «Кадеты пришли» говорилось: «Новая империалистическая власть — орган все той же политики диктатуры буржуазного меньшинства. Этой диктатуре не устоять перед организованной волей рабочих, солдат и крестьян! Кадеты уходили и приходили. Кадеты опять пришли. Задача революционных классов в том, чтобы их и их политических союзников бесповоротно „уйти“». Успех кадетов, действительно, никак нельзя было назвать полным, а число их представителей в правительстве было прямо мизерным. Урегулирование кризиса власти никак не могло обещать устойчивости политической жизни в стране в ближайшие недели. Хотя правые лидеры меньшевиков и эсеров добились осуществления коалиции и заставили центральные органы своих партий одобрить этот шаг, они в то же время не смогли помешать принятию другого политического решения, которое имело далеко идущие последствия и в конечном счете перечеркнуло все их соглашательские усилия. Речь идет о принятии ЦИК решения о созыве II Всероссийского съезда Советов.

Это требование, родившееся еще в дни июльского кризиса, с новой силой зазвучало в дни разгрома корниловщины.¹⁸ С 18 сеп-

¹⁸ Подробнее см.: Старцев В. И. Большевики, Второй Всероссийский съезд Советов и создание советской системы. — В кн.: Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти. Л., 1973.

тября его стали выдвигать на первый план руководители большевистской фракции Демократического совещания. Съезд Советов характеризовался ими как место, на котором может быть создана подлинно революционная власть, раз этим местом не смогло оказаться Демократическое совещание. Лозунг созыва нового Всероссийского съезда Советов с 23 сентября стали выдвигать петроградские левые эсеры.¹⁹ 22 сентября резолюцию о немедленном созыве съезда Советов приняло объединенное собрание Советов и общественных организаций города Выборга и разослало ее циркулярно Советам 23 крупнейших городов страны. Выборгские Советы предлагали Петроградскому Совету потребовать от ЦИК созыва Всероссийского съезда, а в случае отказа ЦИК созвать съезд самому.

Взяв на вооружение лозунг борьбы за съезд, большевики тем самым шли навстречу желаниям самых широких масс. 23 сентября, в разгар переговоров эсеро-меньшевистской верхушки с представителями буржуазии о создании новой коалиции, на заседании ЦИК представители большевистской фракции предложили немедленно созвать новый съезд Советов. Меншевик Б. О. Богданов от имени Президиума ЦИК заявил, что для этого потребуется 3—4 недели. Большевики предложили открыть съезд 15 октября. После острого обсуждения было принято решение созвать II Всероссийский съезд Советов 20 октября 1917 г.²⁰ Таким образом, уже в момент рождения нового коалиционного правительства меньшевики и эсеры вынуждены были согласиться на созыв органа, который по меньшей мере должен был стать противовесом столь лелеемому ими Демократическому совету, или «предпарламенту» и Временному правительству, вместе взятым.

26 сентября вопрос о съезде рассмотрело Бюро ЦИК. На нем меньшевик Ф. И. Дан, уже увидевший опасность, которую таил в себе для соглашателей съезд Советов, решительно высказался против его созыва, мотивируя это тем, что в разгар подготовки выборов в Учредительное собрание «нельзя отзывать агитаторов с мест». Однако подавляющее большинство голосов было подано за предложение о созыве съезда.²¹ В массовой агитационной работе съезд сразу же стал противопоставляться Временному правительству.

Вечером 25 сентября 1917 г. состоялось заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Оно окончательно оформило победу большевиков в Петроградском Совете, избрав новый Исполнительный комитет (в котором 50 процентов мест принадлежало большевикам) и нового председателя Совета — Л. Д. Троцкого. С огромным воодушевлением была принята ре-

¹⁹ Знамя труда, 1917, 23 сент.

²⁰ Известия, 1917, 24 сент.

²¹ Рабочий путь, 1917, 27 сент.

волюция недоверия новому коалиционному Временному правительству. В ней, в частности, говорилось: «Мы выражаем свою твердую уверенность в том, что весть о новой власти встретит со стороны всей революционной демократии один ответ: „В отставку!“». Далее в резолюции говорилось, что II Всероссийский съезд Советов «создаст истинно революционную власть». Петроградский Совет призывал всех рабочих и солдат сплотиться вокруг своих Советов и воздерживаться от частичных выступлений.²²

Итак, декларация нового правительства была встречена контрдекларацией Петроградского Совета, при помощи которого большевики собирались осуществить требование созыва II Всероссийского съезда Советов для сформирования на нем подлинно революционной власти, способной заменить Временное правительство Керенского. Если меньшевики и эсеры тайно сговаривались на своих совещаниях с представителями буржуазии о создании блока против большевиков и хотели сделать правительство Керенского своим главным орудием в подавлении большевиков, то большевики открыто заявили о своей враждебности и непризнании нового правительства и бросили ему публичный вызов в резолюции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 25 сентября 1917 г.

Позиция руководства большевистской фракции Демократического совещания, где тон задавали Л. Д. Троцкий и Л. Б. Каменев, оказалась недостаточно последовательной и мало отвечающей интересам революционного пролетариата. После того как выяснилась с очевидностью поворот лидеров меньшевиков и эсеров в сторону к союзу с кадетами и буржуазией, они не порвали с соглашателями, не покинули Демократического совещания. Более того, они приняли и провели через ЦК решение об участии в Демократическом совете, а затем и в «предпарламенте». Они хотели строить тактику партии все еще в расчете на мирное развитие революции, опираться и на съезд Советов, и на участие в «предпарламенте». В последнем Каменев и Троцкий предлагали большевикам заключить союз с левыми эсерами и интернационалистами из меньшевиков и играть роль левой парламентской оппозиции.²³

Курс этот был ошибочным и подвергся решительному осуждению и критике со стороны вождя большевистской партии В. И. Ленина. Мы уже говорили выше об этом кратко. Покажем

²² Там же.

²³ Подробнее об этом см.: Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967, кн. 2; Старцев В. И. Большевики, Второй Всероссийский съезд Советов и создание советской системы. — В кн.: Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти. Л., 1973.

теперь на нескольких примерах отношение В. И. Ленина к «предпарламенту» в связи с критикой им ошибок части руководства большевистской партии. В статье «Из дневника публициста. Ошибки нашей партии» В. И. Ленин пришел к выводу о том, что большевики сделали ошибку, участвуя в Демократическом совещании. Характеризуя текущий момент, он писал: «Теперь растет революция пролетариата и большевизма крестьян, именно: беднейшего крестьянства против буржуазии, против ее союзника, англо-французского финансового капитала, против ее правительственного аппарата, возглавляемого бонапартистом Керенским».²⁴ Далее В. И. Ленин вскрывает классовую суть и назначение «предпарламента». Сопоставление его слов с тем, что читатель знает теперь из записей секретных переговоров лидеров соглашателей с представителями буржуазии, показывает нам поразительную ленинскую прощательность, основанную на строгом марксистском классовом анализе политического положения.

«Вся суть предпарламента, — указывает Ленин, — бонапартистский *подлог* не только в том смысле, что грязная банда Либерданов, Церетели и Черновых вместе с Керенским и К^о *подтасовали*, фальсифицировали состав этой церетелевски-булыгинской думы, но и в том, более глубоком смысле, что единственное назначение предпарламента — надуть массы, обмануть рабочих и крестьян, отвлечь их от новой растущей революции, засорить глаза угнетенных классов новым нарядом для *старой*, уже испытанной, истрепанной, истасканной „коалиции“ с буржуазией (т. е. превращения буржуазией господ Церетели и К^о в гороховых шутов, помогающих подчинить народ империализму и империалистической войне)».²⁵

Отсюда следовал вывод о том, что тактика участия в «предпарламенте» неверна, она не соответствует объективному соотношению классов и объективным условиям момента. Ленин следующим образом формулирует задачи большевиков: «Надо было бойкотировать Демократическое совещание, мы все ошиблись, не сделав этого, ошибка в фальшь не становится. Ошибку мы поправим, было бы искреннее желание стать за революционную борьбу масс, было бы серьезное размышление об объективных основах тактики.

Надо бойкотировать предпарламент. Надо уйти в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, уйти в профессиональные союзы, уйти вообще к массам. Надо *их* звать на борьбу. Надо *им* дать правильный и ясный лозунг: разогнать бонапартистскую банду Керенского с его поддельным предпарламентом, с этой церетелевски-булыгинской думой. Меньшевики и эсеры не приняли, даже после коршиловщины, нашего компромисса, мирной передачи власти Советам (в коих у нас *тогда*

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 257.

²⁵ Там же, с. 260—261.

еще не было большинства), они скатились опять в болото грязных и подлых сделок с кадетами. Долой меньшевиков и эсеров. Беспощадная борьба с ними. Беспощадное изгнание их из всех революционных организаций, никаких переговоров, никакого общения с этими *друзьями Кишкиных*, друзьями корниловских помещиков и капиталистов».²⁶

Все это было написано еще 22 сентября! Когда же на следующий день В. И. Ленин узнает, что большевистская фракция одобрила вступление в «предпарламент», он решительно объявляет войну этому курсу, заявляет, что будет агитировать за бойкот «предпарламента» вплоть до экстренного съезда партии. 24 сентября в той же статье Ленин пишет о съезде Советов: «Съезд Советов отложен до 20 октября. Это почти равносильно отсрочке до греческих календ при том темпе, каким живет Россия».²⁷ Отсюда следовал вывод, что большевики не должны были строить свою тактику на ожиданиях съезда Советов.

Стараясь помочь партии быстрее убедиться в необходимости бросить все силы на подготовку восстания, обрести уверенность в его победе, В. И. Ленин пишет в эти дни конца сентября брошюру «Удержат ли большевики государственную власть?».²⁸ Отталкиваясь от «прогнозов» буржуазных и мелкобуржуазных газет относительно того, что большевики никогда не решатся взять всю власть в свои руки, а если и решатся, то никогда не смогут ее удержать, Ленин посвящает свою брошюру именно доказательству того, что большевики должны взять власть и непременно удержать ее в своих руках.

Вместе с тем В. И. Ленин несколько раз отвлекается от работы над брошюрой (работа эта заняла у него неделю — с 24 сентября по 1 октября 1917 г.), чтобы оперативно вмешаться в формирование текущей политики партии, направления которой вызывали у него тревогу. Так, 27 сентября в письме председателю Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии И. Т. Смильге В. И. Ленин замечает: «Общее политическое положение внушает мне большое беспокойство. Петроградский Совет и большевики объявили войну правительству».²⁹ Но правительство имеет войско и систематически готовится (Керенский в ставке, явное дело, сталкивается с корниловцами о войске для подавления большевиков и сталкивается *деловым* образом).

²⁶ Там же, с. 262.

²⁷ Там же, с. 263.

²⁸ См.: там же, с. 287—339.

²⁹ В. И. Ленин имеет в виду цитируемую выше резолюцию Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 25 сентября с требованием отставки третьего коалиционного Временного правительства и создания на съезде Советов новой революционной власти, а также речь Троцкого о замене именно на съезде нового коалиционного правительства правительством пролетариата и крестьянства.

А мы что делаем? Только резолюции принимаем? Теряем время, назначаем „сроки“ (20 октября съезд Советов — не смешно ли так откладывать? Не смешно ли полагаться на это?). Систематической работы большевики *не* ведут, чтобы подгото-вить *свои* военные силы для свержения Керенского.

События вполне подтвердили правильность моего предложе-ния, сделанного во время Демократического совещания, именно, что партия *должна* поставить на очередь вооруженное восстание. События *заставляют* это сделать. История сделала коренным *по-литическим* вопросом сейчас вопрос *военный*. Я боюсь, что боль-шевики забывают это, увлеченные „злостью дня“, мелкими теку-щими вопросами и „надеясь“, что „волна сметет Керенского“. Такая надежда наивна, это все равно, что положиться „на авось“. Со стороны партии революционного пролетариата это может ока-заться преступлением». ³⁰

Через два дня, 29 сентября, В. И. Ленин пишет еще более страстное и энергичное послание прямо в Центральный Коми-тет большевистской партии, членам ЦК и МК большевиков и фракций Советов, заканчивая им свою статью «Кризис назрел», посвященную доказательствам полной своевременности начала вооруженного восстания против власти буржуазии. В нем он критикует тактику ожидания II Всероссийского съезда для ре-шения на нем вопроса о власти, требует начать практическую подготовку к немедленному вооруженному восстанию. «Сначала победите Керенского, потом созывайте съезд» — таков главный совет Ленина партии. ³¹ Тут же Ленин еще раз называет «пред-парламент» «поддельным» и высказывается против участия боль-шевистской партии в его работе.

Насколько справедливыми были опасения В. И. Ленина на-счет «злости дня», которая может заслонить главную задачу ре-волюционного пролетариата, показывают материалы обсуждения вопроса о «предпарламенте» в руководстве РСДРП(б) в Петро-граде. Так, на заседании ЦК 23 сентября решено было войти в президиум «предпарламента», левым эсерам — предложить вы-ступить с предложением о неприкосновенности членов «Пред-парламента». В то же время ЦК не принял решения об «одно-родном министерстве», т. е. правительстве, составленном только из представителей социалистических партий. На партийное со-вещание, которое было намечено на следующий день, представ-лялся специальный доклад о «предпарламенте». ³² Тогда же, 23 сентября, на заседании Демократического совета, избранного Демократическим совещанием, большевики огласили декларацию, осуждающую позицию делегации совещания на переговорах

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 264—265.

³¹ Там же, с. 281.

³² См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917— февраль 1918. М., 1958, с. 66—67.

с правительством и представителями буржуазии об организации новой коалиции. В декларации говорилось, что большевики откажут коалиционному правительству в поддержке и будут бороться вместе со всеми Советами за создание «народного правительства, опирающегося на Советы в центре и на местах». «А посему, — говорилось в заключение декларации, — мы предлагаем Демократическому совету: 1) прервать ведущиеся под руководством Керенского переговоры с ценовой буржуазией и 2) приступить к созданию истинно революционной власти».³³ Разумеется, такое обращение к Совету, где подлинным представителям революционного народа находились в явном меньшинстве, было наивностью.

На партийном совещании 24 сентября была принята резолюция, резко критиковавшая правительство Керенского, соглашателей и буржуазию, ведущих дело к развязыванию гражданской войны против народных масс. Лозунгом дня становится борьба за переход власти к Советам, являющимся теперь боевыми классовыми организациями. «По этой линии должна быть направлена работа партии, — указывалось далее в четвертом пункте резолюции, — причем деятельность в предпарламенте должна носить лишь вспомогательный характер».³⁴ Тем не менее эта деятельность, как видим, признавалась желательной, что и составило суть расхождений с ленинской точкой зрения, требовавшей полного бойкота «предпарламента» уже с 22 сентября.³⁵

29 сентября 1917 г. ЦК РСДРП(б) утвердил проект воззвания «Перед съездом Советов»,³⁶ которое 30 сентября было напечатано в центральном органе большевистской партии — газете «Рабочий путь». Воззвание справедливо обвиняло правительство Керенского в стремлении спровоцировать гражданскую войну и вызвать преждевременно на бой рабочие массы. Но тут-то и начиналось отклонение от ленинского анализа обстановки, которое было уже известно руководству партии. Ленин считал, что ждать больше нечего, что нужно самим брать в свои руки инициативу начала гражданской войны, быстрее подготовить и провести свержение буржуазной власти. Воззвание же призывало: «Все силы сосредоточим на подготовке съезда на 20-ое октября — съезда, который один обеспечит созыв и революционную работу Учредительного собрания». В конце воззвания тактика партии формулировалась следующим образом: «Беспощадная борьба против предательств, совершаемых соглашателями! Беспощадное разоблачение коалиционного правительства, правительства граж-

³³ Там же, с. 68.

³⁴ Там же, с. 71.

³⁵ См.: Ленин В. И. О героях подлога и об ошибках большевиков. — Полн. собр. соч., т. 34, с. 248—256. — Статья не была напечатана в центральном органе партии, но ходила в списках по рукам в конце сентября 1917 г.

³⁶ См.: Протоколы ЦК РСДРП(б)..., с. 73.

данской войны и буржуазной диктатуры! Беспощадное разоблачение комедиантского, контрреволюционного, булыгинского предпарламента! Борьба за съезд Советов. Мобилизация сил на съезде Советов. Вся власть Советам. Таков наш путь».

Как видим, кое-что из ленинской оценки «предпарламента» было воспринято авторами этого документа, но в то же время предлагалось и участие в «предпарламенте», и ожидание съезда Советов для провозглашения там перехода всей власти в руки Советов. Поэтому В. И. Ленин в первые дни октября по-прежнему посылает в Петроград из Выборга свои новые письма с решительными требованиями изменить намеченный путь и немедленно начать техническую подготовку к восстанию.³⁷ Эта борьба увенчалась успехом на заседании ЦК РСДРП(б) 5 октября 1917 г., когда большинством был принят уход с первого же заседания «предпарламента», однако подробнее об этом мы расскажем несколько позднее.

Между тем, только что возникнув, новое коалиционное правительство вынуждено было заняться несколькими неотложными делами. Первым из них был конфликт с железнодорожниками, угрожавшими всеобщей стачкой, если их требования прибавки заработной платы не будут немедленно выполнены.³⁸ После длительной борьбы и под напором масс Викжель объявил о начале всеобщей забастовки в ночь с 23 на 24 сентября 1917 г. Она вводилась поэтапно в течение 5 суток и впоследствии охватила 39 железных дорог из имевшихся 51. Поэтому сразу же после решения вопросов о «предпарламенте» и правительственной декларации Временное правительство уже 24 сентября обсудило железнодорожный вопрос. Прокопович, Ливеровский и Бернацкий предлагали разные варианты уступок. После доклада Ливеровского о том, что забастовка началась по программе, выработанной Центральным стачечным комитетом Железнодорожного союза, Терещенко заявил, что «пора начать аресты и увольнения».³⁹ Никитин, который уже прославился угрозами в адрес железнодорожников в качестве министра внутренних дел, заявил, что телеграфисты поддерживают забастовку. Гвоздев сказал: «По опыту знаю, как трудно их ликвидировать». Он высказался про-

³⁷ См.: Ленин В. И. 1) К рабочим, крестьянам, солдатам. — Полн. собр. соч., т. 34, с. 284—286; 2) Письмо в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам. — Там же, с. 340—341; 3) Тезисы для доклада на конференции 8 октября Петербургской организации, а равно для резолюции и для наказа выбранным на партийный съезд. — Там же, с. 342—346; 4) Письмо Питерской городской конференции. — Там же, с. 347—350.

³⁸ Подробнее о сентябрьской стачке железнодорожников России в 1917 г. см.: Метельков П. Ф. Железнодорожники в революции. Февраль 1917—июнь 1918. Л., 1970; Пущкарева И. М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975.

³⁹ ЦГАОР СССР, ф. 6, оп. 1, д. 20, л. 2 (черновой протокол заседания Временного правительства от 24 сентября 1917 г.).

тив применения репрессий, сославшись на отсутствие необходимых сил. Гвоздев предлагал уступки и скорейшее о них осведомление. Его поддержал Прокопович. Разгорячившись, Бернацкий заявил: «Для поддержки авторитета власти надо подчеркнуть, что их деятельность преступна, надо передать их в руки правосудия (это о членах стачечного комитета, — В. С.)». Маштович тут же сказал, что соответствующее распоряжение уже сделано. Кишкин вступился: «Не производить арестов». Керенский резюмировал: «Широко оповестить, сказав о тяжелом финансовом положении, о вторичной прибавке тарифов, что грозит голодом, остановкой фабрик, и правительство полагает, что они сами прекратят забастовку, тогда их амнистировать».⁴⁰

Затем правительство постановило отпустить на прибавки железнодорожникам в 1917 г. 235 млн. руб., а в 1918-м — 700 млн. Учреждался особый железнодорожный продовольственный комитет, которому была обещана продовольственная помощь от Военного ведомства. Для ознакомления с этими решениями была вызвана делегация Викжеля. После переговоров делегаты Викжеля прибыли в Москву, и там 26 сентября было решено прекратить всеобщую забастовку в 12 часов ночи с 26 на 27 сентября.⁴¹ Так серьезной уступкой Временному правительству удалось предотвратить полный паралич и без того расстроенной железнодорожной транспортной системы страны. В ходе этой забастовки наибольшую помощь оказали рабочим и служащим железнодорожникам большевики, от имени которых ЦК РСДРП(б) выпустил специальное воззвание в поддержку требований бастующих.

Вторая проблема, которую спешно должно было разрешить правительство, касалась взаимоотношений с союзниками. Еще в середине сентября стали поступать сведения от русских послов, что союзники провели не то в Лондоне, не то в Париже секретную встречу, на которой разделили между собой сферы помощи России. Об этом говорилось и в телеграмме министра иностранных дел М. И. Терещенко русским послам от 17 сентября. В ответе, датированном 26 сентября, русский посол в США Б. А. Бахметьев, а затем и посол во Франции М. М. Севастопуло 30 сентября подтвердили, что еще 8 августа нового стиля в Лондоне прошла такая конференция, где США собирались взять на себя помощь России в организации транспорта (это очень приветствовалось Терещенко), Англия — в организации морского дела, а Франция — сухопутных войск.⁴²

В то же самое время, едва дождавшись образования нового правительства, французский, английский и итальянский послы заявили, что желают быть принятыми министром-председателем

⁴⁰ Там же.

⁴¹ См.: Рабочий путь, 1917, 26 и 27 септ.

⁴² См.: Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март—октябрь 1917. М.; Л., 1957, ч. 2, с. 512—515.

совместно. 26 сентября А. Ф. Керенский принял их. Английский посол сэр Джордж Бьюкенен зачитал коллективную ноту, в которой указывалось: «Последние события внушают опасение в силе сопротивления России и в возможности для нее продолжать войну, вследствие чего общественное мнение в союзных странах может потребовать от своих правительств отчета за материальную помощь, оказанную ими России. Для того чтобы дать союзным правительствам возможность успокоить общественное мнение и внушить ему вновь доверие, русскому правительству надлежит доказать на деле свою решимость применить все средства в целях восстановления дисциплины и истинного воинского духа в армии, а равно обеспечить правильное функционирование правительственного аппарата как на фронте, так и в тылу. Союзные правительства выражают в заключение надежду, что русское правительство выполнит эту задачу, обеспечив себе таким путем полную поддержку союзников».⁴³

Это было грубым давлением на русского союзника, бесцеремонным обращением с правительством, суверенитет которого и эффективность власти для союзников явно были уже под вопросом. Керенский разозлился и заявил прежде всего, что примет меры, чтобы коллективная нота союзных послов не вызвала в стране раздражения против союзников. Он сослался на то, что нынешнее положение страны вызвано политикой царского правительства, в свое время встречавшего за границей доверие и поддержку, которого оно не заслуживало. Он напомнил и об огромных жертвах, понесенных в этой войне Россией.

Как говорится далее в телеграмме послан в Париже, Лондоне и Риме, глава русского правительства указал: «Империализм центральных держав представляет наибольшую опасность для России, и борьба с ним должна вестись в тесном единении с союзниками. Россия, более других потерпевшая от войны, не может закончить ее, не обеспечив своей территориальной неприкосновенности и независимости, и будет продолжать борьбу, каково бы ни было международное напряжение». Министр-председатель сказал также, что правительство принимает все меры к восстановлению боевой способности армии и что сегодняшняя поездка в Ставку его военного министра и министра иностранных дел вызвана именно необходимостью разработки соответствующей программы. В заключение Керенский отметил по поводу коллективного характера выступления послов, что «Россия все же является великой державой». Амбиции Керенского и всего Временного правительства, оскорбленных подобным отношением союзников, видны и из еще одной телеграммы, отправленной через день после всех этих событий, а именно 28 сентября. В ней говорилось, что заявление трех послов «произвело на нас тяжелое впечатление». Терещенко вполне откровенно напоминал, что ни

⁴³ Там же, с. 514.

военные неудачи, ни «внутренняя смута» не могли помешать неуклонному стремлению Временного правительства за все 6 месяцев его существования «довести до конца борьбу с общим врагом». Те же слова, что были произнесены П. Н. Милюковым 18 апреля и привели в движение народные массы в Петрограде. И теперь снова это заявление. Оно казалось кощунственным и противоестественным целям русской революции, объявленным Петроградским Советом. Теперь Терещенко повторял их без всякого опасения. Все уже убедились в том, что Временное правительство и с участием «социалистов» защищает интересы русских и союзных империалистов. Потускнели и давно слиняли лозунги соглашателей о мире без аннексий и контрибуций, о мире, который будет достигнут социалистами всех стран. Лишнее свидетельство империалистической политики, которую проводило Временное правительство, ничего бы не вызвало теперь на улице. Само правительство в целом, что бы оно ни делало, воспринималось теперь благодаря агитации большевиков и собственному опыту, приобретенному рабочими, солдатами и крестьянами, как контрреволюционное и враждебное.

И все же и Керенский, и Терещенко боялись. Боялись не того, что обижится еще раз их пробуржуазное и проимпериалистическое нутро, а того, что напор «союзных» империалистов может вызвать новый взрыв в уже устоявшемся русском «общественном мнении». Поэтому Терещенко просил послов воздействовать на министров иностранных дел, чтобы «не оглашать шага союзников иначе как по предварительному уговору с нами, дабы избежать опасного раздражения нашего общественного мнения».⁴⁴

Итак, третья важная проблема, стоявшая перед новым правительством, была военная. Надо было ехать в Ставку не только потому, что это было уже обещано союзным послам, но и потому, что в Могилеве ждали контрпредложения аппарата Ставки по проекту поднятия боеспособности армии, разработанному военным министром генерал-майором Верховским. В 14 часов 15 минут 26 сентября 1917 г. верховный главнокомандующий Керенский, военный министр, морской министр и министр иностранных дел выехали в Ставку в Могилев.

В их отсутствие временным председателем остался Коновалов. Проводив Керенского и других, он в 3 часа дня прибыл в свое министерство, покинутое им еще в середине мая в знак несогласия с экономической программой Петроградского Совета. За четыре месяца выполнение этой программы, разработанной когда-то меньшевиками и эсерами, нисколько не подвинулось вперед. И вот Коновалов снова вернулся, а разработку экономической программы Петроградского Совета теперь взяли на себя Ленин и большевики. Министр принял некоторых просителей, беседовал с товарищем министра и начальником канцелярии.

⁴⁴ Там же, с. 515.

А затем вместе с новым председателем Экономического совета при правительстве Третьяковым посетил заместителя председателя этого Совета Саввина. Тот был товарищем министра в то время, когда Коновалов возглавлял Министерство торговли и промышленности. Теперь же Саввин вновь должен был замещать Коновалова по данному ведомству, уже в качестве управляющего министерством.

В тот же день прибыл в свое ведомство еще один новый министр, меньшевик Гвоздев. В Мраморном дворце, где размещалось Министерство труда, состоялось совещание министра с управляющими отделами. А в здании Министерства юстиции на Итальянской ул. (ныне ул. Ракова) юридическое совещание при Временном правительстве приступило к обсуждению проектов закона о создании Временного Совета Российской республики. Проект товарища министра внутренних дел Н. Н. Авинова был сразу же отвергнут и за основу единогласно положен проект кадета М. С. Аджемова. По нему список членов публикуется Временным правительством в алфавитном порядке с указанием организации, которая рекомендует его в «предпарламент». Первое заседание Совета должно было открыться лицом, специально уполномоченным Временным правительством. Права «предпарламента» исходили из тех положений, которые были согласованы на совещании 24 сентября и опубликованы кратко в декларации нового правительства.⁴⁵

Вопросы об оценке возможностей последней коалиции, о «предпарламенте», о роли большевиков являлись важнейшими темами петроградской печати в эти напряженные дни конца сентября и начала октября 1917 г. «Известия» в передовой своего номера от 26 сентября утверждали, что программа нового правительства во многом идет навстречу требованиям демократии, а «предпарламент» даст возможность следить за ее выполнением. Орган соглашателей призывал всю революционную демократию «дружно», «мирным путем» довести страну до Учредительного собрания. В передовой от 27 сентября «Известия» предлагали демократии использовать «предпарламент» для укрепления связи с Временным правительством. Этим способом предлагалось добиться проведения несложных мероприятий по программе, проведения демократического законодательства. Предлагалось использовать «предпарламент» и для скорейшего созыва Учредительного собрания. «Правительственная программа» — так называлась передовая «Известий» от 28 сентября. Вышеупомянутая программа здесь уже расценивалась как крупная победа демократии над ценовыми элементами. Они, видите ли, «признали борьбу за мир». После тех телеграмм, которые мы приводили выше и которые не были известны широкой публике, но вряд ли были тайной для редакторов газеты, писать такие слова можно было,

⁴⁵ Рабочий путь, 1917, 28 сент.

только цинично издеваясь над народом. «Известия» продолжали свой список «побед»: признан план демократических преобразований в армии, финансово-экономическая программа демократии, право рабочих на коалиции, право существования демократических организаций. Поэтому «недопустимы заявления о том, что демократия спасовала перед цензовыми элементами». Другая статья того же номера хвалила правительственную программу за то, что там обещан пересмотр тайных договоров с союзниками (статья «Пересмотр договоров»). Но и это явно было демагогической уловкой соглашателей.

В полный голос «Известия» пачинали говорить только тогда, когда дело касалось большевиков. Передовая номера от 29 сентября называлась «Съезд Советов». Хотя открытие определенно намечалось на 20 октября, газета писала о съезде «в 20-х числах», о том, что ради выдвинутого большевиками лозунга «Вся власть Советам!» «не стоит созывать съезд», поскольку, как они полагали, Учредительное собрание само решит вопрос о власти. Главной же, дескать, задачей съезда должна стать выработка общедемократической платформы для Учредительного собрания. И именно его созыв объявлялся «Известиями» от 30 сентября первостепенной задачей демократии.

«Права и обязанности предпарламента» — этой теме посвящалась 26 сентября передовая статья эсеровского официального органа газеты «Дело народа», констатирующей разномыслие в этом вопросе в среде революционной демократии. Большевики идут в «предпарламент», чтобы вскрывать соглашательство и бороться за Учредительное собрание, писала газета, левые эсеры — чтобы бороться за демократический мир. Но эсеры считают, что его главное назначение — фактический контроль над правительством. «Предпарламент» — это деловой центр революционной демократии. Надо не только требовать, но и оказывать давление на власть. В «предпарламенте» революционная демократия организуется на базе деловой работы, готовясь к моменту, «когда ей, быть может, придется взять на себя всю ответственность за судьбу страны».

27 сентября «Дело народа» уже забило тревогу, озаглавив свою передовую «Предостережение». Касалось оно усиления большевиков, которые замечают теперь собою прежнее большинство из меньшевиков и эсеров в Советах и на заводах. Большевики победили в Петроградском Совете, они получили почти половину мест на выборах в районные думы Москвы. Эсеры уговаривали себя: это не результат «полевенция» страны, а результат «ущерба революции». Они призывали большевиков к порядку: «Не надо расширять и углублять революцию», надо заботиться о «творчестве». В передовой статье номера от 28 сентября «Дело народа» не разделяло оптимизма редакции «Известий» по поводу программы нового правительства, а, наоборот, проявляло скепсис. «И причиною тому, — писала газета, — раньше всего состав

нового правительства. Мы не видим в нем вождей тех партий и классов населения, которые вступили в коалицию, признанных руководителей страны, чьи энергия и преданность делу гарантировали бы осуществление программы». Единственная гарантия — это работа будущего Временного Совета республики. Нужно внести свои законопроекты и добиваться внедрения их в жизнь.

Передовая статья «Дела народа» от 29 сентября взяла себе в качестве названия столыпинский «афоризм» — «Сначала успокоение — потом реформы». Она была посвящена появившимся сообщениям о том, что на заседании Временного правительства 27 сентября рассматривались многочисленные известия о росте аграрного движения и министры высказывались за создание на местах специальных комитетов Временного правительства, которые бы поставили своей первой задачей «борьбу с анархией», т. е. «аграрными беспорядками». В правительстве думают не о причинах движения — застрял эсеровский закон В. Чернова «об упорядочении земельных отношений». Издайте его — и это будет лучшая мера для предотвращения беспорядков. «Столыпинская хватка еще сильно дает себя знать в приемах наших революционных министров» — таков был вывод статьи.

Сделав залы направо, эсеры центра торопились выстрелить и налево — в большевиков. 30 сентября «Дело народа» напечатало передовую статью «Новая революция или Учредительное собрание?». Она была направлена против съезда Советов. Здесь эсеры проявляли полную солидарность с меньшевистскими по преимуществу «Известиями». «Через три недели может возгореться ожесточенная борьба за власть, — утверждала газета, — заведомо не могущая удовлетворить все население, ибо совершенно ясно: кому бы она ни досталась в результате борьбы, она все равно не будет общенациональной, а следовательно, и авторитетной в глазах всего населения». Газета верила в то, что предстоящий съезд Советов несомненно закрепит победу большевиков, тот сдвиг влево, который проявился в Петрограде и на московских выборах, и что «революционное выступление, если оно произойдет, будет приурочено к моменту съезда», который «потребуется себе всю власть», и тогда возникнет «настоящая гражданская война между той частью демократии, которая будет во Временном Совете, и той, которая будет представлена на съезде Советов».

Затем эсеры хватались за уже опробованные аргументы: всего через 20 дней — выборы в Учредительное собрание. Они сорвутся, и наступит торжество контрреволюции, ибо эсеры не сомневались в том, что большевики не смогут удержать власть. Они уговаривали большевиков «подумать».

Эсеры призывались оказать воздействие на ход выборов депутатов на съезд, давать им наказы воздерживаться от выступлений, оказывать противодействие большевикам, ибо они еще могут и отказаться от своих планов, а вот массы способны самостоятельно выступить, подстегнутые большевистскими призы-

вами. «Не дадим вырваться духам из преисподней!» — таким воплем кончалась эта многозначительная статья, которая была замечена и друзьями, и противниками Керенского — во всех лагерях.

Следует особо сказать о позиции лидера эсеров-центристов В. М. Чернова в эти дни. Испытав на себе нападки кадетов и правых, Чернов окончательно покинул Временное правительство в момент борьбы с корниловщиной. Неумное честолюбие не давало ему возможности играть вторую роль в правительстве Керенского. В отличие от Керенского, чьи политические взгляды были крайне эклектичными, Чернов кичился изобретением собственной социологической теории, имел за плечами действительное революционное прошлое, антивоенные взгляды. Все это не позволяло ему безоговорочно следовать за всеми изгибами беспринципной политики Керенского, направленной на служение интересам русской буржуазии. Не отличаясь особенной дальновидностью, он тем не менее заметил губительность правительственного курса Керенского в сентябре 1917 г. и по-своему критиковал его, надеясь спасти буржуазно-демократический режим в России.⁴⁶

Так, в номере «Дела народа» от 30 сентября Чернов опубликовал статью «Единый выход». Автор злорадно замечал, что правительство дождалось крупных массовых земельных волнений. Надо было издать законы, которые предлагал он, Чернов, — «идти впереди жизни». Как будто можно отсидеться до Учредительного собрания в аграрном вопросе! Усмирение вооруженной силой не поможет. «Остановите пожар! — восклицал теперь Чернов, забывая о том, что сам он не сумел этого сделать, просидев два «срока» во Временном правительстве. — Не шутите с огнем! Декретируйте немедленно передачу земли в ведение земельных комитетов!». Еще более едким и пессимистическим был Чернов в своих политических комментариях, которые остались неопубликованными в сентябре—октябре и были напечатаны автором только через год.⁴⁷ Так, в комментариях все третье коали-

⁴⁶ Все это не означало, конечно, перехода Чернова на «левые» позиции. Октябрьскую революцию он встретил враждебно, Советскую власть не признал. В падении Керенского он увидел шаг к своему собственному возвышению. Чернов возглавил антисоветский Комитет спасения родины и революции, пытался не допустить соединения Исполнительного Комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов с ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов второго созыва. 5 января он принял должность председателя Всероссийского Учредительного собрания и пытался противопоставить принятый собранием «земельный закон» ленинскому Декрету о земле II Всероссийского съезда Советов. Затем Чернов возглавлял Комитет членов Учредительного собрания. В 1920 г. эмигрировал и продолжал активно выступать против Советской власти. Однако в предоктябрьские дни переход Чернова в «оппозицию» к Керенскому облегчил изоляцию последнего.

⁴⁷ Чернов В. Страницы из политического дневника. — Мысль, 1948, № 1, с. 249—268. — Автор сопроводил их таким постскриптумом: «Эти „Листки из политического дневника“ писались как серпы статей для „Дела

ционное правительство (за исключением военного министра Верховского) эсеровский лидер называл «министерством послушных отражений при одной-единственной центральной фигуре А. Ф. Керенского». И дело было не только в личных свойствах Керенского, не только в том, что «два медведя в одной берлоге не живут», но и в совершенно определенном «воздержании наших крупных партий от делегирования в министерство более видных представителей». Чернов приводит высказывания многих деятелей, показывающих, что личный момент во власти правительства Керенского и так был слишком заметен. «Если наша молодая демократия страдает слабостью неумеренной „персонализации“ своих идей, — писал Чернов, — если у нее слишком много фетишизма личности, то надо особенно опасаться того, как бы толпа фетишистов не поступила так, как дикари поступают при неудаче со своими фетишами: они их развенчивают, бьют, бросают в грязь и попирают ногами». Привычную отсылку тех дней к Временному Совету республики, который, дескать, исправит все недостатки, Чернов парирует утверждением: этот Совет так же обесцвечен юридически, как Временное правительство — персонально. Он не имеет права запросов, правительство не ответственно перед ним и пр. Этот Временный Совет, не имеющий единого построения, разорванный на противоречиво настроенные части, большой властебоязнь, будет падать вниз со ступеньки на ступеньку, от капитуляции к капитуляции. Поэтому создание третьей коалиции не дало ощущения выхода из тупика и кризиса власти. «И те, кто победил, — заканчивал свои заметки „Разрешение кризиса власти“ Чернов, — меньше всего чувствовали себя победителями или именинниками. Атмосфера была тяжелая, спертая, напряженная. И, как последнее утешение, повторялась фраза: „Не важно, ведь это — временное решение; требовалось выгадать время, создать хоть что-нибудь. Быть может, это правительство всего на две-три недели...“ И как после этого не припомнить народную присказку: „Акуля, что шьешь не отгуля? — А я, маменька, еще распарывать буду!“». Но все эти откровения эсеровский лидер прятал под сукно и лишь в слабой степени колебал общую липию благоприствования по отношению к коалиции, Керенскому и его правительству с Временным Советом республики, характерную для эсеров центра и «правых».

Орган партии трудовых народных социалистов газета «Народное слово» в передовой статье от 26 сентября приветствовала со-

рода“, но в качестве еретического мнения не увидели света. Товарищи говорили мне, что в моей критике много убийственно верного, но именно потому и нельзя ее печатать, тем более что в конечном выводе я — лидер партии с.-р. — на свою и ее беду разошелся с партией с.-р., я же, напротив, был убежден, что большинство взовов партии со мною, и что ближайший съезд партии это докажет. Действительно, IV съезд партии с.-р. дал мне полное нравственное удовлетворение. Что касается моего прогноза, то, конечно, я многого не предвидел...» (там же, с. 268).

здание новой коалиции и призывала поставить на должную высоту государственную власть. Нужно осуществить конституционные гарантии: свободу печати, личности, неприкосновенности жилища, поднять силу гражданского закона. Все это должно было сделать новое правительство. Трудно представить себе, чтобы в той обстановке авторы верили в то, что они писали. В передовой статье номера «Народного слова» от 27 сентября осуждалось решение соединенного заседания Гельсингфорского Совета и Центробалта о подчинении только решениям Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии. Оно расценивалось как проявление анархии, как отказ от признания верховной власти Временного правительства. Некий А. Смирный осуждал в том же номере газеты В. Черпова за то, что он на заседании ЦК партии эсеров воздержался от голосования по вопросу о формировании нового правительства.

«Государственный» тон «Народного слова» сказался и в оценке правительственной декларации. Газета находила ее половинчатой и неуверенной, одобряя лишь тот пункт, где говорилось, что с момента выборов органов самоуправления прекращаются полномочия всех общественных исполнительных комитетов. Если «Известия», как мы помним, все еще уверяли рабочих и солдат в том, что правительство ведет активную политику, направленную на достижение демократического мира, то «Народное слово» статьей Н. Борецкого-Бергфильда в номере от 28 сентября прямо заявляло, что «активная борьба за мир должна сейчас выразиться в активной борьбе с немцами», что только такая борьба приведет к скорейшему миру. В статье А. Леонтьева «Организация власти», помещенной вместо передовой в «Народном слове» 30 сентября, высказывалось мнение, что правительство может быть сильным только в том случае, если оно будет опираться не на партийные, а на государственные интересы. В передовой газеты от 1 октября осуждался В. Чернов за свою статью «Единый выход». Если последовать совету эсеровского лидера и немедленно передать землю земельным комитетам, то это, дескать, приведет к расхищению земли земельными комитетами.

Кадетский официальный орган газета «Речь» относилась к новому правительству весьма сдержанно, а главную задачу будущего «предпарламента» видела в том, чтобы толкать правительство на борьбу с «безвластием». Зато в полный голос кадеты пугали соглашателей угрозой большевистского выступления и анархией. «Да! революция вступила в новый фазис, — заявляла «Речь» в передовой от 27 сентября. — Большевики не изменились, они делают то же самое, что в первый день переворота. Но со вчерашнего дня они стали делать это открыто. Резолюция, о которой идет речь (Петроградского Совета от 25 сентября), представляет тяжкое государственное преступление. Она зовет к неповиновению верховной власти Временного правительства, к свержению его и открыто готовит вооруженное восстание, пре-

достерегая лишь против частичных выступлений. Может ли правительство безучастно взирать на эти открытые призывы к мятежу, особенно если резолюция позволяет себе говорить и от имени гарнизона? Не повторяя азбуки о престиже власти, о заразительности большевистских построений, пужно сказать, что и с точки зрения самой узкой практической целесообразности такое безучастное отношение иначе ведь не может быть истолковано, как предоставление большевикам возможности выбрать момент для объявления гражданской войны, какой они признают подходящим».

Толкать правительство на путь репрессий против большевиков, против народных масс — вот главное с точки зрения кадетов. Правительственная программа занимала их гораздо меньше. «Обещания, даваемые в такой обстановке, — писала «Речь» в передовой от 28 сентября, — кто их примет всерьез, кто им поверит? Не теряют ли они всякое реальное значение, обращаясь в отвлеченную политическую словесность? И тем не менее снова и неизменно новое правительство декларирует ... и декламирует. Если это так, то нет, в сущности говоря, большого интереса в том, чтобы вникать в детали объявленной вчера программы». Что касается «предпарламента», то им кадеты были весьма довольны: ведь именно по кадетскому проекту идея руководителей Демократического совещания была исправлена и введена в «государственное русло». В передовой газеты от 3 октября констатировалось: «Совет подлежит оценке не с точки зрения намерений Демократического совещания. Эти намерения не получили осуществления в той коалиции, которая привела к образованию нового правительства».

Правые, якобы социалистические, газеты — «Воля народа», «День» и даже плехановское «Единство» — немногим отличались в те дни от кадетской «Речи». Приведем лишь несколько примеров их оценок. Так, «День» в передовой от 26 сентября призывал к сколачиванию в «предпарламенте» блока из представителей буржуазии и «правой части демократии». «Предпарламент будет пополнен цепловыми элементами, — писала газета. — И тогда государственно построенная часть демократии сумеет использовать все выгоды своего положения. Это будет положение центра, голоса которого и определяют решения Предпарламента». «Воля народа», как и «Речь», не принимала всерьез декларацию коалиционного правительства. «Декларация правительства, — заявляла газета в передовой от 28 сентября, — по своему существу не только не умеренна, но, пожалуй, чересчур радикальна, если принимать ее не только как слова, но и как подлинную программу действий, которые должны последовать за этими словами».

«День» 28 сентября напечатал потрясающую по своей откровенности и типичности исповедь А. И. Потресова, когда-то социал-демократа, соратника В. И. Ленина, одного из организаторов «Искры», а затем ренегата. «Революционно-реалистической

части демократии, — заявлял автор, — фетиш „демократического единства“ мешает сказать себе раз и навсегда: с известными передовыми элементами буржуазной России в настоящий исторический момент у меня есть известная точка соприкосновения; я могу не выдумать, а действительно найти некоторую минимальную ближайшую программу — платформу необходимой практической деятельности. Но с анархо-максималистскими элементами демократии, вся деятельность которых подрывает возможность осуществления такой программы, подобной минимальной общности у меня нет. И только переживания прошлого, только близость социальной среды прикрывают собою данный непреложный факт во всей его жестокой реальности. Я понимаю, что это трудно себе сказать реалистической демократии. Ибо сказать это, значит сказать, что с классовыми врагами я делаю все же некое общее историческое дело, а с людьми, принадлежащими к тому же классу, что и я, — бесповоротно порываю».

В сущности Потресов лишь раз подтвердил справедливость суждений большевиков, которые говорили, что меньшевики и эсеры изменили своему классу и проводят в рамках соглашательства и коалиции политику, выгодную буржуазии, а не рабочему классу и крестьянству. Забегая вперед, скажем, что «Рабочий путь» сразу же отреагировал на это заявление Потресова и, помещая на следующий день, 29 сентября, это заявление на своих страницах, подытожил: «Отбившийся социал-мещанин Потресов, послушный историческому закону, возвращается на свое место».

Г. В. Плеханов в «Единстве» от 30 сентября обращался к Керенскому с напоминанием его обещания подавить большевиков: «А. Ф. Керенский должен был бы, наконец, сдержать данное им России во всеуслышание обещание в Московском Большом театре. Решится ли он на это?».

Только центральный орган партии большевиков проводил по всем актуальным вопросам политического положения свою особую, самостоятельную и принципиальную, линию. В передовой статье «Рабочего пути» от 27 сентября правительство Керенского — Коновалова называлось «правительством буржуазной диктатуры». Десять министров-«социалистов» в этом правительстве — ширма, за которой будет укреплять свое господство империалистическая буржуазия. «То, что хотел провести Коршилов прямо и по-генеральски просто, „новое“ правительство постарается осуществить постепенно и без шума, руками самих же „социалистов“, — утверждали большевики. А основное направление политики «нового» правительства — провокация гражданской войны, ибо без нее не сможет обойтись диктатура меньшинства.

Отвечая на демагогические «упреки» соглашателей в том, что большевики боятся взять власть теперь, «Рабочий путь» в передовой статье «Ответственная и безответственная политика» заяв-

лял 28 сентября: «Революция рабочих и крестьян против помещиков и капиталистов началась. Революционные массы идут к власти, и их не остановит и не сокрушит аппарат буржуазного насилия. Вне овладения властью немыслима победа той „программы“, которую миллионные массы рабочих, солдат и крестьян выдвинули не на Московском совещании с Корниловым, не на ночных торгах с переторжками в Малахитовом зале, а которую они осознали на фабриках, на полях, в траншеях и в казармах, которую они выразили через революционные Советы». Большевики не собирались отвечать «контрразведочным политикам», когда именно они возьмут власть, но заявляли, что, когда большинство рабочих и солдат организованно проявит свою волю, партия будет служить делу их победы. Другими словами, подразумевался здесь съезд Советов.

Той же теме — разоблачению попыток буржуазного правительства и соглашателей преждевременно спровоцировать выступление и развязать гражданскую войну — была посвящена темпераментная передовая «Ждать вам — не дожждаться...», помещенная в «Рабочем пути» 29 сентября 1917 г. «Сознательно и организованно идет к победе революционный пролетариат, — указывалось в заключение статьи. — Дружно и уверенно спланиваются вокруг него крестьяне и солдаты. Все громче и громче раздается возглас: вся власть Советам! Бумажная коалиция в Зимнем дворце... выдержит ли она папор? Вы хотите разрозненных и преждевременных выступлений большевиков? Ждать вам — не дожждаться, гг. корниловцы...». 30 сентября «Рабочий путь» поместил в качестве передовой уже разбиравшееся выше воззвание «Перед съездом Советов», в котором содержалась резкая критика Временного правительства. Так, несмотря на отдельные ошибки, связанные с переоценкой роли съезда Советов и прямым увязыванием передачи власти Советам с решением съезда, центральный орган большевистской партии уверенно звал рабочих и солдат готовиться к предстоящей битве за власть, бичевал соглашателей и правительство Керенского и отказывался от всякой деловой работы с ними в рамках созываемого Временного Совета Российской республики.

Временное правительство в эти дни было как бы расколото на две группы. В Петрограде деятельность большинства министров координировал Копылов, а четыре главных министра все еще находились в Ставке, в Могилеве. Напомним что предположение о деятельности Керенского в Ставке, о том, что он стоваривается с корниловскими генералами о наступлении на большевиков, высказал В. И. Ленин в письме к И. Т. Смилге. Ряд материалов и прежде всего газетная информация позволяет составить представление о делах, которыми занимались министры в Ставке. Прежде всего обсуждению подвергались дипломатические и внешнеполитические вопросы, и это естественно, если вспомнить, что в Могилев Керенский и Терещенко уехали с тяжелым чувст-

вом после коллективной ноты союзных послов.⁴⁸ В совещаниях в Ставке участвовали кроме четырех министров товарищ министра иностранных дел А. М. Петряев, начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Духонин и вновь назначенный послом в Париж В. А. Маклаков. Тема совещания — линия поведения на предстоящей конференции союзников в Париже. Сообщалось о военно-политическом характере предстоящей конференции, причем политическим вопросам на ней будет уделено даже большее внимание, чем военным. Совещание в Ставке выработало директивы для русской делегации, в которую должны были войти М. И. Терещенко, В. А. Маклаков и член ЦИК меньшевик М. И. Скобелев от «революционной демократии».⁴⁹ 29 сентября в Ставке занялись обсуждением поднятия боеспособности армии. Высказывалось мнение о скорейшей разработке новых положений о правах комитетов и комиссаров, о необходимости сокращения тыловых частей армии, об упорядочении транспорта.

Духонин, Дитерихс и Вырубов разработали программу поднятия боеспособности армии. На первом плане в ней стояло систематическое обучение солдат, т. е. возобновление занятий как в тылу, так и на фронте, освоение опыта войны как на восточном, так и на западноевропейском театрах военных действий. Штабные деятели предлагали ввести вновь строгий распорядок для жизни солдата: регламентированные часы для сна, отдыха и работ. Военные занятия необходимо было вести с максимумом интенсивности. Если бы эта программа была проведена в жизнь, то она, по мнению ее авторов, подняла бы боеспособность армии, а следовательно, сократилось бы число полевых судов, отпала бы необходимость в смертной казни на фронте. Этот посул должен был позолотить пилюлю солдатам, которым предлагалась программа восстановления старой дисциплины, мало чем отличающаяся от корниловских планов. Она должна была быть обсуждена еще и во Временном правительстве и только после этого утверждена.⁵⁰ Хотя министры пробыли в Ставке еще несколько дней и вернулись в Петроград поздно вечером 3 октября, обсуждение этого плана затянулось до середины октября 1917 г.

В самом Петрограде под председательством Коновалова правительство заседало почти ежедневно и даже сумело привлечь к себе внимание исключительно резкой защитой помещиков от аграрных «беспорядков». Так, 27 сентября оно выслушало доклад министра внутренних дел А. М. Никитина и представителей Министерства земледелия об «анархии на местах». По словам Никитина, беспорядки на всем пространстве России не только

⁴⁸ Перед отъездом Керенский нашел время заехать к американскому послу Д. Френсису и поблагодарить его за то, что он не принял участия в этом демарше (см.: Ганелин Р. III. Россия и США. 1914—1917. Очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969, с. 376—377).

⁴⁹ Рабочий путь, 1917, 30 сент.

⁵⁰ Там же, 1 окт.

не ослабевали, но с каждым днем усиливались. В городах они проходили на продовольственной почве, а на селе вместе с продовольственными росли и аграрные беспорядки. В последние дни правительству стало известно о сильнейшем движении в Саратовской губернии, где крестьяне выносили постановления о разделе частновладельческих земель. Временное правительство по этим докладам единогласно признало необходимым не останавливаться перед самыми репрессивными мерами для подавления этих беспорядков, предписав комиссарам прибегать в случае необходимости к вооруженной силе.⁵¹ Одновременно рассматривался вопрос и о состоянии железнодорожного транспорта. Тут Временное правительство всецело полагалось на обещанную американскую помощь. Ожидалось, что США в ближайшее время поставят 2500 паровозов для русских железных дорог. Для их приспособления к русским техническим условиям правительство ассигновало 100 млн. руб.⁵²

Между тем часть министров выехала из Петрограда: Прокопович — в Ростов-на-Дону, чтобы выколачивать хлеб от допских земледельцев, Гвоздев — в Баку, чтобы улаживать трудовые конфликты нефтяников с капиталистами. Поэтому вечером 28 сентября правительство не смогло собрать кворума и объявило свое заседание частным. Там вновь были оглашены десятки телеграмм и депешей, в самых мрачных красках рисовавших усилившиеся в Центральной России крестьянские выступления. О смятении правительства перед растущим крестьянским восстанием свидетельствует то обстоятельство, что на этом заседании возник фантастический проект замены правительственных комиссаров, которые-де не пользовались достаточной популярностью среди крестьян, «особыми комитетами Временного правительства», в состав которых должны войти представители местных демократических и общественных организаций. Они должны были бы помочь представителям правительственной власти и земств. Наряду с этой мерой Временное правительство подтвердило свое решение не останавливаться перед применением вооруженной силы.⁵³ Как мы показывали выше, это решение возмутило даже эсеров неэтра, назвавших его «столыпинской хваткой революционных министров».⁵⁴ Большевики же справедливо обвиняли эсеров в попытке уйти от ответственности, ибо это их министр, эсер С. Л. Малослов, сидел во главе Министерства земледелия.

Что же касается меньшевика Никитина, уже и раньше проявившего грубость и царистские замашки в обращениях с железнодорожниками и почтовиками, то его поведение было специально обсуждено на заседании ЦК меньшевиков в присутствии

⁵¹ Там же, 28 окт.

⁵² Там же, 28 сент.

⁵³ Там же, 29 сент.

⁵⁴ Дело народа, 1917, 26 сент.

самого Никитина. Церстели считал, что лучшим выходом был бы уход Никитина из партии, а Мартов был за уход Никитина из правительства. Так и не решив дела, перенесли его на другое заседание, а Никитин спокойно удалился в свое министерство.

29 сентября Коновалову удалось собрать минимальный кворум и провести официальное заседание правительства. Оно было посвящено подготовке к открытию «предпарламента». Не решено было еще даже, где же будет заседать этот Временный Совет. Товарищу министра внутренних дел Салтыкову было срочно поручено подыскать место для работы «предпарламента». По-прежнему правительство было завалено сигналами с мест о том, что пламя крестьянского восстания за землю разгорается все больше. Через день Коновалов связался с Керенским в Ставке и заявил ему, что правительство постановило издать воззвание к населению, в котором бы указывалось на грозную опасность для столицы немецкого наступления (начались операции германского флота в Рижском заливе и высадка десанта на острове Эзель) и содержался бы призыв «хотя бы перед грозящей опасностью забыть партийные распри и сосредоточить свое внимание на обороне страны».⁵⁵ Керенский согласился с этим, и воззвание стали готовить.

Что же касается крестьянских волнений, то для успокоения общественности было изобретено объяснение: усиление волнений совпало с окончанием полевых работ; когда же будут созданы особые комитеты по борьбе с анархией при участии местной общественности, беспорядки затихнут.

Возникали конфликты и в национальных районах. Известно, что еще в середине августа Временное правительство разогнало Финляндский сейм и назначило новые выборы. После того как они прошли в конце сентября и дали небольшое преимущество буржуазным партиям, Временное правительство опубликовало 1 октября Грамоту о созыве сейма в Гельсингфорсе 19 октября (1 ноября 1917 г. по новому стилю). На Украине Центральная Рада также жаждала все большей власти. 30 сентября Коновалов посетил комиссар Рады при Временном правительстве Стебницкий и пожаловался, что местные власти в некоторых губерниях относятся чрезвычайно враждебно к генеральному секретариату Рады и препятствуют его деятельности. Коновалов обещал, что в ближайшие дни будет издан указ, требующий от местных властей, входящих в район компетенции Рады, подчиняться указаниям и руководству генерального секретариата. Тогда же Никитин был освобожден от должности особого уполномоченного по объединению и высшему руководству мероприятиями по разгрузке Петрограда и на его место назначен Н. М. Кишкин с оставлением его в должности министра государственного призрения. Пока третья коалиционное Временное

⁵⁵ Рабочий путь, 1917, 1 окт.

правительство в сущности ничем себя не проявило. Ни на шаг не продвинулось оно вперед в направлении осуществления тех социальных мероприятий, которые были обещаны в его декларации. Только в борьбе с «анархией» оно не скупилось на угрозы, стремясь зацепиться за любой предлог, чтобы попробовать «закрутить гайки» в Действующей армии и в тылу.

3 октября было опубликовано постановление Временного правительства об образовании Временного Совета Российской республики (который уже давно называли «предпарламентом»), учреждавшее его временно, до открытия Учредительного собрания. Днем открытия его назначалась суббота, 7 октября 1917 г. За неделю до открытия Учредительного собрания «предпарламент» должен был прекратить свою деятельность. Открывать же его работу было поручено члену Временного правительства. По положению Временный Совет Российской республики образуется из 555 членов, приглашаемых в его состав Временным правительством по представлениям общественных и политических организаций. Членам «предпарламента» выплачивались суточные в размере 15 руб. и единовременное жалование в 100 руб. В своем слове члены «предпарламента» совершенно свободны и отвечают за него только перед самим Временным Советом. Предать суду члена «предпарламента» можно было только после решения об этом Совета.

Ведению «предпарламента» подлежали законопроекты, по коим Временное правительство желало бы иметь его мнение, и предварительная разработка тех законов, которые возникнут по собственной инициативе Совета. Временное правительство, кроме того, могло поручить рассмотрению «предпарламента» любое другое дело. Временный Совет имел право обращаться к правительству с вопросами, касающимися деятельности Временного правительства. Заседания Временного Совета Российской республики объявлялись публичными.⁵⁶

Появление этого документа и близкое открытие «предпарламента» опять подхлестнули пульс политической жизни Петрограда. Грозным фоном ее было успешное развитие немецкой десантной операции в Рижском заливе, несмотря на героическое сопротивление матросов Балтийского флота.

Меньшевики 2 октября провели заседание своего ЦК, на котором протестовали против открытия «предпарламента» 7 октября. Они сочли это недопустимой затянкой и требовали открыть Временный Совет уже 5 октября. Но, несмотря на их протест, дата открытия «предпарламента» осталась прежней. Хотя правая часть ЦК потребовала принятия специальной резолюции, объявлявшей нежелательным созыв съезда Советов, это требование было отклонено и решено было издать циркуляр к своим организациям, принять активное участие в обеспечении предста-

⁵⁶ Там же, 3 окт.

вительства партии на съезде. Никитина же меньшевики поставили не считать больше официальным представителем своей партии в коалиционном правительстве и не нести ответственности за его действия. Правда, эту резолюцию они опубликовать побоялись.

Вечером 3 октября только что вернувшиеся члены Временного правительства Верховский и Вердеревский попросили созвать заседание ЦИК, где рассказали о тяжелом положении армии и флота. Адмирал Вердеревский подчеркнул доблесть моряков Балтийского флота в сражении с германцами. Оба военных министра заявили о критическом положении со снабжением армии продовольствием. Следующее, открытое, заседание ЦИК Советов было назначено на 4 октября. На нем меньшевик Скобелев был официально избран большинством в качестве представителя «революционной демократии» на предстоящей конференции союзников в Париже. Большевики предложили на этом заседании свой проект резолюции по текущему моменту и задачам революционных классов в области внешней политики. «Спасение русского народа, — говорилось там, — в разрыве с политикой двоедущия и бессилия, которую проводят подставные политики буржуазии, господа Керенские — Терещенко и другие. Нужно восстановить и упрочить правящую силу русской революции. Нужно, чтобы в этот период величайшей опасности революционный народ — рабочие, крестьяне, солдаты — сбросили с себя путы империалистических договоров и обязательств и предстали перед народами Европы как песокошущая опора демократии и мира. Необходимо опубликовать все старые тайные договоры, объявить их недействительными. Необходимо предложить всем воюющим странам немедленное заключение мира». В заключение резолюции говорилось, что «предложить и обеспечить мир способна только подлинная революционная власть, опирающаяся на Советы в центре и на местах». Естественно, что эсеро-меньшевистское большинство членов ЦИК отвергло эту резолюцию.⁵⁷

4 же октября состоялось первое после возвращения Керенского из Ставки официальное заседание Временного правительства. Прежде всего Керенский сделал доклад о положении дел на фронте, затем обсуждался вопрос о боях в Рижском заливе. После этого был поднят вопрос о необходимости эвакуации правительства из Петрограда в Москву. Все в принципе согласились с необходимостью подобной меры, спорным оставалось только время принятия специального решения. Керенский настаивал на немедленном решении. Никитин возражал ему, указывая, что сначала надо все подготовить, а потом уже принимать решение. Но Керенский настоял на принятии своего предложения, объясняющего необходимость эвакуации правительства в Москву

⁵⁷ Там же, 6 окт.

стратегическими мотивами. При этом он сказал: «Германцы сосредоточивают весь свой флот для нанесения решительного удара нашей обороне с моря. Угроза Ревелю вполне реальна, а в случае падения Ревеля не менее реальной будет угроза самому Петрограду. Налеты цеппелинов — вопрос ближайшего времени. Предотвратить эти налеты невозможно.⁵⁸ При таких условиях оставаться правительству в Петрограде — значит подвергнуть опасности работу центрального государственного механизма». Министры заволновались: а как же «предпарламент»? Решено было на первом же заседании «предпарламента» объявить о пеминувом переезде в Москву и предложить перебраться туда же и Временному Совету Российской республики. Министры-«социалисты» испугались, как бы ЦИК не усмотрел в вопросе об эвакуации «удар в спину революции», на что буржуазные министры ответили, что иначе «республике грозит удар в грудь от Вильгельма». Правительство решило немедленно начать переговоры с влиятельными фракциями в «предпарламенте», чтобы обеспечить прохождение этого вопроса без больших трений.

«Социалисты» не упимались: а как же ЦИК и демократические организации? Но Временное правительство в целом заявило, что это учреждения частные, а не государственные, поэтому вопрос об их эвакуации правительства не касается. Временное правительство препятствовать их эвакуации не будет, как не будет и хлопотать о них в Москве. Весь этот вопрос представлял собой прямой вызов ЦИК и неприкрытый политический шантаж перед открытием «предпарламента». Керенский шел здесь за Родзянко, который в середине августа призывал сдать Петроград немцам. Когда же ему говорили, что могут погибнуть «центральные учреждения», он отвечал: «Бог с ними, они ничего, кроме вреда, России не сделали». Теперь это повторяло правительство Керенского, коалиционное правительство, где представители этих «центральных учреждений» имели больше половины мест.

Утром 5 октября состоялось частное совещание членов Временного правительства, на котором Кишкин сделал подробный доклад о плане эвакуации из Петрограда Временного правительства. Эвакуацией же военных казенных заводов должна была ведать другая комиссия — заводское совещание под председательством П. И. Пальчинского.⁵⁹ Лишь кадеты радовались всей этой кутерьме, надеясь на отрезвление обывателя, падение популярности калифа на час — Керенского — и скорое свое возвращение к власти. Из 120 мест, отведенных в «предпарламенте» представителям буржуазии, кадетская партия как таковая забрала себе 64 места. 34 получила торгово-промышленная группа,

⁵⁸ Ранее этого был совершен палет цеппелина на Дерпт (Юрьев), причем было сброшено 6 авиабомб.

⁵⁹ Рабочий путь, 1917, 6 окт.

13 — Московский комитет общественных деятелей, 7 — Союз земельных собственников и 3 — академическая группа.⁶⁰

За те 10 дней, которые прошли с момента решения партийного совещания большевиков принять участие в работе «предпарламента», его антинародный состав и жалкая роль при Временном правительстве выявились с достаточной полнотой. Большинство членов ЦК РСДРП(б) убедились в прозорливости и верности ленинских совестов бойкотировать «предпарламент». Еще в большей степени способствовали этому ленинские письма, продолжавшие приходить в Петроград и содержавшие острую и язвительную критику тех, кто настаивал на участии в «предпарламенте» и ожидании съезда Советов для решения на нем вопроса о власти. 3 октября 1917 г. ЦК РСДРП(б) принимает решение: «Предложить Ильичу перебраться в Питер, чтобы была возможной постоянная и тесная связь».⁶¹ 5 октября ЦК большинством против одного, Л. Б. Каменева, принимает постановление уйти из «предпарламента» в первый же день после прочтения декларации, разработать которую поручалось редакции «Рабочего пути». Это было победой ленинской тактической линии. 6 октября это решение было принято к руководству фракцией большевиков Временного Совета Российской республики, причем, как утверждали журналисты некоторых газет, решение уйти из «предпарламента» было принято под непосредственным влиянием В. И. Ленина. Выход из «предпарламента» должен был стать тем демонстративным и ясным разрывом с соглашателями, на котором Ленин настаивал еще с конца Демократического совещания, да собственно и раньше, со времени написания им письма «Марксизм и восстание» 13—14 сентября 1917 г.

Большевики предлагали и левым эсерам покинуть «предпарламент», но после переговоров с их руководством было решено, что именно левые эсеры поведут работу критики «предпарламента» изнутри.

Днем 6 октября состоялось политическое заседание Временного правительства. На нем Керенский заявил, что открытие «предпарламента» состоится завтра, 7 октября, в 4 часа дня. Он хотел открыть его сам, произнеся речь, в которой собирался рассказать о военном положении страны, о планах переезда в Москву, о международном положении, о том, что ближайшей задачей правительства является созыв Учредительного собрания, восстановление порядка и организация страны, что правительство внесет в «предпарламент» ряд законопроектов (о чем подробнее расскажут представители ведомств) и что, несмотря на несовершенство формы представительства в «предпарламенте», правительство теперь станет ближе к народу.⁶²

⁶⁰ Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967, кн. 2, с. 248.

⁶¹ Протоколы ЦК РСДРП(б)..., с. 74.

⁶² ЦГАОР СССР, ф. 6, оп. 1, д. 22, л. 5.

Далее началось детальное обсуждение тезисов вступительной речи Керенского. Терещенко призывал к оптимистическому тону: «За пессимистические речи на Государственном совещании мы заплатились падением курса рубля за границей и снижением настроения в стране». «Жертвы, порядок и труд», — кратко резюмирует Керенский. «Любовь к России надо бы вернуть, — предложил Карташев, — а то только корыстные цели». Тут секретарь записывает в скобках: «Все и Керенский безмолвствуют». Далее Керенский предложил сказать, что операции немцев грозят не по их силе, а по нашему бессилию, — сказать о недостатке сопротивления со стороны русской армии.

Но Кишкин предложил не припудривать тяжелую картину разложения армии, а рассказать о ней откровенно: «Если будем скрывать и скрывать, не восстановим дисциплину. Ложь ни для кого не нужна». Адмирал Вердеревский добавил: «Надо сказать, что готовность к бою очень пестрая. Здесь ходят и герои все, а рядом отвратительные явления. На Эзеле один полк дрался, а два — нет». Вскоре Керенский прервал прения, говоря, что обсуждается собственно приветственная речь, а не доклады всех министров. Коновалов тут же подтвердил, что в последнем заседании министры выступают с отдельными докладами и тогда выговорятся.

После этого Керенский поставил вопрос «об орденах послам». Коновалов припомнил, что «в Думе раз от раза ордена уменьшались. Завтра состав слишком разнообразный. Большевики. Может не удастся. Возгласы для представителей держав оскорбительные». Терещенко предложил не делать орденов до выяснения впечатления о всей речи министра-председателя. Малянтович предложил: «Провоцировать ордена не надо, а упомянуть в безразличной форме можно». Керенский обещал не вызывать никаких эксцессов. Так закончен был этот каверзный вопрос.

Далее Керенский предложил распустить, наконец, Государственную думу, говоря, что и Государственную думу, и Государственный совет правительство игнорирует: Дума — живой труп, не слышно требований о ее роспуске, поэтому такое решение не будет выглядеть вынужденным — лучше сейчас, чем потом. Кишкин согласился, но потребовал отметить заслуги Думы. Далее разгорелась дискуссия о термине: может ли именно Временное правительство распустить Думу? Салтыков даже рассердился: «Что тут разговаривать — распустить!». Коновалов напомнил, что он был против роспуска Думы, когда создавалась коалиция, но Дума заслуживает роспуска сейчас, так как содействует так называемой контрреволюции справа. Все же в итоге он «воздерживается как член Государственной думы». Большинство высказалось за роспуск, Карташев и Третьяков голосовали против.⁶³ Так открытие «предпарламента» ознаменовалось по-

⁶³ Там же, л. 5—6 об.

следней внутренней «реформой» керепщины — упразднением Государственной думы и Государственного совета. Мера эта запоздала на несколько месяцев. В мае или июне она бы еще прибавила популярности Временному правительству, сейчас же вызывала только ироническую улыбку.

Наступил день 7 октября. «Рабочий путь» вышел в этот день с передовой статьей «Советчики Керешского», в которой говорилось: «Сегодня должен начать свои заседания Временный республиканский Совет из особ, милостиво „приглашенных“ правящей бонапартистской кликой с Керешским во главе. Входные билеты в это лакейское собрание предложены и нам, большевикам, — мы бросим их в лицо корниловцам и полукорниловцам, набранным с бору по сосенке, чтобы изображать собой „представительство демократии“». Большевики разоблачали замыслы правительства Керешского: усмирить крестьян и накормить свинцом изголодавшуюся деревню, усмирить голодающее городское население, справиться с балтийскими матросами, требовавшими введения выборных комиссаров, а самим улизнуть в Москву, чтобы отдать Питер в руки военных властей, поручив им успокоить Петроградский Совет. «Рабочий путь» напоминал: большевики приняли участие в Демократическом совещании и избранном им Демократическом совете, чтобы доказать, что они не рвут единства революционного фронта, что они готовы поддержать мелкобуржуазную демократию, если она поведет решительную борьбу с правительством корниловцев и полукорниловцев. «Но мелкобуржуазные вожди, увлекая за собой значительную часть своих, клонящихся к буржуазии сторонников, еще раз бесстыдно изменили, еще раз позорно изменили и, нарушая наказания своих собственных доверителей, сговорились с кадетами, сдались на милость безответственного правительства диктатуры, сложив к его ногам все права своего собственного Демократического совета». Теперь героям соглашательства и измены нет места «во фронте революции. Революция победит помимо них и против них».⁶⁴

Еще один человек вернул билет в «предпарламент» — В. В. Шульгин. В «Речи» от 7 октября было напечатано его заявление как члена Государственной думы об отказе участвовать в работе «предпарламента». Но большинство членов Временного Совета Республики как из эсеров и меньшевиков, так и из представителей буржуазии с любопытством и интересом ждали 4 часов дня. Найдено было, наконец, и место для его работы — Белый зал Марининского дворца, бывший зал заседания Государственного совета. Сняли знаменитую картину И. Е. Репина «Заседание Государственного Совета», сняли с невысокого мраморного пилона бюст Николая II, сообщили «для порядка» о рос-

⁶⁴ Как показатель решительного разрыва с соглашателями редакция «Рабочего пути» поместила в этом номере от 7 октября и главы из статьи В. И. Ленина «Кризис назрел».

пуске Государственного совета и очистили место для «предпарламента». Заседание началось с опозданием на целый час — в 5 часов дня.

Присутствовали все министры, начиная с Ковалова. Вопрос об овацях был не лишним, так как в зале сидели представители дипломатического корпуса: английский, французский, итальянский, американский и японский послы, бельгийский и сербский посланники и представители нейтральных стран. Затем прибыл Керенский, прошел за председательский стол и открыл собрание. «От имени Временного правительства Российской республики объявляю Совет Российской республики открытым. Впервые с великой русской революцией, — сказал министр-председатель, — правительство получило возможность встретиться и совместно работать с представителями организованных сил русского народа. Это первое собрание открывается здесь, в этом зале, где многие десятилетия находился оплот самовластия и тирании. В этом мы видим и должны видеть светлый символ будущего. Позвольте мне выразить наши общие чувства и возгласить: Да здравствует отныне навсегда свободная общая Родина наша! Да не возродится никогда гибельное самовластие, да никто не осмелится, отдельный человек или отдельная группа, посягнуть на суверенную волю русского народа, который скажет свое решительное слово в грядущем приближающемся Учредительном собрании».⁶⁵ Далее Керенский напомнил, что уже дважды такие попытки были сделаны: в июльские дни и в период корицловщины. Правительство полагает, что настоящее собрание поможет ему охранить суверенные права Учредительного собрания. Он клялся, что правительство не допустит больше никаких отсрочек созыва Учредительного собрания.

Затем он перешел к военному положению страны и повторил все те тезисы, которые были накануне обговорены в заседании Временного правительства. Тут был и флот, и претензии к сухопутным войскам, и недостаток сопротивления. После этого следовала внешнеполитическая часть речи и призыв к общественным организациям помогать правительству, избегающему применять насилие, которое «оскорбляет чувство свободы».

«Я не буду излагать здесь перед вами, — продолжал Керенский, — ту безбрежную анархию, которая захватывает все новые и новые части нашей территории. Каждый день Временное правительство и министр внутренних дел получают телеграммы, которым трудно поверить, и эти телеграммы сообщают о фактах, которые воскрешают самые темные и самые мрачные времена безудержного и наглого самовластия клеветников старого режима». Он призывал возродить в стране правопорядок и элементарные конституционные права. Керенский оправдывался в том, что связь между правительством и населением, хотя бы в виде этого Со-

⁶⁵ Вестник Временного правительства, 1917, 8 окт.

вета, создана так поздно. Он призывал сказать правительству всю правду по совести, помня, что «все здесь братья и один без другого погибнет в неравном бою». Вся эта смесь продуманных экспромтов, рассчитанной патетики и клятв в верности революции и родине еще раз принесла Керенскому успех. Речь его прерывалась неоднократно и шумными аплодисментами.

Закончив, Керенский попросил на председательское место пресловутую «бабушку русской революции», Е. К. Брешко-Брешковскую. Она в свою очередь приветствовала Предпарламент, предложив в конце избрать председателя Временного Совета Российской республики. Им стал бывший министр второго коалиционного Временного правительства, председатель Исполнительного Комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов Н. Д. Авксентьев, принадлежавший к правому крылу эсеровской партии. В свою очередь Авксентьев произнес теперь долгую речь, призывая к тесному сотрудничеству с Временным правительством.

При обсуждении наказа Временного Совета решено было пользоваться наказом прежней Государственной думы. Выбраны были товарищи председателя: Пешехонов, Набоков и Крохмаль. Секретарем «предпарламента» стал эсер Марк Вишняк, товарищем секретаря — Чафрапов. Важно отметить, что официальный «Вестник» не поместил речь Брешко-Брешковской, в то время как большевистский «Рабочий путь» выделил ее речь, содержащую по сути дела критику правительства Керенского. Она признала, что затяжка решения аграрного вопроса заставила сомневаться простых людей в переходе земли в их руки и тогда начались все увеличивающиеся аграрные беспорядки. Если нынешнее собрание желает помочь народу, оно должно прежде всего решить земельный вопрос согласно требованиям крестьянства. Так вслед за Черновым и «бабушка» предупредила Керенского: если немедленно не будет издан земельный закон, пробьет последний час его власти.

Только после выборов секретаря и товарища секретаря «предпарламента» было предоставлено слово Троцкому, который от имени большевиков прочел декларацию об их выходе из «предпарламента». Декларация объявляла, что задачи Демократического совещания, состоявшие в замене режима безответственной личной власти, не были выполнены его руководителями. Создана власть, где главную роль играют явные и тайные корниловцы. На восьмом месяце революции безответственная власть создала для себя прикрытие в виде «предпарламента», нового издания булыгинской Думы. Цензурные элементы вошли в него в гораздо большем числе, чем они будут представлены в Учредительном собрании. Буржуазные классы хотят таким путем сорвать Учредительное собрание. Декларация разоблачала военную политику правительства и планы бегства в Москву. «Мы, фракция социал-демократов — большевиков, — говорилось в деклара-

ции, — заявляем: с этим правительством народной измены и с этим советом контрреволюционного попустительства мы не имеем ничего общего!». Декларация провозглашала революцию в опасности и требовала передачи всей власти Советам.⁶⁶ Оглашение декларации сопровождалось бешеной травлей и обструкцией со стороны соглашателей и кадетов. Когда большевики покидали Белый зал Мариинского дворца, им кричали: «Счастливого пути!». «Еще увидимся», — отвечали члены большевистской фракции. Эти слова оказались пророческими: всего через 18 дней представители Военно-революционного комитета Петроградского Совета потребовали от членов Временного Совета Российской республики покинуть помещение, а под окнами Мариинского дворца промчится автомобиль министра-председателя, навсегда увозя из Петрограда спасающегося бегством Керенского.

⁶⁶ Протоколы ЦК РСДРП(б)..., с. 77—79.

II. СВЕРЖЕНИЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ БАРРИКАД: ПРАВИТЕЛЬСТВО, «ПРЕДПАРЛАМЕНТ» И БОЛЬШЕВИКИ

Следующее заседание «предпарламента» было назначено на 10 октября. Но что бы ни делали теперь соглашатели и правительство Керенского, взгляд их был прикован в сторону большевиков. Выход их из «предпарламента» был первым подтверждением того, что ходячая молва и политические слухи о «выступлении» большевиков имеют под собой почву. Еще 26 сентября 1917 г. Кливанский в газете «День» предсказывал: «Как высоко взметнется волна? Как глубоки те течения, которые представлены в Совете? Мы этого не знаем. Мы видим только на Смольном красный сигнал, вещающий бурю».

И старому ЦИК, и «предпарламенту» приходилось теперь иметь дело с противостоящим политическим центром, которым стал большевистский Петроградский Совет, собирающий для все-русской опоры II съезд Советов. В новом Исполкоме Совета большевики, как уже говорилось, имели половину мест. Среди отделов, появившихся в нем, был и отдел Рабочей гвардии, возглавлявшийся большевиком К. К. Юреневым. Военный отдел получил нового заведующего в лице большевика А. Д. Садовского. Эти перемены свидетельствовали о том, что большевики начинают и практически готовить аппарат для смены власти. 2 октября общее собрание Петроградского Совета утвердило все эти назначения и обсудило результаты карательной экспедиции Временного правительства против Ташкентского Совета. Рабочие и солдаты Петрограда заявили о своей солидарности с Ташкентским Советом и со всеми Советами страны. 4 октября в противовес состоявшемуся в этот день заседанию ЦИК, утвердившему наказ Скобелеву для поездки на союзническую конференцию, большевики собрали рабочую секцию Петроградского Совета и на ней приняли свою программу борьбы за демократический мир, резко критиковавшую соглашателей за фактическую поддержку продолжения империалистической войны. Секция наметила также план проведения избирательной кампании по выборам в Учредительное собрание.

6 октября в Смольном состоялось знаменательное собрание солдатской секции Петроградского Совета, показавшее, что и большинство ее членов идет теперь за большевиками. Быстро покончив с вопросом о выборах в Учредительное собрание, солдаты высказали свое возмущение планами бегства Временного правительства в Москву. В. И. Ленин высоко оценил решение секции. В одном из своих писем 7 октября он писал: «Резолюция солдатской секции Петроградского Совета против ухода правительства из Питера показала, что и среди солдат зреет убеждение в заговоре Керенского. Надо все силы собрать для поддержки этого *серьезного* убеждения и для агитации среди солдат».¹ Таким образом, еще до открытия «предпарламента» большевики сумели овладеть всеми организационными и политико-агитационными рычагами в Петроградском Совете и его Исполнительном комитете, что создавало возможность использовать их в качестве легального центра противоправительственного движения.

5 октября ЦК РСДРП(б) принял решение возложить проведение Северного областного съезда Советов, созыв которого ранее предполагался в Гельсингфорсе. Теперь открытие съезда переносилось с 8 на 10 октября в Петрограде при участии Петроградского Совета. 7 октября ЦК РСДРП(б) поддержал инициативу Петроградского комитета, выделившего двух человек в бюро по выяснению настроения в массах и тесной связи их с партийными центрами. ЦК избрал трех своих членов в создающийся орган и постановил поручить им «составить самое бюро».²

В тот же день, 7 октября, начала работу III Петроградская общегородская конференция большевиков. На первом распорядительном заседании член ЦК И. А. Рахья свое выступление посвятил Северному областному съезду Советов. «Значение его будет чрезвычайное, — сказал он, — возможно, что даже перерастет значение Всероссийского съезда Советов. Коренными вопросами будут вопросы о власти и мире. Эти вопросы потребуют наибольшего участия с нашей стороны. Исходя из этого, Областной съезд требует к себе самого серьезного отношения, особенно с точки зрения текущего момента». Даже вопрос о приглашении гостей решался с этой точки зрения. Секретарь ЦК Г. И. Боккий предупредил: «Вопрос о текущем моменте стоит теперь так остро, что даже потребуются конспирация, а посему допуск гостей может быть до некоторой степени рискованным».³ Большевики вплотную подошли к вопросу об организации восстания в ближайшее время. 7 октября в Выборге В. И. Ленин после прочтения утренних петроградских газет этого дня пишет «Письмо Питерской городской конференции для прочтения на закрытом за-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 348.

² Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917—февраль 1918. М., 1958, с. 76—80.

³ Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 г. М.; Л., 1927, с. 108—109.

седании». В письме он требует от партии мобилизации всех сил для «отчаянной, последней, решительной борьбы за свержение правительства Керенского». ⁴ Он предлагает выяснить возможность организации восстания в Москве, воспользоваться созываемым съездом Советов Северной области, разоблачать в массах заговор Керенского и империалистов других стран против революции, готовить восстание, правильно определив его момент. Ленин предлагает проект резолюции для конференции, который заканчивался обращением петроградских большевиков в ЦК с просьбой «принять все меры для руководства неизбежным восстанием рабочих, солдат и крестьян для свержения противонародного и крепостнического правительства Керенского». ⁵ 8 октября Ленин пишет новое письмо, на этот раз прямо большевикам, участвующим в работе съезда Советов Северной области, который, как он узнал в этот день, будет работать теперь в Петрограде с 10 октября. В этом письме В. И. Ленин делает окончательный выбор в пользу начала восстания именно в Петрограде, где оно должно быть поддержано войсками и флотом из Кропштадта, Выборга, Ревеля, Гельсингфорса и Москвы. ⁶ Одновременно В. И. Ленин пишет еще одно письмо, называя его «Советы постороннего», где излагает план вооруженного восстания в Петрограде применительно к условиям октября 1917 г. «Будем надеяться, — пишет он в конце письма, — что в случае, если выступление будет решено, руководители успешно применяют великие заветы Даунтона и Маркса.

Успех и русской и всемирной революции зависит от двух-трех дней борьбы». ⁷ А на следующий день Ленин сам тайно выезжает в Петроград, чтобы принять личное участие в решении вопроса о судьбе восстания. ⁸

В воскресенье, 8 октября 1917 г., большевистский «Рабочий путь» напечатал статью члена ЦК РСДРП(б) И. Т. Смывги «К съезду Советов Северной области», в которой говорилось, что против Всероссийского съезда ведется демагогическая кампания, направленная на его срыв. Рабочие и солдаты Петрограда и Северной области не позволят его сорвать и дадут оборонцам отпор не только на словах, но и на деле. «Кризис нарастает с чрезвычайной быстротой, — говорилось далее в статье. — Тенеренский статус — статус нескольких дней. Либо новое выступление контрреволюции (все данные уже налицо), либо революция делает шаг вперед и власть переходит в руки Советов. Правительство Керенского—Кишкина ведет страну к контрреволюции. Мы не должны дать захватить себя вражеско. Мы должны приложить

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 347.

⁵ Там же, с. 350.

⁶ Там же, с. 385—390.

⁷ Там же, с. 384.

⁸ Подробнее об этом см.: Революционный Петроград. Год 1917. Л., 1977, с. 314.

все усилия к тому, чтобы вторая корниловщина кончилась бы так же, как первая». Это был прямой призыв к борьбе за власть, и на Северный съезд Советов возлагалась здесь особая роль. В том же помере публиковалась декларация большевиков, оглашенная ими в момент ухода из «предпарламента»; статьи, разоблачающие связь политики, которую проводит теперь Керенский, с планами мятежника, генерала Корнилова; разоблачения о деле Корнилова, которые, по мнению газеты, наносят такой же удар «монархии Керенского», как разоблачения о распутийских подвигах наносили монархии Романовых.

В тот же день Керенский много говорил о Корнилове. В своем кабинете в Зимнем дворце он давал показания члену Особой следственной комиссии полковнику Н. П. Украинцеву. Заканчивал он их такими мрачными словами: «Я не мог предвидеть, что общественному мнению будет угодно превратить меня не то в участника корниловского заговора, не то в какую-то малоопытную, двусмысленную фигуру. Если бы я это предусмотрел, то я бы все в этот вечер (т. е. 26 августа, во время беседы с В. Н. Львовым, — В. С.), может быть, совсем по-другому поставил. Во всяком случае, я считаю, что сделал все, когда решительно и чрезвычайно быстро в корне пресек эту попытку».⁹ Однако десятки документов, попавшие в эти дни в поле зрения газет, говорили другое и делали обвинения в адрес Керенского весьма убедительными.

Другой темой, оживленно обсуждавшейся газетами в Петрограде 8—10 октября (9 было понедельником, когда газеты не выходили), был «предпарламент», его роль и перспективы работы. Так, «Народное слово» от 8 октября в передовой статье писало: «... чтобы справиться с положением, нужны действия, но сможет ли *действовать* Предпарламент?». В передовой от 10 октября газета писала, что главная задача «предпарламента» — организовать оборону. Эта же мысль развивалась и в следующем номере: дело Временного Совета республики — помочь правительству поднять боеспособность армии. «Известия» связывали задачи «предпарламента» с внешнеполитическими вопросам. Они печатали инструкцию ЦИК делегату на Парижскую конференцию союзников («Наказ М. И. Скобелеву»), резолюцию ЦИК по этому поводу, считали, что и «предпарламент» может проявить инициативу в предложениях по пересмотру содержания союзных договоров и целей войны. То, что на Парижскую конференцию вместе с представителями Временного правительства поедет представитель демократии, отражает «двойственность нашей жизни».¹⁰

9 октября перед заседанием Петроградского Совета вопрос о «предпарламенте» обсудила фракция эсеров. Хотя среди ее членов подавляющее большинство принадлежало к левым, в целом

⁹ Керенский А. Ф. Дело Корнилова. М., 1918, с. 191.

¹⁰ См.: Известия, 1917, 7, 8, 10 окт.

фракция не поддержала инициативу большевиков, вышедших из Временного Совета республики. В этом вопросе левые сделали явную уступку эсерам, правым и центристам. В принятой резолюции, которая должна была быть вынесена на предстоящее пленарное заседание Совета, говорилось: «Обсудив вопрос об отношении к СРР, Совет считает, что, хотя Совет республики образован не на достаточно демократических началах благодаря применению курнальной системы и усилению цензовых элементов, тем не менее он способен не только быть средством к выявлению организованной силы революционной демократии, но в своей творческой работе способен осуществить неотложные задачи, стоящие перед страной».¹¹

Далее в этом проекте говорилось, что представители революционной демократии должны добиваться ответственности Временного правительства перед Временным Советом республики. «В связи с этим, — говорилось в эсеровском проекте, — Петроградский Совет считает ошибочной тактику отказа от работы в Совете Российской республики».

Эсеры призывали «революционную демократию» обратить особое внимание на организационную работу в центре и на местах как средство остановить «рост анархии» и способствовать успешности обороны страны и созыву Учредительного собрания.

Но общее собрание Петроградского Совета 9 октября не приняло эту эсеровскую резолюцию. Подавляющим большинством был принят проект резолюции об отношении к «предпарламенту», предложенный фракцией большевиков. В ней заявлялось, что «предпарламент» был создан в обход Всероссийского съезда Советов, путем подбора представителей из соглашателей и цензовиков, закрепивших «власть за империалистической буржуазией и ее приказчиком Керенским».¹² Интересна мотивировочная часть этой резолюции: оборонцам-соглашателям «предпарламент» не нужен для борьбы за власть, ибо оборонцы несколько раз могли взять власть в свои руки и каждый раз отказывались от власти по команде империалистов; не нужен «предпарламент» и «цензовикам»-кадетам для борьбы за власть, так как буржуазия уже добилась безответственности власти и свою контрреволюционную политику ей выгоднее вести за кулисами, чем на открытой сцене; наконец, не нужен «предпарламент» и Керенскому для управления страной — «Керенский бонапартист и корниловец, временно рассорившийся с Корниловым». Всем им «предпарламент» понадобился для того, чтобы прикрыть от глаз народа захват власти империалистами. Они хотят усыпить «предпарламентом» внимание революционных партий, стоящих за ними масс и осуществить свой заговор — сдать немцам Петроград, задушить Советы и сорвать Учредительное собрание. В этих условиях обязанностью

¹¹ Дело народа, 1917, 10 окт.

¹² Рабочий путь, 1917, 10 окт.

истинных борцов революции является разрыв с «предпарламентом» и решительная открытая борьба против империалистической клики. «Петроградский Совет, — говорилось в резолюции, — приветствует ту часть предпарламента, которая выпала из его состава, и приглашает всех подлинных представителей рабочих, солдат и крестьян последовать этому примеру. Долой бонапартистов! Долой поддельный предпарламент! Да здравствует борьба с узурпаторами за переход всей власти к Советам!».

Таким образом, выход большевиков из «предпарламента» был теперь поддержан всем авторитетом Петроградского Совета, первого Совета страны. Резкая отповедь соглашателям и правительству содержалась и в резолюции по текущему моменту, принятой тем же общим собранием Петроградского Совета, где говорилось, что «правительство Керенского губит страну», доказав свою полную неспособность вести войну, отчего геройские матросы Моонзунда видят в бонапартисте Керенском не друга, а врага. «Спасение Петрограда и страны, — говорилось далее в резолюции, — в переходе власти в руки Советов. Советская власть должна предложить всем народам немедленное перемирие и впредь до заключения мира взять на себя обеспечение боеспособности армии, обороны Петрограда и страны. Вместе с тем Петр. Сов. Р. и С. Дем. призывает гарнизон Петрограда принять все меры к развитию и упрочению своей боевой готовности».¹³ Это были новые ноты и новые слова в практике большевистской агитационной работы. То, к чему призывали «предпарламент» меньшевики, эсеры и народные социалисты, — обеспечение боеспособности армии и обороны страны и Петрограда — большевики брали на себя и возлагали на будущую Советскую власть в качестве ее первой обязанности. Это несомненно открывало новые возможности для привлечения на сторону большевиков колеблющейся мелкобуржуазной массы, прежде всего среди солдат, и сокращало и без того небольшой слой сторонников правительства Керенского и партий меньшевиков и эсеров среди масс рабочих и солдат. Напомним читателю, что именно это общее собрание Петроградского Совета постановило поручить Исполнительному комитету сформировать комитет революционной обороны, который вскоре получил название Военно-революционного комитета.

Итак, перед вторым заседанием «предпарламента» политическая обстановка в столице обострилась еще больше. Партия большевиков сплачивала свои ряды и вербовала в них все новых сторонников и сочувствующих. Она открыто провозгласила борьбу за переход власти в руки Советов, против правительства Керенского и «предпарламента». Лишь соглашатели объявили о безусловной поддержке как Временного правительства, так и «предпарламента». Но их массовая социальная база в столице и во многих других городах страны таяла с каждым днем. Свидетель-

¹³ Там же.

ством этого, в частности, был провал попыток эсеров в Петроградском Совете осудить выход большевиков из «предпарламента». Совет, наоборот, громадным большинством поддержал именно большевистскую партию за ее выход из «предпарламента». Это заседание Петроградского Совета показало также, что большевики ринулись перехватить инициативу у правительства, «предпарламента» и военных властей в организации действительной обороны Петрограда от внешнего и внутреннего врага, от немцев и буржуазной контрреволюции.

Правые группировки не были в восторге от «предпарламента» и не оказывали Керенскому такой безоговорочной поддержки, как меньшевики и эсеры. С одной стороны, этому способствовал и состав Временного Совета Российской республики. По данным на 10 октября он выглядел так. По списку цензовых групп числилось 156 депутатов, в том числе от партии кадетов — 56, от представителей торговли и промышленности — 34, от Совета Московского совещания общественных деятелей — 15, от Союза земельных собственников — 7, от радикально-демократической партии — 2, от цензовых национальных групп — 5, от казачества различных областей — 22. По списку демократических организаций в Совет прошло 383 депутата. Из них от меньшевиков — 62, от большевиков — 53, меньшевиков интернационалистов и объединенцев — 3, от украинских социал-демократов — 1, от партии эсеров — 63, от трудовой народно-социалистической партии — 3, от Совета крестьянских депутатов — 38, от кооперативной группы — 18, от фронтовых организаций — 25, от Центрофлота — 3, от казачьего самоуправления и демократических казачьих организаций — 6, от национальных демократических организаций — 27. И после ухода большевиков в составе «предпарламента» осталось 339 представителей «революционной демократии», главным образом меньшевиков и эсеров всех оттенков, что более чем вдвое превышало количество «цензовиков».¹⁴ Во-первых, после разгрома Корниловщины и усиления большевиков правые силы не верили больше ни в способности Керенского справиться с «анархией», ни в способности возглавляемого им правительства эффективно управлять страной. Через несколько дней они открыто поднимут свой голос в защиту Корнилова и начнут всюду ругать Керенского. Пока же они еще выжидали и ограничивались едкой, но все еще приемлемой критикой. Даже плехановское «Единство» позволяло себе упрекнуть Керенского в актерстве. «Что касается А. Ф. Керенского, — писала эта газета в номере от 10 октября, — то речь, произнесенная им при открытии предпарламента, напоминает, как и все его другие речи, игру Сары Бернар. Эта актриса обладала голосом, в котором слышалась большая нервность и который поэтому довольно сильно волновал ее слушателей. Но, как совершенно справедливо заметил И. С. Тургенев,

¹⁴ Там же.

в нервности голоса и состоял весь талант знаменитой Сары, так как настоящей художественности не было в ее игре. То же и с А. Ф. Керенским».

«Русская воля» пыталась даже найти положительное для контрреволюционного лагеря в уходе большевиков из «предпарламента», который провел «резкую разграничительную линию» между двумя лагерями. Газета спешила припугнуть меньшевиков и эсеров, чтобы они послушно следовали за цензурщиками в вопросах обороны. «Теперь кристаллизация должна пойти быстро, — заявляла «Русская воля» 10 октября, — и скоро выяснится реальная сила того и другого лагеря. И если только лагерь обороны увидит себя достаточно сильным, он сумеет методом укрепления нашей армии путем состязаний в красноречии заменить иным методом, который обезопасил бы массу армии от злых соблазнов». Это был прямой призыв к насилию, к корниловским методам расправы с демократическим и антивоенным движением в армии.

Утром 10 октября открылось второе заседание Временного Совета Российской республики. Копируя старую Государственную думу, «предпарламент» создал целых двенадцать комиссий. Важнейшими из них были комиссии по обороне, по иностранным делам, «по выработке мер по укреплению основ республиканского строя и борьбы с анархией и контрреволюцией», по урегулированию государственного хозяйства и труда, продовольственная, земельная, по национальным вопросам.¹⁵ Одним словом, «предпарламент» устраивал основательно, несмотря на то что даже по официальному счету ему оставалось жить до открытия Учредительного собрания 48 дней; история же отвела ему из них всего 15!

Затем «предпарламент» перешел к слушанию вопроса о состоянии обороны страны, и с докладами выступили военный министр А. И. Верховский, морской министр Д. Н. Вердеревский и министр-председатель А. Ф. Керенский. Верховский начал свою речь с того, что заявил о желании ознакомить членов Временного Совета с положением в армии без прикрас, как оно есть. Констатируя продолжающиеся попытки германской армии вести наступательные операции, он затем утверждал, что каждая из них не может привести к общему успеху Германии и поражению России. Они преследуют прежде всего психологические цели, «рассчитывают, что сердце забьется у трусов, что они подпишут позорный мир, какой Германия нас хочет заставить приять». Но русская армия еще существует и представляет собой внушительную реальную силу, говорил военный министр, аргументируя это утверждение тем, что немцы держат против русских 130 дивизий. Верховский утверждал, что главная причина низкой боеспособности армии в ней самой. Как он сообщил, с 1 октября по

¹⁵ Вестник Временного правительства, 1917, 11 окт.

9-е на фронте и в тылу имели место 16 погромов, 8 пьяных погромов, 24 самочинных выступления разного вида, 16 раз применялась вооруженная сила для подавления «анархических вспышек». Он сослался на корниловщину, трагическим последствием которой был подрыв веры солдат в командный состав. Суммируя, Верховский назвал три причины: анархическое движение на фронте, корниловщина в тылу и низкое качество пополнения, особенно из Петроградского и Сибирского военных округов. Верховский констатировал «непонимание войсками целей войны». «И задача Временного правительства, представителей Совета сделать каждому человеку эту вещь совершенно ясной, — продолжал он, — чтобы у каждого солдата и каждого офицера было бы ясно и определенно, что мы действуем не ради каких-нибудь захватов, ни своих, ни чужих, а что мы идем на смерть только за спасение своей Родины».¹⁶ Но, как показывает дальнейшее содержание его речи, Верховский в угоду буржуазии говорил о влиянии немецких пропагандистских источников, разглагольствующих о том, что война продолжается ради Месопотамии, ради английских колоний и пр.

Далее военный министр уверял, что под его руководством Военное министерство в сотрудничестве со Ставкой разработало новые положения о комитетах и комиссарах. Сообщил, что положения вскоре будут опубликованы, что в основном восстановлено доверие между комиссарами и военачальниками, между последними и выборными армейскими организациями. Он заявил также, что внес в «предпарламент» законопроект об улучшении деятельности существующих в армии дисциплинарных судов, по которому разбирательство в них переданных им дел должно было производиться в течение 48 часов, по истечении которых в случае непринятия дисциплинарных мер наказание будет назначаться командиром единолично. Другой законопроект должен был ввести институт штрафных полков. На штрафное положение переводились целые части за «коллективные анархические действия». Штрафные полки лишались улучшенного содержания, отпусков, переводились на арестантский паек и т. д. Министр рассказал и о планах некоторого сокращения армии за счет увольнения призванных из запаса солдат старших возрастов, о предстоящей прибавке жалованья офицерам, о планах развертывания новых школ и курсов для военно-технического образования как офицеров, так и солдат.

Вместе с тем Верховский неоднократно взывал к помощи Совета республики для осуществления мер жестокой «борьбы с анархией» в армии. В конце своей речи он, в частности, потребовал, чтобы по отношению к «анархической преступной толпе применялось оружие, не задумываясь и не стесняясь». Начав с демократических жестов, Верховский пришел теперь к программе немед-

¹⁶ Там же.

лепного применения и в массовом масштабе насилия над солдатскими массами под флагом «борьбы с анархией». Он еще раз подчеркнул, что это «есть решающая вещь. Это пробовал сделать Корнилов, единолично, своей властью, и эта вещь сорвалась и должна была сорваться. Но оставить ту анархию, перед которой мы сейчас стоим, так, как она есть, это — преступление перед государством, перед целой страной». Верховский смотрел на свою задачу оздоровления армии и поднятия ее боеспособности как бы на чисто техническую, не желая видеть ее политической, классовой сущности, отбрасывая в сторону империалистический характер самой мировой войны. Осуждая на словах контрреволюционный мятеж генерала Корнилова, Верховский в этой своей речи по существу защищал корниловские меры борьбы с солдатским движением.

Далее выступил адмирал Вердеревский. Дав общую характеристику морским боевым районам, он сосредоточил свое главное внимание на Балтике, напомнил первые дни Февральской революции, сравнив события в Ревеле, где не наблюдалось столь острого антагонизма между матросами и командирами, и в Гельсингфорсе, где, как известно, были многочисленные случаи матросских самосудов над ненавистными им офицерами. Дальнейшие события на Балтийском флоте привели к общему падению дисциплины. «Я утверждаю, — продолжал адмирал, — что во флоте воссоздание дисциплины так же необходимо, как и в армии, и так же не может быть создано путем угроз и насилий. Чувство ответственности за отдельные поступки и преступления, сейчас притупившееся в командных массах, тем не менее в них живет, и если изменятся взаимоотношения между командным составом, то это чувство ответственности оживет, и те, которые были безобразно жестокими, и те, кто с нарушениями всей человечности и совести проливал невинную кровь, как недавно на „Петропавловске“, я глубоко убежден, под гнетом обвинения собственной среды поспеют все заслуженное наказание».¹⁷ Обвиняя матросов в жестокости и бесчеловечности, адмирал Вердеревский «забывал» о двух столетиях жесточайшего угнетения матросов на царском флоте, о сотнях тысяч выпоротых кошками, тысячах повешенных на реях, умерших на каторге и в крепостях. Матросский самосуд был страшен, но корни его лежали в самоуправстве и жестокости флотских офицеров-дворян.

В качестве примера поворота к сознательной дисциплине Вердеревский привел воззвание оборонческого флотского комитета в Ревеле. Его содержание сводилось к призыву исполнять приказы начальников, соблюдать порядок и нести добросовестно службу. «Защищая Россию, мы защищаем свободу» — такова была идея этого документа, изданного уже после Моонзундского сражения. Со своей стороны морской министр еще раз призвал

¹⁷ Там же.

флот к установлению добровольной дисциплины. Он сказал, что и им будут внесены в «предпарламент» законодательные меры по улучшению деятельности дисциплинарных судов на флоте, из сферы компетенции которых, правда, будут изъяты офицеры, «потому что судить начальника подчиненным не надлежит».

В прениях выступили генерал М. В. Алексеев и меньшевик-интернационалист Ю. О. Мартов. Если Алексеев, одобряя инициативы военного министра, находил их недостаточными, то Мартов видел главное зло в том, что остатки корниловщины еще не выкорчеваны из армии, а правительство слишком медленно выполняет свои обещания способствовать заключению демократического мира. С ответом им и с общим изложением военной политики Временного правительства выступил министр-председатель А. Ф. Керенский. Крикливо заявляя, что военная политика Временного правительства за все время его существования отличалась единством и последовательностью, Керенский далее сказал: «Задача и цель, которая была поставлена вооруженным силам Русского государства с начала и до настоящих дней, была единственная — это охранение чести, независимости и свободы Российского государства, охранение завоеваний революции и нового демократического строя от всяких покушений, откуда бы они ни исходили. Временное правительство полагает, что вооруженные силы свободного государства могут служить только всему народу в его совокупности и быть на страже и на службе государства в целом. Одинаково для нас неприемлемо и никогда не преследовалось ни в какой степени навязывание армии задач охраны интересов имущих классов, но в такой же степени Временное правительство и верховное командование не даст возможности армии служить задачам и целям меньшинства, хотя и демократического, которое пожелало бы физической силой навязать свою волю народу, не имеющему в своем распоряжении в данный момент достаточно вооруженных сил».¹⁸ Вся эта тирада была направлена против большевиков.

Керенский пытался оспорить непреложный факт, что революция 27 февраля началась с восстания солдатских масс против своих офицеров. Быстрая и сравнительно бескровная победа революции, по его утверждению, объяснялась и тем, что большинство командного состава армии, будучи уже пропитанным «идеями свободы», не поддержало царский режим. Керенский заявил, что армия в ее целом стоит на службе «государства демократического», но имеются эксцессы и с той, и с другой стороны. Объяснения этим эксцессам он видел в предрассудках, унаследованных от старого времени. «Всякий офицер, — жаловался он, — как в некоторых местах в тылу всякий интеллигент и всякий человек, одетый по-другому, всякий офицер уже по своей форме брался на подозрение, и мы должны засвидетельствовать неод-

¹⁸ Там же.

пократные случаи, когда по таким необоснованным подозрениям исключались или изгонялись из армии определенные отдельные люди, затем по выяснению обстоятельств возвращавшиеся в армию и совершенно не вызывавшие уже никаких сомнений в той среде, среди которой им приходилось работать». Такое же недоверие к «солдатской форме» сказалось и на отношении ряда начальствующих лиц к демократическим солдатским организациям в армии.

Керенский видел задачу власти в том, чтобы примирить эти «исторические недоразумения». Далее он попытался свалить в одну кучу и корниловщину, и события 3—5 июля, видя в них угрозу линии Временного правительства. Он вынужден был признать большую заслугу Советов рабочих и солдатских депутатов в быстрой ликвидации корниловского мятежа. Министр-председатель отмежеввался и от заявления генерала Алексева по поводу того, что армия в окопах «потеряла честь, совесть и не может больше исполнять своего гражданского долга». Разложение армии идет еще от старого строя, члены IV Государственной думы помнят, какие цифры дезертиров назывались тогда. Но тогда «газеты умели молчать», и «теперешние обличители революционного правителя и сторонника личного режима Керенского умели склоняться и удобно оставаться на спокойных местах, зная, что даже слово правды вызовет те последствия, которые теперь не вызывает какая угодно клевета, бросаемая на нас». Упреки Мартова на затянувшееся заключение демократического мира Керенский относил и к руководителям тогдашнего Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, в полном контакте с которым Временное правительство, как говорил Керенский, проводило борьбу со сторонниками немедленного и «прямолинейного» мира в армии, готовило июньское наступление. Пытался он возражать и против обвинений в том, что наступление 18 июня явилось прямым предвестником корниловского выступления, опять-таки перекаладывая вину на большевиков, которые якобы уничтожили результаты той «работы», которую Керенский как военный министр и соглашатели из Петроградского Совета вели два месяца. Ведь А. И. Гучков не справился и в «заблаговремении ушел!». «Я пришел и взял, — истерически кричал Керенский, — и я несу эту ответственность и попесу ее до конца». Керенский напомнил о своеобразном приоритете Временного правительства по введению военно-революционных судов и смертной казни на фронте, говоря о том, что требования об этом предъявляли не только генералы и офицеры, но и члены армейских организаций, т. е. «демократия».

Выступая в защиту этих организаций, Керенский заявил, что они служат буфером, ибо оставлять солдатскую массу с ее командирами с «глазу на глаз» еще нельзя: слишком много ненависти и старых обид накопилось со времени царского строя. Сторонники быстрейшего заключения мира со своей стороны

должны понять, что его можно добиться только тогда, когда Россия будет обладать армией, представляющей внушительную реальную боевую силу. Керенский призывал вернуть армию к положению, которое было достигнуто перед корниловским мятежом, когда началась совместная работа командного состава, комитетов и правительственных комиссаров. После же корниловщины армия вновь ввергнута в тот хаос, который царил в ней в конце апреля и начале мая 1917 г. Глава Временного правительства призывал членов Временного Совета республики забыть «хоть на месяц» партийную и классовую рознь, помогать армии и ее укреплению. Тогда, «может быть, этот подъем создастся, и мы вернемся на мировую сцену с влиятельным и решительным голосом и скажем: „Мы имеем силу и мы кончаем эту войну!“».¹⁹ В целом речь Керенского не содержала никаких новых предложений в противоположность речам военного и морского министров. В ней было и самооправдание, и попытки как-то обелить корниловцев, и отчаянный призыв «революционного властителя» к поддержке и доверию. И если Верховский и Вердеревский отнеслись к членам Временного Совета Российской республики с гораздо большим почтением, чем они того заслуживали, то Керенский игнорировал их по существу, и провозглашал бредовые идеи о своей ответственности не перед ними, а перед историей. В итоге картина получилась мрачной, надежды на подписание боеспособности армии по существу не оставалось. . .

Вечером 10 октября собралось Временное правительство. Среди прочих вопросов оно обсудило текст предстоящего выступления министра иностранных дел М. И. Терещенко на новом заседании «предпарламента» 13 октября. Решено было, что необходимо подвергнуть критике наказ ЦИК представителю «революционной демократии» на Парижской конференции М. И. Скобелеву. Ибо — о ужас! — за границей расценивают этот наказ как тождественный внешнеполитической программе самого Временного правительства. Министры постановили добиваться от ЦИК изменения редакции наказа, который может поссорить правительство с союзниками.²⁰ И в тот же вечер на набережной Карповки, в кв. 31 дома № 32/1, у Сухановых-Флаксерман началось заседание ЦК РСДРП (б). После доклада В. И. Ленина о текущем моменте и многочасового его обсуждения ЦК большинством голосов против двух принял написанную В. И. Лениным резолюцию об организации восстания. В этой резолюции необходимость восстания обосновывалась как международным положением (рост революционного движения, угроза мира империалистам с целью удушения революции в России), так и военным (планы Временного правительства эвакуироваться в Москву и сдать Петроград немцам), а также завоеванием большевиками

¹⁹ Там же.

²⁰ Рабочий путь, 1917, 12 окт.

большинства в Советах — «все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом пародного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец, явное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.), — все это, — говорилось в резолюции, — ставит на очередь дня вооруженное восстание.

Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т. д.)».²¹ ЦК не назначил точного дня восстания, но связал его возможное начало со злободневными вопросами: Северным съездом, открывавшимся 11 октября, приказом о выводе войск петроградского гарнизона, который мог последовать в любой день. Заседание ЦК РСДРП(б) закончилось в ранние утренние часы 11 октября. Члены ЦК отправились на заседание III Петроградской общегородской конференции большевиков, чтобы довести до делегатов принятое решение. На том же заседании была принята написанная В. И. Лениным резолюция, в которой последним пунктом содержался призыв к вооруженному восстанию. Такие же слова раздавались и на заседании большевистской фракции съезда Советов Северной области.²² Вероятно, через делегатов съезда весть о возможном выступлении большевиков быстро дошла до эсеров, членов Петроградского Совета, которые еще 9 октября выделили туда делегацию из 10 человек. Во всяком случае, в протоколе заседания эсеровской фракции Петроградского Совета от 11 октября сказано: «О выступлении. Обсудив вопрос о возможном выступлении со стороны большевиков, фракция считает такое выступление совершенно недопустимым и в этом смысле дает наказ своим представителям на Петроградскую конференцию (8-ю Петроградскую эсеров, — В. С.)».²³ Думается, дело в совпадении — ведь слухи о выступлении ходили по Петрограду еще с конца сентября, но эта резолюция является фактически первым откликом противников восстания на строго законспирированное решение ЦК РСДРП(б).

Между тем генерал Верховский издал приказ, в котором обнародовал часть своей программы, изложенной накануне в Совете республики. Это было решение о посылке солдат в милицию для ее укрепления. Министр возлагал милицейские обязанности на армию в целом. «Растущая в стране анархия, — говорилось в приказе Верховского № 51 от 11 октября, — побуждает выполнить эту задачу срочно, не откладывая ни на один день.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 393.

²² Подробнее см.: Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967, кн. 2, с. 249—254.

²³ Там же, с. 253.

Развал в тылу, погромы, поджоги хлебных грузов, пасилия и зверства грозят фронту голодом и холодом, затрудняя доставку продовольствия и обмундирования. Недостающие кадры милиции должны быть немедленно пополнены. В аппарате жить нельзя».²⁴

А печать в этот день все еще обсуждала итоги вчерашнего дня в «предпарламенте». Он произвел настолько отрадное впечатление на корреспондента «Народного слова» С. Дмитриевского, что тот назвал свою статью «Солнечный луч». В ней он выражал надежду, что «предпарламент» поможет правительству, ибо его заседание 10 октября было «собранием деловых людей». Правда, поразмыслив, тот же Дмитриевский писал на следующий день, что слова Керенского в его речи от 10 октября о том, что армия готова сражаться и умереть за страху, — «иллюзия»! Нужно бороться за то, чтобы армия такою стала. Но как бороться? «Речь» в номере от 11 октября напоминала, что бороться-то следует методами принудительными, корниловскими. «По многим обмолвкам можно судить, — говорилось в передовой «Речи», — что и А. Ф. Керенскому и генералу Верховскому эти средства известны; да они и не могут быть неизвестны, ибо они слишком элементарны. Но . . . генерал Верховский, подходя к ним, немедленно останавливался, ставил многоточие и неизменно заявлял: только вы, господа народные представители (он так и величал членов Совета «народными представителями», что вызвало ряд замечаний с мест), можете нас, правительство, уполномочить на применение этих средств. Излишне прибавлять, что во всех этих случаях военный министр разумел средства принудительные». Брюзжание «Речи» было отмечено «Рабочим путем», который заявил, что «корниловский официоз» не удовлетворен началом практической работы «Совета г. Керенского» и договаривает за министров то, что они хотели бы утаить.²⁵

Что же делалось в те дни в армии, боеспособность и силу которой так страстно хотели поднять в свое время Алексеев и Брусилов, Корнилов и Савинков, а теперь Верховский и Вердеревский? Верховский сообщил членам «предпарламента» о числе погромов и самовольных действий; Керенский сказал, что ее положение напоминает ему русскую армию в конце апреля. Но все это были слова. Сказав их, они тут же торопливо произносили другие, призывали, убеждали, выражали уверенность, что армия еще может и будет сражаться. Но она не могла больше сражаться. Она не могла даже существовать как единый организм. Ее не могли уже спасти ни Корнилов, ни комитеты, ни правительственные комиссары, ни министры Временного правительства. Она была обречена на смерть и должна была погибнуть естественной смертью. Всякий, кто не хотел смириться

²⁴ Вестник Временного правительства, 1917, 14 окт.

²⁵ Рабочий путь, 1917, 12 окт.

с этим, кто старался задержать ее распад и полное разложение, лишь затягивал агонию старой русской армии, которая была уже не способна воевать, что-либо охранять и кого-либо защищать. Армия атомизировалась, разъединялась на группы и группки, на единицы, жившие своей жизнью и думавшие о своих собственных интересах, а не об интересах целого, будь то армия или фронт, все вооруженные силы или даже Россия.

В процессе разложения старой русской армии слились воедино целенаправленная деятельность большевистской партии, боровшейся против империалистической войны, за заключение подлинно демократического мира, за демократизацию русской армии, и стихийные силы протеста угнетенной солдатской массы против вековой абсолютной власти начальников. Эта стихия находила свое выражение в солдатских самосудах и убийствах офицеров, в самовольных захватах чужой собственности и погромах. Большевики осуждали эти эксцессы, призывали солдат к организованной борьбе, но предотвратить анархические выступления на данном этапе не могли и они. Пока большевистская партия не стала правящей, до тех пор она не могла воспользоваться в борьбе против этих анархических явлений силами и средствами принуждения; помогать же Временному правительству душить солдатскую массу большевики не собирались.

Чем больше рушилась старая дисциплина, тем более грозными становились признаки полного распада связей в старой армии. Корниловщина показала, как это неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, что армия ненавидит Ставку, все высшее офицерство. И теперь никакими мерами уже нельзя было поднять боеспособность армии, восстановить доверие между солдатами и офицерами, между командиром и командуемыми. Советские историки много сделали, чтобы показать колоссальную работу большевиков в армии накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Но сам процесс разложения старой армии все еще обойден их пристальным вниманием. Между тем источники по данному вопросу весьма обширны, а часть из них была опубликована еще в 20-е годы. Воспользуемся, к примеру, сборником «Разложение армии в 1917 году», составленным П. Какуриным в 1925 г., где, в частности, собраны донесения военных властей о состоянии фронтовых и тыловых частей в октябре 1917 г. Конечно, эти документы страдают известной тенденциозностью, в них не всегда четко отделяется партийная работа большевиков и интернационалистов по революционизированию солдат от их стихийных выступлений.

Комиссар Бессарабской губернии Кристи телеграфировал в Ставку: «На протяжении октября месяца Хотинский уезд Бессарабской губернии, входящий в Киевский округ, пережил целый ряд систематических бесчинств солдат расквартированных там 16-го и 17-го корпусов. Разрушены и сожжены крупнейшие экономии, обслуживавшие продовольствием широкий район, совер-

шен ряд бессмысленных убийств, грабежей и насилий».²⁶ 18 октября 1917 г. очередной доклад в политическое управление Военного министерства отправлял помощник комиссара Двинского военного округа. Отвечая на вопрос о настроении войск, он писал: «Настроение несколько лучше. Крупных эксцессов не было, по общее положение остается по-прежнему малоустойчивым. В ротах 175-го и 178-го запасных полков большевистская агитация, в 38-м запасном полку — пораженческая». На вопрос об основной причине недовольства в солдатских частях помощник комиссара ответил: «Затяжка войны, неурядицы в стране, дороговизна, крупные заработки в тылу, недостаток обмундирования и продовольствия, в некоторых гарнизонах требуют увеличить число отпусков, пересвидетельствования, уничтожения постных дней и увеличения пайка». 38-й полк отказался от несения нарядов. В Торонце караул при вещевом складе, не дождавшись смены, открыл стрельбу «в знак протеста» и самовольно ушел с поста. В Полоцке разгромлены лавки и похищены продукты. Отношение к офицерам подозрительное, так как они обвиняются в неудачах и поражениях в Рижском заливе. Занятия и караульные службы, как и хозяйственные работы, «повсюду производится плохо и небрежно, местами встречается категорический отказ от несения караульной службы...».²⁷

В записке комиссара Кавказского фронта, переданной поздно вечером 2 октября из Тифлиса, говорилось о солдатском погроме в Кутаисе: «Грабят магазины, стрельба в городе беспорядочная и интенсивная, есть раненые и убитые, обстреливается почтово-телеграфная контора». На подавление были высланы три сотни казаков, рота солдат и рота юнкеров с пулеметами. 1 октября, как говорилось далее в записке, на вокзал в Тифлисе был избит до полусмерти помощник коменданта станции и случайный офицер. В Екатеринодаре солдатами убит казачий офицер, стрелявший в них за словесные оскорбления в его адрес. В Эрзеруме убит казаками 2-й пластунской бригады войсковой старшина Кучапов. «Волна анархии растет неуправляемо», — делал вывод комиссар.²⁸ 20 октября в Боровичах полковой совет 174-го полка постановил арестовать полкового командира Буланова за приказ об отправке без ведома комитета винтовок и патронов. Буланова привели к тюрьме, но пока делегаты полкового комитета ушли на переговоры с начальником тюрьмы о приеме Буланова, он был сбит с ног подошедшими солдатами, сброшен в реку и застрелен там. «Больше никаких эксцессов не произошло, в городе спокойно», — телеграфировал заместитель повгородского губернского комиссара.²⁹

²⁶ Разложение армии в 1917 году. М.; Л., 1925, с. 127.

²⁷ Там же, с. 131—132.

²⁸ Там же, с. 132—133.

²⁹ Там же.

Подробные сведения о событиях на Западном фронте дают сводки сведений комиссара фронта Жданова от 4 и 15 октября 1917 г. В первой из них он писал: «Настроение крайне тревожное и бездеятельное в связи с близостью холодов и ухудшением питания. Разговоры о мире усилились, пораженческой и контрреволюционной пропаганды не наблюдалось. Ввиду Учредительного собрания началась агитация политических партий, определенным успехом пользуются большевики». Во второй же сказано, что «настроение войск фронта ухудшается в связи с пораженческой агитацией, вливающейся в войска путем печати и проповеди большевизма, распространяются газеты „Буревестник“, „Товарищ“, немецкая газета „Русский вестник“». Главная причина недовольства солдат определялась сначала как «одежда и пища, также жалоба на усталость». В справке же от 15 октября — «требование мира, улучшения питания и обмундирования, недовольство дороговизной предметов первой необходимости, арестами большевиков и закрытием „Правды“, „Молота“». В справках приведены длинные списки случаев отказов выполнять приказ, причем упоминались не только роты в полном составе, но и целые полки. За четыре дня дезертировали из трех армий 117 человек, а с 12 по 15 октября — 84. «В 60-м сибирском полку, — докладывал комиссар, — бомбой, брошенной в соборные, ранено 17 офицеров; 4-я рота Ковельского полка во время смотра генералом Лешем потребовала от него документы; в 114-м полку рота открыто выражала возмущение на приказ командира идти в ногу; полковой комитет 61-го Сибирского полка потребовал смещения командира полка, обвиняя его в корниловщине; в 44-м Сибирском полку на празднике капитан Зуев произнес тост за Корнилова, за что солдаты арестовали 12 офицеров полка; в запасном батальоне 132-й дивизии солдатами избит до смерти полковник Макаревич».

Через 11 дней этот бюллетень выглядел так: «672-го полка пулеметная команда арестовала двух офицеров, в том же полку бомбой в окоп легко ранен офицер; в 313-м полку свидетели по делу, вторично назначенному к слушанию, не явились в военно-революционный суд; команда солдат 218-го и 217-го полков окружила офицера, оскорбляла его, бросали в него поленьями; 8-я рота 265-го полка отказалась от работы на позиции; когда ротный командир высказал свое подозрение к другой роте, что ее подстрекал фельдфебель, то из строя раздались по адресу ротного командира брань и крики: „Вон, долой!“; в 41-м Сибирском полку убит член полкового комитета. Солдаты 266-го полка ходили „брататься“ к немцам за табаком».

Отношение к офицерам характеризовалось комиссаром Ждановым 15 октября как «недоверчивое, переходящее во враждебное». Данная сводка кончалась словами: «Общее положение армии ухудшается и может быть охарактеризовано как близкое к полному развалу, особенно угрожающее положение в 10-й ар-

ми. Расформирование запасных полков и перевозка их в армию совершенно разрушит фронт».³⁰

Паническую телеграмму вне очереди прислал 22 октября помощник комиссара Северного фронта Савицкий. «Настроение по-прежнему тревожное, — писал он, — идеи большевизма развивают успех, но доминирует просто жажда мира, стремлением к которому заражена психология массы». Она проникла и в артиллерийские части, которые раньше считались устойчивыми. «Временное правительство авторитетом не пользуется, особенно ввиду неудовлетворения насущных нужд. К приказам его относятся в лучшем случае безразлично, но вообще недоверчиво». Главные требования? «Массовые требования целых дивизий ухода в глубокий тыл на отдых, все тот же и при каких угодно условиях мир...». Снова развивается братание, в котором солдаты видят один из способов приближения мира. Даже в 5-й армии, где все еще сильны меньшевики и эсеры, комитеты, выступая против неорганизованного братания, требуют от Временного правительства изменения внешней политики и немедленного заключения перемирия, иначе фронт ответит «худшим, чем братание».

Автор телеграммы жаловался, что авторитет комитетов заметно падает. Всюду вместо соглашателей избираются большевики. «Лучшие работники жалуются на усталость, комитеты устали ждать выхода нового положения о них, которое должно было их укрепить, о чем открыто заявляют, прибавляя, что выход его как бы уже запоздал». Солдаты «на работу смотрят, как на затягивание войны», пополнение необученное, недисциплинированное, действующее разлагающе. Состоялся 22 октября съезд комиссаров армий Северного фронта: «Общая характеристика безотрадная... намечен ряд мер усиленной борьбы с разложением».³¹

В тот же день 22 октября в штаб 138-й дивизии 5-й армии Северного фронта прибыли части расформированной 116-й пехотной дивизии — 5 рот и 2 команды разных полков в количестве 700—800 человек. Они шли со станции Вышки, причем две роты вообще отказались идти в штаб и остались на станции. «Собравшись к вечеру к штабу дивизии, — писал позднее в телеграмме генерал Лукирский, — солдаты подняли крик, требуя новых сапог, бапи, теплой одежды, хлеба в полном количестве и угрожали разнести штаб, по полкам отказались расходиться, решили ночевать в штабе, разломали у домовладельца сарай, разбили замки и заняли все столы и целую печь требовали себе чаю и пили чай в чайной, угрожая разнести начальника дивизии и чипов штаба; утром под предлогом неудовлетворения их в 116-й дивизии новыми сапогами, теплым обмундированием отказались вторично идти в полки, пока не получат всего на месте, угрожая убить начальника дивизии и забросать его камнями, предупреждая,

³⁰ Там же, с. 140—141.

³¹ Там же, с. 141—143.

что если им дадут винтовки, то они не будут такими дураками, как в 116-й дивизии, и уже не позволят себя расформировать. Уговоры дивизионного комитета не помогали, и только под влиянием угрозы комкора немедленно вызвать конницу солдаты стихли и исполнили приказ построиться для разбивки по полкам. Вид людей разнузданный и совершенно недисциплинированный, но заявлению офицеров, в пути солдаты распродают выданное им имущество, обмундирование, палатки, белье и снаряжение».³²

В телеграмме комиссара 2-й армии Западного фронта С. Моисеевко военному министру от 5 октября, в частности, говорилось: «Настроение войск 2-й армии продолжает ухудшаться, наибольшее опасение в этом отношении внушают 50-й и 9-й корпуса, где рядом нарушений дисциплины обнаруживается повсеместно происходящее глухое брожение в массах, в основах своих имеющее вопросы „хлеба и мира“. Во многих частях отказываются от теплой одежды или обещают скоро ее возвратить, ибо дома она не понадобится. Настроение командного состава крайне первое, подавленное. Паддив 5-й пехотной генерал-майор Койчев застрелился, оставив записку: „Потерял надежду на светлое будущее России“».³³

В этих условиях даже Исполнительный комитет Западного фронта (Искомзап), который все еще был лояльным по отношению к Временному правительству и соглашательству ЦИК первого созыва, вынужден был приять на своем заседании 17 октября резолюцию с требованием решительных шагов в пользу мира и перемены всей политики власти по отношению к армии. В ее начале говорилось: «1) Основой всех бедствий, переживаемых страной, является война, начатая империалистами всех стран; 2) продолжающаяся война в корпе подрывает революцию, производительные силы страны, ведет революционную Россию к верной гибели; 3) истрадавшаяся от трехлетней войны армия, претерпевая всевозможные лишения, решительно требует мира, причем парастает стихийное движение, грозящее полным развалом фронта и гибелью революции. Нерешительная политика правительства лишь усугубляет этот кризис».³⁴ Но выход из войны «лояльным комитетчикам» виделся в «энергичных усилиях» международной и российской демократии согласно программе российской революции, «мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов». Резолюция требовала от Временного правительства «поставки на Парижской конференции во всей остроте вопроса о немедленном переходе к мирным переговорам, первым шагом чего должно быть установление перемирия на всех фронтах». Далее содержался призыв выдать паспорта социалистам союзных стран для «немедленного осуществ-

³² Там же, с. 148—149.

³³ Там же, с. 149.

³⁴ Там же, с. 147.

дения Стокгольмской конференции социалистов». Исполнительный комитет Западного фронта считал необходимым «обратиться к мировой демократии с заявлением, что дальнейшее промедление в борьбе за мир с ее стороны грозит гибелью российской революции и приближает торжество мировой реакции и что ответственность за судьбы российской революции лежит теперь на мировой демократии». В области внутренней политики Искомзап решительно требовал «гарантий осуществления земельной реформы опубликованием декрета о переходе крупных частновладельческих земель государству путем передачи их в распоряжение земельных комитетов». Фракция эсеров сделала следующую оговорку к этому пункту: «...при этом необходима немедленная передача всех земель сельскохозяйственного значения в распоряжение земельных комитетов, своевременность созыва Учредительного собрания, а до того — ответственность власти перед центральными учреждениями революционной демократии, немедленная отмена смертной казни, полная решительная демократизация армии, сокращение ее численности до возможных размеров».

В конце резолюции содержался призыв к демократии снабдить армию всем необходимым, ибо и по заключении мира она может быть демобилизована лишь постепенно. Фронтовой комитет признал необходимым избрать представителей для доклада всем фронтовым комитетам и ЦИК, обратиться к Временному правительству с предложением выполнить требования фронта, командировать в Петроград делегацию в «предпарламент» для объявления и отстаивания требований фронта. Они хотели также обратиться к армии с разъяснением своей программы «организованной борьбы за мир, до заключения которого необходимо было сохранить революционный порядок и защищать революцию», и обратиться к стране с призывом к улучшению снабжения армии и поддержке фронта в его борьбе за мир.³⁵

Итак, мир, мир немедленно, мир любой ценой! Мы не можем больше, мы устали, мы измучены — вот вопль, песншийся из всех окопов от Балтики до Черного моря. К нему примешивались и угрозы: если мира не будет, мы все бросим и уйдем до наступления зимы. Поэтому невозможно было поднять боеспособность этой армии. Единственный выход для любого русского правительства, которое собиралось сохранить власть в своих руках и добиться народного доверия, заключался в обращении ко всем воюющим и к союзникам в первую очередь с предложением перемирия и объяснением, что иначе Россия вынуждена будет выйти из войны самостоятельно, так как армия ее воевать больше не может и не представляет боевой силы. Когда-то первый управляющий Временного правительства кадет В. Д. Шабоков, заслушав в середине марта 1917 г. первые доклады А. И. Гучкова о состоянии армии, сказал ему, что если все это правда, то нужно немед-

³⁵ Там же, с. 148.

ленно заключать сепаратный мир с немцами, так как такая армия не сможет сражаться.³⁶ Теперь положение было еще хуже, но Керенский, Верховский и Вердеревский уверяли членов Временного Совета Российской республики, а с ним и всю страну, что армия в основном здорова, что речь идет об отдельных эксцессах, что существует план поднятия боеспособности армии и что только эта сильная армия сможет бороться за почетный мир для России. Это был обман, самообман и иллюзии. Напрасно военный министр издавал новые приказы. К ним относились с безразличием в лучшем случае, они обладали каким-то политическим весом лишь в Петрограде, где с каждым днем была все ближе решающая схватка в борьбе за власть между правительством Керенского и большевиками.

Хотя 12 и 13 октября на съезде Советов Северной области и не прозвучал сигнал к восстанию,³⁷ тем не менее резкая критика правительства делегатами съезда, его документы, где недвусмысленно заявлялось, что «время слов прошло», привлекли внимание печати и правительственного лагеря, расценивших эти признаки как доказательство подготовки «большевистского выступления». Ссылки же на Всероссийский съезд Советов, имевшиеся в тех же данных, рассматривались в качестве указания срока этого выступления. Мы знаем сегодня, что как раз в эти дни среди большевистского руководства разворачивался новый этап борьбы за осуществление плана восстания, который начали его противники, Каменев и Зиновьев. Они написали письмо партийным организациям и фракциям большевиков Петроградского Совета и Северного съезда Советов с протестом против резолюции ЦК, принятой в ночь на 11 октября, и настаивали на отложении вопроса о власти до открытия Учредительного собрания. Но 12—13 письмо это еще не стало достоянием гласности. Наоборот, именно в эти дни было получено еще одно доказательство серьезности намерений большевиков. 12 октября Исполнительный комитет, а 13 октября солдатская секция Петроградского Совета утвердили разработанное 11 октября военным отделом Исполкома Положение о революционном штабе обороны, который отныне получил название Военно-революционный комитет. Напомним, что внешней причиной для его создания были планы Временного правительства вывести из Петрограда войска гарнизона под предлогом защиты столицы от возможного немецкого наступления и переехать в Москву. Эти темы все еще горячо обсуждались всей петроградской печатью. Большевики успешно использовали их в своей агитации против буржуазного Временного правительства.

Так, энергичная передовая статья газеты «Рабочий путь» от 13 октября под названием «Власть Советам» кончалась таким

³⁶ См.: Набоков В. Д. Временное правительство. Воспоминания. М., 1924, с. 71.

³⁷ Подробнее об этом см.: Октябрьское вооруженное восстание..., с. 253.

утверждением: «События внутренней и внешней политики, затяжная война и жажда мира, поражения на фронте и защита столицы, гнилость Временного правительства и „переезд“ в Москву, разруха и голод, безработица и истощение — все это неудержимо влечет революционные массы России к власти. Это значит: страна уже созрела для диктатуры пролетариата и революционного крестьянства. Настал момент, когда революционный лозунг „Вся власть Советам!“ должен быть, наконец, осуществлен». Среди откликов, помещенных тем же номером газеты, первым был «В Москву, в Москву!», утверждавший, что решение Временного правительства переехать в Москву остается в полной силе, хотя командующий армиями Северного фронта генерал В. А. Черемисов и заявил, будто положение на фронте не представляет угрозы для Петрограда. «После целого дождя опровержений, — писала газета, — сегодня сообщают определенно, что Керенский выступит в заседании «Совета республики» с изложением плана эвакуации. Намечены два мероприятия: 1) вывоз из Петрограда правительственных учреждений, не имеющих первостепенного значения, 2) подготовка базы в Москве для руководящего органа правительства». Вопрос этот был признан столь важным, что ради него выступление министра иностранных дел Терещенко, о чем уже было сказано заранее даже в его собственном интервью, напечатанном в петроградских газетах еще 12 октября, было перенесено на следующее заседание «предпарламента».

В своей речи на заседании Предпарламента 13 октября Керенский заявил, что озабоченность судьбой Петрограда возникла после падения островов Эзель и Даго. Тогда правительство на своем «совершенно секретном заседании» обсудило этот вопрос с учетом близости открытия Учредительного собрания. Но пресса, благодаря «новым условиям» своего существования, пронюхала все это и представила в извращенном виде. Он категорически опроверг сообщения печати о том, что правительство обсуждало возможность сдачи Петрограда врагу. Он нападал на организации, которые ведут агитацию против правительства под этим углом и распространяют по заводам листовки с обвинением Керенского в намерении сдать Петроград немцам. Керенский заверил членов «предпарламента», что с военно-стратегической стороны обстановка несколько лучше и что в положении Петрограда ни сейчас, ни весной изменений не произойдет, а правительство покинет Петроград последним. «Но кроме техники и количества сил, — продолжал он, — в расчеты и предвидение будущего верховного командования и Временного правительства входят еще качество, настроение и моральное состояние войска. Эта третья категория, это третье слагаемое для нас недостаточно ясно и недостаточно уловимо».³⁸ Однако и здесь Керенский видел улучшение

³⁸ Вестник Временного правительства, 1917, 14 окт.

ния, позволяющие ему утверждать, что условия для спокойной работы Учредительного собрания в Петрограде зимой существуют и, во всяком случае, продлятся до весны.

Вместе с тем Керенский косвенно признал, что планы спешной эвакуации были не чужды Временному правительству, так как в дальнейшем сообщил о готовящемся переезде ряда государственных учреждений, не связанных столь тесно с текущей законодательной и исполнительной деятельностью. Временное правительство «должно ввиду создавшихся условий подготавливать такое положение, при котором, если бы пришлось перенести весной центр государственной жизни в другое место, это перенесение произошло бы с наименьшим перерывом в правильной работе государственного организма и с наименьшей потерей времени и затратой энергии, а также с полным исключением всякой паники и всякой суматохи в направлении и работах государственного механизма». Поэтому необходимо было подыскивать в Москве помещения для правительства и министерств, а также для работы Учредительного собрания.

Таким образом, с фактической стороны сообщения большевистской газеты полностью соответствовали действительности. Прав был «Рабочий путь» и в главном: правительство не отказалось от своего решения эвакуироваться в Москву, оно только несколько отсрочило его под влиянием неблагоприятной реакции общественного мнения.

После Керенского с конкретным докладом о планах разгрузки Петрограда выступил министр государственного призрения кадет Кишкин, который, как уже говорилось, был назначен правительством специально уполномоченным по этому вопросу. Он призвал членов «предпарламента» помочь властям в безопасном проведении такой «необходимой и неотложной операции», как разгрузка. После прений по этим докладам слова вновь попросил Керенский. Начал он с того, что ответил на вопрос об обеспечении рабочих эвакуируемых предприятий, но очень скоро перешел к тому, ради чего и решил выступить второй раз, — к нападкам на большевиков, на прессу, на всех своих политических противников. «Я должен заявить, что Временное правительство в курсе всех предположений, — говорил Керенский, — и полагает, что никаких оснований для паники не должно быть: всякая попытка, если бы она была опять, противопоставить воле большинства и Временного правительства насилие меньшинства встретит противодействие. И напрасно думают, что сила выражается в количестве или возможности в сегодняшний день произвести попытку насилия или дебоша. Но прочтите сегодняшнюю передовицу «Рабочего пути», прочтите целый ряд там появлявшихся статей, и я должен тогда задать вопрос: что же, в этих органах работают тоже люди, по своему содержанию равные писателям из „Новой Руси“?». Ведь это то же самое». Он обвинял большевиков в том, что они, как и черносотенцы, ведут массы к организации погромов, что лозунг

«правительство бежит!» есть лозунг двух крайних флангов, что не правительство-де готовится сдать Петроград немцам, а эти две крайности работают на них. Керенский, на совети которого было около двадцати закрытых большевистских газет, теперь ридился в тогу сторонника свободы печати и заявлял, что пусть само общественное мнение заставит замолчать газеты, неугодные правительству. А всего через 11 дней он закроет их силою своим постановлением.

В заключение данного заседания «предпарламент» принял резолюцию, «формулу перехода», одобрявшую политику Временного правительства в вопросе об эвакуации и разгрузке Петрограда. В ней констатировалось, что Временное правительство заявило о своем намерении защищать Петроград до последней возможности, что оно объявило о готовности оставаться в столице до момента, когда Петрограду будет угрожать непосредственная опасность, и что Учредительное собрание будет созвано именно в Петрограде.

Таким образом, инцидент с планами отъезда Временного правительства в Москву посчитали исчерпанным, правительство отложило эти планы, но в политической борьбе партий он по-прежнему занимал видное место. Оценивая в целом ту политическую дуэль, которая состоялась между большевиками и Керенским 13 октября, можно считать ее равносильной объявлению открытой борьбы.

Отклики на события 12—13 октября в Петрограде показали, что температура политической жизни в столице повысилась и близка к точке кипения. «Новая жизнь» сообщала 14 октября, что в частном совещании членов Временного правительства обсуждался вопрос о «готовящемся выступлении большевиков». В полном согласии с представителями ЦИК совещание решило «принять все меры к предупреждению выступления, а если оно все-таки состоится, то подавить его, не останавливаясь ни перед какими мерами вплоть до применения вооруженной силы». В беседе с корреспондентом «Рабочей газеты» главнокомандующий Петроградским военным округом полковник Полковников заявил 13 октября: «Определенных сведений у нас не имеется, и мы питаемся слухами. Я думаю, что петроградский гарнизон настолько сознательно относится к переживаемым грозным событиям, что найдет в себе благоразумие, чтобы воздержаться от участия в выступлении. Будут приняты все меры, чтобы не допустить выступлений, которые могут легко вылиться в бесчинства и погромы». 14 октября состоялось новое заседание Временного правительства, на котором обсуждалась угроза выступления. На нем говорилось о том, что большевики «вместо торжественного объявления о дне своего выступления» решили «законспирировать его». Высказывались предположения, что выступление состоится 15-го или 20-го, причем большинство придерживалось более позднего срока. 15 октября в печати появилось объявление полковника

Полковникова, призывавшее солдат и офицеров частей петроградского гарнизона «не поддаваться призывам к выстушлениям».³⁹

Официальные «Известия» еще 12 октября напечатали передовую «Кризис советской организации», где утверждали, что значение и авторитет Советов падают, так как они перестали быть общедемократическими организациями. Советы были прекрасной организацией для борьбы со старым режимом, но у них нет специалистов, навыка и умения для того, чтобы создать новый. Для этого нужны другие организации. Эта статья вызвала разноречивые отклики. Обрадовались правые. «Еще совсем недавно, — отмечала „Русская воля“ 13 октября, — может быть, месяц или два назад, о Советах р., с. и к. д. можно было говорить только самым почтительным тоном. Критика советских организаций считалась явным признаком контрреволюции. И вот, наконец, наступил день, когда о смерти Советов говорит уже не «контрреволюционная» и не «буржуазная» пресса, а говорит об этом прямо и открыто орган ЦИК Советов р. и с. д.». Обратив внимание своих читателей на эту похвалу буржуазии, «Рабочий путь» писал 14 октября: «Известия ЦИК сообщили вчера, что наступил „кризис Советов“. Начав свою „зимнюю кампанию“ против большевиков, редакция заявляет, что пора переехать из „деревянных барачков“ в „каменное здание“. Деревянные бараки, на скорую руку сколоченные, это — Советы р. и с. д., это о них полагает редакция, что пора их на слом. Каменное здание Маринского дворца гораздо более по сердцу редактору „Известий“, чем „деревянное“ здание Смольного института. Мы полагаем, что съезд Советов через неделю начнет свою работу именно с того, что предоставит могильщикам советской организации полную возможность переселиться куда угодно».

Свою зимнюю кампанию «Известия» продолжали и далее. 13 октября газета поместила передовую статью «Анархия и контрреволюция», где говорилось, что анархия в тылу (!) делает армию неспособной бороться с неприятелем, возбуждает армию против тыла. Ответственность за рост этой анархии несут не только прямые погромщики, но и те организации, которые «не сумели их удержать», т. е. большевики. Еще большие ужасы рисовались в передовой газете от 14 октября под названием «На волоске». Неприятель близко, России грозит государственный распад, что ни день — возникают отдельные «республики». Россия скоро не сможет продолжать войну, так как есть люди, которые ведут «систематическую обструкцию против обороны». Это опять-таки большевики!

«Дело народа» от 13 октября, осуждая большевиков за выход из «предпарламента», заявляло, что единственным оправданием выхода могла бы быть «решимость немедленно перерешить вопрос о власти и способах контроля над ней путем уличного столк-

³⁹ День, 1917, 15 окт.

новения», и спрашивало, когда же оно будет. Связывая «выступление» со съездом Советов, эсеровская газета утверждала, что созывать съезд «в такой стране и в такой момент — это сущее безумие, это значит очищать место для проповеди контрреволюции и политической обывательщины». Одновременно эсеры критиковали и Временное правительство, затягивавшее принятие экстренных мер, которые дали бы крестьянам уверенность, что земля окажется в их руках. «Начало коалиции не предвещает ничего доброго, — писало «Дело народа» 14 октября, — первый блин выходит комом, когда более чем когда-либо пужно дело, нужно дать, наконец, массам почувствовать осязательные результаты революции, ибо семь месяцев революционного бесплодия привели к разрухе, к анархии, к голоду».

Центральный орган большевистской партии в номере от 15 октября ответил на прямой вызов Керенского, прозвучавший в его речи в «предпарламенте» 13 октября. Передовая статья газеты называлась «Экзамен наглости». «Припертое к стене натиском революции, — говорилось там, — правительство буржуазных временщиков пробует извернуться, швыряя лживыми уверениями о том, что оно не собиралось бежать из Петрограда и не хотело сдавать столицу. Вчера еще сообщали во всеуслышание («Известия»), что правительство „переезжает“ в Москву, считая положение столицы „неблагополучным“. Вчера еще говорили открыто («Комиссия по обороне») о „сдаче“ Петрограда, причем правительство требовало снятия пушек с подступов к столице. Вчера еще компаньон Керенского и Корнилова по заговору против революции помещик Родзянко приветствовал решение правительства о „сдаче“, желая гибели Петрограду, флоту и Советам. Вчера еще присоединялся к этому решению „Лондон“, желая правительству скорого освобождения от Петрограда и флота... Вчера еще все это было... А сегодня перепуганные временщики и правительство, в беспорядке отступая перед флотом и гарнизоном, непоколебимо решившими защищать столицу, путаясь и противореча друг другу, трусливо пытаются замазать факты, стараются оправдаться перед революцией, предать которую собирались они вчера столь неудачно и неловко».⁴⁰ «Рабочий путь» легко ловил Керенского и Кишкина на противоречиях и убеждал рабочих и солдат, что вместо одного обмана «жалкие временщики» громоздят другой. Большевистский орган возвращал Керенскому все те обвинения, которые он предъявлял партии революционного пролетариата. Это Керенский устраивал с Корниловым заговор против революции, это Керенский, повисив цепи на хлеб, толкнул деревню на поджоги и погромы. Это Керенский извратил чистые нравы революции, возродив контрразведку и политический сыск. Это Керенский шантажировал Демократическое совещание высадкой немецкого десанта в Финляндии, это руки Керенского за-

⁴⁰ Рабочий путь, 1917, 15 окт.

брызганы кровью жертв июньского наступления на фронт! «Но пусть знают эти господа, — говорилось в заключение статьи, — пусть знают все, и те, которые готовят репрессии против „левых“, и те, которые авансом аллодируют этим репрессиям, — пусть знают они, что, когда пробьет решительный час, все они одинаково ответят перед революцией, предать которую они хотят, но обмануть которую им не удастся».

Ответом Керенскому была и заметка «Кто с кем?» из обзора печати этого номера «Рабочего пути» от 15 октября. Дезертиры социализма, трясясь от злобы, утверждают, что большевики делают «черно-красное дело». Они кивают при этом на газету «Новая Русь». Этот прием не стоит даже опровержения. «Но мы считаем небезынтересным, — заявлял «Рабочий путь», — привести выдержку из „Новой Руси“, резюмирующую программу „партии порядка“: „Должна быть создана временная власть с небольшим числом участников из лиц с всенародной известностью и всенародного уважения, как Алексеев, Плеханов, Рузский, епископ Андрей Уфимский, Ник. Морозов, Чайковский, казаки, столь богатые яркими именами, и др. Эта власть вызовет Корнилова, рассмотрит его дело, очистит его славное имя и с ним вместе выйдет к народу делать великое дело перерождения России!“. От редактора «Новой Руси» Суворина через кооператоров и кадетов, через Плеханова и Савинкова к эсерам и меньшевикам тянется единый фронт врагов пролетариата.

14 октября состоялось пленарное заседание ЦИК. Меньшевики и эсеры попытались превратить его в суд над большевиками. Ф. И. Дан, докладчик по вопросу об обороне Петрограда, потребовал от большевистских представителей прямого ответа на вопрос, думают ли большевики выступать и если думают, то когда, и считают ли они оборону страны главной задачей момента. Даже лидер меньшевиков-интернационалистов Ю. О. Мартов, согласившийся с мнением большевика Д. Б. Рязанова о том, что почва для восстания подготавливается правительством, высказался в поддержку общей резолюции против выступления. Эта резолюция, считавшая выступление в данный момент совершенно недопустимым и призывавшая рабочих, солдат и крестьян сохранять полное спокойствие, была принята голосами всех фракций ЦИК, включая меньшевиков-интернационалистов и левых эсеров. Против голосовали только большевики и народные социалисты, считавшие резолюцию недостаточно «яркой».⁴¹ Последние в эти дни стремились занять свою особую позицию, критикуя и большевиков, и эсеров. Так, 13 октября «Народное слово» в передовой статье осуждало эсеровскую фракцию «предпарламента» за внесение проекта резолюции по вопросу об обороне, в которой говорилось, что немедленная передача земли земельным комитетам может поднять боеспособность армии. Что же, вопрошала газета,

⁴¹ Известия, 1917, 15 окт.

до этого не надо защищать родину? Значит, враги не немцы, а в тылу армии? В статье Н. Сума «Кто же опи?», напечатанной в том же номере «Народного слова», резко критиковались солдаты петроградского гарнизона, которые занимались спекуляцией, грабежами, пьянством, азартными играми. Именно среди них пользуется успехом погромная агитация. Статья В. Мякотина «На ложном пути», напечатанная в газете народных социалистов 14 октября, обвиняла эсеров в том, что они подняли в «предпарламенте» земельный вопрос как раз в то время, когда самым насущным является вопрос об обороне. Там же А. Смирный в статье «Самосечение» пытался уличить большевиков в непоследовательности: они провозглашали «Вся власть Советам!», а теперь вопреки воле ЦИК созывают съезд Советов. 15 октября в «Народном слове» со статьей «Готовы ли мы?» выступал сам лидер народно-социалистической партии А. В. Пешехонов. В ней он высказался против предложения большевиков, разделявшегося и многими эсерами, о немедленной передаче земли земельным комитетам. Он предполагал, что вырванная у помещиков земля будет просто расхищена. Поэтому перед этим надо создать учреждения, которые могли бы «всерьез взять ее в свое заведование». С. Дмитриевский в том же номере в статье «Опасная игра» заявлял, что, когда большевики придут к власти, им предъявят иск те массы, которые пошли за ними, соблазненные их обещаниями.

А в те же дни В. И. Ленин, пренебрегая опасностью, дважды встречался на конспиративных квартирах с членами ЦК на неофициальных заседаниях, стараясь мирным путем уладить разногласия с Каменевым и Зиновьевым и добиться изменения их взглядов на восстание. Это не удалось. И так как выяснилось, что ленинскую позицию разделяет большинство членов ЦК РСДРП (б), было решено вынести этот вопрос на новое обсуждение более широкого собрания, в котором кроме членов ЦК будут участвовать и члены Петербургского комитета, а также большевики, работающие в Совете и профсоюзах. Вечером 15 октября состоялось заседание ПК, члены которого ознакомились как с резолюцией ЦК от 10 октября, так и с письмом Каменева и Зиновьева от 11 октября. Этим же воскресным вечером в помещении Лесновско-Удельнинской районной думы началось расширенное заседание ЦК РСДРП (б) с участием В. И. Ленина.

В своем докладе (о решениях предыдущего заседания ЦК от 10 октября) В. И. Ленин проанализировал внутренние и внешние условия, диктующие партии необходимость самой решительной, самой активной политики, которой может быть только вооруженное восстание. Он, в частности, сказал: «Положение международное дает нам ряд объективных данных, что, выступая теперь, мы будем иметь на своей стороне всю пролетарскую Европу; доказывает, что буржуазия хочет сдать Питер. От этого мы можем спасти, только взяв Петроград в свои руки. Из всего этого ясен вывод, что на очереди то вооруженное восстание, о котором гово-

рится в резолюции ЦК». ⁴² В. И. Ленин показал, что в ходе восстания одна часть армии будет воевать с другой, что «силы на стороне буржуазии невелики. Факты доказывают, что мы имеем перевес над неприятелем». ⁴³

Из фактов повседневной политической жизни черпали свои аргументы и противники восстания. Так, Зиновьев утверждал, что в Петрограде большевики не имеют такой силы, что на Кронштадт и Финляндию рассчитывать не приходится. Он призывал отложить решение данного вопроса до Учредительного собрания и брал на веру заявление Керенского в «предпарламенте», что до Учредительного собрания Петроград сдан не будет. ⁴⁴ Каменев говорил, что резолюция ЦК от 10 октября только дала возможность правительству собраться, что острая постановка вопроса о восстании вызвала прилив масс к врагам большевиков и дала им возможность усилиться.

Возражая им, И. В. Сталин, в частности, отметил, что предложение Каменева и Зиновьева оттянуть решение вопроса до Учредительного собрания объективно дает возможность правительству и контрреволюции собраться: «Мы без конца будем отступать и проиграем всю революцию». Петроградский Совет уже встал на путь восстания, отказав санкционировать вывод войск, флот уже восстал, поскольку пошел против Керенского. ⁴⁵ Н. А. Скрышник, критикуя малочисленность, заявил: «Здесь повторяют то, что говорили меньшевики и эсеры, когда им предлагали брать власть. Теперь мы слишком много говорим, когда надо действовать. Массы с нас спрашивают и считают, что если мы им ничего не даем, то мы совершаем преступление. Нужна подготовка к восстанию и призыв к массам». ⁴⁶ С. И. Скалов, хотя и считал, что власть нужно брать именно на съезде Советов, отмечал: «Теперь мы становимся оборонцами; если мы не возьмем власти, то, может быть, флот оставит свои позиции и армия тоже». ⁴⁷ С. Ф. Степанов называл в качестве возможного повода для восстания уменьшение солдатского пайка и «черемисовское совещание» (совещание по безопасности Петрограда, устраиваемое главнокомандующим армиями Северного фронта генералом В. А. Черемисовым с приглашением делегатов от Петроградского Совета 17 октября). ⁴⁸ Большинство присутствующих одобрило резолюцию о восстании, внесенную В. И. Лениным. В ней говорилось: «Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленной подготовке вооруженного восста-

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 395.

⁴³ Там же, с. 396.

⁴⁴ Протоколы ЦК РСДРП(б)..., с. 99.

⁴⁵ Там же, с. 100.

⁴⁶ Там же, с. 101.

⁴⁷ Там же, с. 102.

⁴⁸ Там же, с. 103.

ния, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы паступления».⁴⁹ После окончания расширенного заседания ЦК РСДРП(б) заседал один и выбрал военно-революционный центр, который должен был войти в состав Военно-революционного комитета Петроградского Совета.⁵⁰ Между тем Каменев и Зиновьев написали заявление с требованием немедленного телеграфного созыва пленума ЦК, а Каменев написал еще заявление о своем выходе из ЦК. Оставив их утром 16 октября, они удалились, задумав новую попытку остановить неизбежное восстание. А В. И. Ленин вернулся на свою конспиративную квартиру, где начал писать «Письмо к товарищам»,⁵¹ разбивавшее взгляды противников восстания — Каменева и Зиновьева.

МОБИЛИЗАЦИЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ СИЛ В ОЖИДАНИИ «ВЫСТУПЛЕНИЯ» БОЛЬШЕВИКОВ

Начался день 16 октября, который еще ближе подвел противоположные стороны к развязке. Был понедельник, газеты не выходили, но день этот был насыщен многими важными событиями. Самыми главными из них были заседания «предпарламента» и пленарное заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. На пятом заседании «предпарламента» работа началась с прений по докладам представителей правительства о состоянии обороны государства. После выступления семи членов Совета слово получил морской министр адмирал Д. Н. Вердеревский. Он отвечал октябристу Н. В. Савичу, требовавшему восстановить карательными мерами дисциплину в армии. Вердеревский прямо заявил, что одними карательными мерами теперь дисциплину на флоте не восстановить. Можно строить только сознательную дисциплину, а старая дисциплина умерла задолго до Февральской революции, хотя внешне и казалось, что она существует. После же революции старая дисциплина умерла навсегда. Адмирал напомнил, что он докладывал еще военному министру А. И. Гучкову о том, что восстанавливать дисциплину пужно на новых началах, а не пытаться сохранить старую. Но Гучков и все тогдашнее правительство не прислушалось к голосу «пессимистов», и до осени «мы только прешпирались», а новой дисциплины так и не создали. Переходя к задачам создания новой дисциплины, как он ее понимал, Вердеревский призывал членов «предпарламента» наряду с большевистской пропагандой (ее прекратить нельзя, он понимал это), но именно наряду, вместе, рядом,

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 397.

⁵⁰ Протоколы ЦК РСДРП(б)..., с. 104.

⁵¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 398—416.

вести все нарастающую «пропаганду патриотизма». Отдавая должное патриотизму адмирала, мы должны отметить его политическую ограниченность и наивность. Если к этому добавить, что Вердеревский был членом Временного правительства, то его проповедь патриотизма по существу означала укрепление власти буржуазии в стране.

Савич, для которого нынешнее Временное правительство было чуть ли не «левым», в своей речи говорил, что Гучков еще в середине марта 1917 г. показывал ему один документ, на котором была и подпись нынешнего морского министра и содержалось требование... передать власть Советам! Задетый за живое адмирал нашел этот документ и теперь огласил его перед членами «предпарламента». Вердеревский, конечно, оправдывался. Еще бы! Получить такое обвинение в обстановке тех дней было равносильно публичному обвинению в переходе в стан врагов. Вердеревский напомнил, что Совет тогда занимал позицию доверия к правительству: «постольку — поскольку». И именно в этой ситуации он и несколько других высших морских офицеров Ревельской морской базы разглядели зерно будущего конфликта: двоевластие должно было привести к моменту, когда никакой приказ выполняться не будет, а командиры не смогут командовать. Инкриминируемое ему высказывание гласило следующее: «Воинская сила может быть сохранена лишь при единой и сильной власти в центре, которая возродит таковую на местах, не предусматривая, будет ли это власть существующего правительства или другой, составленной из представителей рабочих партий. Мы настаиваем на необходимости сильной и единой власти, которая бы взяла на себя ответственность за судьбы родины».¹ Разумеется, допущение о власти Советов было всего лишь полемическим приемом здесь, суть состояла в уничтожении двоевластия в пользу правительства. И чтобы отвести от себя и тень обвинения в симпатиях к Советам, адмирал Вердеревский сказал: «Наше дело знать, что без единой сильной власти все погибнет, а передача власти Советам, я думаю, даже для меня, человека политически необразованного, ясно говорит о распылении власти, а не о единстве власти».²

Затем слово получил министр иностранных дел М. И. Терещенко. Восстание генерала Корнилова, острая политическая борьба, развернувшаяся после его подавления, несколько отодвинули на второй план вопросы внешней политики русской революции. Это вынужден был констатировать и сам министр в первых же словах своей публичной речи. Выразив свое удовлетворение тем, что он впервые гласно может сделать доклад о внешней политике, составляющей ежечасную и ежеминутную заботу правительства, он далее сказал: «Вместе с тем не могу не отметить,

¹ Вестник Временного правительства, 1917, 17 окт.

² Там же.

что та очередь, которую угодно было вам установить в порядке ваших занятий, а именно: в первую очередь обсуждение вопросов государственной обороны, а во вторую очередь — вопросы международной политики, подчеркивает, быть может по случайному совпадению, ту непосредственную связь, которая существует между нашей государственной обороной и между внешней политикой».³

Да, война и ее продолжение, состояние армии и ее боеспособность — все это было на первом плане, скрывая тайный смысл разногласий и борьбы в этой области — вопрос о власти. Но и внешняя политика в связи с войной или миром была таким же острым и болезненным вопросом. Конечно, он не имел той жгучей остроты, как в апрельские дни 1917 г. Но перспектива близкой союзнической конференции в Париже, посылка туда специального делегата от ЦИК со своим наказом, всеобщая катастрофическая усталость от войны и жажда мира в армии и в тылу — все это делало вопросы внешней политики правительства и международного положения очень актуальными, упираясь по существу в тот же тайный смысл борьбы по вопросу о власти.

Наказ ЦИК М. И. Скобелеву был опубликован еще 7 октября в «Известиях». Много воды утекло с момента апрельского кризиса, когда между Временным правительством и Петроградским Совестом разногласия по вопросу о «целях войны» чуть не привели к открытому разрыву. Теперь в этом наказе программа ЦИК по вопросам о внешней политике страны мало чем отличалась от декларации третьего коалиционного правительства. Лишь отдельные отзвуки «Манифеста к народам мира» от 14 марта слышались в наказе. Повторялась формула мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов. Но понимался этот принцип почти как «статус кво анте», так как там, между прочим, содержалось требование вернуть Германии ее довоенные колонии. Предоставление самоопределения народам исчерпывалось Латвией и Литвой. Наиболее «смелым», пожалуй, было требование нейтрализации проливов и каналов. Это означало окончательный отказ от притязаний России на Босфор и Дарданеллы, а также обращение к союзникам нейтрализовать Суэцкий и Панамский каналы!⁴

Все это не очень понравилось Временному правительству, и министр иностранных дел уже сразу же стал высказываться как против содержания наказа ЦИК, так и против самой поездки Скобелева в Париж в качестве независимого представителя российской революционной демократии. Так, посол США Д. Френсис сообщал в письме к государственному секретарю Р. Лансингу от 11 октября (ст. ст.), что, по словам Терещенко, Скобелев заявил Временному правительству о своем отказе от поездки, если

³ Там же.

⁴ Известия, 1917, 7 окт.

он не получит права «безраздельного представительства» демократии.⁵ Любопытно, что в этом же письме американский посол со слов русского министра иностранных дел писал и о большевистском «выступлении» и его возможных последствиях. «Большевистский орган цитирует Ленина, который требует выступлений, — говорилось в письме, — так как ни правительство, ни Совет республики не проникнуты революционно-демократическим духом». Здесь, видимо, имеется в виду статья В. И. Ленина «Кризис назрел», напечатанная в «Рабочем пути» в субботу 7 октября 1917 г. и справедливо расцененная правительством как призыв к вооруженному выступлению. Во всяком случае, это еще одно свидетельство того, что к 11 октября (как раз на другой день после принятия ЦК РСДРП(б) первой резолюции о непосредственной подготовке восстания) и правительство, и партии меньшевиков и эсеров пришли к выводу о том, что большевики действительно готовятся к новому вооруженному выступлению на улицах Петрограда. Френсис так оценивал перспективы этого события: «Если большевистское восстание произойдет и будет подавлено, что я считаю вероятным, Временное правительство и Совет республики будут этим весьма усилены. Тем временем, как показывают выборы в провинции,⁶ настроение в пользу большевиков растет по всей стране; если оно одержит верх, его лозунгом будет лозунг мира».⁷

Критику наказа ЦИК, начатую внутри Временного правительства, Терещенко продолжил в более широком кругу на заседании комиссии по иностранным делам «предпарламента» 12 октября. Он определял свою задачу как откровенную характеристику международного положения, что позволило бы сплотить общественное мнение на почве защиты «русских национальных интересов».⁸ Он изложил «минимум наиболее существенных условий, без которых мир заключен быть не может». Их было три. Сохранение доступа для России к Балтийскому морю и недопущение образования здесь самостоятельных государств, тяготеющих

⁵ Цит. по: Гавелин Р. Ш. Россия и США. 1914—1917. Очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969, с. 388.

⁶ В статье В. И. Ленина «Кризис назрел» также присутствует этот тезис, в доказательство которого приводятся итоги выборов в районные думы Москвы (см.: Рабочий путь, 1917, 7 окт.; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 278—279).

⁷ Цит. по: Гавелин Р. Ш. Указ. соч., с. 389. — Френсис в письме от 13 октября высказывал сомнения в том, что при господстве большевиков Временное правительство сможет удержаться. Как и Вердеревский через три дня, он писал, что нужно добиться, чтобы мирная пропаганда большевиков вступила в конфликт с «русской гордостью» и «национальной честью», т. е. с патриотической контрпропагандой. Так что «нешкушенный в политике» адмирал не был так уж наивен в своих предложениях в Предпарламенте 16 октября.

⁸ Стенографический отчет об этом и других заседаниях комиссий Временного Совета Российской республики и об общих закрытых заседаниях его был напечатан в журнале «Былое», 1918, № 12.

к Германии и создающих между Германией и Россией «буферную зону». Это условие прямо противоречило пункту скобелевского наказа о превращении Литвы и Латвии в самостоятельные государства на основе признания за литовским и латышским народами права на самоопределение вплоть до отделения. Обеспечение свободы для России в сообщении с южными морями составляло второе условие, изложенное Терещенко. Но оно должно было основываться не на аннексии Константинополя и проливов, а на договорах. На нейтрализацию черноморских проливов следовало согласиться только при последующем разоружении великих держав на море. Третьим условием была бы «экономическая независимость России», т. е. экономическое сближение с Англией и Соединенными Штатами Америки. Как видим, и второй пункт не совпадал с наказом ЦИК. Но чтобы добиться мира даже на этих условиях, представлявших собой известное отступление от откровенно империалистической программы Милюкова в первом буржуазном Временном правительстве, необходимо было продемонстрировать активность армии. Пока же, как сказал Терещенко, «реальная обстановка не позволяет надеяться на полную победу». Вопрос опять упрямился в восстановление боеспособности армии. Терещенко тем не менее выступал против «мира впичью», указывая, что «наиболее ослабленные войной страны и в особенности Россия потерпели бы наибольший ущерб».⁹

Отвечая на вопросы, Терещенко высказался за пересмотр договоров союзников о разделе Турции, поскольку вследствие «неполного решения» вопроса о проливах новые приобретения союзников в Малой Азии создавали бы опасность для русских национальных интересов. Милюков предложил министру отложить инициативу с пересмотром договоров, но тот ответил, что время не терпит. Уточнения целей войны требуют и союзники, изменилась и народная психология. Своим методом борьбы против правительственной политики кадеты избрали яростную критику наказа Скобелеву. От Терещенко же требовалось отмежеваться от «советской линии». Милюков видел в наказе как остатки «революционного пацифизма», так и «продукт ревизии сведущего германофила». Он утверждал, что конкретные условия будущего мира изложены в наказе Скобелеву в интересах Германии и с явным ущербом для национальных интересов русского государства.¹⁰

Следующим шагом в отстаивании линии правительства и защите ее и от «левых» (т. е. меньшевиков и эсеров, поддерживавших наказ ЦИК), и от «правых» и стало выступление Терещенко в «предпарламенте» 16 октября. Начал он со ссылки на недавнюю

⁹ Более подробно см.: Игнатьев А. В. Внешняя политика Временного правительства. М., 1974, с. 387—389.

¹⁰ См.: Милюков П. Н. История второй русской революции. София, 1923, т. 1, вып. 3, с. 153—155.

речь германского министра иностранных дел Кюльмана, который заявил, что Германия внимательно изучает общественное мнение воюющих с нею стран, чтобы протянуть руку в момент, когда «лед разбит». Отсюда следовал призыв к общественным организациям и гражданам быть осторожными в высказываемых мнениях, чтобы не сыграть в пользу Германии и не осложнить отношений с союзниками. А тут то генерал какой-нибудь выскажется, то руководители общественных организаций заявляют о возможности «революционного конвента или о невозможности еще одной зимней кампании!». Далее Терещенко повторил, что внешняя политика страны должна основываться исключительно на русских государственных интересах, которые диктуют прежде всего верность имеющимся союзам, чтобы не остаться одинокими. Хотя жажда мира в России особенно велика, нельзя допустить заключения унижительного мира (т. е. сепаратного), который, по его словам, «на долгие годы, если не на столетия, отсрочит торжество во всем мире демократических начал».¹¹ Терещенко не смог удержаться и от того, чтобы не обвинить в развале русской армии Гучкова и Миллюкова. «Будущие историки, знакомясь с историей нашей революции, — сказал он, — действительно с изумлением увидят, что в течение первых ее месяцев, в то время, когда во главе военного ведомства стоял человек, который, вероятно, более всех других штатских людей в России и думал, и мыслил об армии, и желал ей успеха, поставил свою подпись под рядом документов, которые несомненно принесли ей вред; и с тем же изумлением увидят, что в тот период, когда во главе русской международной политики стоял человек, который, вероятно, более всех остальных русских людей и писал, и думал о великодержавной России, Россия ближе всего стала к сепаратному миру».

Он сказал, что тогда, в мае, на фронте установилось фактическое перемирие, которое одним своим существованием, угасанием всяких военных действий вело к сепаратному миру с Германией, и каких усилий стоило министрам Временного правительства «вдунуть в эту массу» сознание, что не этим путем должна кончиться война. Май и первая половина июня, по словам Терещенко, были самыми тяжелыми днями в работе его ведомства, и лишь первые успехи наступающей русской армии придали вес словам и поступкам русской дипломатии. Говоря затем о международном значении провала июньского наступления, Терещенко ссылаясь на авторитет заявлений членов делегации ЦИК Советов, посетившей летом союзные страны. Далее он повторил приверженность внешней политике правительства, провозглашенной еще в мае формуле мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов. Министр характеризовал международ-

¹¹ Вестник Временного правительства, 1917, 17 окт.

ное положение страны, начав с того, что центральные державы никак нельзя считать победителями, ибо они находятся в состоянии активной обороны и не смогли добиться своих стратегических целей, поставленных в начале войны. Они наносят удары, пользуясь ошибками и упущениями союзников. Отсюда непрерывающиеся попытки и предложения со стороны Германии расколоть союзников или вынудить их к миру, обеспечивающему хоть какое-то исполнение империалистических замыслов центральных держав. Одним из этих замыслов является создание ряда буферных государств в Прибалтике из областей, которые Германия старается отторгнуть от России. В первую очередь это касается Литвы и Курляндии, которые уже заняты теперь немецкими войсками. «Но тут Россия должна совершенно твердо сказать, — заявил Терещенко, — лишиться того, что является стремлением всех русских людей и существенным государственяным интересом — выхода в незамерзающее Северное море, — этого Россия не может допустить». В противоположность этому он выдвинул еще раз требование предоставления национального самоопределения славянским народам Австро-Венгрии, в первую очередь чехам и хорватам, требование создания южно-славянского государства или государств.

Затем Терещенко говорил о предстоящей Парижской конференции союзников и о том, что позиция представителей России на ней должна быть единая.

И тут министр иностранных дел подошел к критике наказа ЦИК Скобелеву. Повторил он и свое второе возражение: «И вот вопрос о нейтрализации проливов и вместе с тем непроведение полного разоружения есть опять нарушение интересов России, есть возвращение к положению, несравненно более худшему, чем статус кво анте». Ко всему этому было добавлено, что нельзя допустить, чтобы младший союзник России — Румыния — был отрезан от Черного моря (т. е. чтобы Добруджа была оставлена Болгарии). Все эти пункты не отвечают интересам России, и надо еще крепко подумать, советует Терещенко, прежде чем отстаивать их. Нужно, чтобы коалиция, представленная во Временном правительстве, была представлена и в делегации на Парижской конференции и ее позиция была бы единой. Конечно, военные неудачи не способствуют защите национальных интересов страны. «Но несмотря на это, — заканчивал министр иностранных дел, — Временное правительство смело утверждает, что голос России есть голос великой державы, которую слушают союзники так же, как они слушали ее в то время, когда она была, быть может, в военном отношении и сильнее, но когда она не переживала всех тех тягот, которые всем ясны и всем понятны и относительно которых никогда нет неискренности и лжи». Терещенко повторил, таким образом, миллюковский империалистический курс. Но, увы, все эти великодержавные претензии совершенно не соответствовали реальному положению на фронте и

в русской армии, что уже довольно хорошо представляли себе страны Антанты. Более того, они совершенно не соответствовали действительному желанию широчайших масс народа: немедленному прекращению войны любой ценой для того, чтобы получить землю и заняться на ней мирным трудом. В какой-то мере это понимал и Терещенко, заявивший, что в стране нет того «сцепления, которое создает и составляет полностью сильную армию, а внутри — полностью правильно функционирующий государственный аппарат». Не было ни того ни другого. Это особенно стало ясно во время выступления другого представителя правительства, министра продовольствия С. Н. Прокоповича.

Он сказал, что министерство выдвинуло задание заготовить в 1917/18 г. 1 млрд. 120 млн. пудов продовольствия, прежде всего хлеба. Но неурожай в Поволжье и ряде других мест, плохое и все ухудшающееся состояние транспорта вряд ли позволит собрать и половину. Это требует сокращения численности армии, чтобы поддержать ее продовольственное снабжение на должном уровне, и введения в рацион гражданского населения суррогатов хлеба. Прокопович потребовал решительных мер борьбы с самогонварением, на что уходит значительная часть зерна во всех губерниях страны. После этого он коснулся вопроса продовольственных перевозок, жалуюсь на состояние дорог, частичные забастовки железнодорожников, установление для ряда паровозных бригад 24-часового отдыха между рейсами. В итоге в Петрограде на 14 сентября остались неразгруженными 3 023 вагона, из них 735 — с продовольственными грузами. Московский узел забит 4000 неразгруженных вагонов, а на станциях между Москвой и Петроградом брошено без паровозов еще 1600 неразгруженных вагонов. Полупаралич московского узла привел к почти полному прекращению подвоза к Петрограду продовольствия к середине октября 1917 г. На Северном фронте запасов муки было на 8 октября всего на 15 дней, а запасов фуража — на 1 1/3 дня. На Западном фронте запасов муки было только на 8 дней, на Юго-Западном — на 6, на Румынском — на 7 дней. Недоедание уже дошло до фронта, начался и падеж лошадей от бескормицы.

Министр огласил далее телеграмму интенданта Северного фронта Коломникова, в которой, в частности, говорилось: «Часть хлебопекарен остановилась, а через 2—3 дня все хлебопекарни на фронте остановятся за отсутствием муки. Нельзя терять ни часа. Повелительно диктуется необходимость немедленно действовать, дабы Главкосев непосредственно по прямому проводу доложил Совету республики и настоял на принятии правительством героических мер, не теряя ни часа; макирутные поезда не помогут делу, не спасут положения, необходимо немедленно, хотя бы наполовину, отменить пассажирские поезда и гнать муку пассажирскими поездами. Всякая потеря времени на решение обяза-

тельно поведет к тем страшным последствиям, какие влечет за собою страшное слово „голод“». ¹² Вслед за этим была приведена и телеграмма самого Главкосева В. А. Черемисова о катастрофическом положении с продовольствием на Северном фронте. И все последующие факты, приводимые министром продовольствия, свидетельствовали о прогрессирующей разрухе в продовольственном деле и неминуемой угрозе голода, нависшей над рабочими и другими слоями городского населения страны, о неминуемых голодных беспорядках как на фронте, так и в тылу. Вместе с тем эти же факты указывали на полную неспособность властей Временного правительства справиться с положением и на необходимость героических, подлинно революционных усилий народа.

Тем не менее Прокопович пытался возложить ответственность за это положение на большевиков.

Прокопович отметил усилившуюся спекуляцию хлебом. Он огласил телеграммы из Самары, Саратова и Воронежа о том, что толпы спекулянтов и крестьян, а также солдаты заставляли железнодорожников прицеплять к составам вагоны с их хлебом вне всякой очереди.

Он закончил рассуждением о том, что даже если с огромными трудностями удастся заготовить хлеб и спасти от угрозы голодной смерти армию и жителей городов, то где гарантия, что этот хлеб удастся довести до потребителей, что он не будет расхищен и разграблен по дороге в результате все увеличивающейся анархии. «Мы должны перестать быть уговаривающими, — заявлял Прокопович. — Мы должны перестать быть главноуговаривающими и подуговаривающими». Необходимо перейти к принуждению, создать, наконец, систему власти на местах и передать органам власти всю «материальную силу для защиты своих постановлений».

Речь Прокоповича лишь частично осветила картину полного развала органов Временного правительства на местах. Антинародная политика власти привела к тому, что доверие к ней самых широких масс населения практически исчезло. На этот антинародный характер внутренней политики правительства Керенского настойчиво и умело обращали внимание рабочих, солдат и крестьян большевики. Но и собственный опыт народа все более приводил его к тем же выводам. Осторожность и недоверие к любым правительственным агентам, любым представителям власти стали нормой. А отсюда следовал естественный вывод о том, что если власть о тебе не может позаботиться, то ты должен позаботиться о себе сам.

Прокопович обманывал членов Временного Совета республики, когда призывал их мерами принуждения бороться с анархией. Было уже поздно. Сама власть и ее агенты были окружены ог-

¹² Там же.

ромным и будущим морем безвластия и безначалия. Правительство уже ничего не могло бы сделать с этим морем.

Вот несколько телеграмм, полученных в Министерстве внутренних дел и в канцелярии министра-председателя в октябре 1917 г., большинство которых осталось без движения, поскольку 25 октября сам министр внутренних дел последнего Временного правительства А. М. Никитин был арестован, а Керенский скрылся. Так, из Пензы 20 октября была получена телеграмма от губернского комиссара. Он писал о росте числа погромов. «В Саранском уезде, — говорилось в телеграмме, — начались массовые разгромы имений: развозят хлеб, инвентарь, обстановку. В городе и гарнизоне брожение. Уком просит разрешения на уничтожение спирта казенного склада. В Краснослободске винный склад разгромлен и сожжен. Разгром перекинулся в город».¹³ Комиссар просил военных сил: пехоту, а главное кавалерию. Для предупреждения беспорядков в городе создан Комитет по борьбе с анархией. Сдаче хлеба в первую очередь препятствуют сами крестьяне. Комиссар сообщал о тревожном положении в Ламовском, Пензенском и Мокшанском уездах. Всюду требуют кавалерию, которой в городе мало. Осложнился продовольственный вопрос, «население усиленно противодействует даже воинским командам». 23 октября была получена телеграмма из Ольгополя, в которой говорилось, что население во главе с сельскими комитетами самочинно делит в некоторых имениях помещичьи земли. Из кул расхищается сахарная свекла. На сахарных заводах ночью расхищается мертвый инвентарь. Расхищен спирт на Жабокличском заводе, а сам завод сожжен, подозреваемые в поджоге четыре крестьянина переданы следственным властям. Помещик Васильев послал из Москвы 20 октября следующую телеграмму в Министерство внутренних дел с пометой «вручить старшему»: «В моем имении Васильевском Смоленской губернии Ельнинского уезда Сычевской волости постановлением крестьянских комитетов семь деревень приступили к повальной рубке леса. Прошу немедленного распоряжения о прекращении произвола».¹⁴

Из Ставки передавали 9 октября, что командующий Юго-Западным фронтом приказал принять энергичные меры для прекращения беспорядков в Подольской губернии; в Виннице открыто отделение Киевского военного суда, склады спирта взяты под охрану, тайные склады уничтожаются. В Ростове-на-Дону в центре города произошла трамвайная катастрофа, было несколько жертв. Вагоновожатый, опасаясь самосуда толпы, скрылся.¹⁵ В телеграмме из Харькова, поступившей 20 октября, говорилось, что на южных дорогах уменьшение запасов угля привело к резкому сокращению как товарного, так и пассажирского движения. Из по-

¹³ ЦГАОР СССР, ф. 398, оп. 1, д. 41, л. 35—36.

¹⁴ Там же, л. 41.

¹⁵ Там же, ф. 3, оп. 1, д. 18, л. 2, 10.

следнего сохраняется только пара почтовых поездов. Съезд представителей харьковского гарнизона постановил отстранить от должности начальника гарнизона Курилко. 21 октября солдаты, прибывшие в г. Красный Холм Тверской губернии, разгромили ренсковые погреба и начали грабить имущество окрестных землевладельцев. В тот же день на Ладожском канале у с. Лаврова толпа крестьян напала на баржу с хлебом, следовавшую в Петроград, и начала самовольно разгружать ее. В Саратове городская дума ассигновала миллион рублей до конца года для создания специальной милиции по борьбе с анархией. Трамвайные события в Ростове-на-Дону продолжались: в полдень 21 октября произошло побоище между солдатами местного гарнизона и трамвайными служащими. Последние объявили забастовку и заявили, что без гарантии личной безопасности на работу не выйдут. В Кременчуге 21 октября был разгромлен вишневый склад и склад Общества Красного Креста, убытки были очень велики. Погром прекращен только войсками, высланными из Полтавы. В Нижнем Новгороде 22 октября было получено известие о том, что в Ардатовском уезде разгромлено графское имение Клейнмихель и винокурный завод Лашкевича, идет массовое расхищение леса. Съезд уездных комиссаров постановил ввести повсеместно в уездах самоохрану, передать земли и леса земельным комитетам.¹⁶

Таких телеграмм были сотни ежедневно. Они передавались в архивы Министерства внутренних дел, сводились в «Вестник», представлявшийся Керенскому. Члены Временного правительства не успевали осмыслить их и даже прочитать. Они не стремились разобраться в причинах этих явлений и видели в них одну «злосознательную анархию». Правда же заключалась в том, что именно Временное правительство продолжением несправедливой народу войны, затягиванием решения аграрного вопроса, затягиванием выборов в Учредительное собрание, выборов в местные органы власти создало главные предпосылки для столь широкого народного недовольства. Поздно было применять и вооруженную силу, ее не хватало, а, кроме того, население, как это было показано выше, успешно отбивалось от карательных частей и вступало с ними в борьбу. Только решительный разрыв со всей прежней политикой, решительное и немедленное начало мирных переговоров, немедленное объявление о передаче земли в руки крестьян могло спасти власть Временного правительства. Но, как показывает история последней недели существования Временного правительства, оно в целом и прежде всего его глава А. Ф. Керенский были совершенно неспособны на это, не видели во всем этом никакой необходимости и считали свое положение все еще прочным. А между тем не только вся страна уплывала из их рук в руки

¹⁶ Там же, л. 11, 14, 19.

Советов, но и в самом Петрограде с каждым днем все успешнее шла подготовка большевистского восстания.

Пока в Мариинском дворце проходило многоактное и много- часовое представление заседания Временного Совета республики, к вечеру 16 октября заполнился и Актовый зал Смольного института, где началось общее собрание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Среди обсуждавшихся вопросов главным был вопрос об организации Военно-революционного комитета (ВРК). Перед заседанием вопрос этот обсудила фракция эсеров, которая заслушала доклад левого эсера П. Е. Лазимира о ВРК. Но большинство фракции было против создания этого органа.¹⁷ В соответствии с принятыми решениями эсеровской фракции Е. И. Огурцовский заявил на общем собрании Совета, что эсеры не будут принимать участия в прениях по организации ВРК. Это устранение эсеров лишь облегчило большевикам принятие общим собранием требуемого решения, хотя представитель меньшевиков М. И. Бройдо и выступил решительно против создания ВРК, говоря, что «оборона Петрограда — это дело штаба».¹⁸ И. С. Астров от имени меньшевиков-интернационалистов высказался и против создания ВРК, и против выступления. Выступившие затем делегат от Ташкентского Совета на II Всероссийский съезд Советов и представители фронтовых частей «все как один голос требовали немедленного мира и передачи власти в руки Советов».¹⁹ Один из солдатских ораторов прямо заявил, что если эти требования не будут исполнены, то солдаты уйдут с фронта и штыками заставят правительство их выполнить.

Председатель, поддержав большевистское предложение, объявил, что имеются три резолюции: проект организации ВРК, предложенный Исполнительным комитетом Совета, резолюция меньшевика Бройдо против создания ВРК и резолюция Астрова, тоже против и с осуждением выступления большевиков, которое неминуемо будет захлестнуто развязанной им погромной волной. Подавляющим большинством присутствующих была принята резолюция и проект, доложенные докладчиком от Исполкома П. Е. Лазимиром, левым эсером, сотрудничавшим с большевиками. Обсудил Петроградский Совет и продовольственный вопрос, с докладом по которому выступил представитель Центральной городской думы большевик М. К. Владимиров. «Разруха продовольствия все увеличивается, — говорилось в его докладе по отчету «Рабочего пути», — запасы и подвоз уменьшаются с каждым днем. Главный виновник этого — Министерство продовольствия и проводимая им политика. Докладчик смотрит пессимистически на будущее и полагает, что если война не кончится в зимние месяцы, то продовольственная разруха выльется в форму

¹⁷ Рабочий путь, 1917, 18 окт.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

буквального голода для северных областей, а может быть, и для всей России. Нарисовав мрачную картину могущих постигнуть всю Россию бедствий, докладчик видит единственный выход из положения в переходе всей власти в руки Советов».²⁰ Заседание Петроградского Совета закончилось глубокой ночью 17 октября. Оно показало, что Совет все больше укрепляет свои позиции ведущего антиправительственного центра, который активно создает свои военные организации и воинские силы.²¹

В те же ночные часы в десятках петроградских типографий печатались выпуски утренних газет 17 октября, содержавших первые отклики на заседание «предпарламента» 16 октября. «Известия» печатали передовую «Заявление правительства о внешней политике». Поддержав приверженность Временного правительства к формуле мира без аннексий и контрибуций, они в то же время подчеркнули «разительное противоречие между огромным, стихийно сильным желанием мира» среди рабочих и солдат и настроением министра иностранных дел. Орган ЦИК по-прежнему выражал поддержку идеям, высказанным в наказе Скобелеву на Парижскую конференцию. Кадетская и буржуазная пресса, наоборот, требовала от Терещенко скорее отмежеваться от «интернационализма». «Речь» тем не менее поддержала основное направление выступления Терещенко, его «великодержавный» курс. Имелись отклики и на выступление Прокоповича, и на угрозу большевистского «выступления». Так, «Дело народа» писало: «Бьет грозный час внутренней смуты. Не свидетельствует ли он о том, что утратили свое обаяние слова, что дел ждут и в дела лишь поверят? Бьет час выполнения Временным правительством своих обязательств, и формула внутренней политики, ставящая успокоение раньше реформ, долее недопустима». Правозеролевская газета «Воля народа» решительно поддерживала правительство Керенского и выступала против большевиков. «Большевики ушли от организованной демократии, — писала эта газета, — организованная демократия обязана проложить непроходимую грань между собою и большевизмом и мобилизовать свои силы, чтобы дать ему дружный и единодушный отпор. Нужно быть ленинцем или антиленинцем». Эту же тему развивал и «орган социалистической мысли», правоменьшевистская газета «День». «Демократия обязана, — призывала она, — сильной и властной рукой предупредить большевистское восстание. Необходимы действия власти твердой и неколеблящейся, которая импировала бы как сила, с которой пужно считаться».

²⁰ Там же.

²¹ Так, еще днем 16 октября Исполком Совета заслушал доклад отдела Рабочей гвардии и Центральной комендатуры Рабочей гвардии Петрограда о ходе организации красногвардейских отрядов в столице и постановил взять все дело организации и политического руководства гвардией в руки Петроградского Совета (см.: Рабочий путь, 1917, 25 окт.).

Пало сказать, что эти призывы уже запоздали по крайней мере на день. Начиная с 16 октября тактика правительства в борьбе с большевиками изменилась. Меры психологического воздействия, которыми до этого ограничивались власти, были признаны недостаточными. В ночь на 16 октября комиссары и инспекторы Управления петроградской городской милиции совершили по заданию правительства объезд заводских районов. Было установлено, что на заводах Выборгской стороны открыто велась агитация за свержение Временного правительства; приподнятое, хотя и выжидательное настроение отмечалось на заводах Василеостровского района. Нарвская застава внушила представителям милиции особые опасения. У заводских ворот то и дело собирались группы рабочих, среди которых замечались агитаторы, доказывавшие необходимость восстания. У чиновников управления сложилось убеждение, что день и час выступления либо держится в строжайшем секрете, либо еще действительно никому не известен.²² С 8 часов вечера 16 октября по приказу начальника штаба Петроградского военного округа в непосредственной близости от Зимнего дворца были установлены три поста самокатчиков: на Миллионной ул., на Полицейском мосту и у Александровского сада напротив Гороховой. «Цель учреждения постов, — говорилось в приказе, — своевременное сообщение в штаб округа сведений в случае движения к Зимнему дворцу толп манифестантов или вооруженных людей».²³ Было приказано усилить артиллерию охраны Зимнего дворца с двух до шести орудий, для чего к 2 часам дня вызывались дополнительные расчеты из артиллерийских училищ. К 6 часам вечера 17 октября в Зимний дворец вызывалась 2-я Ораниенбаумская школа прапорщиков. Весь день 16 октября заседало Временное правительство, которому было доложено, что день выступления еще не назначен большевиками, но, возможно, выступление состоится не 20 октября, а 19-го. Полковник Полковников заверил правительство, что гарнизон вполне надежен и что «выступление большевиков встретит достойный отпор».²⁴

Но среди откликов печати была одна статья в газете «Новая жизнь» от 17 октября, которая не могла не насторожить еще больше Временное правительство. Это была статья меньшевик-интернационалиста В. Базарова «Марксистское отношение к восстанию». В ней он решительно высказывался против восстания, намеченного большевистской партией, заявляя, что она сбивает с толку рабочие и солдатские массы. Он торопился «осветить внутреннее положение» в партии большевиков, утверждая, что в ее руководстве есть тоже противники выступления. «По городу

²² Рабочая газета, 1917, 18 окт.

²³ См.: Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967, кн. 2, с. 264.

²⁴ Там же.

пущен в рукописи листок, — писал Базаров, — высказывающийся от имени двух видных большевиков против выступления. Это немного маловато, товарищи». Речь шла, как мы знаем теперь, о письме Каменева и Зиновьева от 11 октября. Базаров призывал противников восстания в рядах большевистской партии к продолжению раскольнической деятельности, звал их к выступлениям на митингах, чтобы удержать рабочие и солдатские массы от выступления. Вместе с тем он обращался к авторитету Брешко-Брешковской, к левым эсерам, наконец, к Временному правительству с призывом предотвратить выступление, которое несомненно приведет к гибели революции.

Эта статья дала правительству новое подтверждение серьезности намерений большевиков и подхлестнула власти к принятию дополнительных мер против готовящихся выступлений.

Сохранился черновик протокола заседания Временного правительства от 17 октября, показывающий как состояние и построения министров, так и первые серьезные меры, принятые ими в борьбе с восстанием.²⁵ Первым обсуждался Финляндский вопрос. Напомним, что после того, как в начале июля сейм Финляндии, в котором большинство тогда принадлежало социал-демократам, принял закон, значительно расширяющий автономные права Финляндии, Временное правительство распустило этот сейм и назначило новые выборы. Выборы дали победу блоку буржуазных партий. Но и среди них сторонников дальнейшей борьбы за полную независимость Финляндии от России было много. Все это создавало новую угрозу для Временного правительства, так как союз финских сепаратистов с немецкими войсками мог бы привести к оккупации Финляндии Германией и угрозе для столицы с северо-запада. Эти опасения и нашли отражение в пункте «А. Политическое положение» протокола Временного правительства от 17 октября. Запись начинается с характеристики состава нового сейма: 92 социал-демократа, 108 представителей буржуазных партий, из них 26 аграриев. 120 членов сейма — «против правительства». Далее говорится: «Торжественное открытие будет не допущено, тальман будет радикал, и тогда мы имеем оппозицию. Готовится высадка на Оланд, военная обстановка мрачна, на успех рассчитывать и на войска нельзя. Есть опасения за Гаанге: через 4 часа мотоциклисты могут быть в Гельсингфорсе, защищать его трудно, положение крайне ненадежно. Отсутствие дисциплины в войсках озлобило население, образовава гвардия («Schützcorp»), до восстания недалеко. В случае высадки возможно восстание. Областной комитет еще хуже. На перевозку войск надо три недели. Буржуи с социалистами сильно цапаются между собою. А теперь, после Эзеля, активисты подняли голову.

²⁵ См.: ЦГАОР СССР, ф. 6, оп. 1, д. 22, л. 13—18. — Протокол состоит из пунктов «А», «Б» и «В». Записи пункта «В» были опубликованы П. В. Волобуевым в журнале «Исторический архив», 1960, № 5.

Надо готовиться к конфликту. Буржуа идут на компромисс. Есть два проекта. На все уступки Сенат пошел, но за полный вывод войск. Нужно временное урегулирование положения. Для военных вопросов надо $\frac{2}{3}$ голосов, но их получить нельзя. Социалисты могут встать на акт 29 июля 1917 года».²⁶

Затем в протоколе зафиксированы предлагаемые меры. Перспективы отношений с Финляндией по представлениям Временного правительства выглядели так: решение военных вопросов откладывалось до конца войны, международно-правовых — до международной конференции, права русских граждан в Финляндии и установление отношений с Россией должны были быть определены русским Учредительным собранием.²⁷ От имени правительства предлагалось не издавать нового манифеста по Финляндии и внести в сейм «большие пропозиции»; уполномоченному же финляндского генерал-губернатора — вступить в переговоры с партиями о временном положении до принятия законов, оставаясь на почве существующей законности. Представители буржуазных партий предлагали русским властям издать правительственный манифест, который бы разрешил четыре вышеперечисленных вопроса, а они провели бы их одобрение простым большинством в сейме. Юридическое совещание Временного правительства (в котором, добавим от себя, преобладали кадеты, противники всякого предоставления Финляндии независимости) отклонило этот путь. Второй путь, говорилось далее в протоколе, — «пропозиция сейму и затянуть до Учредительного собрания. Тогда конфликт. Созовут сейм по форме правления 1772 г., выберут „правителя“ и будут валять вовсю; при высадке германских войск можно ждать мятежа. Нам тоже придется принять контрмеры: снижение продовольствия, вывод гражданских властей. Если по первому пункту мы заключим соглашение с буржуазией, то скоро нам не дадут покоя социал-демократы».

После пункта «Б» (о военном положении) следует пункт «В» (большевики). Фамилия первого выступающего не названа, скорее всего это министр внутренних дел А. М. Никитин или «уполномоченный по разгрузке» Н. М. Кишкин. Оратор говорит об анархии, жалуется на Петроградскую городскую думу, которая отстаивает свои права на милицию и не дает работать правительственному комиссару под управлением петроградского градоначальника, хотя, как он подчеркивает, кроме милиции у правительства имеется штаб Петроградского военного округа с полковником Полковниковым во главе, подчиненный главнокомандующему Северным фронтом, но имеющий право ввести в столице военное положение. Военный же министр «формально не вмешивается» и мало себя проявляет. Петроградский гарнизон недостаточно верен, «сейчас большевизм в большинстве». Дисципли-

²⁶ ЦГАОР СССР, ф. 6, оп. 1, д. 22, л. 13.

²⁷ Там же, л. 14.

лина в войсках очень слабая, из двух тысяч на занятия приходят 300—400 человек. Большевистские агитаторы на свободе «иждут момента, чтобы встать во главе при удаче». Далее в протоколе следует такая отрывочная запись: «Может быть, пора себя проявить? У нас достаточно силы, чтобы подавить в начале беспорядки, а для паступления, думают, что силы недостаточно. Мы выжидаем и не принимаем некоторых мер, например закрытия газет, призывающих к восстанию, не закрываем митингов в цирке „Модерн“. Коллонтай призывала к разгрому французского посольства! Наша тактика „ожидания событий“ уже вредна (в продовольственном отношении) и страшна (возможность голодных бунтов). Выступление предполагалось на завтра, подлежала захвату Петропавловская крепость (но отложили: силы не собраны, массы не подготовлены), Путиловский завод. Теперь начало на 23-е. Главный начальник — Полковников, а мы только помогаем. Вопрос о митингах — допускаем ли их вне города, или принимать лишь меры, когда придут к центру?».²⁸ Министр труда К. А. Гвоздев, выступивший в прениях первым, уверял, что на заводах «настроение благоприятное» и нужно ждать только выступлений солдат, которые «хотят погромов». Он считал, что ждать выступлений нужно не только со стороны большевиков, но и со стороны правого офицерства, желающего реставрировать старый режим. Гвоздев придавал важность вопросу о лице, которое будет руководить подавлением выступления, и в этой связи указывал, что Полковникова он не знает: «Нельзя допустить перехвата власти, чтобы не очутиться в руках победителя».

Выступивший затем Третьяков сказал, что отношение в Москве к Временному правительству отрицательное. Книжкин призвал к действию — предлагал начать уголовное преследование по всем делам большевиков, привлеченных к ответственности за июльские события, закрывать большевистские митинги — «раз, два, может быть, и не удастся, а если удастся — то будет уже успех». Терещенко заявил, что «надо идти на верную победу, и можно даже вызвать их». В качестве повода для репрессий правительства он предлагал использовать «погромные митинги», призывы к низвержению Временного правительства, выступления газет, разгрузку Петрограда, продовольственный вопрос. «Действовать или нет, — говорил министр народного просвещения Салазкин, — вот что надо решить. Могут нас обвинить, что мы допустили это выступление и вовремя не приняли мер». Гвоздев предложил назначить лицом, которому поручается подавление выступления, Керенского. Он считал, что нужно выработать общий план и отдельных, частичных мер не принимать. Если же оставить таким лицом Полковникова, то «пусть он нам все доложит».

²⁸ См.: Исторический архив, 1960, № 5, с. 83—85; ЦГАОР СССР, ф. 6, оп. 1, д. 22, л. 15—18.

Министр юстиции Малияптович сказал: «Я боюсь перехитрить. Когда будет голод, будет поздно. Поэтому проверить свои силы, принять меры, вызвать выступление и его подавить! Нельзя — отдельные меры. Лицо — это московский командующий войсками (эсер, подполковник Рябцев, — В. С.). Надо держать инициативу в своих руках». Верховский высказался весьма откровенно: «Скучно слушать. Активно выступить нельзя, план есть — надо ждать выступления другой стороны. Большевизм в Совете рабочих депутатов, а его разогнать нет силы. Я не могу предоставить реальной силы Временному правительству и потому прошу отставку». (Вопрос об отставке Верховского, о которой впервые он заявил именно на этом заседании, вырос затем, в последние дни существования Временного правительства, в целую политическую проблему, и подробнее мы коснемся ее ниже).

Никитин констатировал, что положение Временного правительства поколебалось и что «вызов большевикам может быть истолкован против Временного правительства». Прокопович категорически заявил, что он в выступление большевиков не верит, он боится отказа полков выступить на фронт. «Маразм в нас, — признался он, — ибо мы не можем создать власть в стране; пока силы не будет, ничего сделать нельзя».

Адмирал Вердеревский коротко сказал: «Провокации не надо». После этого с заключением выступил Керенский. Естественно, что его прежде всего волновал вопрос о «лице». Главкосев — только начальник войск, а выступление войск должно быть в руках политических. «Должен быть даже штатский, но пользующийся широким доверием, а Полковников — ему подчинен и исполнитель приказаний. Требуются политические знания». Затем он величественно заявил, что «наш разговор — это следствие гипноза Петроградом». Мы не думаем о России. О Петрограде должен думать особый человек с широкими полномочиями. «Я спасаюсь в Ставку, чтобы отдохнуть от Петрограда. Полковников не подходит. Пальчинский очень подходящий человек, но Прокопович его не желает». В конце протокола записано два решения: «1) Просить Гвоздева отменить съезд; 2) Керенский, Никитин, Верховский и Гвоздев». В последнем случае, видимо, имелось в виду создать некое ядро внутри Временного правительства для политического и военного руководства действиями против возможного выступления, нечто вроде «контр-ВРК».

Оценивая в целом значение этого заседания Временного правительства, можно сказать следующее. Большинство министров считали выступление большевиков возможным и вероятным. Оно мыслилось ими как военная демонстрация, солдатская по преимуществу, с попытками захватить военные и государственные объекты (Петропавловская крепость называлась прямо). Можно сделать вывод и о том, что действия большевиков рассматривались скорее как политико-массовое мероприятие, чем как чисто военное. Отсюда преувеличенное внимание к митингам и призывам

запретить их. По целью выступления было низвержение Временного правительства и захват власти Советами («агитаторы во главе встанут в случае удачи»). Некоторые предложения — запретить митинги, закрыть газеты, подавить движение в самом начале — показывают, что большинство членов Временного правительства ожидало полустихийной демонстрации вроде июльской, а никак не тщательного, хорошо спланированного вооруженного восстания. Практически на этом заседании ничего сделано не было: не был ни назначен человек, которому поручалась бы охрана города, не был утвержден или хотя бы предложен план подавления «выступления». Обнаружились серьезные колебания. В то время как буржуазные министры предлагали «вызвать» большевиков, спровоцировать их на преждевременное выступление, военные высказались против этой затеи, а Верховский, заявив, что реальной силы у Временного правительства нет, подал в отставку. Недостаточно серьезно отнесся к угрозе выступления и Керенский. Он призывал отмахнуться от гипноза Петрограда и решил уехать в Ставку, чтобы отдохнуть от напряженной обстановки столицы. Единственное решение — просить отменить съезд Советов.

Но отменить съезд Советов у соглашателей уже не было никакой возможности. На заседании бюро ЦИК, которое состоялось в тот же день, 17 октября, эсеры и меньшевики, идя навстречу Временному правительству, отложили съезд с 20 октября до 25-го. Формально это объяснили тем, что нужно известить по телеграфу все армейские и фронтовые комитеты о необходимости принять участие в съезде, чтобы «придать политике съезда устойчивость и направление, соответствующие интересам всей революционной демократии и революции».²⁹ Так соглашатели, которые, как и министры Временного правительства, связывали начало выступления большевиков с открытием II Всероссийского съезда Советов, полагали, что вырвали для Временного правительства еще неделю отсрочки, чтобы оно получше подготовилось и разгромило большевиков. Решение о переносе съезда порождало проблемы и для большевиков. Но еще большее затруднение создало для них появление коротенькой информации в газете «Новая жизнь» от 18 октября под названием «Ю. Каменев о выступлении».

В тот день «Рабочий путь» вышел с объявлением на первой полосе, обращенной к делегатам съезда. Там говорилось, что некоторые члены Организационного бюро по созыву съезда уверяют съезжающихся делегатов, что съезда не будет, и предлагают им возвращаться домой. Газета заверяла рабочих и солдат, что «съезд состоится». Через всю полосу шла шапка, повторяющаяся затем из номера в номер: «Товарищи рабочие, солдаты и крестьяне! Готовьтесь к Всероссийскому съезду Советов на 20-е октября!».

²⁹ Рябинский К. Революция 1917 года. Хрошка событий. Октябрь. М.; Л., 1926, т. V, с. 109.

Газета еще не успела отреагировать на отсрочку открытия съезда. Передовая статья «Рабочего пути» называлась «Кому власть?». Она разоблачала соглашательские партии меньшевиков и эсеров, которым несколько раз за время революции власть сама шла в руки, но они каждый раз отказывались от нее, отдавая власть буржуазии и ее ставленникам. «Полупролетарские массы, миллионы деревенской и городской бедноты, — говорилось там, — перешли в лагерь политической партии пролетариата. Она поставлена во главе блока революционных классов и логикой революционного развития в свою очередь поставлена перед вопросом о взятии власти. К этому готовила все время массы наша партия. Либо движение революции вперед, в случае если пролетарии, солдаты и деревенская беднота берут власть; либо революция окончена и начинается движение вспять, если революционные классы власти не берут. Либо диктатура революционного блока, руководимого пролетариатом, либо победа буржуазно-помещичьей реставрации (восстановление старого уклада). Так поставлена задача перед нами. И мы отвечаем не в пример мелкобуржуазным политическим банкротам: рабочий класс в союзе с солдатами и беднейшими крестьянами не отлынивает от власти, не капитулирует перед отечественной буржуазией, поддерживаемой главноуправляющими «союзного» капитала. Революционные классы возьмут власть!».

Редакционная статья называлась «Марксистское отношение к восстанию» и отвечала одноименной статье Базарова из «Новой жизни». Отвечала по существу, заявляя, что у Базарова ничуть не было показано подлинного марксистского отношения к восстанию. «Рабочий путь» давал перевод высказывания из работы «Революция и контрреволюция в Германии» о восстании как искусстве! Мы знаем теперь, что еще в письме «Большевики должны взять власть», написанном 12—13 сентября 1917 г. и тогда же отправленном в ЦК РСДРП(б),³⁰ В. И. Ленин писал о необходимости «вспомнить, продумать слова Маркса о восстании: „восстание есть искусство“ и т. д.».³¹ Следующее его письмо так и называлось — «Марксизм и восстание»,³² а через две недели, 1 октября, в послесловии к рукописи брошюры «Удержат ли большевики государственную власть?» В. И. Ленин дал собственный перевод именно этого отрывка из книги «Революция и контрреволюция в Германии».³³ И теперь перевод этого замечательного политиче-

³⁰ О датировке и порядке написания писем см.: Старцев В. И. Ленинские письма о восстании. — В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1980, с. 87—101.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 240; см. также: с. 487; т. 33, с. 305, 382—383.

³² См.: там же, т. 34, с. 242—247.

³³ См.: там же, с. 335. — Хотя рукопись этой ленинской работы была известна в редакции и готовилась в эти дни к изданию, перевод в «Рабочем пути» отличается от ленинского.

ского урока давал «Рабочий путь» на своих страницах в номере от 18 октября. «Оборонительное положение есть смерть всякого вооруженного восстания, — говорилось там, в частности, — причем оно погибает, не померившись с врагом. Ударяйте на врага, пока его силы разрозненны, подготавливайте новые победы, как бы малы они ни были, изо дня в день; поддерживайте моральный перевес, который первая удача дала вам, перестяните на свою сторону те колеблющиеся элементы, которые всегда уступают более сильному впечатлению и всегда ищут, к кому безопаснее пристать; заставьте врага отступить, прежде чем он соберет против вас свои силы; словом, как сказал Дантон, величайший из известных до настоящего времени мастеров революционной политики, „смелость, смелость и еще раз смелость!“».

Вот какую тактику советует Маркс, комментировала далее газета, а Базаров надеется на «двух видных большевиков», которые будто бы пустили по городу «рукописный листок», обманывающий читателей уверениями, будто эти два большевика имеют за собой поддержку части партии, тогда как в действительности они пребывают в блестящем одиночестве. Таким образом, центральный орган большевистской партии сразу же дал отпор попытке использовать взгляды Каменева и Зиновьева в борьбе против восстания, а заодно дал наглядный урок и им самим.

Но Каменев в интервью «Новой жизни» теперь уже прямо от своего имени и от имени Зиновьева заявил о несогласии с решением партии провести восстание. В интервью было подчеркнуто, что они возражали против проведения восстания до совещания с большевистской частью II Всероссийского съезда Советов. Хотя слухи о большевистском выступлении ходили в Петрограде с конца сентября, особенно усилились с 11—13 октября 1917 г. и не представляли собой тайны, большевики во всех своих публичных выступлениях отрицали наличие принятого уже по этому поводу решения. Каменев и Зиновьев своим выступлением в «Новой жизни» выдали противнику неопубликованное решение ЦК. И поэтому справедлив был гнев В. И. Ленина и большинства членов ЦК РСДРП(б), сурово осудивших штрейкбрехеров. В. И. Ленин, как известно, немедленно, еще 17 октября решил напечатать свое «Письмо к товарищам», а 18 и 19 октября написал еще два письма в Центральный Комитет, требуя исключить штрейкбрехеров из партии. В этих письмах он сделал ряд указаний и относительно срока восстания. Ведь раз противник предупрежден о возможном выступлении до 20 октября, то надо пересмотреть срок восстания, выждать несколько дней, проследить за реакцией противника, а пока ликвидировать отрицательный эффект этого изменнического поступка Каменева и Зиновьева внутри партии.³⁴

³⁴ См.: там же, с. 419—427.

Тем временем на экстренном общем собрании Петроградского Совета вечером 18 октября под непосредственным влиянием выступления Каменева в «Новой жизни» соглашателями был поднят вопрос о «большевистских выступлениях». В ответ на запросы меньшевиков и эсеров Троцкий в своем выступлении говорил лишь о возможном отпоре контрреволюции, если она перейдет в наступление и попытается сорвать Всероссийский съезд Советов.³⁵ Троцкий говорил не о подготовке наступления революционных сил, а лишь об оборонительных действиях. В соответствии со своими взглядами он связывал вопрос об установлении власти Советов с решением II Всероссийского съезда Советов. Этот упор Троцкого на соблюдение легальных рамок передачи власти Советам был тотчас использован Каменевым (Зиновьев в это время находился на нелегальном положении). Взяв слово, он заявил, что в буржуазной прессе его имя противопоставляется имени Троцкого, что взгляды его искажаются этой печатью, а «под всем тем, что сказал тов. Троцкий сейчас», он «подписывается обеими руками».³⁶

19 октября в редакцию «Рабочего пути» направил свое письмо и Зиновьев. Отвечая на ленинское письмо «К товарищам», он писал: «Присоединяясь к вчерашнему заявлению т. Троцкого в Петроградском Совете р. и с. д., я думаю, что мы вполне можем сомкнуть ряды и отложить наш спор до более благоприятных обстоятельств». Заявление Зиновьева сопровождалось примечанием от редакции, в котором говорилось: сделанными Каменевым и Зиновьевым шагами их конфликт с Лениным и партией «можно считать исчерпанным», а «в основном мы остаемся единомышленниками». Таким образом, 20 октября внешне могло показаться, что единство восстановлено. Этот внешний эффект удручающе подействовал на эсеров и меньшевиков, которые не скрывали своего разочарования по поводу ликвидации «раскола» у большевиков.

Но Временное правительство не сумело воспользоваться своим неожиданным преимуществом в дни 18—20 октября, так как было поглощено борьбой с собственным диссидентом, военным министром Верховским, и с теми проблемами, которые, как снежный ком, вдруг выросли после выступления Терещенко и Прокоповича на заседании «предпарламента» 16 октября.³⁷ Как говорилось выше, Верховский еще в конце сентября разработал программу значительного сокращения численности армии, ее переформирования и на этой основе повышения ее боеспособности. Однако про-

³⁵ См.: Известия, 1917, 19 окт.

³⁶ Там же.

³⁷ Некоторые исследования последнего времени пролили дополнительный свет на эти вопросы, особенно в связи с явным вмешательством в политику русского правительства иностранных представителей. Мы опираемся, в частности, на работы Р. Ш. Ганелина «Россия и США. 1914—1917» и А. В. Игнатьева «Внешняя политика Временного правительства».

грамма встречала сдержанное отношение со стороны Керенского, так как казалась ему слишком радикальной. Но еще более неприемлемой он считал разработанную в Ставке программу поднятия боеспособности армии. На совещании в Ставке 27 сентября представители правительства отдали предпочтение программе Верховского, но это не обескуражило контрреволюционно настроенных офицеров из окружения нового начальника штаба верховного главнокомандующего. 16 октября генерал Духонин представил Керенскому доклад о сформировании в течение зимы 1917/18 г. Русской народной армии, которая должна была строиться по добровольческому принципу при активном участии земских, городских, промышленных и общественных организаций. Народная армия должна была хорошо снабжаться, для чего нужно было привлечь частные пожертвования как внутри страны, так и из Англии и США. В новой армии с самого начала требовалось установить высокую дисциплину и не допустить проникновения в нее пораженческих идей. Старая армия по мере создания новой должна расформировываться. Проект этот получил поддержку военных представителей союзников. Керенский утвердил его сразу же после получения.³⁸ Это, конечно, не понравилось Верховскому.

Он после своего выступления в «предпарламенте» 13 октября, где верой и правдой отстаивал интересы русской буржуазии и солидарную политику Временного правительства, переживал глубокий внутренний кризис. Сотни новых сообщений из армии о дальнейшем ее разложении, о непреодолимой тяге солдатских масс к миру, об увеличивающихся успехах большевиков на фронте и в тыловых гарнизонах заставили его усомниться и в собственной программе поднятия боеспособности армии. Как он рассказывал в своих воспоминаниях, подавить большевизм силой уже было невозможно. Поэтому правительство, по мнению Верховского, должно было перехватить у большевиков инициативу в вопросе о мире и приступить к переговорам. Скупые данные об этом мы находим и в приводившемся выше протоколе заседания Временного правительства от 17 октября. Еще более активно Верховский выступил в этом смысле на заседании правительства 18 октября. Но ему возражали Коновалов и Терещенко, доказывавшие, что и военное положение страны, и ее экономические связи требуют продолжения тесного сотрудничества с союзниками. Тогда Верховский вторично заявил об уходе с поста, но согласился исполнять свои обязанности до подыскания нового кандидата в военные министры.³⁹

Пожинал первые плоды своей критики наказа Скобелеву и Терещенко. В 9 часов 50 минут вечера 17 октября открылось заседание комиссии по иностранным делам «предпарламента», где

³⁸ Подробнее см.: Игнатьев А. В. Указ. соч., с. 382—384.

³⁹ См.: Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959, с. 385.

Скобелев был председателем. Дан, исполнявший в это время обязанности председателя ЦИК (за отъездом Чхеидзе), сразу же пошел в атаку на Терещенко, заявив, что тот на вчерашнем заседании «предпарламента» засвидетельствовал свое глубокое расхождение «с тем наказом, который демократия дала своему представителю». Терещенко ответил, что Парижская конференция — конференция правительственная, поэтому и Скобелев, хоть и явится представителем демократии, но будет таким же официальным представителем, как военный и дипломатический. Поэтому и позиция русской делегации должна быть единой. «Между тем, — продолжал Терещенко, — содержание наказа встречает возражения не только в буржуазных кругах, но и в значительной части демократии. Так, насколько известно министру, Исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов и кооперативные организации придерживаются несколько иных взглядов. При таких условиях представители демократии должны дать себе ясный отчет в значении наказа и степени его обязательности и найти пути соглашения с правительством».⁴⁰

Но Дана непросто было взять на испуг. Он сослался на текст правительственной декларации от 8 июля, где о делегате революционной демократии на союзническую конференцию говорилось как о самостоятельной фигуре, а не как о некоем правительственном чиновнике. И потом сам наказ выработан не небольшой группой демократии, а ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов! Публичная же критика министром иностранных дел наказа не ведет к соглашению, весь мир истолкует ее как «нежелание министра считаться с представителем демократии». Терещенко на это грубо ответил, что если «революционная политика» заключается «в причинении ущерба России, то при таких условиях сговориться нельзя». По его мнению, он еще слишком мягко критиковал наказ. Даже голландско-скандинавский комитет социалистов (его манифест был опубликован еще 5 октября) и меньшинство германской социал-демократии готовы предоставить России лучшие условия, чем наказ ЦИК. «Русская демократия должна считаться с возможными последствиями своих шагов, — поучал Терещенко соглашателей, — с этой точки зрения расхождение между нею и правительством логически приводит к признанию необходимости сепаратного мира». Дан обидчиво возразил, что, прежде чем критиковать наказ публично, следовало бы «конфиденциально сговориться с органами демократии». Но ведь и наказ оглашен публично, парировал министр, говоря, что «казалось бы, революционная демократия, столь горячо восстающая против тайной дипломатии, не должна была бы возражать против этого обстоятельства». Наказ вызвал глубочайшее смущение в Италии, Франции и Англии; Румыния чуть не покинула союзнический фронт; союзники выступили против представи-

⁴⁰ Былое, 1918, № 12, с. 24.

теля демократии в конференции, однако правительство отвело эти возражения. Но для того чтобы этот «отвод был оправдан по существу», необходимо добиться единства взглядов делегации, а это невозможно, если признавать данный демократией своему представителю мандат обязательным. Дан опять возражал и предложил считать М. И. Скобелева не полноправным членом делегации, а «комиссаром». При этих условиях каждая сторона осталась бы при своей программе. Терещенко сказал, что правительство по обстоятельствам момента мирится с комиссарами в армии, но и там они нежелательны. Допустить же подобное раздвоение власти в вопросах внешней политики правительство никак не может. Подобно тому как и Временное правительство является хоть и коалиционным, но единым, коалиционной должна быть и делегация.

Дан, отметив еще раз несогласие министра иностранных дел с основами наказа представителю революционной демократии, просил его осветить конкретные вопросы, связанные с союзными соглашениями, т. е. конкретные цели войны с точки зрения правительства. Терещенко заявил, что он всецело это поддерживает, по этому надо посвятить особое заседание. К тому же он спешит на заседание Временного правительства. По предложению Гоца дальнейшее обсуждение было отложено на 9 часов вечера 20 октября.⁴¹

Поздно вечером 18 октября — после пленарного заседания «предпарламента» — Терещенко выехал в Ставку. В его отсутствие начались попытки, пользуясь спорами с ЦИК, добиться отставки Терещенко и поворота иностранной политики Временного правительства. С одной стороны действовали кадеты. Так, «Русская воля» поведала о том, что в «предпарламенте» складывается блок из кадетов, промышленников, кооператоров и правых эсеров, которые хотят заменить Терещенко на посту министра иностранных дел Набоковым. В момент, когда «революционная демократия», как видно из наказа, начинала капитулировать перед кадетами в области внешней политики, Терещенко уже не устраивал кадетов, которые считали его «недостаточно компетентным в вопросах европейской политики».⁴² Кадеты настаивали и на других переменах в правительстве еще до открытия Учредительного собрания. Например, они хотели бы заменить «пассивного и безынициативного» Никитина на посту министра внутренних дел. Поднят был вопрос и о возвращении в правительство Некрасова.⁴³

20 октября в газетах сообщалось уже о том, что вопрос об уходе Терещенко поднят и в самом Временном правительстве (это, конечно, уже действовали Дан и его коллеги из ЦИК) и что правительство колеблется. Вопрос по существу был уже решен, и ждали только возвращения самого Терещенко из Ставки. Но на

⁴¹ Там же, с. 28.

⁴² Русская воля, 1917, 18 окт.

⁴³ Рабочий путь, 1917, 19 окт.

заседании правительства 19 октября буржуазные министры объявили, что отставка Терещенко будет истолкована как уступка «тем требованиям революционной демократии, от которых с таким трудом удалось убедить ее отказаться во время переговоров об образовании коалиционного правительства».⁴⁴ Иначе говоря, раз на отставке Терещенко настаивает и ЦИК, то пусть Терещенко останется.

Одновременно газеты сообщали и о возможном уходе в отставку Верховского. «Вопрос об этом подымался давно, — писал «Рабочий путь» 20 октября, — генерал Верховский не одобрял политики общего состава правительства по отношению к большевикам. Военный министр расходился во взглядах с верховным главнокомандующим А. Ф. Керенским по вопросу о реорганизации армии. Ген. Верховский не соглашался и с мнением главнокомандующего армиями Северного фронта ген. Черемисовым о целесообразности замены петроградского гарнизона другими боевыми частями фронта. Однако на сторону ген. Черемисова встали и Ставка, и верховный главнокомандующий, и совещание в Пскове». Так разногласия в правительстве, грозившие перерасти в очередной кризис власти, стали достоянием гласности.

А. И. Верховский, заявил об отставке, но согласившись временно исполнять свои обязанности, не прекратил борьбы. Он встретился с военными атташе союзных стран и изложил им свой план реорганизации армии. Не имея ничего добавить по существу этого плана, союзники тем не менее были в раздражении и советовали русскому командованию применить опыт французов — расстреливать каждого десятого в непокорных частях. Тогда Верховский обратился к кадетам. Внутри кадетской партии существовало малочисленное течение в пользу мира. В руководстве партии к нему принадлежали В. Д. Набоков, М. С. Аджемов, бар. Б. Э. Нольде. Так, вскоре после образования третьего коалиционного правительства на совещании кадетов с представителями московских общественных деятелей с участием кн. Г. Н. Трубецкого, М. В. Родзянко, А. И. Коновалова, Н. П. Саввина, М. А. Стаховича, В. А. Маклакова, П. Б. Струве и бар. Б. Э. Нольде, В. Д. Набоков поставил вопрос о том, не настало ли время сменить ориентацию в сторону мира. По свидетельству Набокова, к нему присоединился тогда Коновалов, но большинство отвергло это предложение. Теперь по инициативе Верховского вопрос возник вновь.⁴⁵ Дома у Набокова на Морской ул. днем 20 октября собрались кроме хозяина А. И. Шингарев, П. Н. Миллюков, М. С. Аджемов, Ф. Ф. Кокошкин. Верховский развернул свою аргументацию в пользу того, что армия полностью небоеспособна и единственный выход для России — начало переговоров о мире. Миллюков

⁴⁴ Там же, 20 окт.

⁴⁵ Набоков В. Д. Большевицкий переворот. — В кн.: Архив русской революции. Берлин, 1922, т. 1, с. 80—81.

и Шингарев обрушились на военного министра. Тот не сумел защититься. По словам Набокова, на этом заседании он «обнаружил свою несостоятельность и казался каким-то психопатом». Он не получил поддержки даже у Набокова, молчавшего «по психологическим причинам». Более того, Милюков и Шингарев предложили, воспользовавшись прениями по обороне во Временном совете республики и его комиссиях, свалить Верховского и добиться его ухода из правительства.⁴⁶

В эти грозные дни кадетское руководство находилось в бдительном выжидании, чтобы не упустить момент, когда в итоге схватки Временного правительства с большевиками возникнет, по его представлениям, щель, какая-то пустота, через которую кадеты смогут вернуться к власти в стране и круто затормозить дальнейший ход революции. В квартире управляющего Дворянским банком на Адмиралтейской наб., 10 ежедневно собирались министры-кадеты Коновалов, Кишкин, Карташев, примыкавший к ним Третьяков и делегация ЦК кадетской партии — Милюков, Шингарев, Винавер, Аджемов и Набоков. При этом Коновалов, по словам Набокова, имел всегда подавленный и угнетенный вид. «Ах, дорогой Владимир Дмитриевич, — приговаривал он. — Худо, очень худо!». Его угнетал Керенский, доверие к которому Коновалов утратил. Полковник Полковников был Коновалову особенно подозрителен и не вызывал доверия.

Получив отпор со стороны кадетов, Верховский метнулся к эсерам. Однако ЦК партии эсеров не посмел выступить против Керенского.⁴⁷ Верховский не пишет об этом в своих воспоминаниях, но он явно обращался и к Дану, и к Скобелеву. В пользу этого предположения говорят слова Б. Малютина, секретаря комиссии по иностранным делам «предпарламента», имеющиеся в предисловии к подготовленной им публикации трех протоколов комиссии в октябре 1917 г. Он писал там: «Однако академические пререкания в заседаниях комиссии не могли дать выхода из положения, и лидеры советского большинства (ЦИК, — В. С.) решились искать его в изменении правительственной политики или в свержении несговорчивого министра (М. И. Терещенко, — В. С.). С этой целью предположено было использовать наличность разногласий в среде самого правительства, уже тогда не составлявших тайны. Считалось, что некоторая часть членов кабинета готова пойти на дальнейшее приспособление курса внешней политики к новым требованиям революционной демократии. Возможно, что в поисках такого компромисса и был разработан второй проект наказа, исходивший от исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов и по существу являвшийся несколько более приемлемым для правительства изданием скобе-

⁴⁶ См.: там же, с. 82; Милюков П. Н. Указ. соч., с. 173.

⁴⁷ См.: Верховский А. И. Указ. соч., с. 386—388.

левского наказа.⁴⁸ Но наряду с этим в качестве более решительного средства для давления на правительство решено было использовать, по-видимому, А. И. Верховского. В итоге всех этих соображений и соответствующих закулисных переговоров намеченное было третье заседание комиссии по иностранным делам было заменено совместным заседанием этой комиссии с комиссией по обороне. Инсценировка заседания явно бросалась в глаза даже непосвященным...⁴⁹ Остается добавить, что Верховский так же нуждался в трибуне комиссии, предоставленной ему Деню и Скобелевым, как они в его помощи при защите своего наказа против Терещенко. Именно там, на совместном заседании двух комиссий «предпарламента», поздно вечером 20 октября и произошло решающее объяснение между двумя министрами. Но о нем мы расскажем несколько ниже.

Даже сам Керенский в эти дни проявил какое-то колебание в сторону обращения к союзникам с просьбой понять трудности России. 18 октября он дал интервью корреспонденту агентства «Ассошиэйтед пресс» Реннику. Опровергая там слухи о выходе России из войны, он подчеркивал, что стража истощена, и упрекал союзников в недостаточной помощи.⁵⁰

Современный исследователь русско-американских отношений Р. Ш. Ганелин полагает на основании изучения деятельности неофициальных представителей США в Петрограде, прикрывавшихся миссией Красного Креста, У. Б. Томпсона и Р. Робинса, что около 18—19 октября эти деятели пытались провести в жизнь фаптастический план, который соединил бы в одно целое Керенского и его правительство и меньшевистско-эсеровский ЦИК на программе обещания переговоров о мире и немедленной передачи земли земельным комитетам. По этому плану Керенский должен был «украсть» у большевиков не только лозунг мира, но и лозунг власти Советов и встать во главе ЦИК. С этой целью Томпсон посетил Керенского и сказал ему: «Не мог ли бы премьер завоевать на свою сторону Совет и украсть лозунг большевиков, при-

⁴⁸ Этот проект требовал самоопределения и для народов, территории которых были заняты немецкими войсками и войсками их союзников. Наказ Всероссийского Совета крестьянских депутатов требовал для заключения мира освобождения всех российских территорий, захваченных неприятелем, передачи вопроса о самоопределении народов России на окончательное рассмотрение Учредительного собрания. Он указывал на необходимость самоопределения и для германской и австрийской частей Польши при международных гарантиях. Требовалось частично возместить убытки Бельгии, Сербии и Черногории, оставить Добруджу Румынии и пр. В целом этот проект, составленный правэсеровской группой руководства Совета крестьянских депутатов, существенно отходил от принципов демократического мира без аннексий и контрибуций и шел навстречу не только Временному правительству и Терещенко, но и программе кадетов и российской империалистической буржуазии.

⁴⁹ Былос, 1918, № 12, с. 7—8.

⁵⁰ Подробнее см.: Г а н е л и н Р. Ш. Указ. соч., с. 392, 395.

плав главный пункт большевистской программы и сам произведя раздел земли?».⁵¹ В ответ Керенский стал жаловаться на то, что союзные послы травят его, оказывают давление, пользуясь кредитами. Керенский, по словам Томпсона, соглашался на этот план, требуя, чтобы союзники признали факт существования Советов и не возражали бы против разговоров о мире, которые приходилось вести ему и лидерам ЦИК. «Почему союзники никак не могут по-настоящему понять Россию? Они заставляют меня в течение двух третей времени говорить ради них в западноевропейском либеральном духе, и мне остается всего одна треть на разговоры в духе российского славянского социализма, необходимые для того, чтобы продержаться еще 24 часа»,⁵² — сказал Керенский. Весьма справедливы предположения Р. Ш. Ганелина о том, что ЦИК отнесся к этой идее сдержанно. Более того, после выступления Терещенко 16 октября в «предпарламенте» и резкого обострения полемики между Даном и Терещенко на заседании комиссии по иностранным делам 17 октября главным условием для ЦИК в создании тесного союза с Керенским было решительное выступление последнего в пользу наказа Скобелеву, в пользу немедленного обращения к союзникам с призывом начать мирные переговоры. Здесь, как мы знаем, лидеры ЦИК поддержали Верховского против Керенского. На чью же сторону мог стать последний? Как показывало его интервью (которое было опубликовано за границей только 20 октября), его внутренняя позиция была гораздо ближе к позиции Терещенко. В этом направлении и развивались события в напряженные дни 20—21 октября 1917 г. Поэтому и план Томпсона и Робинкса оказался обреченным на провал прежде всего по внутривластическим причинам в России.

18 октября состоялось очередное, шестое, заседание «предпарламента». Первым обсуждалось законодательное предположение 30 его членов о борьбе с погромным движением и другими нарушениями революционного порядка. Было решено передать его на предварительное рассмотрение комиссии по выработке мер для укрепления основ республиканского строя и борьбы с анархией и контрреволюцией. Затем было заслушано и одобрено обращение к министру-председателю с вопросом о том, предполагает ли Временное правительство внести на рассмотрение «предпарламента» проект положения о земельных комитетах.

Но дальше в работе «предпарламента» случился конфуз. Когда президиум решил закончить прения «формулой перехода», т. е. политической резолюцией, то выяснилось, что ни один из пяти предложенных проектов не собрал большинства. Правый

⁵¹ Там же, с. 391.

⁵² Там же, с. 392. — Факт посещения Томпсоном Керенского подтверждается и наличием визитной карточки Томпсона, подписанной в деле канцелярии министра-председателя среди бумаг за 17—21 октября 1917 г.

эсер Н. В. Чайковский огласил проект, согласованный фракциями народно-социалистической партии, кадетов, кооператоров, радикально-демократической партии, казачьей и торгово-промышленной групп и некоторых национальных. Эта формула поднимала все «реформы» правительства первоочередной задаче «отражения врага и защиты целостности и независимости родины». Она была направлена, в частности, против демократических организаций в армии, выдвигая по существу корниловское требование ограничения прав и обязанностей комитетов и комиссаров, чтобы «этим прекратить дальнейшее присвоение государственной власти не уполномоченными на то лицами и группами». При первом голосовании за эту контрреволюционную программу проголосовало 141 против 136 при 6 воздержавшихся. Меньшинство потребовало поставить «формулу перехода» на поименное голосование путем выхода в двери. Теперь за было только 139. Но и против — 139! А один человек воздержался. В итоге формула, которую стремились протащить правые и умеренные круги «предпарламента», провалилась. «Формула перехода», предложенная эсерами, получила только 95 голосов. Против нее голосовали 127 человек, 50 — воздержались. Проект меньшевиков получил только 39 голосов, левых эсеров — 38, меньшевиков и левых эсеров — 42. Предпарламент оказался разорванным на противоположные фракции, ни одна из которых не имела большинства. Вот и опора для Временного правительства! Как отмечало в передовой статье от 19 октября «Народное слово», «Предпарламент» не в состоянии был высказаться по вопросу об обороне и даже выразить какое-то определенное мнение. Что же от него ждать? Газета народных социалистов видела причину этого в том, что «массы заражены большевистской пропагандой, а эсеры и меньшевики не отмежевываются от большевиков и принимают половинчатые решения». «Воля народа» от 19 октября назвала это событие «скандальным», а «День» тогда же писал: «Случилось то, чего можно было опасаться. В Совете республики не оказалось большинства. Не оказалось большинства, а значит — и вообще какого-либо мнения по самому важному вопросу момента, об обороне». «Рабочая газета» видела корень зла ситуации в «уходе большевиков», который лишил «революционную демократию» перевеса. Мнения соглашательской прессы подытожила эсеровская газета «Дело народа»: «Как придаток к верховному бюрократическому управлению, вершащему дело помимо него, Совет республики, конечно, никакой ценности не имеет. Больше того, самый смысл его существования теряется». Такими были отклики прессы на следующий день.

Но в тот же самый день, 18 октября, члены Совета республики, несколько смутившись фактом невозможности принятия общей резолюции, открыли столь же «плодотворные» прения по докладу Терещенко о внешней политике правительства. Присутствовали при этом Коновалов, сам Терещенко, Вердеревский и

Гвоздев, а в дипломатической ложе сидели американский, русский и сербский посланники.

С большой речью на этом заседании выступил лидер кадетской партии Милюков. Против ожидания он не стал критиковать Терещенко, а предпочел договаривать за него полным голосом о тех «национальных интересах» России, которые, по его мнению, перечеркивал наказ Скобелеву. Он обрушивал громы на интернационализм русских социал-демократов и обвинял большевиков ... в славянофильстве! «Дворянин Лениц, — заявлял Милюков, — только повторяет дворянина Киреевского, когда утверждает, что из России придет новое слово, которое возродит обветшавший Запад...».⁵³ Анализируя на свой манер наказ Скобелеву, он выделял в нем мысли общепацифистские, «голландско-скандинавские», т. е. об условиях мира в пользу Германии, и «специфически-советские», которые фактически являются воспроизведением германских стремлений и вызывают «чувство негодования и жгучего стыда». Милюков отводил обвинения Терещенко в том, что при нем и Гучкове Россия была ближе к сепаратному миру. Нет, заявлял он, тогда представители армии приветствовали правительство и предлагали защитить его от Советов и большевиков, а теперь они идут в Совет и предлагают арестовать правительство.

Но кончить прения на этом заседании не удалось, и они были перенесены на 20 октября, так как Терещенко, как указывалось выше, должен был выехать в Ставку. Перед своим отъездом министр составил телеграмму послам в Париже, Лондоне, Риме и Вашингтоне, которую должны были отослать 19 октября, но при всеобщей нервности и неразберихе отправили из Министерства иностранных дел только 23 октября. Телеграмма весьма откровенно раскрывает как направление согласованных решений во Временном правительстве, так и взгляды самого Терещенко. В ней, в частности, указывалось, что прения в «предпарламенте» о внешней политике, являющиеся как бы естественным продолжением прений об обороне, обнаружили значительные разногласия. «Большую сплоченность проявила правая часть Совета, а в социалистических партиях намечаются все более глубокие расхождения». Терещенко решительно высказывался против наказа Скобелеву и считал, что наказ Совета крестьянских депутатов «стоит на более государственной точке зрения», раскрывает обе стороны демократической «формулы мира», не толкуя принципа самоопределения народов «в ущерб только интересам России». Далее указывалось, что «завтра» прения будут продолжаться, что Терещенко предполагает вернуться, чтобы возразить на некоторые утверждения его оппонентов.⁵⁴

⁵³ См.: Милюков П. Н. Указ. соч., с. 162—165.

⁵⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1917, д. 152, ч. 1, л. 28.

Уделяя главное внимание вопросу об обороне, а вернее, конфликту с Верховским, помня о внешнеполитических проблемах, Парижской конференции и наказе Скобелеву, Временное правительство пребывало теперь в постоянном беспокойстве относительно «выступления большевиков». Даже в этой телеграмме Терещенко послам в союзных столицах, которую мы только что цитировали, говорилось далее о «готовящемся выступлении большевиков». Министр указывал, что съезд Советов, первоначально назначенный на 20 октября, теперь на несколько дней отложенный, возможно, и вовсе не состоится. Терещенко сообщил, что против съезда выступили армейские организации, предоставившие свои силы в распоряжение Временного правительства. Опираясь на них, правительство намерено твердо подавлять могущие возникнуть беспорядки. Все же, считал Терещенко, «опасность их возникновения не устранена».⁵⁵

Надо сказать, что 17 октября было опубликовано обращение начальника Генерального штаба генерала Марушевского к населению об оказании помощи военной контрразведке, которой за время с 1 мая по 1 октября удалось изобличить 24 неприятельских шпиона. Марушевский спешил сообщить, что число арестованных по подозрению в шпионаже, но еще не изобличенных гораздо больше. Но так как к задачам неприятельской разведки было отнесено «разрушение дисциплины в армии путем пропаганды анархии и мира», «возбуждение солдат против командного состава, клевета и инсинуации против высших командных лиц, агитация против союзников и т. п.»⁵⁶ стало ясно, что число арестованных по этим поводам можно было довести до сотен тысяч, а заодно и начать преследование большевистской партии. Скрывая эту истинную цель, генерал Марушевский клялся, что контрразведка исключительно заботится о военной мощи государства и «совершенно нейтральна к политическим партиям». Но кто-кто, а большевики помнили, что преследования против большевиков в июльские дни вела военная контрразведка и именно за контрразведкой числились сотни арестованных солдат и офицеров по делу 3—5 июля.

Во исполнение решений, принятых на заседании Временного правительства 17 октября, протокол которого мы приводили выше, 18 октября был опубликован приказ главнокомандующего армиями Северного фронта генерала Черемисова. Ссылаясь на телеграмму верховного главнокомандующего Керенского, генерал Черемисов объявлял о подчинении ему Петрограда, Кронштадта и Финляндии «со всеми войсками, управлениями, учреждениями и заведениями, состоящими в ведении главнокомандующего войсками Петроградского военного округа».⁵⁷ Далее в приказе гово-

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Вестник Временного правительства, 1917, 17 окт.

⁵⁷ Там же, 18 окт.

рилось: «Выделять особый отряд для охраны Временного правительства и города не представляется необходимым; распоряжение по принятию мер к охране спокойствия и безопасности столицы остается за Временным правительством». Мера эта, как видим, не затрагивала безопасности Временного правительства (в отличие от подобных планов в период подготовки Корниловым своего выступления), а была направлена против войск петроградского гарнизона, которые отныне могли быть по приказу Главкосева выведены из столицы. Ведь именно об этом предупреждал Прокопович на заседании правительства 17 октября: «Я в выступление не верю, но боюсь отказа полков выступить на фронт». Готовился и целый ряд других мер по наведению «порядка» в армии в духе репрессивной части «программы Верховского». Одновременно усиливались наблюдение и охрана в столице. Еще 17 октября было напечатано объявление главного начальника округа полковника Полковникова по поводу слухов о предстоящих вооруженных выступлениях на улицах Петрограда. Он предупреждал, что подобные выступления выльются в погромы и напоминал о распоряжении правительства о «запрещении на улицах Петрограда всякого рода митингов, собраний и шествий, кем бы они ни устраивались».⁵⁸ Он предупреждал еще раз, что попытки нарушения порядка будут пресекаться «самыми крайними мерами».

18 октября полковник Полковников издал приказ по частям гарнизона, возлагавший на воинские части оказание содействия милиции, требовавший задерживать всех агитаторов, призывающих к вооруженному выступлению, и не допускать уличных демонстраций. 19 октября офицерам гвардейских частей было приказано прибыть в части в 9 часов утра и находиться там неотлучно впредь до особого распоряжения. На важнейшие объекты города высылались усиленные воинские караулы. Караулы на междугородной телефонной станции было приказано находиться там «впредь до наступления спокойствия в городе, до 24 октября включительно». 19 октября последовал приказ о действиях на случай тревоги отряду войск, охранявшему Зимний дворец. В его составе были 650 юнкеров 1-й и 2-й Ораниенбаумских школ прапорщиков, пулеметная команда 2-й Ораниенбаумской школы с 6 пулеметами, 6 орудий Михайловского артиллерийского училища и 7 броневиков бронедивизиона. По сигналу «сбор» юнкера должны были двумя цепями опоясать Дворцовую площадь, привести в боевую готовность артиллерию.⁵⁹

Комиссары милиции получили предписание установить круглосуточное дежурство, держать усиленный резерв милиционеров, «всякие сборища на улицах немедленно рассеивать».⁶⁰ О мерах

⁵⁸ Там же, 17 окт.

⁵⁹ См.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. М., 1957, с. 265—268.

⁶⁰ Речь. 1917, 21 окт.

правительства «Рабочая газета» писала 20 октября: «Несмотря на то что слухи о выступлении большевиков 20 октября, по-видимому, не оправдаются, вчера были осуществлены все те мероприятия по охране безопасности столицы, которые были решены на совещании с участием министра-председателя, военного министра, министра внутренних дел и главнокомандующего округом. На окраинах города расположены сильные воинские заставы, задача которых не допустить массовых сборищ и эксцессов. Места расположения этих застав соответствуют большей или меньшей опасности в смысле возможных выступлений. Кроме того, установлены конные казачьи патрули, разъезжающие всю почу в определенных районах города. По всему Петрограду находятся скрытые конные резервы, которые в любой момент должны по вызову прибыть для подавления беспорядков». Засады, паряды, караулы могли быть эффективными только в борьбе с неорганизованными толпами демонстрантов, но не для противодействия планомерному захвату города, который готовили большевики. Но защитники Временного правительства были слишком низкого мнения об организационных и военных способностях своего противника, чтобы допустить такую возможность. Все же то обстоятельство, что правительство после 16—17 октября получило доказательства действительного решения большевиков организовать выступление и приготовилось к его подавлению, показывало, что В. И. Ленин был прав, предложив временно отсрочить начало восстания. Оно вызвало бы лишние жертвы. Принятые правительством шаги раскрыли теперь его тактику, что позволило большевистскому штабу восстания выработать собственные контрмеры.

Страницы «Рабочего пути» за 19—20 октября позволяют проследить и за публичной реакцией большевиков на меры Временного правительства по недопущению восстания. Если накануне, 18 октября, передовая статья «Кому власть?» центрального органа большевистской партии прямо ставила вопрос о том, что момент для взятия власти настал, революционные классы возьмут власть, то в передовой статье «Программа контрреволюционного „дерзания“», напечатанной в номере от 19 октября, тон был несколько снижен, снова говорилось об инициативе контрреволюционных сил в наступлении на революцию, а действия рабочих и солдат назывались оборонительными. Там, в частности, говорилось, что «ген. Черемисов, главнокомандующий Северным фронтом, предъявил петроградскому гарнизону ультиматум. Ультиматум этот в свою очередь основывается на „стратегических“ соображениях, как и вывод войск перед корниловскими днями тоже происходил по „боевым“, а не по политическим соображениям». Речь шла о приказе о выводе войск, подчиненных теперь главнокомандующему Северным фронтом. Эта мера была расценена как провокация со стороны правительства на гарнизонном собрании, состоявшемся по инициативе военного отдела Исполкома Петроградского Совета в Смольном 18 октября.

«Петроградский Совет, — писала газета, — постановил образовать и уже образовал Военно-революционный комитет для руководства революционной обороной города. В этом комитете сосредоточен контроль над выводом войск. Этому комитету объявил войну помощник главнокомандующего округом Козьмин, доблестный пособник корниловских затей, поспешивший заявить, что штабу ничего „официально“ не известно „об образовании какого-то Военно-революционного комитета“ и что штаб не допустит вторжения этой „новой революционной организации“ в компетенцию „законно существующего штаба округа“. Большие и малые Козьмины работают на новую корниловщину, как вольно или невольно работали они в августе на текинском любимце. Ибо новая корниловщина готовится вовсю».

«Рабочий путь» призывал сознательных солдат на фронте не допустить, чтобы их натравили на революционный Петроград. Дело идет о защите революции тут и там, о защите солдатских организаций, о борьбе с помещиками, капиталистами и их прислужниками. Вождем в этой борьбе революционных классов является Петроградский Совет, а с ним Московский и десятки провинциальных Советов, против них — «обнаглевшая свора кадетов и полукadetов, корниловцев и полукорниловцев». «Рабочие, крестьяне, солдаты Петрограда и фронта! — говорилось в конце статьи. — В час, когда смыкаются ряды врагов революции, — все под знамя Петроградского Совета! Пусть „дерзание“ обнаглевшей контрреволюции разобьется о ваш железный отпор!».

С этого номера газета начала печатать «Письмо к товарищам» В. И. Ленина, полное веры в победу восстания, открыто призывавшее к его проведению и победе над Временным правительством. Значение этого письма для планомерной подготовки восстания было тотчас отмечено печатью. Даже «Новая жизнь» почтительно писала 20 октября: «Тов. Ленин решительно вмешивается в тот спор о ближайших задачах дня, который идет теперь в рядах большевиков, бросает свое властное слово на чашку весов... Письмо посвящено „восстанию“. Для Ленина „выхода нет, не может быть, кроме диктатуры корниловцев или диктатуры пролетариата“». Передовая «Рабочего пути» от 20 октября называлась «Бесконечная война» и разоблачала внешнюю политику Временного правительства, преклоняющуюся перед союзниками и направленную на затягивание войны. «В скором времени должна собраться „союзная“ конференция, если не будет вновь отложена. На эту конференцию поедет сахарный миллионер и министр иностранных дел Терещенко, если до тех пор не уйдет в отставку. На эту конференцию поедет и бывший министр Скобелев, если на это согласится Бьюкенеп. Так решаются вопросы тайной дипломатией», — гласило начало статьи. Используя заявления союзных министров, «Рабочий путь» показывал, что эта конференция собирается вовсе не для обсуждения целей войны, а для обсуждения лучших способов ее ведения. Эсеры и

меньшевики еще раз обманывают народ, обманывают миллионы солдат, тниющих в окопах. Империалисты требуют от русской армии, чтобы она держалась до весны, а весной обещают победу, «ибо империалисты надеются, продолжая войну, взять измором и русскую революцию. Ибо бесконечная война, надеются они, положит конец русской революции». Но доверие масс к соглашателям теперь изжито. Дело мира должно быть изъято из рук полукорниловского буржуазного правительства и передано в руки рабочих, солдатских и крестьянских масс. Правительство Советов «одно может положить конец бесконечной войне, порвать „ненарушимые“ (в глазах буржуазии) договоры, предложить общий мир, установить немедленное перемирие». Слово за рабочими, солдатами и крестьянами, которые должны сделать свой выбор. Но можно не сомневаться в том, каким он будет.

Вслед за передовой газета печатала редакционную статью «Окружили мя тельцы мнози тучны». Она целиком была посвящена реакции на слухи о выступлении. «Большевики дали клич: быть готовым! — говорилось в статье. — Вызван он обострением положения и мобилизацией сил контрреволюции, которая хочет напасть на революцию, сдав столицу Вильгельму, которая намерена обескровить столицу, выведя из нее революционную армию». Этот клич понят не всеми одинаково. Рабочие поняли его правильно и начали вооружаться, а «умные» и «просвещенные» интеллигенты подняли вой, допрашивая большевиков о «сроке восстания». «Буржуазия знает, где раки зимуют, — продолжала газета, — она взяла да „без лишних слов“ выставила пушки у Зимнего дворца, ибо у нее есть свои прапорчики и юнкера, которых, надеемся, история не забудет». Намекая на статью М. Горького «Не могу молчать», в которой тот решительно высказался против нового выступления, сравнивая его с июльскими днями, вызвавшими многие сотни жертв, «Рабочий путь» говорил: «А перепуганным неврастеникам из „Новой жизни“ невмоготу стало, ибо они „не могут больше молчать“ и умоляют сказать, наконец, когда же выступят большевики. Словом, если не считать рабочих и солдат, то поистине: „Окружили мя тельцы мнози тучны“, клеветца и донося, угрожая и умоляя, вопрошая и допрашивая».

Итак, изучая материал большевистских газет за 19—20 октября 1917 г., внимательный наблюдатель мог сделать вывод, что большевики явно отложили свое выступление по крайней мере до начала работы II Всероссийского съезда Советов, а то и дальше. Временное правительство получало новую отсрочку.

ОТСТАВКА ВЕРХОВСКОГО

Начался день 20 октября 1917 г. Выступления большевиков не произошло в этот день. Впрочем, Временное правительство, приняв посильные меры безопасности, продемонстрировало их

как проявление своей силы. Еще протокол заседания правительства от 17 октября свидетельствует о его предположениях, что восстание перенесено, но страх, конечно, оставался. Теперь, когда ночь на 20-е прошла спокойно, нужно было готовиться к новым срокам. Первый из них наступал 22-го: на этот воскресный день было назначено мероприятие Петроградского Совета — кампания митингов и концертов для сбора средств в кассу Совета — или сразу 25-го, в день открытия съезда Советов. В Смольном институте царило оживление, здесь все было проникнуто радостным ожиданием новых событий. К 20 октября было закончено в основном формирование Военно-революционного комитета. ВРК установил непрерывное дежурство, связь с районными Советами и войсковыми частями Петрограда. 20 октября состоялось первое пленарное заседание ВРК, которое заслушало доклад организационного бюро. В связи с намеченным на 22 октября крестным ходом казаков ВРК принял ряд мер для недопущения эксцессов. В этот же день состоялось важное заседание ЦК РСДРП(б), которое приняло ряд мер по ликвидации последствий штрейкбрехерского выступления Каменева и Зиновьева.¹

Совсем другое настроение царило в правительственном лагере. 20 октября командир самокатного батальона получил распоряжение послать в Зимний дворец для усиления караула еще 40 самокатчиков. Из трех отделений бронедивизиона одно было приказано держать постоянно во дворе Зимнего дворца, другое в полной готовности в Михайловском манеже. Охрана самого манежа была увеличена до 40 человек. Был создан небольшой военный резерв в Аничковом дворце из двух сотен казаков и 50 солдат Семеновского полка.² 20 октября газеты опубликовали распоряжение об аресте В. И. Ленина. Приказ был подписан А. Ф. Керенским и министром юстиции П. Н. Малянтовичем. Поводом для него послужили полученные правительством сведения о том, что В. И. Ленин нелегально появился в Петрограде.³ Все эти меры отражали страхи правительства перед еще возможным в этот день «выступлением». Но они не могли серьезно помешать планам большевиков.

Днем 20 октября состоялось седьмое заседание «предпарламента». На нем продолжались прения по вопросу о внешней политике. Выступили Дан, Ланинский, Дживилегов, Струве и Чернов. Печальную известность получило выступление Струве. Он заявил о поддержке генерала Корнилова и о солидарности

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917—февраль 1918. М., 1958, с. 106—108. — Подробнее о подготовке восстания в эти дни см.: Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967, кн. 2, с. 270—275.

² Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. М., 1957, с. 270—272.

³ Новая жизнь, 1917, 20 окт.

с ним. По предложению Милюкова это контрреволюционное заявление было поддержано овацией всей правой части «предпарламента».⁴ «Мы признаем имя Корнилова честным, что бы ни говорили. И за это честное имя мы отдадим нашу жизнь» — эти слова Струве, бывшего легального марксиста, а теперь корниловца, стали лозунгом правых сил в эти невероятно напряженные дни октября 1917 г. Меньшевики и эсеры, занятые борьбой с большевиками и защитой «скобелевского наказа», проглотили это оскорбление со стороны «правых». Чернов в своем политическом дневнике сокрушался, что «предпарламент» не стал органом «реальной коалиции»: «Законодательными правами он не обладает. Что же он такое? Место, где Чернов будет ломать копыя со Струве и Милюковым, Дан с Аджемовым? Но разве в этом сейчас пуждается страна? Увы! Бытие нашего Предпарламента обогатит наш словарь неологизмов, в котором пестрой толпой проходят перед нами „Румчерод“, „Викжель“, „Центробалт“, „Осотоп“, еще одним словечком — „Словотоп“!».⁵ Но это было просто зубоскальством, столь свойственным эсеровскому лидеру. Настоящую отповедь корниловцам-кадетам, их покровителям из Временного правительства и невольным пособникам из меньшевиков и эсеров дали только большевики в передовой «Рабочего пути» от 22 октября под названием «Флаг поднят».

Закулисная активность в правительственных и околоправительственных делах была особенно высока в день 20 октября. В этот день вернулся из Ставки министр иностранных дел Терещенко. Даже в Ставке, как передавали газеты, его жесткий план относительно Парижской конференции и вопроса о начале мирных переговоров не встретил полной поддержки. Узнав о том, что в его отсутствие распустились газетами слухи о его отставке, Терещенко немедленно поехал к Керенскому и имел с ним продолжительную беседу. Керенский высказался против ухода Терещенко с поста министра иностранных дел, указав, что момент для этого крайне неподходящий. В то же время он призвал его попытаться «найти общий язык с представителями демократии», ибо участие их представителя в составе правительственной делегации должно усилить значение последней в глазах союзных демократий. В итоге решено было, что Терещенко останется главой русской делегации, а состав делегации останется прежним.⁶

Керенский и Терещенко выясняли отношения на третьем этаже Зимнего дворца, а в Европейской гостинице в номере Томпсона в половине 3-го дня 20 октября началось другое засе-

⁴ Речь, 1917, 21 окт.

⁵ Чернов В. М. Страницы из политического дневника. — Мысль, 1918, № 1, с. 262.

⁶ Рабочий путь, 1917, 21 окт.

дание по спасению Временного правительства и удержанию России в войне. Томпсон и Робинс пригласили на это совещание военных атташе, глав военных миссий Англии, Франции и США — А. Нокса, Нисселя и У. Джайсона, а также секретаря А. Ф. Керенского — Д. В. Соскиса и генерала К. Ф. Неслуховского как представителя Военного ведомства.⁷ Томпсон и Робинс изложили свой план союза между Керенским и ЦИК и план раздела помещичьих земель — от имени Временного правительства.⁸ Нокс весьма рассерженно заявил, что Томпсон покушается на принцип частной собственности. Томпсон, сам крупный капиталист, сказал, что он за частную собственность, но выход для России состоит в немедленном громадном увеличении числа частных собственников. Мнение Робинса — без немедленного закона о земле и союза с ЦИК Временному правительству не удержаться, так как 80% русского народа «тяготеет к Ленину». В ответ Нокс и Ниссель стали проклинать и Временное правительство, и Советы, и русский народ. Ниссель даже назвал русских солдат «трусливыми собаками», после чего генерал Неслуховский заявил решительный протест и покинул совещание. Соскис вынужден был последовать за ним. Попытка Робинса и Томпсона привлечь на свою сторону официальных военных представителей стран Антанты провалилась, а с ней провалился и сам план. Центробежные силы между ЦИК и Керенским усиливались в часы и дни. После энергичной перепалки Робинс в конце совещания выразил уверенность, что, возможно, скоро к власти придут большевики.

Поздно вечером центр событий снова переместился в Предпарламент, где в 9 часов 30 минут открылось соединенное заседание его комиссий по обороне и по иностранным делам. Судя по именам участников прений (списка присутствующих в сохранившемся протоколе данного заседания не сохранилось), там были министры Верховский и Терещенко, председатель комиссии по иностранным делам Скобелев (который вел это закрытое заседание), Милюков, Мартов, Богданов, Розенблюм, Кульман, Кускова, Струве, Малевский, Дмитрешко, Савич, Винавер, Дан.

Скобелев, открывая заседание, сослался на тесную связь в настоящий момент вопросов обороны и внешней политики и заявил, что членам обеих комиссий предстоит заслушать весьма секретное сообщение военного министра. Получив затем слово, Верховский сказал, что он «имеет в виду дать комиссиям откровенные и исчерпывающие сведения о состоянии армии».⁹

⁷ Характеристику своеобразной личности К. Ф. Неслуховского см.: Бондаревская Т. П., Великанова А. Я., Сулова Ф. М. Ленин в Петербурге—Петрограде. Л., 1980, с. 234—235.

⁸ Ход этого совещания воссоздан Р. Ш. Ганелиным на основании ряда источников (см.: Ганелин Р. Ш. Россия и США. 1914—1917. Очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969, с. 392—394).

⁹ Былое, 1918, № 12, с. 30.

В тот момент, по данным министра, в армии было 10 млн. 200 тыс. человек, из которых 6 млн. приходилось на фронт и непосредственный тыл, 3 млн. на разные организации военного времени и 1.2 млн. на тыл в строгом смысле слова. Собственно бойцов в армии насчитывалось только 5 млн. 200 тыс. состоят в организациях земского и городского союзов, в Красном Кресте — 100 тыс., на постройке и эксплуатации железных дорог — 600 тыс. Намеченными сокращениями можно уменьшить армию до 9 млн., но, по заявлению министра продовольствия, страна может прокормить армию только численностью в 7 млн. человек. Однако на столь значительное сокращение армии не соглашается Ставка, считая цифру в 9 млн. минимальной для удержания фронта.

Далее он нарисовал мрачную картину финансовых тягот войны, существенно сократить которые нет возможности, показал недостаточное снабжение армии продовольствием и обувью. В последнем случае союзники не выполнили взятых на себя обязательств по поставке сапог русской армии. Половину имеющихся теплых вещей еще не удалось направить на фронт. Авиация вымирает, автомобильное дело в упадке. Армия хорошо снабжена только теплым бельем, артиллерийскими снарядами и винтовками. Еще в худшем состоянии моральный дух армии. «Основной двигатель войны, — записаны там же в протоколе слова Верховского, — власть командного состава и подчинение масс, в корне расшатаны. Ни один офицер не может быть уверен, что его приказание будет исполнено, и роль его сводится главным образом к уговариванию. Но никакие убеждения не в состоянии подействовать на людей, не понимающих, ради чего они идут на смерть и лишения. О восстановлении дисциплины путем издания законов и правил или посредством смертной казни нечего и думать, так как никакие предписания не выполняются. Некоторую роль могли бы играть и еще играют местами выборные комитеты, особенно армейские, но их влияние падает по мере того, как они, становясь на государственную точку зрения, тем самым отрываются от масс, которым эта точка зрения недоступна. Так, в 5-й армии пропаганда большевиков уже одержала верх над более умеренными течениями. Никакого обучения на фронте не происходит. Из командного состава более старые служащие, вплоть до командиров батальонов, еще удовлетворяют боевым заданиям, но младшие офицеры, особенно послереволюционные, обладают лишь самой ничтожной подготовкой. Общий развал особенно развился и усилился под влиянием корниловской истории».

Что касается выхода из этого положения, то, как сказал Верховский, «его, строго говоря, нет», тем не менее он продумал и проводит все меры, которые могли бы способствовать поднятию боеспособности армии к весне 1918 г. Среди них сокращение армии и отпуск старых возрастов, призыв новобранцев

1920 г. и зачисление их в лучшие части, «где они могли бы избежать разложения». Вводится подчинение тыла фронту. Активные фронтовые части получают в свое полное подчинение запасные вплоть до права налагать на них соответствующие кары. Министр предлагал сыграть тут на антагонизме фронта и тыла, когда в ряде частей на фронте высказывается желание «хотя бы силой привести к повиновению тыл». Для борьбы с «анархией» предполагается передать от 100 до 150 тыс. солдат и офицеров в милицию. Одна из задач милиции — борьба с дезертирами. Насчитывается 2 млн. дезертиров, а удалось изловить пока только 200 тыс. Когда же их вернули в армию, то там они еще более активно способствовали дальнейшему разложению войск. Готовятся к изданию новые правила о взаимоотношениях командиров и комиссаров. При этом министр не скрыл своего мнения о том, что само существование института комиссаров является ненормальным, «свидетельствуя о происходящем развале». Тем не менее и это новое положение содержало известную уступку солдатам в направлении выборного начала в армии: требование об аттестации командного состава солдатскими организациями. Но сам министр был против этого, и пока об аттестации решено не упоминать. Верховский полагал, что более правильно было бы предоставить солдатским организациям лишь право мотивированного отвода начальников. Далее Верховский повторил то, что уже говорил на пленарном заседании «предпарламента»: об ограничении компетенции дисциплинарных судов 48 часами после совершения проступка, об учреждении штрафных полков, об улучшении материального положения офицеров. «Изложенная система мер, — говорится далее в протоколе, — является в глазах военного министра максимальной. Действительное же создание дисциплины возможно лишь при наличии силы, на которую можно опираться. Поэтому уже теперь обращается внимание на образование таких надежных частей, для чего поощряется возникновение ударных и добровольческих батальонов, наиболее организованные казачьи и кавалерийские части сводятся в дивизии и корпуса и т. п.». Вся эта программа была предложена вниманию и союзных военных атташе, и они, по словам Верховского, никаких дополнительных мер предложить не смогли.

Конфликт вокруг программы Верховского и самой личности военного министра поневоле заставлял предполагать в нем сочувствие не только идее немедленного заключения мира, но и демократическим силам страны, т. е. наличие у него самого определенных левых взглядов. Но это было не так. Сознательное отношение к этим передовым силам, к большевистской партии в частности, убеждение в необходимости сотрудничества с ними во имя интересов родины пришло к Верховскому значительно позднее. Перед Октябрьским вооруженным восстанием и в первые месяцы после него Верховский — такой же враг боль-

шевиков и большевизма, как и другие представители правительственного лагеря. Но острый взгляд, понимание реального положения в армии приводят этого тридцатилетнего полковника, произведенного Керенским в генералы, к выводу о невозможности для русской армии продолжать войну, приводят его к выступлению и против Керенского, и против других членов Временного правительства. Именно этот факт сделал фигуру Верховского притягательной в дни 17—24 октября для всех борющихся сторон, на нем скрещивались противоположные взгляды и оценки, часто весьма далекие от действительных взглядов и намерений военного министра. Сам же он отразил в данной речи как антивоенные настроения, так и антибольшевистские, и антидемократические.

Так, после изложения своей программы он подчеркнул «разлагающее влияние, которое вносится в армию большевиками». Сам большевизм понимался им весьма своеобразно. «Идейного большевизма, собственно говоря, — сказал Верховский, — в армии вовсе нет; лозунги его воспринимаются лишь для того, чтобы прикрыть ими возможность неисполнения долга, и этим пользуются все так называемые шкурники. При таких условиях всякий призыв к организации, к самоограничению встречает отпор со стороны масс, не понимающих, за что они должны воевать. Всякая борьба с этим явлением заранее осуждена на неудачу. Только крайние меры в виде полного изгнания политики из армии могли бы помочь, но на них не решаются, а если бы и нашлись офицеры, готовые осуществить такую меру, то они были бы немедленно убиты. Совершенно бессильны в этом смысле армейские организации, все более и более теряющие свой авторитет или сами перекрашивающиеся в большевизм».

Далее он суммировал свои наблюдения: сократить армию до желательных размеров нельзя по стратегическим соображениям; в нужном же количестве армия не может быть прокормлена, одета и обута; командовать некому, «большевизм продолжает разлагать наши боевые силы». После этого и последовал главный вывод Верховского, записанный в протоколе так: «Указанные объективные данные заставляют прямо и откровенно признать, что воевать мы не можем. Во всяком случае, сам А. И. Верховский, не обинуясь, заявляет, что не чувствует себя в силах продолжать работать в прежнем направлении и уже просил министра-председателя подыскать ему преемника. Изложенный им план восстановления нашей боевой мощи сам по себе хорош, но А. И. Верховский в него не верит, так как он является лишь паллиативом, не способным преодолеть все более развивающуюся и разлагающую пропаганду мира. Уже сейчас имеются сведения о том, что некоторые части решили, не дожидаясь зимы, уйти из окопов. В ближайшем будущем предстоит съезд Советов, который не преминет усилить эти настроения и общую тягу к миру. Если до сих пор большевики не вы-

ступили для захвата власти, то только потому, что представители фронта пригрозили им усмирением. Но кто поручится, что через пять дней эта угроза сохранит силу и большевики не выступят?».

Верховский повторил утверждения буржуазной пропаганды о том, что движение за мир усиленно поддерживается Германией, и ему-де «достоверно известно, что две выходящие здесь газеты получают средства от неприятеля». «Единственная возможность бороться с этими разлагающими и тлетворными влияниями, — продолжал министр, — это вырвать у них почву из-под ног, другими словами, самим немедленно возбудить вопрос о заключении мира. Реальные данные, на которые мы можем при этом опираться, состоят, во-первых, в том, что мы при всей нашей слабости связываем на нашем фронте 130 неприятельских дивизий, и, во-вторых, в нашей задолженности союзникам, достигающей 20 миллиардов. Такого рода аргументы совершенно достаточны для того, чтобы побудить союзников согласиться на прекращение этой истощающей войны, пужной только им, но для нас не представляющей никакого интереса. Вместе с тем несомненно, что весть о скором мире не замедлит внести в армию оздоровляющие начала, что даст возможность, опираясь на наиболее целые части, силой подавить анархию на фронте и в тылу. А так как самое заключение мира потребует значительного времени на переговоры, то к этому времени можно рассчитывать на воссоздание боевой мощи армии, что в свою очередь благоприятно отразится на самих условиях мира».

Такова запись этого уникального заявления со стороны представителя правительственного лагеря. Надо сказать, что с классово-буржуазной точки зрения Верховский был совершенно прав. Он предлагал пожертвовать империалистическими целями войны, поставить на карту даже отношения с союзниками, чтобы только выбить почву из-под ног большевиков. Робинс и Френсис предлагали сделать это посредством разрешения вопроса о земле, но главным для них было — удержать Россию в войне. Верховский, напротив, хотел перехватить у большевиков лозунг мира. Заключить мир, пусть даже наперекор союзникам (впрочем, он надеялся, что союзники уступят подобному шантажу, боясь потерять свои деньги и экономия жизни своих граждан), но сохранить власть в руках буржуазии, сохранить у власти Временное правительство. Напомним, что именно это по настоянию В. И. Ленина сделали большевики в момент заключения Брестского мира: отдали огромные территории, согласились с нарушением права на самоопределение десятка наций со стороны германского империализма, но сохранили власть в своих руках, сохранили власть Советов, чтобы «додушить буржуазию».¹⁰

¹⁰ Так, в «Речи о войне и мире на заседании ЦК РСДРП(б) 11 (24) января 1918 г.» В. И. Ленин говорил: «Нам необходимо додушить буржуа-

Но это «прозрение» Верховского не встретило поддержки со стороны многословных, но ординарных буржуазных политиков, какими оказались Керенский, Терещенко, а заодно с ними и кадеты. Другое дело, был ли новый политический план Верховского вообще осуществим? Поверил ли бы народ Временному правительству, если бы оно заявило, что немедленно предлагает союзникам вступить в переговоры о мире? Скорее всего, это было безнадежно и маловероятно, хотя и создало бы серьезные трудности для осуществления большевистского восстания. План Верховского был рискованным, но возможным. Для членов же Временного правительства, связанных отношениями с союзниками, развращенных уже полученной ими властью, такой рискованный поворот представлялся катастрофой. И Верховский оказался в одиночестве, его план остался неосуществимым, а сам он был выброшен из Временного правительства. Вот как это случилось.

Председательствующий М. И. Скобелев был доволен речью военного министра, но, по-видимому, и он не ожидал такого. Он еще раз напомнил, что заседание абсолютно секретное, что весь материал Верховского — это материал для суждений о внешней политике, а не об обороне, и предложил задавать вопросы. Первым, естественно, начал задавать вопросы министр иностранных дел М. И. Терещенко, которого заявление Верховского касалось в первую очередь. «Не входят ли в цифру девять миллионов те два миллиона дезертиров?» — был его первый вопрос. Второй: «А как в прошлом году было поставлено снабжение армии продовольствием?» И наконец, третий: «Неужели военный министр полагает, что можно успешно бороться с немецкой пропагандой мира предложением осуществить те цели, которые она себе ставит?» Да и почему мир более выгоден, скажем, тыловому петроградскому гарнизону, а не фронту, более страдающему от войны, и почему последний может найти в себе силы для того, «чтобы браться усмирить праздный тыл»? ¹¹ Верховский, сообщив цифры, на главные вопросы не ответил. Тогда Терещенко сам пояснил, что и в прошлом году нехватка продовольствия составляла 47%, и тем не менее армия устояла. Но пусть все-таки Верховский ответит о причинах разницы в настроениях фронта и тыла и «о целесообразности борьбы с германской пропагандой путем выполнения ее заданий». «Первое — несущественно», — ответил военный министр, но второй вопрос он ставит гораздо шире: «Речь идет не об осуществлении немецких притязаний, а о спасении государства, т. е. о сохранении из него всего того, что возможно по реальному соотношению сил. И только при немедленном активном выступлении в пользу мира эта цель может быть достиг-

зию, а для этого нам необходимо, чтобы у нас были свободны обе руки» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 256).

¹¹ Былое, 1918, № 12, с. 34—35.

пуга. Напротив, при продолжении войны к весне положение еще ухудшится и анархия усилится, особенно если будет плохой урожай».¹²

Скобелев хотел было помочь Верховскому, предложив Терещенко приступить к его сообщению по вопросам внешней политики, но Милюков выступил против, указывая, что доклад военного министра по своей полноте и сложности затронутых вопросов заслуживает немедленного обсуждения. Печорский поддержал Скобелева, который вынужден был поставить вопрос на голосованье. Большинство высказалось за открытие прений по докладу Верховского, но в форме постановки ему дополнительных вопросов. Мартов спросил, пойдут ли фронтовики войной на тыл даже после провозглашения лозунга мира. Верховский был уверен, что пойдут. «Как могут сказаться на поведении союзников те факторы, о которых упоминал военный министр?» — задал вопрос Иков. Верховский пояснил: «В случае нежелания союзников идти навстречу нашим мирным стремлениям союзники должны были бы считаться с неминуемым полным разрушением нашей армии, а это имело бы последствием, во-первых, переброску 130 неприятельских дивизий на союзный фронт и, во-вторых, вероятную невозможность выполнения нами наших финансовых обязательств». После этого Мартынов пожелал узнать, «подвергались ли выводы военного министра обсуждению во Временном правительстве и если да, то как оно к ним относилось, и в частности, имело ли оно в виду какие-либо способы восстановления боеспособности армии?». На это Терещенко быстро ответил, что взгляды Верховского Временному правительству не докладывались и сам он их слышит впервые. «Военный министр, — значит далее в протоколе, — подтверждая формально заявление министра иностранных дел, вместе с тем указал, что сущность его мнений была давно известна Временному правительству. Что касается других планов воссоздания нашей военной мощи, то таковых во Временном правительстве не возникало».

Розенблюм считал, что борьбу с большевизмом можно вести только по существу, т. е. «путем смелых и твердых приемов, удовлетворяющих массы, на которых давно настаивала демократия». На вопрос Сизикова о личном взгляде Верховского на выход из данного тяжелого положения Верховский выразил «убеждение, что весть о том, что мир решен, тотчас вызовет в армии прилив энергии. Тогда найдутся части, которые во имя сохранения страны к моменту мира возьмутся подавить анархию и развал как на фронте, так и в тылу. В результате ко времени заключения мира армия и порядок в стране будут восстановлены, и следовательно, в нашем распоряжении будет вполне реальная сила». Кульман сказал, что немедленный мир означает потерю

¹² Там же, с. 36.

доступа к Балтийскому морю, «крушение надежд, связанных с революцией». Верховский на это ответил, что его интересует спасение страны, а не «завоевания революции». Его оппонент усомнился, может ли мир с аннексиями в пользу Германии считаться «спасением страны». Но Верховский упорно держался своего взгляда, подчеркивая, что пора от громких и красных слов перейти к трезвой оценке положения. «Надо решать, что нам по карману и что нет. Если нет средств для лучшего мира, надо заключать тот, какой сейчас возможен. В противном случае положение только ухудшится».

Кускова ядовито спросила Верховского, знал ли он о таком состоянии армии, когда вступал в должность, делал ли он свои откровения как частное лицо или представитель правительства, и, наконец, имел ли он беседу по этому поводу с представителями союзников? Министр ответил, что кое-что он знал и раньше, но к окончательным выводам пришел только теперь, и это составляет «для него тяжелую личную драму, так как, с одной стороны, уходить в связи с вопросом о мире означало бы вызывать взрыв в армии, а с другой — быть пассивным участником ее разложения он не желает». Шаги же в направлении мира, как он полагает, надо сделать совместно с союзниками. Далее он отметил, что до сих пор никто союзникам правдивой информации еще не давал и они надеялись на боеспособность русской армии. К весне армии будет не в состоянии удержать против себя и 60 дивизий противника. Узнав правду, они отнесутся с большим пониманием к России, особенно после тяжелого поражения Италии при Капоретто. Кускова осталась не удовлетворена ответами.

Малевский спросил, что будет, если союзники не пойдут на наше предложение о заключении мира. В этом случае нам придется подчиниться судьбе, ответил Верховский, «т. е. пройти через такие испытания, как восстание большевиков, которые в случае успеха за отсутствием организационных сил не в состоянии будут создать твердой власти; анархия и все последствия, которые из нее вытекают».

Дальнейшие прения не внесли нового, если не считать постоянных язвительных замечаний в адрес Верховского со стороны Терещенко. Струве, только что днем восхвалявший Корнилова, не мог, конечно, со всем этим спокойно согласиться и предложил прервать обсуждение, пока не будет сообщено мнение правительства по поводу заявления военного министра. Это предложение было горячо поддержано Терещенко, который указал, что он не может выступать от имени правительства ввиду возникших разногласий с военным министром. Скобелев согласился с этим, но дал вначале слово последнему записавшемуся оратору, Мартову. Тот спросил, следует ли понимать заявление Верховского о подавлении анархии в стране «в смысле установления диктатуры». Тот ответил, что «суть не в названии, но что для борьбы с анархией так же необходима сильная единоличная власть, как и для

командования армией, и в этом смысле означенная власть может считаться диктатурой».¹³

После этого председатель обратился к собранию для выяснения вопроса, следует ли перейти к заслушанию заявления министра иностранных дел или отложить его до выяснения точки зрения правительства на заявление Верховского. Дан заявил, что нет никаких оснований откладывать прения по внешней политике, для которых представленных военным министром данных вполне достаточно, чтобы установить степень обороноспособности страны. Это заявление Дана, так же как и позиция Скобелева, а также выступления других представителей «революционной демократии» на этом заседании показывают, что они находились в известном сговоре с Верховским и рассчитывали использовать его в борьбе с Терещенко, поддерживая наказ ЦИК и требуя для своего представителя исключительного места в русской делегации на Парижскую конференцию. Против этого возражали цензовики, которые в обнаружившемся конфликте сразу встали на сторону Терещенко и Временного правительства вообще. Так, Винавер, возражая Дану, сказал, что надо затребовать данные, чтобы проверить заявление Верховского, да и вообще рано обсуждать вопрос по существу, пока не будет устранено обнаружившееся разногласие между министрами. Скобелев, напротив, предлагал Терещенко выступить немедленно, так как именно он официально ответствен за внешнюю политику, а сообщение Верховского — это лишь дополнительный материал для обсуждения вопросов внешней политики. Терещенко сказал, что было бы неуважением к членам комиссии выступать ему здесь сейчас в качестве частного лица, а как представитель правительства он не может выступить, пока не узнает, как правительство отнесется к заявлению Верховского. Милюков заключил, что после этого нужно обсудить вопрос о внешней политике именно в тесной связи с обороноспособностью страны. В итоге «предпарламент», его соединенным заседанием комиссий по иностранным делам и по обороне, постановил большинством голосов рассмотреть технические данные, связанные с докладом военного министра, на особом заседании комиссии по обороне, а затем вновь устроить совместное заседание обеих комиссий для обсуждения вопроса о внешней политике и об обороне. В 0 часов 10 минут 21 октября заседание было закрыто. Задуманное меньшевистскими лидерами ЦИК в пику Терещенко с целью укрепить позиции Скобелева перед Парижской конференцией, оно вышло за рамки своих узких задач. Заявление Верховского поставило ребром вопрос о невозможности для России вообще продолжать войну. Оно было выгодно деятелям ЦИК, которые тоже приходили к выводу, что без демонстрации публичных шагов для заключения немедленного мира им не вернуть пошатнувшегося доверия масс, не справиться с боль-

¹³ Там же, с. 38—40.

шевиками. Но генерал Верховский, обнаруживая поразительную прозорливость в военных вопросах, в политическом отношении, как это особенно выяснилось в его ответе на вопрос Мартова, расходился с деятелями ЦИК. Он предлагал заключить мир, чтобы раздавить анархию и большевизм и установить единоличную диктатуру. Чью? Вряд ли Корнилова, скорее, уж свою собственную. Наличных сил оборонцев не хватило, чтобы навязать комиссии нужное им решение. Терещенко при поддержке цензовиков удалось отсрочить свое выступление. Дуэль между Терещенко и Верховским переносилась теперь на заседание Временного правительства, где первому были обеспечены все преимущества.

Насколько можно судить по сообщениям газет, а также первой редакции воспоминаний Верховского, на заседании Временного правительства в ночь на 21 октября разгорелся сильный спор и скандал. Большинство членов Временного правительства высказались против сути предложений военного министра: немедленного предложения союзникам начать переговоры о мире. Указывалось, что можно найти другие (чисто репрессивные. — В. С.) способы борьбы с большевизмом. На известное сочувствие Верховский мог рассчитывать только со стороны морского министра Вердеревского. Но тот боялся еще выступить открыто и написал мотивированное прошение об отставке только 24 октября, когда конфликт с Верховским завершился отставкой последнего и отъездом его из Петрограда. В итоге на данном ночном заседании отставка Верховского, видимо, еще не была принята и Керенский убедил всех не нарушать единства правительства.¹⁴

Хотя заседание комиссии «предпарламента» было объявлено закрытым и совершенно секретным, информацию о нем раздобыл известный журналист, «разоблачитель-профессионал» В. Л. Бурцев и напечатал ее 21 октября в своей газете «Общее дело». Там говорилось, что генерал Верховский в комиссии по обороне «предложил заключить мир тайно от союзников». Это не соответствовало действительности.¹⁵ Сообщение «Общего дела» вызвало сенсацию и ускорило формальную отставку Верховского. Было решено, что ему предоставляется двухнедельный отпуск по состоянию здоровья. Временным управляющим Военным министерством был назначен генерал Маниковский. 22 октября Верховский отбыл из Петрограда на корабле на Валаам. Однако официальное сообщение об отставке Верховского появилось в газетах только во вторник, 24 октября. Так Временное правительство отвергло последний, хотя и весьма призрачный шанс на собственное спасение.¹⁶

¹⁴ Рабочий путь, 1917, 24 окт.; Верховский А. И. Россия на Голгофе. Пг., 1918, с. 134.

¹⁵ «Несколько петочным» называет сообщение «Общего дела» и Б. Малютин, опубликовавший свою запись протокола заседания комиссий от 20 октября (см.: Былое, 1918, № 12, с. 8).

¹⁶ Опыт португальской революции 1975 г. показывает, что в исключительных случаях буржуазия ради сохранения своего политического гос-

Но пока еще не стало известно об официальном отпуске А. И. Верховского, скандал, вызванный В. Л. Бурцевым, разрастался. Временное правительство по инициативе взбешенного А. Ф. Керенского закрыло «Общее дело». М. И. Скобелев в качестве председателя комиссии по иностранным делам и С. Ф. Знаменский как председатель комиссии по обороне Временного Совета Российской республики опубликовали письмо, опровергающее заметку Бурцева. Но выпад «Общего дела» был продолжен правой газетой «Живое слово», 22 октября поместившей крупно набранную статью «Предательство». В ней говорилось: «То, чего мы так боялись при самодержавии, зацвело пыльным цветом сейчас. Мы к этому даже привыкли. Но вот оказывается, что с господами большевиками согласны и некоторые влиятельные особы. Так откровенно говорить о продаже России немцам никто не решался и при самодержавии, которое было свергнуто за то, что было заподозрено в желании продать Россию. Мы теперь понимаем, почему военный министр Верховский так настаивает на какой-то особенно свободной дисциплине, при которой армия оказывается небоеспособной. Мы теперь понимаем, почему из армии удалены такие генералы, как Алексеев, Брусилов, Рузский, Деникин, Радко-Дмитриев и Корнилов. Армия даже и без оружия во главе с ними побеждала немцев. Мы теперь понимаем, почему к зиме армия осталась без одежды и без хлеба. Мы теперь понимаем, почему взорвались такие заводы, как Казанский, где сразу погибло 10 000 пулеметов. Все это должно было привести и приводит к тому, о чем мечтали Штурмер и Воейков. Измена и предательство опутали Россию и русский народ и ведут его к позору и гибели. Нам предлагают купить мир с немцами ценою предательства наших союзников. Но это не только позор, но и гибель, так как мир с немцами означает объявление войны со всем светом: Англией, Францией, Италией, Бельгией, Сербией, Америкой, Японией и Китаем. Тогда мы должны будем заключить союз с кайзером, чтобы вести войну против свободных стран. Русский народ, ты чувствуешь, куда тебя толкают? Русский народ, мир с немцами не даст мирной жизни, а даст союз с немцем для войны со всем светом. Мир с немцами — это значит еще более кровопролитная война, но в союзе с кайзером. Вот куда толкают Россию предатели и изменники. Они должны быть арестованы и судимы за измену. Геперал Верховский немедленно должен быть удален!». Статья эта была направлена не только против Верховского, но и против Временного правительства в целом, недаром об изменниках и предателях говорилось во множественном числе, а в качестве спасителей отечества пазывались Корнилов и Деникин, Брусилов и Алексеев.

подства может долгое время держать во главе правительства социалистов, идти и на такие уступки, как земельные реформы, утрата колоний, прекращение войны, — идти на все это, чтобы сбить волну массового движения, а затем постепенно отобрать назад утраченные позиции.

Для всей «революционной демократии» Верховский сразу стал героем. Стремясь утилизировать сам факт разногласия в правительстве, критику Терещенко «в пользу» своего наказа, они закрывали глаза на контрреволюционную и прокорниловскую сущность предложений Верховского и его цели. Так, «Новая жизнь» даже уверяла в номере от 22 октября, что «требования генерала Верховского будут решительно поддержаны армией и всей страной». Газета предрекала развал третьей коалиции и уход в отставку Терещенко. Пока же Терещенко праздновал свою победу. Опираясь на заявления Скобелева и Знаменского, он сделал «разъяснение» союзным послам, что якобы Верховский не говорил о неспособности России продолжать войну. Затем он пригласил на совещание делегатов, отъезжавших на Парижскую конференцию, двух лидеров контрреволюции — генерала Алексеева и кадета Милюкова. Алексейев говорил о «поднятии боеспособности» армии теми репрессивными мерами, которые предлагались корниловцами в июле и августе, а Милюков «дал справку о интересах России на Ближнем Востоке, о наших задачах в Армении и в проливах».¹⁷ И все же победа Терещенко была весьма призрачной, а судьба всего Временного правительства уже была предопределена.

Отставка Верховского вдохновила и лидера эсеров центра Чернова на написание статьи «Предпоследние ошибки».¹⁸ «Из состава правительства ушел генерал Верховский, — писал Чернов, — т. е. не он ушел, а его ушли. За что? За то, что он в закрытом заседании двух комиссий Предпарламента решился до конца сказать всю жестокую, болезненную правду о нашей больной армии. Говорят, что этим он нарушил общую министерскую солидарность и поставил в крайне тяжелое положение г. Терещенко. Что же? Может быть. Тем хуже для г. Терещенко. Что такое г. Терещенко? Он приобрел популярность как антагонист П. П. Милюкова. Этот последний чрезвычайно усилил его популярность, ославив Терещенко как вреднейшую личность, пересадившую циммервальдизм в нашу внешнюю политику. Но в народе говорится: не верь выезду, а верь приезду. И опасения одних, и надежды других оказались неосновательными». Во всяком случае итог «циммервальдизма» Терещенко оказался плачевным. Терещенко не угодил никому, не стал ни павой, ни вороной. В таких случаях выходят в отставку. «Но у нас все наоборот, — продолжал Чернов, — и генерал Верховский, полагающий, что и наши союзники, и мы сами не отдали себе настоящего отчета в тягостной болезни, параличом разбивающей нашу армию, и что наша мирная политика недостаточно активна ни для того, чтобы сократить срок тяжкого испытания, ни для того, чтобы успоко-

¹⁷ Милюков П. Н. История второй русской революции. София, 1923, т. 1, вып. 1, с. 176.

¹⁸ Мысль, 1918, № 1, с. 262—266.

ить и обнадеежить армию, которой нужно напрячь всю свою выносливость, — генерал Верховский явился козлом отпущения. Так утрачена правительством единственная величина, нарастающая популярность которой могла бы возместить такую популярность Керенского. Единственная крупная сила, составляющая приятный контраст с общим фоном безличностей, — отпала...».

Чернов бегло пробежал по истории коалиционных правительств и вспоминал вынужденные уходы из Временного правительства сначала Церетели, потом свой собственный, теперь Верховского, делая лестный для себя вывод о том, что с каждым таким уходом Временное правительство отдалялось от масс. Он стремился доказать, что партия эсеров смотрела на коалицию как на временную меру, которая должна действовать, пока силы социализма не станут сильнее. Керенский же считал, что коалиция должна стать постоянно действующим фактором вплоть до Учредительного собрания. При этом Керенский увлекся карательной стороной деятельности власти в ущерб творческой работе. Конечно, «твердая власть необходима». «Но ею может стать, — утверждал Чернов, — среди взбаламученного моря темной стихии русской действительности лишь правительство, популярное в массах, т. е. лишь правительство, которое одной рукой смело, твердо и властно наводит порядок, а другой рукой не менее смело, твердо и властно проводит социальные реформы, поднимающие „хижины“ за счет „дворцов“. Стоит лишь хоть немного нарушить эту гармонию, этот параллелизм двусторонней деятельности — и все будет кончено. Правительство, запаздывающее с социальными мерами, делается одиозным со своими мерами по наведению порядка, не ослабит, а усилит центробежные течения и в конце концов сорвется с ними. Именно эта опасность и стоит сейчас перед правительством, на котором повисла, словно жернов осельский на вые, „коалиция“. Его пассив все больше и больше превышает актив, его популярность падает. Оно висит сейчас в воздухе». Таким образом, хотя Керенскому и удалось, спровадив Верховского в отпуск, удержать на месте Терещенко и спасти третье коалиционное («квазикоалиционное», как называл его Чернов) правительство, с каждым днем нарастало сопротивление со стороны соглашательских партий меньшевиков и эсеров. Предчувствуя возможность близкого крушения всей послефевральской системы в результате выступления большевиков, они лихорадочно стремились к новому крутому маневру. Они хотели заставить Керенского провозгласить немедленную передачу земли земельным комитетам и немедленное начало мирных переговоров. Они хотели выгнать Терещенко, этого сахарного миллионера, из правительства, хотели создать новую коалицию или, как Чернов, обойтись и без нее, но ни в коем случае не допустить большевиков к власти, устранить любой ценой угрозу собственного краха.

В. И. Ленин, ознакомившись вечером 24 октября 1917 г. с официальным известием об отставке Верховского, увидел в этом важный показатель необходимости немедленного перехода сил революции в наступление. Он писал в «Письме членам ЦК»: «Буржуазный натиск корниловцев, удаление Верховского показывает, что ждать нельзя. Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д.

Нельзя ждать!! Можно потерять все!!».¹⁹

И поэтому, не упуская из виду маневров правительства и соглашателей, большевики в дни 21—23 октября усиленно форсировали подготовку вооруженного восстания. Правительство же по мере сил укрепляло свою военную защиту, а вся петроградская пресса была полна гаданиями и предсказаниями насчет «большевистского выступления» и Всероссийского съезда Советов.

С 21 октября обстановка в Петрограде с каждым часом продолжала обостряться. Друг против друга стояли уже два не только политически враждебных, но и два военных лагеря. В этот день было избрано бюро Военно-революционного комитета Петроградского Совета для повседневной оперативной работы. На заседании ВРК обсуждались последние мероприятия штаба Петроградского военного округа. В ответ на них была избрана делегация из 8 человек и направлена в штаб «для совместной работы и контроля».²⁰ Продолжалось назначение комиссаров ВРК в воинские части. Им давались полномочия полного контроля над политической и военной деятельностью частей. ВРК провел 21 октября гарнизонное совещание. Оно приветствовало создание ВРК и обещало ему поддержку «во всех его шагах, направленных к тому, чтобы теснее связать фронт с тылом в интересах революции». Собрание приняло резолюцию о съезде Советов, где, в частности, говорилось: «Петроградский гарнизон торжественно обещает Всероссийскому съезду в борьбе за эти требования (мира, хлеба, свободы, — В. С.) отдать в его распоряжение все свои силы до последнего человека. Надеемся на нас, полномочные представители солдат, рабочих и крестьян. Мы все на своих постах, готовые победить или умереть».²¹ Советы пригородов Петрограда, где было расположено много технических частей и юнкерских училищ, — Царского Села, Петергофа, Ораниенбаума — старались установить контроль за передвижением войск. На фабриках и заводах продолжались митинги и собрания, на которых рабочие принимали резолюции о поддержке Петроградского Совета и большевистской партии, о готовности отдать все силы для установления власти Советов. ВРК установил контроль над выдачей

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 435.

²⁰ Рабочий путь, 1917, 24 окт.

²¹ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы, с. 170.

патронов из магазинов Петроградского патронного завода. Прошло заседание ЦК РСДРП(б). ЦК постановил добиваться непременно открытия съезда Советов 25 октября. Сделать основные доклады на съезде было поручено В. И. Ленину, который, естественно, мог появиться на нем легально только после свержения власти Временного правительства.²²

В Зимнем дворце была составлена сводка всех наличных сил обороны. Выяснилось, что Временное правительство в тот момент охраняли 37 офицеров, 696 юнкеров, 75 солдат — всего 808 человек. В их распоряжении находилось 6 полевых трехдюймовых пушек, 6 броневиков, 19 пулеметов, 684 винтовки и 40 револьверов. Ограниченным был запас боеприпасов. Итог получался неутешительным. Видя, что большая часть петроградского гарнизона поддерживает Военно-революционный комитет, правительство решило опереться на фронтовые части. Здесь иллюзия генерала Верховского о том, что фронт может «усмирить» тыл, держала министров под своим гипнозом. С Румынского и Юго-Западного фронтов под предлогом оперативных перевозок двигались к Петрограду эшелоны с пехотными частями, ударными батальонами. Из Киева были вызваны юнкера, с Румынского фронта — кавалерийские части. На линии Дно—Петроград, на станции Передольская более недели стояли два самокатных батальона. Недалеко от Пскова находились части III конного корпуса, входившего ранее в состав корниловских войск.²³ На эти-то части и хотело опереться Временное правительство в своей борьбе с большевиками, что весьма напоминало попытку Корнилова усмирить кровью и железом петроградских рабочих и солдат. Поэтому большевики справедливо говорили о подготовке второй корниловщины. Вместе с тем просачивавшиеся в печать сведения о приближении к Петрограду корниловских войск второго призыва заставляли большевиков торопиться с приведением в исполнение плана вооруженного восстания.

Поздно вечером 21 октября делегация ВРК прибыла в штаб Петроградского военного округа и была принята полковником Полковниковым. Он отказался признать контроль над деятельностью штаба со стороны ВРК и самоуверенно заявил, что гарнизон находится в его руках. Произошло резкое объяснение, закончившееся разрывом внешних отношений. Утром 22 октября ВРК созвал в Смольном новое гарнизонное совещание, принявшее обращение к солдатам, в котором всем солдатам сообщалось, что штаб отказался признать контроль ВРК. «Этим самым, — говорилось далее в обращении, — штаб порывает с революционным гарнизоном и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Порвав с организованным гарнизоном столицы, штаб ста-

²² Протоколы ЦК РСДРП(б)..., с. 117—118.

²³ Подробнее см.: Иванов Н. Я. Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977.

новится прямым орудием контрреволюционных сил. Военно-революционный комитет снимает с себя всякую ответственность за действия штаба Петроградского военного округа».²⁴ Гарнизонное совещание возлагало на солдат выполнение задач по охране революционного порядка в Петрограде и предписывало им подчиняться только ВРК. Штаб созвал свое совещание, на которое был вызван и представитель ВРК. Им оказался большевик, подпоручик П. В. Дашкевич, который заявил, что отныне все распоряжения штаба должны быть контрассигнованы Военно-революционным комитетом.²⁵ Так начался конфликт Петроградского Совета и штаба округа, превратившийся в первое открытое и пока словесное столкновение сил революции и контрреволюции.

Дальнейшее обострение обстановки было связано с давним решением Петроградского Совета провести 22 октября День Петроградского Совета. Независимо от этого Союз казачьих войск назначил на то же воскресенье, 22 октября, крестный ход к Казанскому собору, и к иконе Казанской божьей матери по случаю годовщины избавления Москвы от врагов в 1812 г. Появление на улице вооруженных казаков и сотен тысяч рабочих и солдат, которые должны были направиться на митинги и концерты, назначенные Петроградским Советом, создавало угрозу столкновения и открывало возможность для провокаций контрреволюционных и темных элементов. Поэтому ВРК подтвердил все свои распоряжения на день 22 октября и обратился с предложением отменить крестный ход казаков, выпустив одновременно адресованное им воззвание с призывом проявить солидарность с петроградскими рабочими и солдатами.

И Временное правительство вынуждено было отступить. Вечером 21 октября заместитель министра-председателя А. И. Коналов вызвал к себе представителя Союза казачьих войск есаула А. И. Анিকেева и заявил ему, что казачьим крестным ходом «хотят воспользоваться темные силы для своих погромных выступлений и анархических», и поэтому он просит отложить устройство крестного хода или провести его без церемониала. Полковник Полковников со своей стороны вызвал командиров 1, 4 и 14-го казачьих полков и предложил им отказаться от устройства крестного хода. В 23 часа 40 минут Полковников разослал еще и телеграмму командирам трех казачьих полков с распоряжением об отмене крестного хода по требованию Временного правительства. Одновременно были приняты меры для предупреждения возможных выступлений со стороны большевиков, но в городе ночь прошла спокойно, только в ряде рабочих кварталов были обнаружены листовки, призывающие к активному участию в Дне Петроградского Совета.²⁶

²⁴ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы, с. 234.

²⁵ Известия, 1917, 24 окт.

²⁶ Речь, 1917, 22 окт.

В итоге 22 октября Петроградский Совет беспрепятственно провел несколько десятков митингов и собраний в крупнейших залах столицы, а казаки оставались в своих казармах. Лишь несколько тысяч любопытных собрались днем у Казанского собора и приняли участие в небольшом крестном ходе вокруг него, а затем по Невскому отправились к Исаакиевскому собору, после чего мирно разошлись.²⁷ В. И. Ленин в письме Я. М. Свердлову оценил отмену демонстрации казаков как «гигантскую победу» и призвал: «*Наступать* изо всех сил и мы победим вполне в несколько дней!»²⁸

В противоположность этому Временное правительство находилось в состоянии растерянности. Днем 22 октября Коновалову было доставлено переданное во все части гарнизона телефонограммой обращение ВРК к солдатам гарнизона о разрыве со штабом и неисполнении приказаний последнего. Коновалов немедленно отправился к Керенскому и доложил о случившемся. Заместитель министра-председателя жаловался на то, что «вмешательство Военно-революционного комитета является нарушением одного из главных условий при образовании коалиции — о полной независимости власти от влияния безответственных организаций».²⁹ Этим Коновалов хотел побудить Керенского обратиться к меньшевистско-эсеровским деятелям. Тот в ответ предложил немедленно принять репрессивные меры по отношению к Военно-революционному комитету и выразил недовольство нерешительностью Полковникова. Последний попросил правительство подождать с применением репрессий, так как им было сделано новое предложение ВРК об урегулировании конфликта. В итоге днем 22 октября было решено пока не арестовывать членов ВРК, а только потребовать от Военно-революционного комитета отмены его телефонограммы.³⁰

Керенский вызвал в Петроград главнокомандующего армиями Северного фронта генерала Черемисова и вечером 22 октября имел с ним продолжительную беседу. Черемисов, не входя в оценку конфликта между ВРК и штабом Петроградского военного округа по существу, настаивал на том, чтобы петроградский гарнизон был готов к выводу на позиции. Если же Военно-революционный комитет будет требовать невывода частей столичного гарнизона, то он заявит от имени вверенных ему армий категорический протест. В половине 6-го вечера 22 октября пачальник штаба Петроградского военного округа генерал Я. Г. Баградуни связался по прямому проводу с комиссаром Временного правительства на Северном фронте В. С. Войтинским. Выяснялась возможность формирования и посылки в Петроград специального военного отряда в составе одной бригады пехоты, кавалерийского

²⁷ Новая жизнь, 1917, 24 окт.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 434.

²⁹ Новая жизнь, 1917, 24 окт.

³⁰ Известия, 1917, 24 окт.

полка и артиллерийской батарее. Войтинский ответил, что сформировать такой отряд заранее фронт не сможет, но после получения специального распоряжения Временного правительства он будет организован и немедленно отправлен в Петроград. Через сутки после отдачи специального приказа он может прибыть в город. Через такое же время могли бы быть в Петрограде и другие части, находящиеся уже в эшелонах.³¹ Багратуни поблагодарил Войтинского и отправился с докладом к Керенскому. Однако специальное распоряжение на Северный фронт не последовало ни 22-го, ни в ночь на 23 октября.

Министр-председатель провел несколько встреч с лидерами ЦИК, которые всякий раз заверяли его, что в конфликте с ВРК они, безусловно, стоят на стороне штаба. Однако и руководители ЦИК просили Керенского воздержаться от применения немедленных репрессий по отношению к большевикам, обещая уладить конфликт путем прямых переговоров с лидерами Петроградского Совета.³² Тем не менее на заседании Временного правительства в ночь на 23 октября было принято решение требовать в ультимативной форме отмены телефонограммы Военно-революционного комитета. Каких-либо дополнительных мер по своей охране Временное правительство в течение 22 октября и в ночь на 23-е принять не сумело и ни одного человека из охраны дополнительно в Зимний дворец еще не получило.

Передовая статья «Известий» от 22 октября называлась «Перед съездом Советов» и считала съезд несвоевременным, отвлекающим силы демократии в момент, когда страна готовится к выборам в Учредительное собрание. Вопрос о власти, писала газета, который большевики стремятся вынести на обсуждение съезда, должен быть решен только Учредительным собранием. Попытаться захватить эти права — значит посягать на верховную власть народа. С. Дмитриевский в статье «Сегодня», помещенной в «Народном слове» 22 октября, выражал опасения, что «мирный смотр сил», назначенный большевиками, обернется вооруженным выступлением, аналогичным июльским дням. Другой публицист этой газеты, А. Смирный, винил большевиков в росте общей анархии и контрреволюции справа. «Рабочий путь» посвящал свою редакционную статью в номере от 22 октября Дню Петроградского Совета. «И как в мартовские дни, мы чувствуем дыхание революции, — говорилось в ней, — приближение новых грозных волн, которые вздымаются все выше. Как в первые дни революции, Петроградский Совет снова во главе движения масс, снова на первой линии огня. Но неизмеримо труднее теперь его задачи, значительно сильнее враги народа и революции. И в такой момент Совет обращается к вам, товарищи рабочие и сол-

³¹ См.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы, с. 277—278.

³² Известия, 1917, 24 окт.

даты, за поддержкой. Мы не сомневаемся, что вы горячо отзоветесь на этот призыв». В обзоре печати «Рабочий путь» решительно высказывался против соглашательских планов замены правительства Керенского правительством демократического блока, о чем мы говорили несколько выше. Газета цитировала передовую «Новой жизни» от 21 октября, где, в частности, говорилось: «Положение страны настолько катастрофично, что мы, может быть, и не дотянем до Учредительного собрания. Поэтому всякие моменты, благоприятствующие образованию демократического блока, должны быть немедленно использованы полномочными органами демократии; чем раньше коалиция уступит место правительству блока, тем больше шансов на спасение страны». Центральный орган большевистской партии отвечал на это, что он отвергает приглашения новоженцев вступить в «Демократический блок» вместе с соглашателями. «Вот уж подлинно, — язвительно замечал «Рабочий путь», — вчера „в морду дам“, а сегодня — „ручку пожалуйте“! Нет, мы не пожалуем „ручку“ флюгер-демократам и заранее отказываемся занять места в их „блоке“, места, ныне занятые корниловскими партнерами».

А Виктор Чернов сокрушенно писал в своем политическом дневнике, что власть почти валяется на улице и всякий сможет поднять ее. «Большевики на это и держат курс, — решительно и смело, — писал он. — Упорно назначили даже день, 20-е число, когда они совершат переворот. Двадцатого ждали как светопреставления и, конечно, не дождались: перевороты приходят, „яко тать в нощи“, а не по предварительной публикации. Но трудность не в том, как сделать переворот, а в том, что после него будет». Он был уверен, что, когда большевики начнут совершать неизбежную метаморфозу перехода «от безответственной агитации к ответственному обуздыванию стихии», они справятся с этим хуже, чем коалиционные правительства, и тогда наступит катастрофа. Оставалось только вздыхать и ждать неизбежного, поскольку «надо было не упускать, когда все шло нам прямо в руки», а уж если «не удержался за гриву — за хвост и подавно не удержаться!». ³³ Вечером 22 октября Чернов выехал через Москву на Западный фронт. ³⁴

23 октября был понедельник, и газеты не выходили. В этот день на короткие часы установилось как бы затишье. Но, как и полагается затишьем, оно предшествовало буре. Военно-революционный комитет расширял свое влияние. Был проведен митинг в Петропавловской крепости, на котором ее восьмитысячный гарнизон в своем большинстве высказался за поддержку Петроградского Совета и признал контроль назначенных им комиссаров. Перешли на сторону ВРК автобронедивизион и 9-й запасный кавалерийский полк. Это значительно усилило позиции больше-

³³ Мысль, 1918, № 1, с. 267—268.

³⁴ Чернов В. М. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953, с. 345.

виков. Были назначены новые комиссары, в том числе и на крейсер «Аврора» (стоявший у достроечной стенки Франко-русского завода), отказавшийся выйти в море на испытание машин. Днем 23 октября закончила работу общегородская конференция Рабочей Красной гвардии Петрограда. Избранная ею Центральная комендатура прибыла в Смольный и установила полный контакт с Военно-революционным комитетом. Полковник Полковников пригласил к себе новую делегацию ВРК и предложил условия по урегулированию конфликта. Взамен заявления ВРК об аннулировании телеграммы, посланной в почт на 22 октября по полкам гарнизона, штаб соглашался на создание совещания из представителей Петроградского Совета. Кроме того, штаб считал, что комиссары ВРК должны были быть утверждены в своей должности комиссаром ЦИК при штабе, с тем чтобы штаб подтверждал это своим приказом по округу. Делегаты забрали текст условий и, не входя в их обсуждение, уехали обратно в Смольный. Они были обсуждены на дневном заседании ВРК 23 октября, но решения пока не было принято. На открытое заседание ВРК прибыли представители ЦИК А. Р. Гоц и Б. О. Богданов. Выполняя данное Керенскому обещание, они предъявили ВРК требование отказаться от намерения захвата власти. Разгорелись споры. Левые эсеры под угрозой выхода из ВРК настаивали на принятии предложения делегации ЦИК. Их поддержали и некоторые неустойчивые большевики, например Д. Б. Рязанов. В итоге заседание Военно-революционного комитета вынуждено было принять резолюцию, в которой говорилось, что ВРК не является органом захвата власти, а создан исключительно для защиты интересов петроградского гарнизона и революции от контрреволюционных посягательств и погромов. Таким образом, делегации ЦИК удалось внести некоторое замешательство в ВРК. Это обстоятельство, а также обсуждение вопроса о компромиссе со штабом округа несколько отвлекли внимание членов ВРК от решения задач, связанных с началом восстания, и правительство получило лишние часы передышки.³⁵

Утром 23 октября у английского посла сэра Джорджа Бьюкенена завтракали М. И. Терещенко, А. И. Коновалов и С. Н. Третьяков. Они были спокойны и уверяли, что слухи о непреклонном выступлении большевиков необоснованны. Правда, Терещенко сказал, что он совсем было убедил А. Ф. Керенского арестовать членов ВРК, но тот-де отказался, разрешив продолжать переговоры.³⁶ Переговоры, которые вели представители ЦИК и штаба

³⁵ Подробнее см.: Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде, с. 283—286.

³⁶ См.: Бьюкенен Дж. Моя миссия в России. Воспоминания дипломата. Берлин, 1924, с. 143. — Дочь английского посла в своих воспоминаниях, во многом повторяющих воспоминания ее отца, относит этот завтрак к 3 ноября, т. е. 21 октября по старому стилю (см.: Бьюкенен Мирэль. Крушение великой империи. Париж, 1933, т. II, с. 116).

с ВРК, были демагогическим маневром, связанным только с попыткой выиграть время до подхода войск с фронта или до прояснения политической ситуации. Как сообщала 24 октября газета «Новое время», «днем 23 октября правительство вело ряд переговоров с высшими военными чинами штаба на случай вооруженного выступления сторонников Петроградского Совета р. и с. д., если бы не удалось убедить их отказаться от попыток к захвату власти над расположенными в Петрограде войсками». Керевский вел переговоры с управляющим Военным министерством генералом А. А. Маниковским и В. А. Черемисовым. В 5 часов дня открылось секретное совещание чинов штаба Петроградского военного округа, на котором с докладом выступил генерал Багратуни. Обсуждались меры борьбы с ВРК. Вечером 23 октября состоялось заседание Временного правительства под председательством Керевского. Оно решило признать образование Военно-революционного комитета совершенно незаконным актом и «самый комитет — незаконной организацией». Министру юстиции было предложено начать судебное преследование против членов ВРК, а штабу — принять меры на случай вооруженного выступления против Временного правительства.³⁷

В Петроградском Совете, конечно, еще не знали об этих мерах правительства. В 7 часов вечера в Смольном открылось общее собрание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. С большим подъемом выслушало оно доклад секретаря ВРК В. А. Антонова-Овсеенко о первых шагах его деятельности по защите революции и полностью одобрило его работу. Одновременно в Смольном проходило и гарнизонное совещание, на котором солдатские представители еще раз заявили о своей полной готовности выйти на защиту революции по первому зову Петроградского Совета. Но зов этот так и не прозвучал в течение 23 октября. Несмотря на исключительно благоприятное положение дел для начала восстания, ВРК под влиянием кампании соглашателей, а также уговоров Троцкого подождать до открытия II Всероссийского съезда Советов не только не отдал приказ о наступлении 23 октября, но в ночь на 24 октября сообщил штабу округа о принятии его условий.³⁸

23 октября состоялось и восьмое заседание «предпарламента», но в этой напряженной предгрозовой обстановке оно не оставило заметного следа. Продолжались прения по поводу сообщения министра иностранных дел Терещенко о внешней политике правительства. Милюков вспоминал впоследствии об этом заседании: «Внешней политикой интересовались в этот день еще меньше, чем прежде. В зале заседаний оставалось едва сто членов, которые притом не слушали ораторов. Заседание открылось с большим

³⁷ Известия, 1917, 24 окт.

³⁸ См.: Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде, с. 287—291.

опоздаaniem, в 12 часов, и было еще сокращено перерывом, в течение которого, как и во время прений, в кулуарах передавались слухи о предстоявшем выступлении большевиков, а представители фракций вели безуспешные переговоры о формуле перехода по внешней политике, которая могла бы собрать большинство. Единственная реальная цель прений была теперь примирить Терещенко с „демократией“.³⁹ В прениях выступили Карелин, Ялушкевич, Бржосек, Пешехонов, Скобелев, Абрамович, Потресов, Сорокин, Мартов и Соколов. С разъяснениями выступил Терещенко. Затем ему был задан вопрос в порядке ст. II Положения о Временном Совете республики: почему Временное правительство не информирует союзные государства об установлении в России республиканского образа правления? Терещенко и по этому поводу дал свои разъяснения.⁴⁰

Между тем в ночном заседании Временного правительства были приняты решения, ускорившие начало вооруженного выступления большевистской партии. Но об этом еще не знали в Смольном, где решение о принятии условий штаба округа подсказывало мысль о некоторой отсрочке событий. Не знали об этом и почти все петроградские журналисты, кроме разве ночных хроникеров, для которых держали про запас по колошке во всех крупных петроградских газетах. Поэтому и основное содержание утренних газет за 24 октября, прежде всего за счет передовых и редакционных статей, отразило лишь события 22—23 октября. Так, «Народное слово» сокрушалось о росте «анархии» и крестьянских захватов помещичьей земли, требовало от правительства, чтобы оно прибегло к мерам принуждения в борьбе с «анархией», ибо «уклоняться от ответственности глубоко антиобщественная черта». Газета констатировала, что «тучи сгущаются», что на фронте положение осложняется, а в столице Военно-революционный комитет выдвинул претензии на контроль над гарнизоном и вошел в конфликт со штабом округа. «Известия» печатали воззвание меньшевистской фракции Петроградского Совета к рабочим и солдатам с призывом не допустить захвата власти большевиками. «Снова революция, и в частности ее столица, переживают критические минуты, — писала «Новая жизнь» в редакционной статье «Где выход?». — Минувшее воскресенье, „День Совета“, было днем решающего подсчета сил большевизма среди петербургского гарнизона и пролетариата. Сил оказалось достаточно. Гарнизон во всяком случае оказался в сфере влияния большевистского Петербургского Совета, который готовит переход власти съезду Советов. Как бы ни был незначителен процент петербургского рабочего и военного населения, способного принять активное участие в этом перевороте, абсолютное его количество совершенно достаточно для того, чтобы свергнуть столицу,

³⁹ Миллюков П. Н. Указ. соч., с. 176.

⁴⁰ Вестник Временного правительства, 1917, 24 окт.

а затем, быть может, и всю Россию во все ужасы пражданской войны». Новожиженцы спешили уведомить всех, что «выступление большевиков, желающих своими изолированными силами осуществить лозунг „Вся власть Советам!“, они всегда осуждали. Но, осуждая большевиков, они считали, что надо изучить причины их успеха в массах, чтобы найти «путь разрешения кризиса». «Большевики, — писала газета, — это не шайка злоумышленников, которых можно легко расстрелять или пересадить в „Кресты“, и их выступление не есть попытка дворцового переворота. Большевики опираются на подавляющую часть всего того населения, которое вообще способно за кем-нибудь идти, чтобы делать какую-либо политику. И никакой механической изоляции, никакому физическому воздействию большевистская партия не поддается».

Интеллигенты из «Новой жизни» понимали, что это не оставит правые силы в их попытке кровью подавить большевистское выступление, и были пессимистически настроены в отношении такой расправы (в успехе ее они не сомневались), способной привести к массовым погромам и преддверию диктатуры. За Временным правительством газета реальной силы не видела. Поэтому физическим путем этот кризис оно разрешить не могло. «Наша жалкая, бессильная „коалиция“, — указывала «Новая жизнь», — подобно каждому из промелькнувших революционных кабинетов, существует исключительно моральной поддержкой правого крыла демократии и не обладает нужной реальной властью. И 21 апреля, и 3—5 июля, и 27—30 августа выступления военной силы были ликвидированы исключительно авторитетом центральных органов демократии, которым повиновались войска». С тех пор ЦИК растерял свой авторитет, кроме того, ему пришлось бы действовать против «части демократии». ЦИК занял бы место рядом с Корниловым на одних баррикадах против большевиков. Новожиженцы в подобную позицию «нашего, погрязшего в оппортунизме» ЦИК тоже не верили.

Кризис, по их мнению, требовалось разрешить политическим путем. «Нынешнее правительство, захватившее в свои руки формальную власть, не только не обладает реальной властью, но и окружено всеобщим недоверием и враждебностью. Объявленное со дня своего возникновения правительством гражданской войны, уже имея за своей спиной за ничтожный срок своего существования целый ряд противонародных, вызывающих актов и ровно ничего положительного, это правительство и является ближайшим объектом нападения большевистски настроенных масс», — резюмировала «Новая жизнь» свое мнение о Временном правительстве Керенского. Путь выхода из кризиса — ликвидация коалиции и нынешнего коалиционного правительства Кишкиных—Третьяковых—Терещенко. «Ликвидация коалиционного кабинета, — писала газета в заключение, — прямые и решительные шаги к образованию власти, действительно способной вести де-

мократическую политику, единственно способны внести успокоение в страну и разрешить назревший кризис». И это единственный путь, который автоматически пресечет всякие попытки к выступлениям, при таких условиях совершенно бесполезным в глазах народных масс. Временное правительство не обладает реальной властью, и не за ним слово в этом кризисе. Слово за руководящими группами демократии, господствовавшими до сих пор в ЦИК. Если они окажутся на высоте момента, кризис может быть ликвидирован быстро и сравнительно безболезненно. Если же они соберут небольшие остатки своих былых сил для того, чтобы снова и снова «поддерживать бессильную коалицию и во славу ее открыть братоубийственную войну внутри демократии, то для страны обеспечены еще неслыханные бедствия, а для революции — полный крах».

Кадетская газета «Речь» за 24 октября анализировала воскресные события. «Воскресный день вопреки напряженным ожиданиям прошел спокойно, — писала газета. — Казачий крестный ход был отменен поздно ночью в субботу, и для населения отсутствие крестного хода было сюрпризом и вызвало глубокое изумление. Были запрещены вместе с тем и митинги, и собрания. Казаки подчинились требованию Временного правительства, но большевики, конечно, игнорировали запрещение, и в течение дня масса митингов состоялась. С другой стороны, праздничная служба в Казанском соборе собрала массу молящихся». Газета сокрушалась, что, судя по наблюдениям присутствовавших на большевистских митингах, выступление состоится и кончится катастрофой. «Велик Бог земли русской, — восклицала передовица, — так как все же не нашлось человека ни среди участников митингов, ни в возбужденной толпе у Казанского собора, заставившей священников провести все же крестный ход, призвавшего бы к немедленным погромам». В то же время большевики «надеются на бога, а сами не плошуют», они сделали еще шаг вперед. ВРК в своем конфликте со штабом округа призвал войска к неподчинению законным военным властям. Это событие указывает на то, «что восстание уже началось».

«А где же правительство? — язвительно спрашивала «Речь». — Чем оно занято было? Как оно реагировало на эти события? Правительство, судя по газетным сведениям, собиралось в эти дни очень часто, заседало чуть не непрерывно. Но, по-видимому, оно больше всего было занято инцидентом Верховского. В столь критическую минуту возникли вдруг какие-то загадочные недоразумения с военным министром, который должен был бы стоять в центре борьбы с наглыми мятежниками. Но он „персона гратиссима“ для большевиков, он, говорят, значится в списке министров Временного правительства, намеченного большевиками. И он же, генерал Верховский, как выяснилось вчера в Совете республики из речи К. Н. Соколова, он еще недавно возмущался уходом Гучкова и „доблестного Корнилова“, он протестовал про-

тив перехода власти в руки певежд-дилетантов. Он говорил, что Россия без проливов жить не может. Такой человек оказывается в столь критическую минуту на столь ответственном посту, и правительство, вместо того чтобы принять единственно реальные решительные меры, занято ликвидацией подозрительных недоразумений». Как видим, «Речь» нападала на Временное правительство за то, что оно не принимает решительных мер против большевиков. А относительно Верховского в выражениях не стеснялась, лишь чуть-чуть отличаясь от «Живого слова».

Разделавшись с Временным правительством, «Речь» принималась и за Совет республики. «То же самое приходится сказать и о Совете республики. Если из круглого зала — кулуаров, — где из уст в уста „из достовернейших источников“ сообщают самые сногшибательные вести, самые чудовищные повости, перейдешь в мягко освещенный зал заседаний, то сразу окажется, что перепесся на ковре-самолете за тридевять земель. Здесь все тем же хриплым голосом Мартов старается водрузить интерпационал на развалинах родины, Скобелев сдает экзамен на свои дипломатические способности и Янушкевич напоминает о Литве. Здесь беспокоятся о том, почему правительство не уведомило иностранных представителей, что оно провозгласило республику. Невольно протираешь глаза и думаешь, что это был лишь скверный сон, кошмар, будто бы столица находится накануне мятежа, будто большевики снова готовят кровопролитие. Очевидно же, это лишь сон, если правительство еще проявило себя и занято отпуском Верховского, который даже не уверен, что ему нужен отдых, а Совет республики опасается лишь того, чтобы за границей не сомневались, существует ли уже республика».

Таким образом, «Речь» не гадала и не ждала поисков из кризиса. Она предоставляла Временному правительству и Совету республики самим выпутываться из того положения, в которое они закономерно попали, не сомневаясь, что после падения правительства политическая борьба приведет их вновь к власти в стране.

Большевики же открыто заявляли, что их цель — замена существующего правительства Советами и они намерены сделать это «теперь». Центральный орган большевистской партии газета «Рабочий путь» в номере от 24 октября опубликовала статью «Что нам нужно?», где напоминалось, что, когда в феврале рабочие и солдаты свергли царя, «они не захотели взять власть в свои руки». Руководимые «дурными пастырями», эсерами и меньшевиками, они «добровольно передали власть правительству Милюкова, Львова, Гучкова и Коновалова». Это была «роковая ошибка победителей». Рабочие и крестьяне не получили разрешения своих пужд, так как в правительстве сидят «враги народа», ставленники помещиков и капиталистов. Ошибку победителей «нужно исправить теперь же». Настал момент, когда дальнейшее промедление грозит гибелью всему делу революции. «Нужно нынешнее прави-

тельство помещиков и капиталистов, — обращалась газета к рабочим и солдатам, — заменить новым правительством рабочих и крестьян. Нужно нынешнее правительство, самозванное, народом не избранное и перед народом не ответственное, заменить народом признанным правительством, избранным представителями рабочих, солдат и крестьян и ответственным перед этими представителями. Нужно правительство Кишкипа-Коновалова заменить правительством Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. То, что не было сделано в феврале, должно быть сделано теперь». Вместе с тем относительно способа этой замены в передовице содержались тоже четкие и ясные указания. «Рабочий путь» предлагал рабочим и солдатам устраивать собрания, выбирать делегации и изложить через них свои требования «съезду Советов, который открывается завтра в Смольном». «Если вы все будете действовать дружно и стойко, — заявлялось в конце статьи, — никто не посмеет сопротивляться воле народа. Старое правительство уступит место повому тем более мирно, чем сильнее, организованнее и мощнее выступите вы».

Таким образом, предполагалась посылка делегаций на съезд Советов, как это уже практиковалось во время Демократического совещания большевиками, и заявление ими требований о взятии всей власти в руки Советов. На съезде же и должно было быть создано новое Советское правительство. Перед этой мощной демонстрацией Временное правительство должно будет уступить и мирно очистить место для правительства Советов. Но статья не исключала и менее мирный путь к созданию Советского правительства. Во всяком случае, к немедленному вооруженному выступлению или восстанию в день 24 октября статья эта, сданная в печать поздно вечером накануне, не призывала.

Но если «Известия» и «Волю народа», «Народное слово» и «Речь», даже «Новую жизнь» рано утром 24 октября разобрали экспедиторы, а скоро их заголовки уже выкрикивали на Невском мальчишки-газетчики, то судьба большевистского «Рабочего пути» за 24 октября сложилась иначе. В половине 6-го утра в типографию «Труд» на Кавалергардской ул., 40, где печаталась газета, явились юнкера, посланные по приказу штаба округа. Они разбили стереотицы, опечатали типографию и увезли с собой восемь тысяч уже отпечатанных номеров «Рабочего пути». Временное правительство закрыло центральный орган большевистской партии. Непрестанно обвиняя большевиков в подготовке «выступления», оно поспешило выступить первым.

БЕГСТВО КЕРЕНСКОГО И АРЕСТ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

В ночь на 24 октября в Зимнем дворце и в штабе округа царило оживление. А. Ф. Керенский, расценив согласие Военно-революционного комитета на урегулирование конфликта со штабом округа

как признак слабости большевиков, решил действовать: собрать дополнительные воинские силы и начать преследования органов большевистской печати и членов ВРК. Ряд свидетельств говорит о том, что имелся в виду и элемент провокации: репрессивными мерами подтолкнуть большевиков к более раннему выступлению, к обнаружению их замысла и разгромить с помощью собранных резервов. О желании «даже вызвать» выступление большевиков говорил М. И. Терещенко на заседании Временного правительства 17 октября. Незадолго до 24 октября Керенский говорил английскому послу Дж. Бьюкенену: «Я желаю только того, чтобы они вышли на улицу, и тогда я их раздавлю».¹ Выступая около полудня 24 октября 1917 г. в «предпарламенте» с чрезвычайным заявлением, Керенский сказал, что часть населения столицы уже находится в состоянии восстания, но это еще не соответствовало истине. В отчете «Новой жизни» от 25 октября говорилось: «По-видимому, Керенский ожидал, что разрыв отношений между правительством и Военно-революционным комитетом вызовет отпор со стороны последнего. Чины штаба чуть не каждые четверть часа докладывали ему о настроении петроградского гарнизона». Но, по их сведениям, до 9 часов 15 минут вечера 24 октября в городе было совершенно спокойно. Наконец, американский посол Фрепсис, посетивший в первой половине дня 24 октября министра иностранных дел Терещенко в его кабинете, рассказывал, как Терещенко ему говорил: «Вечером я жду большевистского выступления» — и выражал уверенность в способности Временного правительства его подавить, добавив при этом, что он «утомлен неопределенностью».² Приведенные факты, как нам кажется, говорят в пользу предположения, что ряду членов Временного правительства с Керенским и Терещенко во главе было свойственно стремление покончить с неопределенностью принятием антибольшевистских мер, чтобы вызвать большевиков на немедленное ответное выступление и попытаться подавить начатое преждевременно восстание.

Сообщения газет рисуют следующую картину деятельности правительства в ночь на 24 октября. Керенский отдал распоряжение Полковникову прервать переговоры с Военно-революционным комитетом и отдать распоряжение об аресте его членов. Однако министр юстиции П. Н. Малянтович убеждал Керенского не настаивать на столь категорической мере. Он сказал, что предполагает отдать распоряжение прокурорскому надзору немедленно начать судебное преследование членов Военно-революционного комитета. Большинство министров согласилось с Малянтовичем, и Керенский предложил Полковникову не приводить в исполнение распоряжение об аресте членов ВРК.³ Но Керенский

¹ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. 2-е изд. М., 1925, с. 264.

² Приведено по: Ганелин Р. Ш. Россия и США. 1914—1917. Очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969, с. 398.

³ Известия, 1917, 25 окт.

настаивал на закрытии большевистских газет. В соответствии с этим главный начальник округа отдал приказания о закрытии газет «Рабочий путь» и «Солдат», а также правых газет «Живое слово» и «Новая Русь». Последнее должно было создать впечатление, что правительство борется и с «большевиками справа».⁴ Штаб округа получил от правительства распоряжение о вызове в Петроград верных войск. Во исполнение его в 1 час 55 минут ночи 24 октября телеграфно был вызван из Царского Села в Петроград стрелковый полк увечных воинов, в 3 часа 15 минут — 1-я рота 2-й Петергофской школы прапорщиков, а в 4 часа 30 минут — батарея гвардейской конной артиллерии из Павловска. Одновременно по телефону в Петроград на Дворцовую площадь вызывался 1-й Петроградский женский батальон.⁵ Около 6 часов утра, как уже говорилось, по распоряжению штаба округа была закрыта газета «Рабочий путь». Керенский провел остаток ночи в здании штаба Петроградского военного округа и лично следил за выполнением своих распоряжений. Среди них было и приказание коменданту Мариинского дворца подпоручику Домазянцу усилить караул на Центральной телефонной станции. Домазянец получил 100 юнкеров и занял станцию. Тотчас были выключены телефоны Смольного.

Так Керенский сам перевел вопрос о власти из области поисков политических решений в область военную. Вызов этот был, как известно, припят. Утром 24 октября в Смольном состоялось заседание ЦК РСДРП(б), которое постановило открыть большевистские газеты, изготавиться к обороне на случай нападения правительственных войск на Смольный, создать запасной штаб в Петропавловской крепости.⁶ Эти распоряжения были переданы Военно-революционному комитету. Вместе с тем протокол данного заседания показывает, что в течение предыдущего дня имели место переговоры с ЦИК, который выступил в роли посредника в конфликте между ВРК и штабом Петроградского военного округа. Каменев говорил, что переговоры теперь нарушены закрытием «Рабочего пути». Троцкий в качестве мотива для разрыва с ЦИК предлагал использовать то обстоятельство, что полномочия его истекли и своими действиями он порывает с интересами «революционной демократии».⁷

ВРК выделил военные части для освобождения типографии газеты «Рабочий путь» и обеспечения выхода газеты. Был разработан текст Предписания № 1, которое рассылалось по войскам гарнизона. Для защиты Смольного были вызваны пулеметные команды, а Петропавловской крепости отдавался приказ быть

⁴ Новая жизнь, 1917, 25 окт.

⁵ См.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. М., 1957, с. 281—282.

⁶ Протоколы ЦК РСДРП(б). Август 1917—февраль 1918. М., 1958, с. 119.

⁷ Там же, с. 120—121.

в боевой готовности. В своих документах ВРК еще придерживался версии «конфликта» со штабом и говорил о том, что «штабные заговорщики» перешли ночью в наступление. Распоряжения ВРК ограничивались приказанием привести части в боевую готовность, чтобы защитить при необходимости Петроградский Совет и Всероссийский съезд. В то время как связные ВРК развозили отпечатанные на машинке приказы и Предписание № 1, связные штаба Петроградского военного округа везли в те же части листовки с приказами военных властей Временного правительства.

Временное правительство предписывало воинским частям находиться в казармах до распоряжения штаба, самовольные выступления запрещались. Те, кто выступит вопреки приказу на улицу, будут рассматриваться как участники вооруженного мятежа. В случаях самовольных выступлений офицерам строжайше предписывалось оставаться в казармах под страхом ответственности за участие в мятеже. Исполнение приказов, «исходящих от различных организаций», категорически запрещалось. В другом приказе Временного правительства требовалось немедленно отстранить от деятельности комиссаров ВРК «впредь до утверждения их правительственным комиссаром Петроградского военного округа», а также произвести расследование о «незаконных действиях» комиссаров для предания их военному суду.⁸ Начальник штаба округа генерал Я. Г. Багратуни отдал распоряжение отпустить боеприпасы с военных складов только по его приказу. Были отданы приказы о вызове на Дворцовую площадь юнкеров Павловского, Владимирского и Константиновского училищ. В 12 часов дня на Дворцовую площадь прибыл 1-й Петроградский женский батальон. Однако после того, как «ударницы» узнали, что их вызвали не для парада, а для защиты Временного правительства, они потребовали своей отправки назад. Лишь одна полурота была оставлена во дворце под предлогом отправки 25 октября на охрану бензиновых складов Нобеля в Волковой деревне. Прапорщику Фролову и председателю Комитета по формированию отрядов из увечных воинов Оредовичу поручалось собрать два добровольческих отряда «для поддержания законности и порядка».⁹

Утром 24 октября обычное деловое заседание Временного правительства было скомкано. Председательствовал Кошовалов. Пришли 4—5 министров, которые около часу обсуждали вопросы снабжения Петрограда продовольствием и углем. Керенский не присутствовал на этом заседании: он все еще находился в штабе округа. Затем около полудня он отправился в Марининский дворец, где уже началось к этому времени заседание «предпарламента».

⁸ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы, с. 327—328.

⁹ Там же, с. 330—332.

Началось оно с доклада министра внутренних дел Никитина по поводу принятого Временным правительством постановления «О борьбе с анархией на водных путях». Во время его доклада в зале появился Керенский в сопровождении своих адъютантов. Министр-председатель немедленно получил слово для внеочередного заявления. Он сказал, что газеты «Рабочий путь» и «Солдат» вели агитацию за немедленное свержение Временного правительства, одновременно с этим большевики развернули и практическую подготовку восстания. Допуская грубые передержки, Керенский сравнивал статьи в большевистских газетах с писаниями правых прокуршиловских газеток «Живое слово» и «Новая Русь». «Для того чтобы не быть голословным, — заявил Керенский, — я процитирую вам здесь наиболее определенные места из ряда прокламаций, которые помещались разыскиваемым, но скрывающимся государственным преступником Ульяновым-Лениным в газете „Рабочий путь“. В ряде прокламаций под заглавием „Письмо к товарищам“ данный государственный преступник призывал петербургский пролетариат и войска повторить опыт 3—5 июля и доказывал необходимость приступить к немедленному вооруженному восстанию».¹⁰ Затем Керенский сказал, что и выступления многих других большевиков, особенно на митингах, также сводятся к призывам к вооруженному восстанию, «стихийной волне разрушения и погромов». Керенский прямо извращал подлинные цели большевистской партии, столь же определенно высказывавшейся против погромов, сколь определенно заявлявшей о стремлении установить твердую революционную власть. Далее он цитировал то место из «Письма к товарищам» В. И. Ленина, где говорилось, что немецкие революционеры-интернационалисты при невероятно тяжелых условиях смогли устроить восстание во флоте с шансами один на сотню. «А мы, — говорилось в статье В. И. Ленина, — имея десятки газет, свободу собраний, имея большинство в Советах, мы, наилучше поставленные во всем мире пролетарские интернационалисты, мы откажемся от поддержки немецких революционеров нашим восстанием».¹¹ Из этого министр-председатель Временного правительства делал следующий вывод: «Сами организаторы, таким образом, признают, что условия политические для свободы деятельности всех политических партий наиболее совершенны в настоящее время в России при управлении настоящего Временного правительства, во главе которого стоит, по мнению партии большевиков, узурпатор и человек, продавшийся буржуазии, министр-председатель Керенский». Он клеветнически утверждал, что большевики содействуют не немецкому пролетариату, а правящим классам Германии, «открывая фронт русского государства перед бронированным кулаком Вильгельма и его друзей». Керенский квалифицировал дейст-

¹⁰ Известия, 1917, 25 окт.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 407.

вия большевиков как «предательство и измену Российскому государству».

Керенский отдал распоряжения о начале соответствующего судебного следствия и необходимых арестов. Тут поднялся страшный шум со стороны левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов. Стараясь перекричать зал, Керенский громким голосом декларировал: «Да, слушайте! В настоящее время, когда государство от сознательного или бессознательного предательства погибает и находится на краю гибели, Временное правительство и я в том числе предпочитаем быть убитыми и уничтоженными, но жизнь, честь и независимость государства мы не предадим...» В этот момент к Керенскому подошел Коновалов и протянул ему какой-то листок. Это оказалось Предписание № 1 Военно-революционного комитета о приведении одного из полков в боевую готовность. Керенский прочел его под одобрительные крики правых депутатов «шредпарламента».

Министр-председатель указывал, что, несмотря на полученное правительством в 3 часа ночи обещание, до сих пор ВРК отказался сделать заявление об аннулировании своей телефонограммы от 22 октября о невыполнении приказов штаба. Идет самовольная раздача патронов и оружия, вызваны две роты на помощь революционному штабу. «Таким образом, я должен установить перед Временным Советом полное, явное и определенное состояние известной части населения Петербурга как состояние восстания», — подытожил Керенский. Он повторил, что это восстание будет немедленно подавлено правительством. Керенский утверждал, что готовится восстание «черни», так как «вся сознательная демократия», ЦИК и армейские организации выступили против большевистского восстания. Глава Временного правительства угрожал большевикам «немедленной, решительной и окончательной ликвидацией». Пусть население Петрограда знает, что «оно встретит власть решительную», и пусть в последний миг «рассудок и совесть победят в тех, у кого они еще сохранились».

Делая основной упор в борьбе с большевиками на военные меры, Керенский лишь с большой неохотой заставил себя вымолвить несколько слов по поводу вопроса о мире. Он сказал, что на Парижской конференции Временное правительство предполагает поставить вопрос «о необходимости решительно и точно определить цели и задачи войны и вопрос о мерах к приближению окончания войны, вопрос о мире». Однако это было так неопределенно, что не могло удовлетворить не то что народные массы, но даже и друзей самого Керенского из ЦИК. «Я требую, чтобы сегодня же, в этом заседании, — сказал в заключение Керенский, — Временное правительство получило от вас ответ, может ли оно исполнить свой долг с уверенностью в поддержке этого высокого собрания».¹² Не дожидаясь ответа на поставленный им

¹² Известия, 1917, 25 окт.

самим вопросом, Керенский немедленно покинул зал в сопровождении группы офицеров. Был объявлен перерыв для совещаний фракций «предпарламента». А Керенский, захав около 3 часов на минутку в Зимний дворец, распорядился эвакуировать из Зимнего дворца всех женщин, что вызвало приступ паники в правительственной резиденции. Текст же речи Керенского немедленно начал передаваться с Центрального телеграфа на фронт армейским и корпусным комитетам. Это вызвало со стороны ВРК решение установить контроль за телеграфом, и около 5 часов дня туда прибыли комиссары ВРК С. С. Пестковский и А. М. Любич. Войдя в контакт с караулом солдат Кексгольмского полка, поставленным для охраны телеграфа еще Временным правительством, они убедили их перейти на сторону ВРК и установили контроль над деятельностью телеграфа, предотвратив передачу в другие города и в армию значительной части документов и воззваний Временного правительства.

Штаб со своей стороны около 3 часов дня 24 октября отдал распоряжение о разводке мостов через Неву, кроме Дворцового, который был взят под охрану юнкерским караулом. В связи с этим сокращалось трамвайное движение, а занятия в учреждениях прекращались до срока. Узнав об этом, ВРК при помощи солдат ряда воинских частей и красногвардейцев помешал разводке большинства мостов. Охтинский, Литейный и Троицкий мосты не были в итоге разведены. Под контролем ВРК находились также мосты через Большую Невку и Малую Неву, связывавшие Выборгскую и Петроградскую стороны и Васильевский остров. Юнкера по распоряжению штаба округа задерживали автомобили без пассажиров в центре города и отводили их на Дворцовую площадь. То же самое делали на окраинах патрули Военно-революционного комитета. Но все эти действия пока еще не приводили к прямым столкновениям. Только на Николаевском мосту красногвардейский отряд вынужден был покинуть разводную часть около берега Васильевского острова под угрозой применения оружия со стороны превосходящего по численности отряда юнкеров, посланного из штаба округа. Николаевский мост был разведен. Представитель ВРК посетил Центральную телефонную станцию и потребовал немедленно включить телефоны Смольного. Однако в этом ему было отказано, и он уехал обратно.¹⁸ Большинство частей, вызванных Временным правительством из пригородов в ночь на 24 октября, не смогли прибыть в Петроград из-за противодействия местных Советов Павловска и Царского Села. В 4 часа дня из Зимнего дворца ушли самокатчики, охранявшие Временное правительство со времени июльских событий, заявив,

¹⁸ В нашу задачу не входит подробное изложение событий Октябрьского вооруженного восстания. Об этом см.: Ерыкалов Е. Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966; Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967, кн. 2, гл. XI; Революционный Петроград. Год 1917. Л., 1977.

что больше они эти посты нести не будут. А в 5 часов на митинге в цирке «Модерн» солдаты-самокатчики полностью присоединились к платформе Петроградского Совета.

Но в Смольном Троцкий, пользуясь своим официальным положением председателя Петроградского Совета, пытался внушить как «чужим», так и «своим», что никакого восстания не происходит, а принимаются меры только для обеспечения работы съезда. На заседании большевистской фракции II Всероссийского съезда Советов, открывшемся в Смольном в 2 часа дня, Троцкий сказал, что «арест Временного правительства не стоит в порядке дня как самостоятельная задача. Если бы съезд создал власть, а Керенский ей не подчинился, то это был бы полицейский, а не политический вопрос».¹⁴ Был опечатан, наконец, номер газеты «Рабочий путь» и начал распространяться по рабочим районам. Как уже говорилось выше, статья «Что нам нужно?» ориентировала рабочих и солдат на ожидание съезда и оказание ему поддержки, а также на посылку делегаций на съезд для убеждения делегатов приять решение о взятии власти.

Таким образом, вплоть до вечера 24 октября внешне инициатива в ускорении событий по-прежнему принадлежала Временному правительству и штабу. Но добиться своих целей они не смогли. Наоборот, центральный орган большевистской партии вышел под тем же названием и вопреки правительственному закрытию его. Большинство мостов перешло под контроль ВРК. Военно-революционный комитет по собственной инициативе установил контроль за Центральным телеграфом. Вместе с тем публичные заявления руководителей Петроградского Совета о том, что большевики будут ждать открытия съезда, давали как правительству, так и соглашателям иллюзорную надежду на возможность не допустить перехвата власти из рук Временного правительства съездом Советов.

В 7-м часу возобновилось заседание «предпарламента». Первым выступил левый эсер Б. Д. Камков, заявивший о недоверии его фракции теперешнему составу Временного правительства и о необходимости создания однородной демократической власти. Сменивший его К. А. Гвоздев убеждал членов «предпарламента», что рабочий класс на улице не выйдет. Выступивший после Гвоздева лидер меньшевиков¹⁵ Ф. И. Дан, исполнявший обязанности председателя ЦИК, сделал несколько выпадов по адресу большевиков. В то же время он еще раз сказал, что для того, чтобы выбить почву из-под ног большевизма, надо разрешить главные вопросы революции. «Необходимо, — говорил Дан, — ясное выступление и правительства, и Совета республики, выступление, в котором народ видел бы, что его законные интересы

¹⁴ Пролетарская революция, 1922, № 10, с. 90.

¹⁵ В момент восстания такие популярные лидеры меньшевиков, как Н. С. Чхеидзе и И. Г. Церетели, все еще находились на отдыхе на Кавказе.

защищаются именно этим правительством, а не большевиками». Вот почему вопросы о мире, о земле и о демократизации армии должны быть, по его словам, поставлены так, «чтобы ни у одного рабочего, ни у одного солдата не было ни малейших сомнений, что по этому пути наше правительство идет твердыми и неуклонными шагами». ¹⁶ Лидер эсеров А. Р. Гоц заявлял: «Мы и меньшевики не желаем создавать министерский кризис, мы готовы всеми силами, до последней капли крови защищать Временное правительство, но это только в том случае, если Временное правительство выскажется по всем этим жгучим вопросам теми точными и ясными словами, которых народ ожидает с таким нетерпением».

Затем выступил Ю. О. Мартов. Левые члены «предпарламента» встретили его аплодисментами, а правые возгласом: «Министр иностранных дел будущего кабинета!». «Я близорук, — ответил Мартов, — и не вижу, говорит ли это министр иностранных дел будущего кабинета Корнилова». Резко осудив намерение правительства использовать обстановку для наступления на революцию, Мартов сказал: «Демократия должна заявить правительству, что никакой поддержки оно от нее не получит, если правительство немедленно не даст гарантий реализации насущных нужд народа. Репрессии не могут заменить необходимости удовлетворения нужд революции. Должно быть сделано заявление, что Россия ведет политику немедленного мира, что земельные комитеты получают в свое распоряжение подлежащие отчуждению земли и что демократизация армии не будет приостановлена. Если такие заявления невозможны для правительства в его нынешнем составе, то оно должно реорганизоваться, дабы избавить страну от ужасов гражданской войны». ¹⁷ Далее Мартов сказал, что необдуманные меры правительства могут вызвать в массах отчаянное стремление принять участие в восстании; демократия должна сплотиться и принудить официальные круги, управляющие от имени России, вести действительно революционную политику. Это единственный способ предотвратить гражданскую войну.

Предложения фракций «предпарламента» были изложены в проектах «формулы перехода». Было внесено три проекта: 1) левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов, поддержанный меньшевиками и правыми эсерами; 2) кадетов и кооператоров; 3) казачьей фракции. Кадетская формула обещала правительству полную поддержку, проект казаков осуждал как большевиков, так и «явных и тайных циммервальдистов», упрекал правительство в слабости и требовал, чтобы «на этот раз никакого послабления большевикам не было». В выступлении по мотивам голосования представительница плехановского «Единства» Л. И. Аксельрод заявила, что будет голосовать за кадетский

¹⁶ Известия, 1917, 25 окт.

¹⁷ Там же.

проект.¹⁸ М. И. Либер заявил от имени меньшевиков, что хотя не все они вполне удовлетворены «формулой перехода» левых, но будут голосовать за нее. Эта формула и была принята большинством 123 против 102 при 26 воздержавшихся. Среди голосовавших «за» были левые и правые эсеры, меньшевики и меньшевики-интернационалисты. Среди воздержавшихся — народные социалисты, часть кооператоров и земцев, часть правых эсеров, в том числе В. Н. Фигнер и Н. Чайковский.

Принятие этой резолюции означало последнее в условиях существовавшей еще буржуазной республики поражение кадетов и общую тенденцию к «полевению», имевшую в перспективе образование «однородного социалистического правительства от народных социалистов до большевиков». Милюков именно народных социалистов и кооператоров винил в принятии «предпарламентом» «формулы перехода левых». Понимая, что отказ правительству в доверии в этот миг, не меняя соотношения сил в Петрограде, может оказать отрицательное влияние на отношение к Временному правительству в провинции и на фронте, умеренные «социалисты» не могли оторваться и от своих соседей. «Раз этот фронт передвигался влево, — констатировал Милюков, — то самое большее, на что они могли решиться, было воздержание от голосования формулы левых. Но в то же время они соглашались голосовать за формулу правых, и в случае голосования этой формулы раньше их голоса, быть может, могли бы дать правительству требуемое большинство.¹⁹ Но «формула левых» голосовалась первой, и воздержание «умеренных» привело к тому, что она была принята, а «формула правых» так и не была поставлена на голосование. Это застало всю группу врасплох, но было уже поздно. «Временное правительство, все целиком, — продолжал там же Милюков, — не могло понять решения Совета республики иначе, как вотум недоверия и прежде всего недоверия к несоциалистической части кабинета. При нормальных условиях результатом вотума мог бы быть окончательный распад коалиции и сформирование однородного социалистического правительства». Таковы следы завершающей стадии этого последнего октябрьского кризиса Временного правительства, который не успел взорваться очередным общественным скандалом только потому, что чуть более чем через сутки само правительство перестало существовать.

¹⁸ Еще в 2 часа 25 минут ночи 24 октября телеграф в Зимнем дворце принял следующую «ободряющую» телеграмму от группы «Единство»: «Петроградский комитет социал-демократической организации „Единство“ считает долгом политической чести выразить вам свое убеждение, что в переживаемый момент всякие колебания перед лицом анархии являются преступлением перед Россией. Правительство, не желающее предавать Родину, должно или победить или умереть» (см.: ЦГАОР СССР, ф. 3, оп. 1, д. 275, л. 1).

¹⁹ Милюков в П. Н. Указ. соч., с. 210.

Первый пункт принятой Временным Советом республики «формулы перехода» осуждал готовящееся восстание большевиков. «Подготавливающееся за последние дни вооруженное выступление, имеющее целью захват власти, — говорилось в этом документе, — грозит вызвать гражданскую войну, создает благоприятные условия для погромного движения и мобилизации черносотенных контрреволюционных сил и неминуемо влечет за собой срыв Учредительного собрания, новые военные катастрофы и гибель революции в обстановке паралича хозяйственной жизни и полного развала страны».²⁰ Этот пункт, как видим, являлся обвинительным приговором всему режиму керенщины, который привел страну к полному политическому и экономическому развалу. Второй пункт конкретизировал ответственность Временного правительства Керенского за это положение. «Почва для успеха указанной агитации, — указывалось там, — создана помимо объективных условий войны и разрухи промедлением в проведении неотложных мер, и потому необходимы прежде всего немедленный декрет о передаче земель в ведение земельных комитетов и решительное выступление по внешней политике с предложением союзникам провозгласить условия мира и начать мирные переговоры». Последний пункт возвращал к политической и военной реальности столицы вечером того дня: «Для борьбы с активным проявлением анархии и погромного движения необходимо немедленное принятие мер к их ликвидации и создание для этой цели в Петрограде Комитета общественного спасения из представителей городского самоуправления органов революционной демократии, действующего в контакте с Временным правительством».

План, предложенный самими левыми фракциями «предпарламента» и поддержанный меньшевистско-эсеровским центром, напоминал и план Томпсона и Робинса, и план Верховного одновременно. Разница состояла в том, что, во-первых, теперь этот план предлагался Временному правительству официально от имени органа, признанного властью, хотя и не паделенного законодательными функциями. Второе отличие состояло во времени. Этот план предлагался на неделю позже плана американцев и на три дня позже плана Верховского. А обстановка за эти дни резко изменилась. В результате же провокации Керенского Военно-революционный комитет начал осуществлять уже разработанный заранее план вооруженного восстания.

До 9—10 часов вечера ВРК еще воздерживался от прямых вооруженных захватов стратегических объектов в городе, а Троцкий и ряд его сторонников в Смольном все еще усиленно подчеркивали оборонительный характер своих действий и были склонны, убедившись в военном превосходстве большевиков, обождаться с развязкой событий до открытия II Всероссийского съезда Со-

²⁰ Известия, 1917, 25 окт.

ветов. Так, на открывшемся в 7 часов вечера в Смольном общем собрании Петроградского Совета с участием многих делегатов Всероссийского съезда Троцкий выступил с информационным докладом о действиях ВРК. Он сообщил, в частности, что Петроградский Совет посетила делегация городской думы и думе предоставлено одно место в Военно-революционном комитете. На вопрос делегации, готовит ли Петроградский Совет выступление, он ответил, что передача власти Советам будет осуществлена решением съезда Советов, но «приведет ли это к выступлению — зависит не от нас, а от тех, кто будет нам противиться». Он назвал Временное правительство «полувластью», которая ждет взмаха «исторической метлы, чтобы очистить место подлинной народной власти». «Но конфликт восстания сегодня или завтра, — продолжал Троцкий, — не входит в наши планы у порога Всероссийского съезда Советов. Мы считаем, что Всероссийский съезд Советов проведет этот лозунг с большей силой и авторитетом». О желании несколько оттянуть решительный акт восстания говорит и содержание некоторых статей газеты «Рабочий путь» за 25 октября 1917 г. Писались они накануне и отразили настроения вечера 24 октября. Передовая газеты называлась «Перед решением», что уже само по себе показательно. Она начиналась с утверждения, что «созревшее революционное столкновение уперлось в немедленное разрешение». Или власть переходит в руки буржуазно-помещичьей шайки, «или власть перейдет в руки революционных рабочих, солдат и крестьян...». Решение в ту или иную сторону неизбежно. «Временное правительство разваливается, — констатировала газета. — Оно обманно уверяло армию, что согласно добиваться и может добиться от „союзников“ полного „отказа от захватов“. Но „союзные“ заправили разбойного капитала (в полном согласии с российской буржуазией) решительно отказываются в какой бы то ни было мере считаться с требованиями российской революции (ничего другого нельзя было и ожидать от них!). Американские, английские и французские банкиры постановляют: „войну продолжать“! Пусть гибнут миллионы крестьян и рабочих, пусть гибнет русская революция — „союзные“ буржуа заранее рукопленнут ее гибели и, издаваясь над ней, запрещают даже Скобелеву появление на „союзной“ конференции и снимают окончательно с ее обсуждения вопрос о „целях войны“. Военный министр Верховский (отнюдь не большевик, что ни кричала бы желтая пресса) понимает, что в таких условиях русская армия сражаться не сможет, что солдаты откажутся умирать ради завоевательных целей ненасытных буржуазных захватчиков. За это „понимание“ военный министр Верховский в двадцать четыре часа „вылетает“ из министерства. Ибо позади министерства скрыта подлинная власть — власть Родзянки и Бьюкенена (английского посла). С уходом Верховского тайное становится явным». Но наряду с властью «республиканца» Керенского, играющего роль заслона для правитель-

ства монархистов типа Родзянко, вырастает власть Советов. «Кому из них быть властью в Петрограде, кому из них быть властью в России?». Газета напоминала, что «Временное правительство объявило войну Военно-революционному комитету и партии рабочих, солдат и крестьян. Наши газеты закрыты (утром были опечатаны типографии „Рабочего пути“ и „Солдата“, и если они выходят, то лишь потому, что контрреволюционные насильники уже бессильны против сознательных и верных защитников революции)». Газета призывала решить вопросы революции самим рабочим, солдатам и крестьянам. «В великий час — великая ложится на нас ответственность». По этой передовой нельзя было бы предсказать, что к утру 25 октября весь город будет уже в руках ВРК и Ленин в 10 часов утра напишет воззвание «К гражданам России!» о низложении Временного правительства.

В еще более мягких тонах была выдержана статья Г. Е. Зиновьева «К съезду Советов». Он писал о великой задаче, стоящей перед II Всероссийским съездом Советов, и о том, что «во Временном правительстве и вокруг него происходят вещи, превосходящие все, что могли бы предположить самые яростные противники этого правительства», что «последние мирные надежды, которых... до самых последних дней был не чужд и пишущий эти строки, — разбиты жизнью». Далее в статье говорилось о том, что съезд должен решить вопросы о войне и мире, вопрос о земле, создать такую власть, которая сможет обеспечить созыв Учредительного собрания, ... и ни слова — о восстании.

Поэтому так обеспокоен и взволнован был вечером 24 октября В. И. Ленин, когда писал знаменитое письмо членам ЦК РСДРП(б). «Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го, — начиналось оно, — положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно.

Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс».²¹ Ленин писал, что взятием власти сейчас большевики защитят народ от корниловского правительства, «которое прогнало Верховского и составило второй корниловский заговор».²² Ленин требовал от ЦК: «... ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью».²³ Ленин напоминал, что взятие власти есть дело восстания, политический смысл которого выяснится после взятия. «Было бы гибелью или формальностью, — заключал он, — ждать колеблющегося голосования

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 435.

²² Там же.

²³ Там же, с. 436.

25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой; народ вправе и обязан в критические моменты революции направлять своих представителей, даже своих лучших представителей, а не ждать их».²⁴

Вскоре после отправления этого письма В. И. Ленин вместе со своим провожатым Эйно Рахья вышел со своей последней конспиративной квартиры и поехал в Смольный, чтобы лично вмешаться в ход вооруженного восстания. А в это время и Военно-революционный комитет начал предпринимать наступательные действия, направленные на установление полного контроля над столицей. После 9 часов вечера было занято Петроградское телеграфное агенство, расположенное буквально напротив Зимнего дворца, на Невском, 1. В то же время был отправлен отряд для занятия Балтийского вокзала, откуда Временное правительство все еще ждало дополнительных отрядов юнкеров для своей защиты. В Гельсингфорс была послана условленная телеграмма с просьбой о присылке подкреплений. Готовились и новые операции. Попытки же штаба закрыть газету Петроградского Совета «Рабочий и солдат» в типографии «Копейка», установить юнкерский караул на Центральном телеграфе и удалить оттуда комиссаров ВРК успеха не имели.²⁵

После 10 часов вечера 24 октября представители Временного Совета Российской республики (его председатель правый эсер Н. Д. Авксентьев, руководитель меньшевистской фракции Ф. И. Дан и эсеровской — А. Р. Гоц) прибыли в Зимний дворец. Они были проведены в Серебряную гостиную рядом с Малахитовым залом, где шло заседание Временного правительства. Вызвав Керенского с заседания, они вручили ему «формулу перехода». Прочитав ее, Керенский назвал резолюцию вызовом правительству. Если она является выражением недоверия Временному правительству, то пусть эсеры и меньшевики вместе с «предпарламентом» и составляют новый кабинет. Это был привычный шаптаж отставкой, к которому Керенский столько раз прибегал. Соглашатели заверили его, что речь не идет об отставке правительства. Вместе с тем они потребовали, чтобы «формула перехода» была оглашена немедленно на заседании правительства. Керенский скрылся за дверью и вскоре появился вновь. Временное правительство, сказал он, считается с тем, что Совет республики отказал ему в безоговорочной поддержке, но в подсказках не нуждается и будет действовать самостоятельно. Делегаты вынуждены были удалиться.²⁶ Высокомерный отказ прислушаться к опыту искусных политиканов, знавших особенности массовой психологии, ухудшил отношения между Керенским и его прави-

²⁴ Там же.

²⁵ Рабочий и солдат, 1917, 25 окт.

²⁶ Дан Ф. К истории последних дней Временного правительства. — В кн.: Октябрьская революция. Мемуары. М.; Л., 1926, с. 131.

тельством и вождями соглашательских партий и поставил правительство в еще большую изоляцию в столице.

К 12 часам ночи Дан и Гоц появились в Смольном. Наскоро перекусывая, они, к своему изумлению, заметили В. И. Ленина. Он уже прибыл в штаб революции, чтобы лично руководить восстанием, и с этого момента оно стало стремительно набирать темпы. Была занята вся железная дорога от Балтийского вокзала до Стрельны. Затем под контроль ВРК перешел Варшавский вокзал. Красногвардейцы были уже полными хозяевами на Финляндском вокзале. Комиссары ВРК установили свой контроль на почтамте. В 2 часа ночи был занят Николаевский вокзал, послан комиссар на электростанцию Общества электрического освещения 1886 г. А в Смольном в 12 часов 25 минут почти открылось заседание ЦИК. Доклад о текущем моменте делал Дан. Ярый и убежденный противник большевиков, воевавший с ними с 1903 г., он не жалел ни энергии, ни сил, чтобы попытаться в последний момент зацепиться за колеблющихся, сомневающихся и не допустить восстания, не допустить перехода власти к Советам. Дан восклицал, что вооруженное восстание приведет к анархии и контрреволюции, к голоду и военному поражению страны. ЦИК до конца будет «пытаться остановить кровопролитие, будет стоять посередине двух враждующих станов, и только через труп ЦИК штыки этих враждующих сторон скрестятся между собой». Он признал, что народные массы измучились и не могут ждать «почетного мира», который обещали им оборонцы. Тем не менее он призывал еще раз «демократию сплотиться воедино». После Дана выступали представители фракций. Троцкий, в частности, убеждал меньшевистско-эсеровский ЦИК взять всю власть в свои руки и утверждал, что именно ЦИК может предотвратить гражданскую войну и ему «по праву принадлежит место хозяина земли русской».

Выступивший затем представитель меньшевистской фракции М. И. Либер уверял, что власть Советов, если она будет установлена, не сможет сдержать своих обещаний. Он призывал членов ЦИК не оказывать никакой поддержки восстанию. В этом же духе выступал и представитель фракции эсеров М. Я. Гендельман. Взволнованный Дан вновь попросил слова и заявил, что большевик В. Д. Бонч-Бруевич установил цензуру «Известий»! Когда стих шум, вызванный этим заявлением, на трибуну поднялся Ю. О. Мартов и сказал, что у пролетариата есть право на выступление, но условия не благоприятствуют ему. Он протестовал против действий большевиков и призывал членов ЦИК голосовать за формулу перехода «предпарламента». Левый эсер А. Л. Коллегаев высказался за создание власти Советов на Всероссийском съезде.

Дан в заключительном слове предсказывал недолговременность победы большевиков. «В ваших руках, — обращался он к членам ЦИК, — либо обеспечить будущее революции, либо идти

путем необдуманных выступлений, идти прямо в разверстую пасть». Затем Мартов огласил резолюцию меньшевиков-интернационалистов и предложил принять ее единогласно. Резолюция осуждала призывы к выступлению, призывала рабочих оставаться спокойными и предлагала в качестве немедленных мер выставление требований к Временному правительству об издании закона о земле и о предложении союзникам приступить к мирным переговорам, т. е. повторяла формулу перехода «предпарламента».

В. Володарский от имени большевиков указал на нелепость вынесения каких-либо политических резолюций за несколько часов до открытия съезда Советов и о неправомочности ЦИК брать на себя функции съезда. После этого фракция большевиков в полном составе покинула заседание ЦИК. В отсутствие большевиков резолюция Мартова была принята. Было 4 часа утра 25 октября 1917 г.

За это время крейсер «Аврора» подошел по приказу ВРК к разводной части Николаевского моста рядом с Васильевским островом. Опасаясь его пушек и пулеметов, юнкера покинули мост, и он был вновь сведен. Кратчайший путь для красногвардейцев Василеостровского района к центру города был вновь в руках восставших. Вскоре, в ранние утренние часы 25 октября, был занят Государственный банк и Центральная телефонная станция. Немедленно были включены телефоны Смольного и выключены телефоны Зимнего дворца. Практически весь город, кроме нескольких десятков кварталов центра, находился уже в руках войск, красногвардейцев и матросов, подчинявшихся приказам Военно-революционного комитета.

Около 2 часов ночи кончились вопросы повестки дня на заседании Временного правительства в Зимнем дворце. Министры разъехались, а Керенский перешел в штаб Петроградского военного округа. Там царил первная и растерянная обстановка. Примерно с полуночи сюда стекались сведения об успешных действиях ВРК. Штаб посылал отдельные отряды ударников и юнкеров с приказами вернуть контроль над тем или иным учреждением. Но посланные вскоре же возвращались, докладывая о своих неудачах. Керенский убедил представителей казачьих войск прислать часть для защиты Временного правительства. К утру выяснилось громадное преимущество сил ВРК. У Керенского созрел план отправиться на Северный фронт, чтобы привести войска и добиться изменения соотношения сил в пользу Временного правительства. Решено было, что в отсутствие Керенского правительство возглавит Коновалов. План этот одобрил и Терещенко.

Вышедшие утром 25 октября петроградские газеты еще отражали соотношение сил позднего вечера предыдущего дня, когда планомерные наступательные действия ВРК еще только начинались. Передовые статьи этих газет содержали последние надежды соглашателей на изменение курса Временного правительства, на

раскол съезда Советов, на «благоразумие» рабочих и солдат столицы. «Известия» в передовой «Важные решения» излагали содержание формулы перехода «предпарламента», утверждая, что Совет республики высказался в ней «за неотложное удовлетворение всех требований армии и рабочих». «Обращая внимание на это, — говорилось далее в статье, — мы призываем всех рабочих и солдат оставаться спокойными и не рисковать никакими выступлениями ради того, что уже проводится мирным путем». В редакционной статье «Безумная авантюра» того же номера «Известий» констатировалось, что убедить большевиков отказаться от выступления не удалось, восстание организуется и начинается. Статья пугала читателей ужасами развала и победы контрреволюции, если восстание будет успешным.

«Новая жизнь» посвящала свою передовую Всероссийскому съезду. С одной стороны, новожизненцы разделяли требование об устранении правительства Керенского решениями II Всероссийского съезда Советов, с другой — убеждали большевиков не выступать первыми: «...если стрельба неотвратима, то пусть стреляют корниловцы». «Рабочая газета» в передовой «Грозный час» признавала, что правительство первое начало военные действия, однако фактическое начало восстания оно отнесло к большевистской стороне, считая им телеграмму ВРК о невыполнении приказов штаба от 22 октября. «Но надежда еще не потеряна, — убеждала своих сторонников газета. — Сегодня открывается съезд Советов, от которого большевики ждут окончательного решения... Необходимо употребить все усилия, чтобы съезд Советов дрогнул перед принятием рокового решения, чтобы там был найден компромисс». Но меньшевики опоздали с этим призывом по крайней мере на полтора месяца. На компромисс большевики соглашались в начале сентября. Теперь они обладали не только волей к победе, но и реально держали победу в руках.

Это лучше других понял сам министр-председатель Временного правительства, доживавшего свои последние часы. В 9 часов утра Керенский вызвал в штаб округа министра юстиции Малянтовича. Когда тот прибыл, то нашел уже в сборе самого Керенского, Коновалова, Кишкина, генерала Багратуни, адъютантов Керенского. «Керенский был в широком сером драповом пальто английского покроя, — записывал Малянтович позднее свои впечатления, — и в серой шапке, которую он всегда носил: что-то среднее между фуражкой и спортивной шапочкой. Лицо человека, не спавшего много ночей, бледное, страшно замученное и постаревшее. Смотрел прямо перед собой, ни на кого не глядя, с прищуренными веками, помутневшими глазами, затаившими страдание и сдержанную тревогу. Подал мне руку, взглянув рассеянно и мельком».²⁷ Коновалов и Кишкин были без верхней одежды.

²⁷ Малянтович П. Н. В Зимнем дворце 25—26 октября 1917 года. Из воспоминаний. — Былое, 1918, № 12, с. 115.

Они разъяснили Малянтовичу, что Керенский собирается ехать в Лугу навстречу войскам, которые следуют с Северного фронта в Петроград. «Навстречу войскам, идущим сюда на помощь Временному правительству? — испуганно переспросил министр юстиции. — А в Петрограде, значит, нет войск, готовых защищать Временное правительство?». «Ничего не знаю!» — развел руками Коновалов.

Между тем Керенский распрощался со всеми и вышел во двор штаба, откуда вскоре выехал в направлении Московской заставы.²⁸ Около 11 утра пристав Временного Совета Российской республики доложил Набокову, что видел из окна Марининского дворца уезжавшего Керенского.²⁹ По Марининской площади к Воскресенскому проспекту быстро ехал закрытый «рено» с флагом американского военного атташе, за ним в машине марки «Пирс-Эрроу» с открытым верхом ехал Керенский со своими адъютантами. Больше он не вернулся в Петроград, по агония его правительства еще продолжалась...

После отъезда Керенского Коновалов, оставленный в качестве председателя, посоветовавшись с Кишкиным и Малянтовичем, решил перейти в Зимний дворец и там в 12 часов открыть официальное заседание Временного правительства. Один за другим к Салтыковскому подъезду в автомобилях и экипажах подъезжали министры. Для всех явилось неожиданностью известие о том, что Керенский уехал в Лугу. Около 12 часов Коновалов открыл заседание. На нем присутствовали морской министр адмирал Д. Н. Вердеревский,³⁰ министр внутренних дел А. М. Никитин, министр земледелия С. Л. Маслов, заместитель председателя Экономического совета Н. П. Саввиц, министр финансов М. В. Бернацкий, министр юстиции П. Н. Малянтович, государственный контролер С. А. Смирнов, председатель Экономического совета С. Н. Третьяков, министр путей сообщения А. В. Ливеровский.³¹

Коновалов сделал доклад, из которого явствовало, что восстание большевиков развивается успешно, а сил у Временного правительства явно недостаточно. Было отмечено, что штаб Петроградского военного округа и, в частности, главный начальник округа полковник Полковников действенных мер к обороне пра-

²⁸ Подробнее об отъезде Керенского из Петрограда см.: Старцев В. И. Бегство Керенского. — Вопросы истории, 1966, № 11; Ганелин Р. Ш. Указ. соч., с. 400—401.

²⁹ См.: Набоков В. Д. Большевицкий переворот. — В кн.: Архив русской революции. Берлин, 1922, т. 1, с. 85.

³⁰ Как уже говорилось выше, адмирал Вердеревский вечером 24 октября написал прошение об отставке, но в связи с началом восстания считал своим долгом не подавать его (см.: Юрковский П. К. К истории кризиса верхов накануне Октябрьского вооруженного восстания. — В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1980, с. 280—281).

³¹ См.: Последние часы Временного правительства. — Исторический архив, 1960, № 6, с. 40.

вительства не принимают. В своих воспоминаниях Никитин так передавал вопросы, поставленные Коноваловым министрам: «Следует ли защищать дворец и кому поручить заведование защитой ввиду того, что полковник Полковников находится в состоянии полной прострации и ничего не предпринимает?».³² Кишкин предложил вызвать Полковникова и выслушать его, остаться в Зимнем дворце до возвращения Керенского, выбрать «лицо, которому поручить все распоряжения по борьбе с восставшими большевиками», а также выявить все силы, находящиеся на стороне Временного правительства.³³

В 12 часов 50 минут секретарь Коновалова сообщил, что к нему пришла делегация от казаков и желает говорить. Казаки отказывались выступать на поддержку правительства без пехоты. Коновалов ушел, предоставив председательское место Вердеревскому. Слово взял эсер Маслов, призвавший немедленно отбить почту, телеграф и телефон. Он предложил также занять штаб округа сильным отрядом, подготовиться к обороне, а Полковникова арестовать. Малянтович указал на кадета Кишкина как на «особо полномочное лицо». Проблема «лица», как мы помним из протокола Временного правительства от 17 октября, всегда очень волновала министров. Тогда была избрана четверка. Из нее в дни 22—24 октября автоматически выделился сам Керенский, как об этом свидетельствует Малянтович в своих воспоминаниях.³⁴ Но Керенский уехал, когда он вернется, сказать было трудно. Поэтому проблема «лица» опять встала во весь рост. Кандидатуру Кишкина, уже выполнявшего ответственное задание правительства в качестве уполномоченного по разгрузке Петрограда, поддержал Третьяков. Но против него выступил Никитин. Он сказал: «Имя Кишкина, безусловно популярное в Москве, не пользуется особым расположением в Петрограде, особенно в демократических кругах». Сам он выдвинул кандидатуру начальника штаба ПВО Багратуни. Маслов поддержал Кишкина. Но пока Коновалов не вернулся, решено было вопрос о «лице» не обсуждать. Объявили перерыв на 15 минут.

А в Смольном В. И. Ленин пишет воззвание «К гражданам России!», где говорилось:

«Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

³² Никитин А. М. Зимний. — Неделя, 1966, № 45, с. 11.

³⁴ Малянтович П. Н. Указ. соч., с. 111—112. — Более подробно о безуспешных попытках правительства организовать сопротивление см.: Старцев В. И. Последний день Временного правительства. — В кн.: Из истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР. Л., 1967, с. 99—115.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов.

25-го октября 1917 г., 10 ч. утра.³⁵

Текст этот был сдан в типографии, и вскоре в виде листовок должен был распространяться по городу. Фактически весь Петроград за исключением района Мариинской, Исаакиевской и Дворцовой площадей находился уже в руках восставших. Под постоянным вниманием и контролем В. И. Ленина ВРК спешно организовывал заключительные операции Октябрьского вооруженного восстания. Одна из них была направлена на ликвидацию Временного Совета Российской республики, вред политической деятельности которого так ярко был продемонстрирован вечером 24 октября. С утра 25 октября в Мариинском дворце собралось около ста членов «предпарламента». Они стали свидетелями бесславного бегства Керенского из Петрограда, и когда в Белом зале появился председатель Временного Совета правый эсер Авксентьев, его забросали вопросами о том, куда поехал Керенский. Тот отвечал, что Керенский скоро вернется с верными правительству войсками. Но вместо войск Керенского около часу дня к Мариинскому дворцу подошли войска Военно-революционного комитета. Комиссары ВРК предъявили требование Авксентьеву о немедленном очищении дворца. Тогда Авксентьев собрал Совет старейшин, который принял решение считать заседание Временного Совета республики несостоявшимся. Но возбужденные депутаты-кадеты стали требовать открытия заседания Временного Совета. Оно открылось, но выяснилось, что кворума нет. А на улице стояла рота солдат Кекегольмского резервного полка и отряд матросов Гвардейского флотского экипажа. К главному подъезду Мариинского дворца подошел броневик «Олег». Новый переулок, слева от дворца, и Вознесенский проспект — справа — перегородили поставленными поперек легковыми автомобилями. Комиссары ВРК вторично предложили председателю и членам «предпарламента», служащим канцелярии покинуть здание. Это, наконец, подействовало, и они, «подчиняясь пасивной», двинулись к выходу. По главной лестнице по обеим сторонам ее стояли цепочки солдат и матросов. Членов Совета республики беспрепятственно выпускали из дворца. Даже Милоков и Набоков, страшно боявшиеся ареста, смогли свободно уйти. Лишь находившиеся там товарищ министра внутренних дел Авинов и быв-

³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 1.

ший начальник канцелярии военного министра Стануц были арестованы и доставлены в Смольный.

В этот момент к солдатам оцепления подошел генерал Алексеев, являвшийся членом «предпарламента», и потребовал, чтобы его пропустили во дворец. Солдаты отказывались. Тогда Алексеев закричал на них, что они не имеют права его не пускать, так как он их бывший главнокомандующий! Солдаты вызвали комиссара. Как писали «Известия» 26 октября, «крайне взволнованный поручик заявил: „Ваше превосходительство, вход во дворец строгойше запрещен, и я не имею права Вас сюда пропустить, так как в ближайшие минуты может оказаться необходимость принятия самых энергичных и решительных мер“». Алексеев продолжал настаивать и ушел только тогда, когда ему указали на то, что и другие члены Временного Совета выходят из здания. Около 2 часов дня дворец окончательно опустел и «предпарламент» перестал существовать навсегда. Эта выдумка последней коалиции, погрешка для народа, которая должна была отвлекать его внимание, отошла в область преданий, так и не справившись с задачей, которую поставили перед Временным Советом его создатели.

А в Зимнем дворце, где еще не знали о падении «предпарламента», в 1 час 20 минут дня возобновилось заседание Временного правительства. Министры выслушали неутешительный отчет Коновалова о переговорах с казаками. К заседавшим присоединился комиссар ЦИК при Ставке народный социалист Станкевич. Он сам по пути во дворец убедился в успешном ходе восстания и даже был задержан на некоторое время патрулем Павловского резервного полка на Миллионной улице. Станкевич предложил выпустить воззвание от Временного правительства к Действующей армии, что и было принято.³⁶ После незначительного обмена мнениями слово взял адмирал Вердеревский. «У нас нет никакой реальной силы, — сказал он, — а следовательно, мы бессильны что-либо предпринять, а потому бессмысленно продолжать наше заседание. Было бы лучше созвать заседание Временного Совета республики».³⁷ Но Кишкин в резком тоне стал возражать ему, говоря, что Временное правительство не «петроградское» правительство, а всероссийское и в России найдутся силы для его поддержки. Он призывал опереться на «моральную силу», обратиться к общественным группам, «предпарламенту», пригласить в Зимний дворец Совет старейшин Временного Совета республики и представителей городской думы. Коновалов предложил оставаться в Зимнем дворце вплоть до ареста. Это предложение было принято единогласно. О дальнейшем ходе событий министр путей сообщения Ливеровский так рассказывает в своем дневнике: «Коновалов предлагает выпустить какое-либо обращение к населению

³⁶ Станкевич В. Б. Октябрьское восстание. — В кн.: Октябрьская революция. Мемуары. М.; Л., 1926, с. 209.

³⁷ Последние часы Временного правительства, с. 42—43.

Петрограда. Сейчас же следует целый ряд других предложений, но они не обсуждаются и не баллотированы. Начинаются общие разговоры, в результате которых в 1 час 30 мин. дня Сташкевич отправляется в штаб за Багратуни, чтобы лично от него все члены Временного правительства могли узнать о положении дела и убедиться, возможно ли ему вручить власть». ³⁸ Кроме единодушного стремления арестоваться, Временное правительство по существу никаких решений не приняло. Керенский, в предшествующие дни единолично сносившийся с военными властями, уехав, оставил министров беспомощными, совершенно не информированными относительно действительных сил в Петрограде. Они метались и не знали, с чего начать.

В 1 час 35 минут в Малахитовый зал вошли управляющий Военным министерством Маниковский и Пальчинский. Последний тихо сказал Коновалову, что Мариинский дворец занят войсками Военно-революционного комитета и «предпарламент» разогнан. Коновалов стал просить Маниковского указать на лицо, которое могло бы возглавить защиту правительства, но тот отказался, ссылаясь на плохое знание командного состава. Пришел Багратуни и на прямой вопрос Коновалова о количестве сил сказал, что сейчас имеется около 900 юнкеров и до сотни офицеров, командовать которыми будет полковник Раецкий. «Можно ли освободить Мариинский дворец?» — спросил Коновалов. «Вряд ли», — ответил Багратуни. В 2 часа 10 минут начальник штаба ушел. Тогда сразу же вернулись к мысли о назначении особо уполномоченного лица. Выдвинуты были Кишкин и Пальчинский. Большинство голосов получил Кишкин. В 2 часа 25 минут был объявлен перерыв для оформления полномочий Кишкина.

А в 2 часа 35 минут в Смольном открылось общее собрание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. На нем впервые открыто выступил В. И. Ленин. Он заявил, что «рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась». ³⁹ Обращаясь к членам Петроградского Совета, Ленин разъяснил значение совершившегося переворота. «Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, — говорил он, — что у нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии». ⁴⁰ В принятой вскоре по докладу В. И. Ленина и написанной им самим резолюции говорилось: «Совет, выражая непоколебимую уверенность, что рабочее и крестьянское правительство, которое, как Советское правительство, будет создано революцией и которое обеспечит поддержку городскому пролетариату со стороны всей массы беднейшего крестьянства, что

³⁸ Там же.

³⁹ Ленин В. И. Полн собр. соч., т. 35, с. 2.

⁴⁰ Там же.

это правительство твердо пойдет к социализму, единственному средству спасения страны от неслыханных бедствий и ужасов войны.

Новое рабочее и крестьянское правительство немедленно предложит справедливый демократический мир всем воюющим народам.

Оно немедленно отменит помещичью собственность на землю и передаст землю крестьянству. Оно создаст рабочий контроль над производством и распределением продуктов и установит общенародный контроль над банками, вместе с превращением их в одно государственное предприятие». ⁴¹

Таким образом, большевики принимали все меры к укреплению политического успеха восстания немедленным опубликованием своей программы, не дожидаясь сформирования Советского правительства на съезде Советов.

Мир и земля — вот первые слова победившей революции, обращенные к народу. Это те самые слова, которых тщетно пытались добиться от правительства Керенского соглашатели в последние дни перед восстанием. Теперь их во всеуслышание произнесли большевики, обеспечивая себе еще большие симпатии громадного большинства трудящегося населения страны, рабочих, солдат и крестьян.

Чем яснее становилось неминуемое падение Временного правительства, тем большую активность проявляли меньшевики и эсеры в своих отчаянных попытках не допустить окончательного оформления большевистского Советского правительства, не допустить партию большевиков к власти в стране. После разгона «предпарламента» центром сбора контрреволюционных сил соглашателей и кадетов стала Петроградская городская дума, не терявшая надежды спасти и Временное правительство. Она создала Комитет общественной безопасности под председательством городского головы эсера Шрейдера. Комитет объявил себя защитником населения города от «беспорядков». ⁴² Утром 25 октября состоялось первое заседание комитета, на котором городской голова убеждал его членов в том, что положение Временного правительства прочное. Но гласный Петроградской думы, большевик Мануильский, прибывший из Смольного, объявил, что Временное правительство низложено и переворот стал совершившимся фактом. Заслушав эти сообщения, Комитет общественной безопасности Петроградской думы постановил считать «вопрос о положении Временного правительства открытым». Были направлены два эмиссара комитета: один во Временное правительство, другой — в ВРК. Дума предложила организовать комитеты общественной безопасности и в районах Петрограда. ⁴³

⁴¹ Там же, с. 4.

⁴² Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 335.

⁴³ Новая жизнь, 1917, 26 окт.

Днем 25 октября состоялись заседания центральных комитетов партий меньшевиков и эсеров, обсуждавших текущий момент и поведение своих фракций на предстоящем съезде Советов. Меньшевики связали его с «совершенным большевиками переворотом». В принятой резолюции говорилось, что «военный заговор был организован и осуществлен партией большевиков именем Советов за спиной всех других партий и фракций, представленных в Советах». Далее утверждалось, что он ввергает страну в междусобиору, срывает Учредительное собрание и грозит военной катастрофой, ведя к «торжеству контрреволюции». Меньшевики утверждали, что «единственным возможным мирным выходом из положения остаются переговоры с Временным правительством об образовании власти, опирающейся на все слои демократии». В резолюции говорилось, что фракция меньшевиков должна покинуть заседания съезда Советов и призвать последовать своему примеру все другие фракции съезда, отказывающиеся нести ответственность за восстание. ЦК партии эсеров также резко выступил против восстания. Но на заседании эсеровской фракции II Всероссийского съезда Советов резолюция ЦК собрала 60 голосов против 93. Тем самым левые эсеры, которых во фракции съезда оказалось большинство, не одобрили политическую линию своего руководства.⁴⁴ Но маневры соглашательских партий уже ничего не могли изменить. Часы существования Временного правительства близились к концу.

По приказанию ВРК с 11 часов утра солдаты Павловского резервного полка установили оцепление на Миллионной улице. Они вскоре задержали министра продовольствия Прокоповича, который ехал в Зимний дворец на заседание правительства. Вместо этого он был арестован и отправлен в Смольный. В 3 часа дня оцепление павловцев было усилено 400 красногвардейцами Петроградского района. Но и Временное правительство сумело несколько увеличить свои войска. На его охрану прибыли еще две роты юнкеров Школы прапорщиков инженерных войск, три сотни казаков с пулеметной командой, задержаны были во дворце и «ударницы» полуроты 1-го Петроградского женского батальона, которым вчера обещали, что они будут отправлены на охрану бензиновых складов Нобеля. К 5 часам вечера в Зимнем находилось уже около 2 тыс. солдат и офицеров.⁴⁵ Одна из прибывших рот Школы прапорщиков под командованием поручика Синегуба вместе со Станкевичем сделала попытку пробиться к Мариинскому дворцу. Но, уже выйдя по Морской через арку Главного штаба на Невский, Станкевич убедился, что к дворцу, охраняемому броневиками, с такими малыми силами лучше не ходить.

⁴⁴ Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967, кн. 2, с. 335.

⁴⁵ См.: Старцев В. И. Последний день Временного правительства, с. 106.

Тогда полурота юнкеров была отправлена на освобождение телефонной станции. Эта попытка закончилась пленением и разоружением юнкеров. Остатки отряда вместе со Станкевичем и Синегубом вынуждены были вернуться в Зимний.

А там во время продолжавшегося перерыва в заседании правительства Малянтович, Маслов, Карташев и Гвоздев трудились над составлением текста воззвания к населению. «Оно разъясняло, — рассказывал в своих воспоминаниях Малянтович, — положение вещей и призывало население к защите государственного порядка и законного всепародного правительства, которое может сдать свои полномочия только Учредительному собранию, против выступления большевиков, имеющего очевидной целью насильственно захватить верховную власть вопреки воле народа и в нарушение суверенных прав Учредительного собрания».⁴⁶

В 3 часа дня к министрам присоединился Терещенко. К 4-м часам дня все указы о новых назначениях были подписаны. На Кишкина возлагались «исключительные полномочия по водворению порядка в столице и защите Петрограда от всяких анархических выступлений, откуда бы они ни исходили, с подчинением ему военных и гражданских властей».⁴⁷ В помощники ему были даны Пальчинский (как помнит читатель, его прочил сюда Керенский еще с 17 октября) и Рутенберг, эсер, занимавший должность помощника главнокомандующего Петроградским военным округом по гражданской части.⁴⁸ Получив бумаги, все трое удалились в здание штаба округа. Немедленно был отдан приказ об отстранении полковника Полковникова от занимаемой им должности с назначением на его место генерала Багратуни. В знак протеста против этого подал в отставку генерал-квартирмейстер полковник Пораделов и часть других чинов штаба. Пальчинский стал действовать самостоятельно. Новым начальником обороны Зимнего вместо Раецкого был назначен полковник Ананьев, командир Школы прапорщиков инженерных войск. Была составлена диспозиция, и юнкера стали занимать позиции для глухой круговой обороны Зимнего дворца. Юнкера Школы прапорщиков соорудили импровизированные баррикады с пулеметными гнездами из поленицы дров, сложенной перед воротами Зимнего дворца. Но сил не хватало, продовольствие, следовавшее в Зимний, было перехвачено войсками ВРК, моральный дух юнкеров, казаков и «ударниц» падал с каждым часом. Но до 6 часов вечера вход на Дворцовую площадь со стороны набережной, Адмиралтейства и Невского проспекта был еще свободным, оцепление войск ВРК еще только начинало разворачиваться. Юнкерские

⁴⁶ Малянтович П. Н. Указ. соч., с. 118.

⁴⁷ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы, с. 404.

⁴⁸ П. М. Рутенберг получил известность еще в 1905—1906 гг., будучи приставленным к Г. Гапонову и казнившим его в Озерках в 1906 г.

посты стояли у Дворцового моста, перегораживали площадь от угла сквера Зимнего дворца до здания Главного штаба. Во дворец сумел пройти и даже дважды товарищ министра финансов Хрущов, а также заместитель председателя разогнанного Временного Совета республики, член ЦК кадетской партии Набоков. Придя в Малахитовый зал, он застал там следующую картину. «В зале находились все министры, за исключением Кишкина, — вспоминал Набоков. — Министры группировались кучками. Чрезвычайно взволнованным казался А. И. Коновалов. Одни ходили взад и вперед по зале, другие стояли у окна. С. Н. Третьяков сел рядом со мной на диване и стал с негодованием говорить, что Керенский их бросил и предал, что положение безнадежное. Другие говорили (помнится, Терещенко, бывший в повышено нервном, возбужденном состоянии), что стоит только „продержаться“ 48 часов, — и подоспеют идущие к Петербургу верные правительству войска...». Далее он указывает, что его присутствие оказалось совершенно бесполезным. «Помочь я ничем не мог, и когда выяснилось, что Временное правительство ничего не намерено предпринимать, а занимает выжидательно пассивную позицию, я предпочел удалиться (в начале седьмого часа)... Минут через 15—20 после моего ухода все выходы и ворота были заперты большевиками, уже никого больше не пропускавшими».⁴⁹ После 6 часов кольцо оцепления сомкнулось вокруг Зимнего. Трамвайное движение по Дворцовому мосту и площади прекратилось, а юнкерские караулы ушли с площади внутрь дворца.

В среде защитников Временного правительства усиливалось разложение: ушли и увезли с собой большинство пушек юнкера Михайловского артиллерийского училища, затем около 7 вечера юнкера-ораниенбаумцы. Вскоре войсками ВРК было занято здание штаба округа, а самому Временному правительству был вручен ультиматум о сдаче в течение 20 минут. Временное правительство отклонило ультиматум, но с этого времени уныние и обреченность овладели большинством министров. Так, А. М. Никитин писал: «Все наши просьбы, а затем самые резкие заявления другим организациям и партиям ни к чему не привели... Я все время просил и Г. И. Шрейдера и других организовать нам помощь, но оказалось, что у них нет сил и что они не считают возможным поддерживать Временное правительство, а лишь порядок в городе, для чего и был образован Комитет безопасности. Таким образом, около Временного правительства оказалась пустота, ибо от него отказались все партии, производным от которых Временное правительство было».⁵⁰

В 8 часов 15 минут Карташев и Вердеревский подняли вопрос о действительности в этих условиях полномочий Временного правительства: «Все от нас откололись. Не должны ли мы сдать

⁴⁹ Набоков В. Д. Указ. соч., с. 86.

⁵⁰ Никитин А. М. Указ. соч., с. 11.

власть?». ⁵¹ Но большинство опять не согласилось с этим. Юнкера роптали и требовали к себе министров, чтобы те разъяснили им, будет ли подмога и за что они сражаются. Министры взывали к их совести и чувству долга. Удалось уговорить часть юнкеров отправиться на освобождение штаба округа. Но как только отряд вышел из главных ворот Зимнего, он немедленно попал в плен к павловцам и был разоружен. До 10—12 тыс. солдат гвардейских полков, красногвардейцев и матросов были сосредоточены по краям Дворцовой площади, ожидая сигнала к штурму последней твердыни Временного правительства.

Около 9 часов 40 минут вечера раздался оглушительный сигнальный выстрел с Нарышкинского бастиона Петропавловской крепости, немедленно повторенный баковым орудием крейсера «Аврора», стоявшим у разводной части Николаевского моста. На Дворцовой площади началась ружейно-пулеметная перестрелка. Две оставшиеся у дворца пушки сделали несколько холостых залпов. Перестрелка, длившаяся около 10—15 минут, резко ухудшила и без того неважный моральный дух защитников Временного правительства. Около 10 часов полковник Анашев сообщил министрам, что казаки уходят. Затем ушла и полурота женского батальона. Чтобы попытаться поднять падающий дух войск, в 10 часов 15 минут вечера по предложению Терещенко правительство постановило присвоить частям, которые продержатся «до прихода подкреплений», наименование «войск национальной охраны Учредительного собрания». Однако все больше юнкеров обнаруживало желание прекратить борьбу. В Зимний дворец стали проникать отдельные группы солдат и матросов. Их разоружали, но количество этих «пленных» становилось угрожающим. Городская дума организовала делегацию для похода в Зимний дворец, но оцепление не пропустило ее дальше Екатерининского канала, и члены Петроградской думы вместе с представителями соглашательских партий вынуждены были вернуться обратно.

Тем временем в Смольном в 10 часов 45 минут начал свою работу II Всероссийский съезд Советов. Соглашатели попытались дать бой большевикам на самом съезде. Так, открывая его работу, меньшевик Ф. И. Дан заявил: «В этот момент, когда я, член президиума Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов, говорю перед вами, наши товарищи, заседающие в Зимнем дворце, находится под обстрелом». ⁵² Несмотря на постоянную обструкцию соглашателей, съезд приступил к выбору президиума и утверждению повестки дня. Однако Ю. О. Мартов внес предложение в первую очередь поставить в порядок дня вопрос о мирном разрешении создавшегося кризиса. Он предложил приостановить военные действия с обеих сторон. А. В. Луначарский от имени большевистской фракции заявил, что

⁵¹ Последние часы Временного правительства, с. 45.

⁵² Известия, 1917, 26 окт.

большевики ничего не имеют против обсуждения этого вопроса первым. Но деловое обсуждение было сорвано демаршами меньшевиков и эсеров. Я. А. Харраш от имени меньшевистской и эсеровской фракций заявил, что съезд заседает в тот момент, когда обстреливают Зимний дворец и находящиеся в нем представители социалистических партий. От имени фронтовой группы меньшевик Г. Д. Кучин протестовал против организованного большевиками восстания. Л. М. Хинчук от меньшевистской фракции внес резолюцию ЦК меньшевиков, которую мы приводили выше, и заявил, что фракция уходит со съезда. От фракции правых эсеров аналогичную декларацию зачитал М. Я. Гендельман. После этого меньшевики, правые эсеры и фронтовая группа покинули съезд и отправились в Петроградскую думу. Оставшийся на съезде Мартов от имени меньшевиков-интернационалистов внес резолюцию с призывом заключить соглашение между «восставшей частью демократии» и остальными демократическими организациями об образовании демократического правительства, которое было бы признано всей демократией и которому могло бы сдать власть Временное правительство безболезненно. Резолюция далее предлагала съезду издать постановление о необходимости мирного разрешения кризиса и ведения переговоров между «различными группами демократии». До выяснения результатов этих переговоров мартовцы предлагали приостановить работу съезда. После выступления Мартова большевики внесли свою резолюцию, осуждавшую деятельность соглашателей, потерпевшую крах, и их попытки сорвать съезд своим уходом. Резолюция приветствовала успешное восстание рабочих, солдат и крестьян и предлагала II Всероссийскому съезду Советов продолжить свою работу. Левые эсеры высказались против этой резолюции и за создание «единого революционного фронта». Они предложили устроить перерыв, чтобы в своей фракции обсудить вопрос о дальнейшем пребывании на съезде. Новожизненцы осудили действия меньшевиков и эсеров, но предложили резолюций против меньшевиков и эсеров не выносить, а просто «пройти мимо» их дезертирства. Затем съезд покинули представители меньшевиков-интернационалистов и еврейской правосоциалистической партии Поалей-цיוн. Около 2 часов ночи на съезде был объявлен перерыв для обсуждения резолюций по фракциям.

После 11 часов ночи Зимний дворец был подвергнут артиллерийскому обстрелу из двух шестидюймовых пушек батареи Нарышкинского бастиона и нескольких трехдюймовых пушек, выставленных впереди стен Петропавловской крепости на прищелке Невы, а также из двух трехдюймовых пушек Михайловского училища, задержанных красногвардейцами в 6 часов вечера около арки Главного штаба. Всего было сделано около 40 выстрелов, но во дворец попало два снаряда со стороны крепости и два — с площади. Особых разрушений зданию они не принесли, зато окончательно сломили дух защитников Временного правитель-

ства. Начались новые переговоры с представителями ВРК. Юнкера покинули позиции перед дворцом и ушли внутрь здания. После полуночи там оставалось всего около 500 юнкеров. Пальчинский сообщил правительству о резком сокращении сил. Тогда Коновалов позвонил в Петроградскую думу и попросил прислать немедленно отряд из 200—300 человек, «только это нас может спасти, иначе мы не продержимся».⁵³

Около часу ночи 26 октября комиссары ВРК В. А. Антонов-Овсеенко и Г. И. Чудновский повели красногвардейцев, солдат и матросов на штурм Зимнего дворца. Ворвавшись внутрь по бывшему собственному ее величества подъезду, комиссары убеждали встретивших их юнкеров в безнадежности сопротивления. После колебаний цепи юнкеров бросали оружие и сдавались. Но понадобился час, прежде чем удалось преодолеть три таких заслона в самом дворце и добраться до Малой столовой Николая II, где с 7 часов вечера заседали министры. Около 2 часов ночи все присутствовавшие министры и чиновники канцелярии правительства были арестованы, о чем и был составлен протокол. Затем они пешком были отведены в Петропавловскую крепость и разведены по камерам Трубецкого бастиона.

Весть об аресте Временного правительства быстро распространилась по ночному Петрограду. Она была с радостью встречена рабочими и солдатами.

Арест Временного правительства, наконец, разрядил обстановку и на съезде Советов. В 3 часа 10 минут ночи возобновилось его заседание, на котором с громадным воодушевлением было встречено сообщение о взятии Зимнего дворца. А. В. Луначарский огласил написанное В. И. Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!». В нем говорилось: «Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов открылся. На нем представлено громадное большинство Советов. На съезде присутствует и ряд делегатов от крестьянских Советов. Полномочия соглашательского ЦИК окончены. Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки. Временное правительство низложено. Большинство членов Временного правительства уже арестовано».⁵⁴ Далее в воззвании излагалась программа будущего Советского правительства: предложение немедленного мира, передача земли в распоряжение земельных комитетов, демократизация армии, рабочий контроль над производством, своевременный созыв Учредительного собрания, разрешение продовольственного кризиса, право наций на самоопределение.

⁵³ Приведено по: Ерыкалов Е. Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, с. 456.

⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 11.

«Съезд постановляет, — указывалось в этом ленинском документе, — вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок». Съезд обращался к армии с призывом «защитить революцию от всяких посягательств империализма, пока новое правительство не добьется заключения демократического мира...».⁵⁵ Воззвание заканчивалось призывами оказывать противодействие корниловцу Керенскому, останавливать железнодорожные эшелоны, идущие на Петроград.

⁵⁵ Там же, с. 11—12.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История двух последних месяцев существования Временного правительства в России показывает закономерность краха буржуазной власти и такую же закономерность перехода всей государственной власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, руководимых большевистской партией во главе с В. И. Лениным. Изучение внутренней и внешней политики правительства А. Ф. Керенского, неудачи керенщины, последовавшей за разгромом корниловщины, дают возможность глубже познать их закономерности и истоки. Режим, установившийся в стране в условиях послеиюльской реакции, был определен В. И. Лениным как бонапартистский.¹ «Перед нами налицо основной исторический принцип бонапартизма, — писал Ленин в конце июля о только что созданном втором коалиционном правительстве, — лавирование опирающейся на военщину (на худшие элементы войска) государственной власти между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравнивающими друг друга».²

Рассорившись с Корниловым и поддерживавшими его правыми силами с кадетской партией во главе, Керенский невольно ускорил проявления давно нараставшего нового революционного подъема. В результате разгрома корниловщины «уравнивание» противоборствующих классовых сил было нарушено, революционно-демократические силы, возглавленные пролетариатом, взяли верх. Открылась редкая в истории возможность: единым революционным фронтом, сложившимся в ходе разгрома корниловского мятежа, мирно устранить от власти находившееся в кризисе Временное правительство и передать власть в центре и на местах в руки Советов.³ Именно это составило суть компромисса, предложенного большевиками партиям меньшевиков и эсеров. Но они отказались от немедленной передачи власти Советам и от устранения правительства Керенского. Он получил еще один

¹ См.: Ленин В. И. 1) Начало бонапартизма. — Полн. собр. соч., т. 34, с. 48—52; 2) Уроки революции. — Там же, с. 53—69.

² Там же, с. 49.

³ См.: там же, с. 133—139, 200—201, 229—238.

шанс на продление жизни буржуазной власти в России, на возобновление уже дискредитировавшей себя в глазах народных масс коалиции мелкобуржуазных партий с буржуазией. В ходе создания третьего коалиционного правительства Керенский пытался освободиться от стеснительной опеки ЦИК Советов и вернуть себе послеиюльское положение. Но глубокое поражение, нанесенное народными массами правому контрреволюционному лагерю, имело своим последствием то, что поддержка правительства со стороны правых сил стала значительно слабее. Кадеты и другие представители российской крупной буржуазии стали меньше доверять Керенскому, лихорадочно искали ему замену, искали нового Корзилова. Но для новой реорганизации и консолидации правых сил требовалось время. История не дала его российской буржуазии.

Новое соотношение политических сил, сужение социальной базы Временного правительства, переход значительной части мелкобуржуазных масс на сторону пролетариата — все это препятствовало планам получения бонапартистом Керенским той полноты власти, которой он обладал после июльских событий, хотя в третьем коалиционном правительстве он был единственной видной фигурой. Он вынужден был считаться вначале с созывом Демократического совещания, а затем и «предпарламента» — Временного Совета Российской Республики. «Предпарламент» мыслился как действенный орган коалиции буржуазии и революционной демократии. В ее состав меньшевики и эсеры включили после разгрома корниловщины и большевиков, которых после июля они именовали «врагами народа». В этих условиях перед большевиками встала сложная задача оценки перспектив революции, правильного выбора ее главного направления: парламентских или внепарламентских действий. Ее блестяще выполнил вождь партии, Владимир Ильич Ленин. В середине сентября он сделал вывод об окончательном разрыве большевиков с соглашательскими партиями меньшевиков и эсеров и о необходимости подготовить и провести вооруженное восстание, чтобы взять власть в свои руки — в руки рабочих, солдат и крестьян. Центральный Комитет РСДРП(б) в ходе борьбы с конституционными иллюзиями, защищавшимися Каменевым, Зиновьевым и Троцким, сплотился на ленинской платформе. 7 октября, в день открытия «предпарламента», большевики вышли из его состава и тем самым открыто перешли на позицию внепарламентской оппозиции, демонстративно противопоставили себя не только буржуазии, но и соглашательским вождям ЦИК и ИК Всероссийского Совета крестьянских депутатов. За этими лидерами шли теперь только верхушечные организации Советов и армейских комитетов. Большинство местных Советов во главе со столичными уже перешло на сторону большевистской партии. Эсеры и меньшевики попали в положение генералов без армий.

В этих условиях политическая борьба в «предпарламенте»

отошла на второй план, а на первый вышла быстро нарастающая конфронтация между большевистской партией, шедшей во главе масс, прежде всего столичных, петроградских и московских, и Временным правительством Керенского, последним организованным препятствием на пути к взятию власти Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. И все же для исследования политического кризиса в России в сентябре—октябре 1917 г. изучение политических дебатов во Временном Совете Российской республики необходимо. Борьба, развернувшаяся вокруг вопросов обороны и внешней политики, продемонстрировала растущую изоляцию Временного правительства Керенского в стране. С требованиями к правительству выступали не только правые силы, устами Струве открыто реабилитировавшие мятежника Корнилова, но и лидеры ЦИК, стремившиеся сохранить остатки своего влияния на массы. Последняя неделя существования правительства Керенского характерна поэтому быстро назревшим и фактически уже разразившимся новым, четвертым, кризисом власти.

Фактами этого кризиса были и попытки Верховского заставить правительство объявить союзникам, что Россия воевать больше не может, и сосредоточиться на удержании власти в руках буржуазии и борьбе с большевизмом и «анархией»; и попытки части западных представителей заставить Керенского перехватить у большевиков лозунг передачи земли крестьянам, а власти — Советам. Они требовали от Керенского встать самому во главе ЦИК и объявить о немедленной земельной реформе, чтобы удержать Россию в войне на стороне Антанты. Наконец, фактами кризиса были попытки лидеров ЦИК добиться отставки Терещенко, а может быть, и Керенского, немедленно издать декреты в пользу заключения мира и передачи земли крестьянам, чтобы перерезать дорогу большевикам и не допустить их к власти. Данная тенденция вела в качестве одного из вариантов к лозунгу создания однородного социалистического правительства с участием большевиков, но лишь с тем, чтобы большевики были там в явном меньшинстве. Все эти факты вылились в фактический и формальный вотум недоверия Временному правительству, принятый поздно вечером 24 октября Временным Советом Российской республики.

Он явно запоздал. Политическая борьба последней недели существования Временного правительства, охватывавшая буржуазный и мелкобуржуазный лагери, шла на фоне долгой и упорной борьбы пародных масс, возглавляемых большевиками. Политическое давление на большевиков (в том числе и со стороны Троцкого, Каменева и Зиновьева) в целом не оказывало значительного влияния ни на партийные организации, ни на исход исторического поединка буржуазии и народных масс, которые с нетерпением ждали своего часа. Однако политическая инициатива Временного правительства в области разрешения тех вопросов, которые особенно волновали массы: вопросов войны и мира, могла внести известное замешательство в ряды мелкобуржуазных союзников

революционного пролетариата. Этого-то и добивались лидеры ЦИК, отдельные представители союзников.

Керенский не пошел на эти шаги. Дело тут не в ошибках самого незадачливого премьера или всего Временного правительства. Всякий действительный шаг в пользу мира или передачи земли крестьянам обрекал буржуазную власть в России на быстрое падение. К пониманию этого факта добавлялось у Керенского и фаталистическое нежелание расстаться с личной властью. Падение Временного правительства было закономерным и поэтому. В напряженнейшей обстановке октября 1917 г. в России не было альтернативы власти Советам и большевикам. Враги народных масс были разобщены и заняты взаимными обвинениями и борьбой. Правая контрреволюция никак не могла еще создать чисто буржуазную власть: для этого нужно было сначала уничтожить Советы и разбить большевиков. Не могло быть создано и однородное социалистическое правительство («от народных социалистов до большевиков»): для этого нужно было сначала свергнуть Керенского. Лишь большевистская партия представляла собой сплоченную и организованную политическую силу, сильную доверием масс и Советов. Опираясь на них, большевики успешно организовали и провели Октябрьское вооруженное восстание и передали власть Советам.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамович Р. А. 228
 Авинов Н. Н. 118, 251
 Авксентьев Н. Д. 9, 38, 47, 48, 52, 53, 60, 64, 65, 82, 88, 90, 94, 95, 100, 137, 245, 251
 Аджемов М. С. 95, 96, 100, 101, 118, 194, 195, 206
 Аксельрод Л. И. 240
 Аладьин А. Ф. 11, 17, 27
 Александра Феодоровна 35
 Алексеев М. В. 31, 33—35, 42, 43, 45—49, 56—58, 60—62, 76, 77, 79, 149, 150, 153, 166, 217, 218, 251, 252
 Алексей Николаевич, насл., цес. 98
 Ананьев 256, 258
 Ашикеев А. И. 26, 27, 222
 Антонов-Овсеенко В. А. 227, 260
 Архангельский 53
 Астрахан Х. М. 7
 Астров И. С. 180
- Багратион Д. П. 27, 37, 47
 Багратуни Я. Г. 223, 224, 235, 248, 250, 252, 253, 256
 Базаров В. 182, 188, 189
 Балавинский С. А. 13, 14
 Балуев П. С. 27, 29, 36, 39, 40
 Барановский В. Л. 21, 25, 57, 64
 Бахматов Б. А. 115
 Беркенгейм А. М. 95, 100
 Бернар Сара 145, 146
 Бернацкий М. В. 52, 65, 95, 104, 114, 115, 249
 Богданов Б. О. 53, 54, 59, 70, 108, 207, 226
- Бокий Г. И. 140
 Болдырев В. Г. 80
 Бондаревская Т. П. 207
 Бонч-Бруевич В. Д. 246
 Бонч-Бруевич М. Д. 40
 Борецкий-Бергфильд Н. 123
 Брешко-Брешковская Е. К. 137, 183
 Бржосск 228
 Бройдо М. И. 180
 Брусилов А. А. 153, 217
 Буланов 155
 Бурцев В. Л. 216, 217
 Бурьшкин А. В. 52, 58, 89, 90, 91
 Бьюкенеп Джордж 35, 116, 203, 226, 233, 243
 Бьюкенен Мириэль 226
- Вайпштейн С. М. 25
 Ванновский 80
 Васильев 178
 Васильковский О. П. 25, 28
 Васюков В. С. 4
 Великанова А. Я. 207
 Вердеревский Д. Н. 49, 52, 60, 65, 78, 95, 131, 146, 148, 151, 153, 160, 169, 170, 172, 186, 198, 216, 249, 250, 252, 257
 Верховский А. И. 29, 36, 49, 52, 56, 60, 64, 65, 76—79, 81, 88, 95, 117, 131, 146—148, 151—153, 160, 186, 187, 190, 191, 194—197, 200, 204, 207—220, 230, 231, 242—244
 Вильгельм II 20, 23, 132, 204
 Винавер М. М. 195, 207, 215
 Виноградский Н. Н. 90

- Вихляев П. А. 64, 65
 Вишняк М. В. 137
 Владимиров М. К. 180
 Войков В. Н. 217
 Войтинский В. С. 223, 224
 Волобуев П. В. 4, 183
 Володарский В. 44, 247
 Володченко 80
 Вырубов В. В. 13, 14, 31, 32, 64, 127
- Гагарин А. В. 37
 Ганелин Р. Ш. 127, 172, 190, 196, 197, 207, 233, 249
 Гапон Г. А. 256
 Гвоздев К. А. 95, 98, 104, 107, 114, 115, 118, 128, 185, 199, 239, 256
 Гендельман М. Я. 246, 259
 Гинденбург, Пауль фон 88
 Головин Ф. А. 12, 32, 34
 Горький А. М. 204
 Гоц А. Р. 58, 94—96, 99, 150, 193, 226, 240, 245, 246
 Греков А. 26
 Грунт А. Я. 3
 Гучков А. И. 54, 98, 150, 160, 169, 170, 174, 190, 230, 231
- Дан Ф. И. 9, 25, 108, 166, 192, 193, 195, 196, 205—207, 215, 239, 245, 246, 258
 Данилевич 81
 Данилевич 47
 Данилов Ю. Н. 80
 Дантон Жорж-Жак 141, 189
 Демьянов Л. А. 65, 95
 Деникин А. И. 27, 36, 39, 47, 80, 217
 Джексон 207
 Дживилегов 205
 Дитерихс М. К. 51, 80, 81, 127
 Дмитриевский С. 69, 153, 167, 224
 Дмитренко 207
 Домашянц 234
 Дутов А. И. 27
 Духовин Н. Н. 76, 81, 127, 191
 Душечкин 95, 100
- Ерыкалов Е. Ф. 3, 5, 71, 238, 260
 Ефремов И. Н. 52, 65, 105
- Жданов 156
- Завойко В. С. 17, 18, 27
 Зарудный А. С. 14, 15, 16, 64, 90
 Зельгейм В. Н. 65
 Зензинов В. М. 58
 Зиновьев Г. Е. 43, 74, 84, 89, 160, 167—169, 183, 189, 190, 205, 244, 263, 264
 Знаменский О. Н. 3
 Знаменский С. Ф. 217, 218
 Зуев 156
- Иванов Н. Я. 3, 4, 5, 7, 57, 71, 221
 Игнатьев А. В. 4, 173, 190, 191
 Иков 213
- Какурин Н. 154
 Каледин А. М. 8, 9, 27, 37, 46, 55, 65, 80
 Каменев Л. Б. 53, 70, 80, 84, 86, 91, 109, 133, 160, 167, 168, 169, 183, 187, 189, 190, 205, 234, 263, 264
 Камков Б. Д. 239
 Капустин М. И. 7
 Караулов М. А. 26, 27
 Карелин В. А. 228
 Карташев А. В. 32, 52, 53, 65, 95, 134, 195, 256, 257
 Келчевский 80
 Керенский А. Ф. 4—41, 43—45, 47—70, 72, 73, 75, 76, 79—82, 84—104, 107, 109—113, 115—117, 121, 122, 125—127, 129, 131—146, 149—151, 153, 160—163, 165, 166, 168, 177—179, 181, 185—187, 191, 194—197, 200, 205—207, 210, 212, 216, 217, 219, 223, 224, 226, 227, 232—237, 242—245, 247—251, 253—257, 260—265
 Киреевский И. В. 199
 Кисляков В. Н. 24, 28, 39
 Кышшин Н. М. 24, 29, 34, 47, 48, 49, 52, 53, 89—91, 95, 100, 104, 111, 115, 129, 132, 134, 141, 162, 165, 184, 185, 195, 229, 232, 248—250, 252, 253, 256, 257

- Клейнмихель 179
Клембовский В. Н. 19, 31, 36, 39, 80
Кливанский 139
Козьмин А. И. 25, 203
Койчев 158
Кокоткин Ф. Ф. 15, 16, 32, 34, 35, 64, 194
Колгаев А. Л. 246
Коллонтай А. М. 185
Коломников 176
Коновалов А. И. 53, 58, 90, 91, 95, 96, 104, 105, 117, 118, 125—127, 129, 134, 136, 191, 194, 195, 198, 222, 223, 226, 231, 232, 235, 237, 247—250, 252, 253, 260
Коршилов Л. Г. 4, 6—53, 56—58, 60—63, 65, 66, 71—80, 82, 87, 88, 95, 103—105, 125, 126, 142—145, 148, 153, 156, 165, 166, 170, 201, 205, 214, 216, 217, 229, 230, 240, 261, 262, 263
Коротков 56
Кристи 154
Крохмаль В. Н. 137
Крымов А. М. 29, 37, 40, 45, 46, 47, 51, 52, 64, 80, 86
Кузьмина Т. Ф. 8
Кульман 207, 213
Курилко 179
Кускова Е. Д. 207, 214
Кучин Г. Д. 259
Кюльман 174
- Лазимир П. Е. 180
Лансинг Р. 171
Лапинский 205
Латынский 53
Лапкевич 179
Ленин В. И. 4, 5, 6, 7, 9, 43, 44, 71, 72, 73, 74, 75, 83, 84, 85, 86, 89, 91, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 117, 124, 126, 133, 135, 140, 141, 151, 152, 154, 167, 168, 169, 172, 188, 189, 190, 199, 202, 203, 205, 207, 211, 220, 221, 223, 236, 244, 245, 246, 250, 251, 253, 254, 260, 261, 262
Леонтьев А. 123
Леп 156
- Либер М. И. 9, 59, 70, 89, 241, 246
Ливеровский А. В. 24, 52, 64, 65, 67, 104, 114, 249, 252
Ломновский 80
Лукирский С. Г. 156
Лукомский А. С. 10, 16—18, 20, 21, 27, 39, 47, 52, 56, 57
Луначарский А. В. 26, 258, 260
Львов В. Н. 10—14, 17, 19—23, 27, 32, 40, 142
Львов Г. Е. 11, 231
Львов Н. Н. 22
Любович А. М. 238
- Макаревич 156
Маклаков В. А. 22, 23, 31, 127, 194
Малевский 207, 214
Малютин Б. 195, 216
Малянтович П. Н. 90, 95, 99, 104, 115, 134, 186, 205, 233, 249, 250, 255, 256
Маниковский А. А. 216, 227, 253
Мануильский Д. З. 254
Марков С. А. 39
Маркс Карл 141, 188, 189
Мартов Ю. О. 25, 60, 70, 149, 150, 166, 207, 213, 214, 216, 228, 231, 240, 246, 247, 258, 259
Мартынов Е. И. 7, 13, 16, 17, 18, 36, 40, 41, 51, 52
Мартынов 213
Марушевский 200
Маслов С. Л. 128, 249, 250, 256
Метельков П. Ф. 114
Милюков П. Н. 8, 12, 22, 29, 32—35, 43, 52, 57, 94, 117, 173, 174, 194, 195, 199, 206, 207, 213, 215, 218, 227, 228, 231, 241, 251
Милютин В. П. 44
Миц И. И. 3, 4, 5, 71
Моисеенко С. 158
Морозов Н. А. 166
Мякотин В. А. 167
- Набоков В. Д. 95, 96, 98, 101, 102, 137, 159, 160, 193—195, 249, 251, 256, 257

Некрасов Н. В. 13, 16, 19, 23, 24,
32, 34, 35, 47, 49, 53, 62, 64, 193

Неслуховский К. Ф. 207

Никитин А. М. 60, 65, 94, 114, 127,
128, 129, 131, 178, 184, 186, 193,
236, 249, 250, 257

Николай II 45, 98, 135, 260

Ниссель 207

Нокс А. 207

Польде Б. Э. 194

Нотбек, фон 80

Огурцовский Е. И. 180

Озюбишин Д. В. 5

Ольденбург С. Ф. 32, 64

Пальчинский П. И. 45, 63, 66, 132,
186, 253, 256, 260

Пестковский С. С. 238

Петряев А. М. 127

Пешехонов А. В. 64, 90, 137, 167, 228

Плеханов Г. В. 125, 166

Плющик-Плющевский 56

Полковников Г. П. 66, 76, 77, 163,
164, 182, 184—186, 195, 201, 221,
222, 223, 233, 249, 250, 256

Половцов П. А. 51

Потресов А. Н. 124, 125, 228

Пржевальский 36

Прокопович С. Н. 34, 52, 65, 89, 94,
114, 115, 128, 176, 177, 181, 186,
190, 201

Промтов 80

Пронин 56

Пушкарева И. М. 114

Радко-Дмитриев Р. Д. 217

Раецкий 253, 256

Рахья И. А. 140

Рахья Э. А. 245

Решник 196

Релин И. Е. 135

Рихтер В. Н. 25

Робинс Раймонд 196, 197, 207, 242

Родзянко М. В. 22, 132, 165, 194, 244

Розенблюм 207, 213

Романовский И. П. 10, 21, 37, 56

Рубинштейн Н. Л. 4

Руднев В. В. 95, 100

Рузский Н. В. 166, 217

Рутенберг П. М. 256

Рябинский К. 187

Рябцев К. И. 186

Рязанов Д. Б. 59, 166, 226

Саввин Н. П. 65, 104, 118, 194, 249

Савинков Б. В. 8, 10, 11, 13, 14, 17—
25, 31, 32, 41, 45, 61, 63, 80, 153, 166

Савицкий 157

Савич Н. В. 169, 207

Садовский А. Д. 139

Салазкин С. С. 65, 95, 99

Салтыков С. Н. 65, 93, 129, 134

Самарин 47, 64

Сахаров 56

Свердлов Я. М. 223

Селивачев 80

Семенникова Л. И. 71

Сизиков 213

Синегуб А. П. 255

Скалов С. И. 168

Скобелев М. И. 9, 24, 47, 48, 59, 60,
64, 90, 127, 139, 142, 151, 171, 173,
175, 181, 191—193, 195—197, 199,
200, 203, 207, 212—215, 217, 218,
228, 231

Скрыпник Н. А. 168

Славин Н. Ф. 5

Смилга И. Т. 6, 11, 126, 141

Смирнов С. А. 91, 95, 104, 249

Смирный А. 123, 167, 224

Соболев Г. Л. 7

Совокин А. М. 3, 71

Соколов К. Н. 86, 228, 230

Сокольников Г. Я. 25

Сорокин П. А. 228

Соскин Д. В. 207

Сталин И. В. 74, 168

Станкевич В. -Б. 252, 253, 255, 256

Стануц 252

Старцев В. И. 3, 73, 107, 109, 188,
249, 250, 255

Стахович М. А. 64, 194

Стебницкий 129

Стеклов Ю. М. 53

Стельницкий 80

- Степанов С. Ф. 168
Струве П. Б. 194, 205, 206, 207, 214, 263
Суворин М. А. 166
Сум Н. 167
Суслова Ф. М. 207
Суханов И. Н. 70, 151
- Тешлов В. 55
Терещенко М. И. 24, 31, 32, 35, 47, 49, 52, 53, 60, 62, 65, 67, 91—96, 104, 114—117, 126, 127, 131, 134, 151, 161, 170—176, 181, 190—200, 203, 206, 207, 212—216, 218, 219, 226—229, 233, 247, 256, 257, 263
Токаров Ю. С. 7, 25, 38
Томсон У. Б. 196, 197, 206, 207, 242
Третьяков С. Н. 90, 91, 95—98, 104, 118, 134, 185, 195, 226, 229, 249, 250, 257
Троцкий Л. Д. 84, 86, 108, 109, 137, 190, 227, 234, 239, 243, 246, 263, 264
Трубецкой Г. Н. 194
Тургенев И. С. 145
- Украинцев Н. П. 142
Уфимский Андрей, епископ 166
- Фигнер В. Н. 241
Филопенко М. М. 8, 14, 17, 18, 20, 21, 64
Флаксерман Г. К. 151
Френсис Д. 127, 171, 172, 233
Фролов 235
- Харраш Я. А. 259
Хивчук Л. М. 259
Хрущов А. Г. 257
- Церетели И. Г. 9, 24, 26, 48, 54, 60, 62, 70, 89, 90, 94—97, 98, 100—102, 104, 110, 129, 239
- Чайковский Н. В. 166, 198, 241
Чафранов 137
Черемисов В. А. 76, 80, 161, 168, 177, 194, 200, 202, 223, 227
Чернов В. М. 9, 15, 26, 47, 49, 59, 64, 69, 75, 82, 89, 90, 110, 120—123, 137, 205, 206, 218, 219, 224, 225
Члгоздзе 70
Чудновский Г. И. 260
Чхидзе Н. С. 75, 88, 94, 95, 96, 101, 192, 239
- Шабловский И. С. 51, 57, 76
Шер В. В. 81
Шингарев А. И. 194, 195
Шихлинский, Али Ага 80
Шрейдер Г. И. 95, 254, 257
Штюмер Б. В. 217
Шульгин В. В. 135
- Щербачев Д. Г. 36, 39, 40
- Эльснер Е. Ф. 55
Эрдели И. Г. 39, 80
- Юренев К. К. 139
Юренев П. П. 24, 32, 64, 139
Юрковский Н. К. 249
- Якубович Г. А. 51, 67
Янушкевич Н. О. 228, 231

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
I. Третий кризис власти 1917 года	10
Разгром корниловщины и развал коалиции	10
Демократическое совещание	61
Программа последнего правительства Керенского	94
II. Свержение Временного правительства	139
По разные стороны баррикад: правительство, «предпарламент» и большевики	139
Мобилизация контрреволюционных сил в ожидании «выступле- ния» большевиков	169
Отставка Верховского	204
Бегство Керенского и арест Временного правительства	232
Заключение	262
Указатель имен	266

В. И. Старцев
КРАХ КЕРЕНЩИНЫ

Утверждено к печати
ЛО Института истории СССР АН СССР

Редактор издательства А. Ф. Варустина
Художник М. И. Разулевич
Технический редактор Г. А. Смирнова
Корректоры Н. З. Петрова и Л. А. Привалова

ИБ № 20474

Сдано в набор 5.05.82. Подписано к печати 14.09.82.
М-13456. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гар-
нитурa обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 17.
Усл. печ. л. 17. Усл. кр.-отт. 17. Уч.-изд. л. 18,95.
Тираж 11500. Изд. № 8030. Тип. зак. 1410. Цена 1 р. 40 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12